

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Алтайского края
Совет по вопросам реализации государственной национальной политики при
Правительстве Алтайского края
Алтайский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края»
Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию
интеграции народов и культур в Алтайском крае
Алтайская краевая общественная организация психолого-социального
сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

X Международной конференции

2022

ББК 60.542.15-26

М 695

Редакционная коллегия:

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

М 695 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. – Вып. 11. Том 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та., 2022. – 402 с.

ISSN 2410-1583

В издание включены материалы X Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве», прошедшей 8 и 11 июня 2022 года в Алтайском государственном университете при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Правительства Алтайского края, Совета по вопросам реализации государственной национальной политики при Правительстве Алтайского края. Юбилейная конференция прошла под знаком объявленного в 2022 году Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. В представленных докладах обсуждаются теоретические и практические аспекты межэтнических отношений, адаптации и интеграции мигрантов в поликультурные социумы, этнокультурного развития этносов на разных этапах развития. Особое внимание уделяется вопросам гражданского единства, консолидации общества, взаимоуважения и поддержки всех народов, проживающих в России и сопредельных странах.

Сборник предназначен для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

ББК 60.542.15-26

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае».

ISSN 2410-1583

- © Правительство Алтайского края, 2022
- © Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края», 2022
- © АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2022
- © Алтайский государственный университет, 2022
- © Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Алыкулова Г. К., Бишкек (Кыргызстан) СОДРУЖЕСТВО ЭТНОКУЛЬТУР – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИХ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	8
Андреева М. А., Воронеж (Россия) ПОИСКИ СОБСТВЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫМИ ЖУРНАЛИСТАМИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ СТУДЕНТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ).....	15
Андриянова Т. В., Курск (Россия), Быканова Я. П., Москва (Россия) СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АУДИТОРИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	22
Андриянова Т. В., Курск (Россия) СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ	29
Апсаматова Э. Дж., Бишкек (Кыргызстан) ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ПОИСКЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ.....	35
Аубакирова Х. А., Джумагалиева К. В., Нур-Султан (Казахстан).РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЭКОНОМИКЕ КАЗАЧЕСТВА КАЗАХСТАНА В XIX ВЕКЕ	40
Белякова Ю. И., Барнаул (Россия).ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТАННИКОВ ЦЕНТРОВ ПОМОЩИ ДЕТЯМ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	46
Бобунова М. А., Курск (Россия) НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В КУРСКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ	49
Борисова О. В., Барнаул (Россия)ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ	55
Васильева Е. В., Сиротина Т. В., Карпова Д. Н., Барнаул (Россия).ПРОГРАММА «ШКОЛА ДОБРЫХ МАМ И ПАП» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА.....	59
Гончарова Н. С., Барнаул (Россия) АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ХАКАСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970 - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИН ПЯТИДЕСЯТНИКОВ).....	63
Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С., Барнаул (Россия) НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.....	69
Джумагалиева К. В., Нур-Султан (Казахстан) МИГРАЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	75
Замятина О. Н., Кода Е. А., Барнаул (Россия) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ.....	81

Зиберт Н. П., Барнаул (Россия) ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)	85
Зиберт Н. П., Барнаул (Россия) К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-Е ГГ.	91
Злобина Ю. И., Чжао Кайсинь, Барнаул (Россия) ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	95
Иванова А. Ю., Барнаул (Россия) СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ШКОЛА ДОБРЫХ МАМ И ПАП»).....	102
Ивойлова Л. В., Дедюшина Е. В., Барнаул (Россия) ФОРМЫ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРЕСА К ТРАДИЦИЯМ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА РЕГИОНА.....	105
Идинов К. И., Айдаркул К., Бишкек (Кыргызстан) ИСТОРИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КЫРГЫЗСТАНА И АЛТАЯ	109
Каланчина И. Н., Барнаул (Россия) ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	114
Калиев А. С., Жалал-Абад (Кыргызстан) СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	121
Каплун О. Ю., Владивосток (Россия), Кури Х., Фрайбург (Германия), Шао Юйпэй, Шанхай (Китай) БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ СЕМЬИ ПРЕСТУПНИКА	126
Кашаева М. В., Барнаул (Россия) ПРАКТИКИ ВРАЧЕВАНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ	133
Котенок Е. Г., Барнаул (Россия) ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ О ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ	140
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Алматы (Казахстан) СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	143
Лазариди М. И., Бишкек (Кыргызстан) ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПОЛЕЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: ФРАГМЕНТ НОМИНАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ (НФП) 'ГРУСТЬ': 'БЕДА-ГРУСТЬ'.....	151

Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С., Казань (Россия) ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ	157
Максимова С. Г., Великжанина К. А., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Барнаул (Россия) МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗЕРКАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ ПАНДЕМИЕЙ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ	161
Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Гришанова М., Барнаул (Россия) ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК)	169
Монгуш А. М., Кызыл (Россия) ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТУВИНЦЕВ.....	177
Мурашева С. В., Орел (Россия) ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ МОЛОДЕЖИ НА ПРОБЛЕМУ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	182
Назаров И. И., Барнаул (Россия) АЛТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»	188
Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Барнаул (Россия) РОССИЯ В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ – ПОИСК СОЛИДАРНЫХ ПРОГНОЗНЫХ ОЦЕНОК ИЛИ ПОИСК ИДЕАЛА?	192
Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Суртаева О. В., Барнаул (Россия) ОЦЕНКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	201
Ожиганов А. Н., Барнаул (Россия) К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.....	2010
Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Барнаул (Россия) ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЯН В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ	215
Пустовалова Е. В., Барнаул (Россия) ЭТНОИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА	223
Румянцева Е. Е., Москва (Россия) ОБ УНИФИКАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОВЕДЕНИЮ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	228
Салахутдинов А. А., Чепарева И. В., Санкт-Петербург (Россия) ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ)	233

Сарыглар С. А., Щеглова Д. К., Барнаул (Россия) МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	241
Сидорова Т. А., Томск (Россия) САМОДИЙСКО-ТЮРКСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНЕ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ	245
Спирина А. С., Барнаул (Россия) СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА УРОВНЯ БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ (на англ. яз.).....	251
Спирина А. С., Барнаул (Россия) ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ) (на англ. яз.).....	259
Сулайманова Г. Ж., Ош (Кыргызстан) РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТЫ В ЧТЕНИИ И ПОНИМАНИИ ТЕКСТА.....	266
Суртаева О. В., Максимов М. Б., Барнаул (Россия) ЛОКУС КОНТРОЛЯ КАК КОМПОНЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (англ. яз.)	275
Сыдыкова Г. М., Бишкек (Кыргызстан) ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У КЫРГЫЗСКИХ ШКОЛЬНИКОВ	283
Табакowa З. П., Горбатова Е. А, Ротар Е. В., Петропавловск (Казахстан) ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУР И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	288
Титова М. В., Барнаул (Россия) ПОДГОТОВКА К УЧАСТИЮ В МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ	294
Ульмасов Р. У., Душанбе (Таджикистан) МИГРАЦИЯ – МОСТ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУ СТРАНАМИ СНГ	298
Урбановская А. И., Бийск (Россия) ТЕХНОЛОГИЯ «РАВНЫЙ-РАВНОМУ» В РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ИЗ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, В Г. БИЙСКЕ	307
Фролова В. С., Барнаул (Россия) ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ	311
Халина Н. В., Чуканова Т. В., Бакланова В. В., Барнаул (Россия) SMART-ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ПРЕДИКТОР ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ.....	315
Харитонов А. М., Владивосток (Россия) К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКАНДИНАВСКОГО ЭПОСА «ЭДДА»	321
Черепанова М. И., Максимова С. Г., Сарыглар С. А., Барнаул (Россия) ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (на англ. яз.)	328

Черепанова М. И., Сарыглар С. А., Щеглова Д. К., Барнаул (Россия). СПЕЦИФИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	339
Шахова Е. В., Барнаул (Россия). ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ	343
Шершнева Е. А., Барнаул (Россия). ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ МУСУЛЬМАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	348
Широкова Т. К., Москва (Россия). НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	354
Щеглова Д. К., Шахова Е. В., Борисова О. В., Барнаул (Россия). СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (на англ. яз.)	359
Эралиева Ы. С., Бишкек (Кыргызстан). ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ КАК МЕТОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	370
Эралиева Ы. С., Бишкек (Кыргызстан). ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ «МОИ СТРАННЫЕ МЫСЛИ» ОРХАНА ПАМУКА	376
Явнова Л. А., Стрелец О. Б., Бийск (Россия). ТАТАРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА Г. БИЙСКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	383
Ярков А. П., Тюмень (Россия). ПРОТЕСТАНТСКАЯ КОМПОНЕНТА СИБИРСКОГО СОЦИУМА XVIII ВЕКА	389
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	397

СОДРУЖЕСТВО ЭТНОКУЛЬТУР – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИХ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Алыкулова Г. К., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. Важным направлением развития человеческого социума в современном мире является глобализация. Ее действие распространяется на все сферы жизнедеятельности общества: экономику, политику, образование. Огромное влияние глобализация оказывает на культурное развитие народов. С одной стороны, глобализация способствует тесному сближению национальных культур, их интеграции, с другой стороны, происходит нивелирование многих этнокультур, исчезновение национальных этнических особенностей. Цель данной статьи – рассмотреть роль и значение культурных взаимосвязей в современном мире, необходимость сохранения этнокультур в евразийском пространстве в условиях глобализации. Примером толерантного отношения к культурам этнических меньшинств является Кыргызская Республика, где проживают представители более 80 наций. Важным культурным интеграционным условием на пространстве СНГ является общность истории, длительное совместное проживание народов в составе СССР.

Ключевые слова: глобализация, культура, этнокультуры, интеграция этнокультур, сохранение этнокультур в условиях глобализации

COMMONWEALTH OF ETHNOCULTURES IS AN IMPORTANT FACTOR OF THEIR PRESERVATION AND DEVELOPMENT

Alykulova G. K., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. An important direction in the development of human society in the modern world is globalization. Its influence extends to all spheres of society: economy, politics, and education. Globalization has a huge impact on the cultural development of peoples. On the one hand, globalization contributes to the close convergence of national cultures, their integration, on the other hand, there is a leveling of many ethnic cultures, the disappearance of national ethnic characteristics. The purpose of this article is to consider the role and significance of cultural relationships in the modern world, the need to preserve ethnic cultures in the Eurasian space in the context of globalization. An example of a tolerant attitude towards cultures of ethnic minorities is the Kyrgyz Republic, where representatives of more than 80 nations live. An important cultural integration condition in the CIS space is a common history, long-term coexistence of peoples within the USSR.

Keywords: globalization, culture, ethnic cultures, integration of ethnic cultures, preservation of ethnic cultures in the context of globalization

В условиях глобализации социальные процессы становятся все более взаимозависимыми и универсальными. «Происходит сжатие пространства, время спрессовывается, географические и межгосударственные границы становятся все более прозрачными и легко преодолимыми» [2, с. 4–5].

С одной стороны, глобализация ведет к сближению народов и интеграции культур, с другой стороны – порождает угрозу ассимиляции и потери национальных особенностей. Глобализация стремится во всем мире нивелировать и упразднить индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия.

Поэтому проблема сохранения этнокультур в условиях глобальной интеграции приобретает все большую актуальность и значимость.

Цель данной статьи – рассмотреть роль и значение культурных взаимосвязей в современном мире, необходимость сохранения этнокультур в евразийском пространстве в условиях глобализации.

Однако, ломая своеобразные духовные устои жизни и культуры каждого отдельного народа, глобализация не может заменить их никакими другими духовными устоями и насаждает только материально-утилитарные и рационалистические ценности. Через западную «массовую культуру», как часть «мягкой мощи» США, неолиберализм, культура неограниченного индивидуализма насаждается в странах мира.

По словам В. Г. Федотовой, «в этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятыми из рекламного и имиджного дизайна мультинациональных концернов» [5, с. 88].

Культура в широком смысле, как известно, представляет собой совокупность главных черт народа и охватывает всю систему ценностей и свобод человека. Наряду с определяющей социальной ролью, культура напрямую связана с вопросами поддержания согласия и стабильности в обществе.

К сожалению, нередко случаи пренебрежения национальной культурной идентичностью стран, что, естественно, ущемляет их культурный, а, как следствие, и национальный суверенитет. Растет противодействие, возникают конфликты, получают распространение идеи фундаментализма и шовинизма.

В мире, по выражению известного политолога и журналиста С. Хантингтона, происходит «схватка», «столкновение культур».

Развитие человеческого потенциала, общества вообще возможно только тогда, когда оно сознательно основано на национальной

культурной традиции и быте. Культурная традиция конкретного социума становится как целью, так и фактором развития этого потенциала, общества в целом.

Утрата собственных духовных основ культурной традиции, системы национальных ценностей означает одно – растворение и ассимиляцию в другой, чуждой культуре, что повлечет изменение, а, впоследствии, и смену идентичности народа.

Культура не есть некая производная, она является детерминирующим основанием стратегии развития общества в целом. Она задает рамки стратегии развития общества, определяет горизонт развития личности. Поэтому вопрос о сохранении культурного наследия, высокой культуры – это такие вопросы, которые сегодня необходимо учитывать.

Следует отметить, что важным фактором развития человека постсоветского пространства является родство культуры и национальная близость населения этого пространства. И сегодня «Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить» [4].

Распад в 1991 году союзной государственности негативно отразился на этнокультурном симбиозе наших народов. Общее пространство исторического бытия разных этносов было разорвано границами, разделено различными правовыми системами и политическими установлениями.

Однако потребность народов во взаимообогащении культур, взаимопонимании, стремление узнать духовный мир друг друга объективно ведут к расширению связей и контактов, чему способствует культурное сотрудничество, интеграция культур.

Проблема сохранения национальной культуры особенно остро стоит в полинациональных регионах, где жизнь различных этнических групп бок о бок друг с другом десятилетиями привела, с одной стороны, к сближению и ассимиляции культур, а с другой – к стремлению сохранить свою национальную и культурную самобытность.

Расскажу немного о кыргызской культуре.

Кыргызстан – это колыбель мировой цивилизации, где скрещивались традиции Востока и Запада, богатая культура, высокое наследие науки и литературы. Кыргызстан своим географическим положением был благоприятен для сообщения запад – восток, север – юг, благодаря чему стал историческим поприщем для возникновения Великого Шелкового пути, возникшего еще в глубокой древности, осью

взаимосвязи культур, взаимодействия и взаимообогащения древнего и современного миропонимания, развития национальной идентичности. В феномене Шелкового пути было заложено интеграционное начало в развитии мировой культуры.

На территории Российской империи «Шелковый путь» проходил по нескольким маршрутам: один из них – через Алтай, нынешние суверенные государства Средней Азии – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмению, вдоль южного побережья Каспийского моря через нынешний Азербайджан; другой пролегал по территории Северного Кавказа.

В этих направлениях на протяжении ряда столетий происходило постоянное движение народов с востока на запад и с запада на восток, в процессе и результате которого из разных этнических компонентов сформировались казахский, кыргызский, узбекский, туркменский, таджикский, азербайджанский и другие этносы, в культурной жизни которых сложились великие памятники устного народного творчества.

Благодаря Великому Шелковому пути активные международные контакты осуществлялись не только в экономическом, торговом, политическом, но и в духовно-культурном плане. Подтверждением тому может служить тот факт, что некоторые памятники устного народного творчества были распространены среди многих народов, проживающих вдоль Великого Шелкового пути.

Кыргызстан – это страна, чей народ принял и продолжил традиции и приумножил богатства роскошной сокровищницы своих предков. Моя страна, мой народ, приобретя суверенитет, не изолировались от ценностей бывшего Советского Союза, а с позиций национальных диалогов и интересов, главный девиз которых «Мир и процветание всех народов», утвердили качественно новые и высокие продуктивные отношения.

Кыргызский народ интересен своим богатым и неповторимым художественным наследием, которое одновременно является составной частью мировой культуры.

Национальной особенностью нашего народа является толерантность к другим культурам, языкам и народам. Особенностью населения Кыргызстана является его многонациональность. Она повторяет многоцветье кыргызской природы. Титульное кыргызское население дополняют диаспоры русских, украинцев, немцев, евреев, казахов и других народов. В Кыргызстане проживают представители более 80 наций.

Связующим звеном между нами, по выражению великого кыргызского писателя Ч. Айтматова, «языком-мостом, соединившим

«берега народов..., значительно отличавшихся по уровню цивилизации, культурному и социальному опыту, народов, придерживавшихся различных обычаев и традиций, говоривших на непонятных друг другу языках», стал русский язык [1, с. 12].

Кыргызская Республика является одной из тех стран, где для сохранения и развития русского языка созданы наиболее благоприятные условия.

Роль и значение русского языка в становлении и развитии Кыргызской Республики невозможно переоценить. За короткий период русский язык занял ведущее место в жизни кыргызского народа. Именно через русский язык, русскую культуру происходило и происходит приобщение кыргызов к мировой цивилизации, знакомство с богатейшей историей, культурой, литературой, традициями других народов.

Хочу отметить, что наше государство придает большое значение русскому языку и осуществляет ему политическую протекцию. Так, в Конституции Кыргызской Республики русскому языку придан статус официального языка, принят Закон «Об официальном языке Кыргызской Республики», и регламентируется его использование наряду с государственным языком в сферах государственного управления, законодательства, судопроизводства, а также в иных сферах общественной жизни республики.

Более того, статьей 2 этого закона русский язык взят под защиту государства. Этот важный шаг способствует укреплению глубоких многовековых традиций дружбы и сотрудничества между Россией и Кыргызстаном, расширению взаимного культурного и духовного взаимообогащения народов наших стран в гуманитарном сотрудничестве на пространстве СНГ.

Необходимо отметить, что Государственным стандартом по высшему образованию Кыргызской Республики предусмотрено изучение русского языка во всех вузах республики. Основным языком обучения в 70% высших учебных заведений Кыргызстана является русский язык, более чем в 3000 образовательных школ русский язык изучается как программный учебный предмет.

Пространство общего языкового общения значительно способствует сохранению и передаче культурного наследия наших народов.

Истоки нашей дружбы уходят далеко в историю. Диалог не прерывался на протяжении веков. Философский словарь трактует понятие «диалог» как способ поиска истины в ходе беседы, спора или дискуссии [3, с. 159].

В республике созданы национальные культурные центры. Они объединены в Ассамблею народа Кыргызстана, которая направляет свою деятельность на укрепление стабильности и межнационального согласия между гражданами разных национальностей, на поддержку культурной политики республики, ориентированную на гармонизацию отношений между различными этническими группами, помогает гражданам сохранить родной язык и культурное наследие своего этноса, сберечь свои традиции, нравы, бытовые навыки.

Народ Кыргызстана придает огромное значение развитию общего информационного, культурного и гуманитарного пространства между странами Евразии, считая, что полнокровное развитие национальных культур возможно лишь при их взаимодействии и взаимовлиянии.

Вызовы XXI века наш народ встречает с открытыми глазами, опираясь на культурное приобретение из мировой сокровищницы. Так, весь народ Кыргызстана праздновал День Победы в Великой Отечественной войне, 500-летие белорусского книгопечатания.

В республике постоянно проводятся мероприятия по празднованию юбилеев российских писателей, ученых. Так, широко отмечались в Кыргызстане юбилеи Л. Гумилева, М. Ломоносова, Н. Гоголя, М. Лермонтова и др. Событием огромной важности в общественно-культурной жизни Кыргызстана стало празднование 870-летнего юбилея классика мировой литературы, гениального азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, 175-летие со дня рождения светила казахской литературы, выдающегося казахского просветителя, поэта-демократа, крупного мыслителя, музыканта и композитора второй половины XIX века Абая Кунанбаева.

Кыргызстан, являясь полиэтнической страной, отличается многоголосием наречий и разноцветьем культур, служит хорошим примером толерантности в национально-культурном отношении.

Мы все носители больших культурных и духовных ценностей, которые важно не только сохранять и развивать, но и связать в едином информационном пространстве, жить в одной гуманитарной среде как одна семья, для которой мир и созидание есть цель и смысл существования.

В наши дни, когда вызовы тысячелетия стучатся каждому из нас в двери, все глубже и глубже определяется значимость культурных ценностей.

Оценивая интегрирование в мировое и европейское культурное наследие, понимая неизбежную необходимость всеобщей глобализации, осознавая, что давно настало время отказаться от шаблонов мышления и осваивая новые ценности, тем не менее нужно

преданно, с душевностью и национальным достоинством, осознанием верности родному языку, вероисповеданию, понять глубокий смысл значимости собственного народа.

Заключая, можно сказать, что создание единого дома – это богоугодное дело, где культура стоит на почетном месте, и ее прочность обусловит мир и безопасность на Земле. Сегодня урегулирование межгосударственных отношений средствами культуры порой играет большую роль, чем функционирование политических структур. Деятели культуры своим примером показывают, что культурное наследие, всеобщее приумножение и сохранение культурных достижений является долгом каждого. Важно, чтобы деятели культуры понимали, что они являются хранителями ценностей мировой культуры.

Вопрос культурной интеграции должен стать актуальным требованием общества, его решение в значительной мере зависит от нашей способности учесть дух, опыт и традиции Великого Шелкового пути.

Литература

1. *Айтматов Ч.* Выступление на Конгрессе «Русский язык – ключ к диалогу и взаимообогащению культур» // Вестник библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. №1. С. 12–14.
2. *Добреньков В. И.* Вызовы глобализации и перспективы человечества // Вестник Моск. Ун-та. 2004. №4. С. 3–21, С. 4–5.
3. *Рузавин Г. И.* Диалог // Философский словарь. М.: Республика, 2001. С. 159.
4. *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
5. *Федотова В. Г.* Жизнь как вид бизнеса: ценностные изменения в России и на Западе // Политический класс. 2005. №9. С. 84–94.

ПОИСКИ СОБСТВЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫМИ ЖУРНАЛИСТАМИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ СТУДЕНТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ)

Андреева М. А., Воронеж (Россия)

Аннотация. В статье изучаются формы осознания молодым человеком собственной национальной (реже – религиозной) идентичности. Материалом стали работы студентов воронежской Школы межэтнической журналистики – публикации, подготовленные в 2017–2021 гг. Сделан вывод, что молодым авторам интересна тема поисков своих корней, принадлежности к роду и определенной традиции. Чаще всего публикации молодых авторов строятся как личная, исповедальная история. Вместе с тем они стараются найти в этой истории некий социальный срез, показать ее типичность. Этот личный публицистический контент молодые авторы предпочитают подавать в современной мультимедийной форме, тем самым повышая интерес к ней у молодежной аудитории.

Ключевые слова: СМИ, этническая идентичность, молодежь, Школа межэтнической журналистики

SEARCH OF OWN ETHNIC IDENTITY BY YOUNG JOURNALISTS (ON THE EXAMPLE OF WORKS OF STUDENTS OF THE VORONEZH SCHOOL OF INTER-ETHNIC JOURNALISM)

Andreeva M. A., Voronezh (Russia)

Abstract. The article studies forms of young people's awareness about own ethnic (rarely religious) identity. The material was works by students of the Voronezh School of Interethnic Journalism - publications prepared in 2017–2021. Concluded that young authors are interested in searching for their roots, their belonging to a clan and a certain tradition. Most often, publications of young authors were built as a personal, confessional history. At the same time, they are trying to find a certain social section in the story, to show its typical character. Young authors prefer to present personal journalistic content in a modern multimedia form, thereby increasing interest among the youth audience.

Keywords: mass media, ethnic identity, youth, the School of Interethnic Journalism

Для молодого человека важным является осознание собственной идентичности как принадлежности к некоей группе (возрастной, профессиональной, культурной, национальной, религиозной) или отказ от такой принадлежности. Одним из самых сложных и социально важных видов идентичности является этноконфессиональная.

Этничность (этническая идентичность, этническое самосознание) – представление человека о себе как члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству [3, 11]. В структуре этнической идентичности выделяют когнитивный компонент (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя ее членом, знания об истории и традициях группы), аффективный компонент (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней; сюда относят, например, гордость за достижения своего народа) и поведенческий компонент (построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях, например, вовлеченность в жизнь этой группы) [3, с. 11–12]. Также в качестве оснований этнической идентичности часто предлагают рассматривать традиционные и устойчивые культурные ценности (прежде всего язык, обычаи, религию и др.) [7, с. 30].

История осознания собственной национальной и религиозной идентичности, принадлежности роду, семье не только важна в социальном и личностном смысле, но еще и интересна. В том числе как материал для журналистской публикации. Автора в ней может привлекать ее индивидуальность и типичность одновременно, а, значит, это контент, который может соединить в себе захватывающую историю, публицистичность и, вместе с тем, некий социальный срез. Для молодых авторов, ищущих себя и свое место в обществе, характерно обращение к собственной истории, истории своей семьи. Это доказывает опыт пятилетней работы воронежской Школы межэтнической журналистики.

Региональная Школа межэтнической журналистики работает на базе факультета журналистики ВГУ с 2017 года. Ее цель – обучить грамотному освещению в СМИ и социальных сетях темы межнациональных отношений. Слушателями могут стать студенты не только факультета журналистики, но и других факультетов, интересующиеся журналистикой и межнациональными отношениями. Студенты не ограничены в выборе жанров, форм и тем (так или иначе относящихся к сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений). Всего за пять сезонов с 2017 по 2022 год в федеральных (на сайте «Национальный акцент») и региональных СМИ опубликовано более 250 работ. Значительную часть составляет исследование этноконфессионального портрета Воронежской области и, в том числе, на примере собственной семьи и ее традиций.

В 2018 году студентка Мария Репина подготовила серию материалов о жизни деревни в глубинке Центрального Черноземья.

Речь шла о ее родной деревне в Грибановском районе Воронежской области. Одной из работ стала «Лучший подарок на свадьбу – коза и белый валенок» – рассказ о свадебных традициях села с начала XX века и до наших дней [5]. Главным повествователем становится баба Тамара. Она вспоминает, как о своей свадьбе говорила ее мать, рассказывает о своей собственной и о том, как играла свадьбу сыновьям и дочерям, а потом и внучке. Так охватывается период более сотни лет. Повествование сопровождается деталями и повседневной жизни, и обрядов. Читатель узнает о том, как выбирали жениха или невесту, как проходило сватовство, каким было приданое и насколько оно было важно, как проходила сама свадьба, и чем отличались ее традиции в разных населенных пунктах (например, в деревнях жениха и невесты). В конце публикации мы узнаем, что баба Тамара – бабушка автора текста: «Я, автор этого текста, и есть младшая внучка Вороновых, которая недавно вышла замуж. Стоило мне заикнуться, что мы с женихом не хотим пышное торжество, семья возмутилось: «У нас традиции. Будет у тебя дочка, сыграешь ей свадьбу, как знаешь». На пятнадцатом часу гуляния, когда счастливые родственники начали петь хором, мы с мужем решили: у нашей дочки тоже будет настоящая деревенская свадьба. Кто-то же должен беречь традиции» [5]. Так журналист признает себя частью большого рода и большой традиции деревни русско-украинского пограничья, вписывает свою личную историю в более чем вековую (известную ей) историю своей семьи. Более того, она осознает ценность этой традиции и заявляет о приверженности ей. Упаковка этой истории в личную публицистическую форму придает ей трогательность, вызывает интерес читателя и некие параллели со своей собственной историей.

В 2017 же году свой взгляд на осознание принадлежности к этнической группе и роду предложила Анна Березовская. Она родилась в селе Ардонь Брянской области, которое находится на границе и с Украиной, и с Беларусью. Таким образом, на этой территории соединились русские, украинские и белорусские традиции. Это отразилось и в быте, и в обычаях, и в языке. Именно об ардонском диалекте и рассказывает молодой автор в работе ««Ти лили олей у бульбу?» или с ардонского на русский» [1]. Она объясняет необычные слова и обороты, которые употребляют здесь. Кроме того, автор вышла за пределы своего региона и провела опрос среди ровесников на тему того, понимают ли они диалектные слова других регионов и употребляют ли такие слова внутри своего. Главный вопрос публикации: надо ли стесняться особенностей речи своей родной деревни/города, а значит, и связи с этой старой традицией? Автор

признается: когда-то в детстве они с сестрой стремились «говорить красиво как в городе», а теперь все иначе: «У нас с ней нет лучше развлечения, чем завести деревенский разговор. Столько улыбок и позитива вызывает это общение.

– Чого ты сястра? Прыхоть ко мне у гости. У мене бульба ё да курку жарыла учёра.

– Не клуматись, сястра, я к табе прыду как вечЕрать начне. Гурков да цыбули прынясу хоть трошки» [1].

Мысль, к которой в итоге большого исследования собственного становления и опроса ровесников приходит автор, такова: «Да, так я не говорю и не буду я говорить в университете, на работе, даже в компании друзей. Но там, на своей малой Родине, вместе со старинными монетами, платками из сундука я сохраню этот смешной, добрый, звучный ардонский язык» [1]. Так мы понимаем, что молодой журналистке важно иметь связь с корнями, с родом и местом его жизни. Эта связь может проявляться и в такой важной для каждого человека форме как родной язык. Проведенный опрос и обращение к опыту ровесников из других регионов делает эту картину типичной, а процесс познания себя и своей этничности – близким и понятным широкой аудитории.

Одним из самых ярких и тщательных исследований на тему этнической самоидентификации стала работа Алины Джан «Ни свой, ни чужой» [2]. Главный ее вопрос: «Как себя идентифицируют люди, которым, как мне, довелось родиться в многонациональной семье. Чувствуют ли они влияние нескольких этносов на их образ жизни, сознание, окружение» [2]. На его постановку повлияла личная история автора: она родилась в межнациональной семье, где папа – турок, мама – русская. При этом, по признанию автора, себя она ощущает на 90% русской, и на это повлияли страна проживания (Россия), ее традиции и язык. Но Алину Джан заинтересовало: а кем себя ощущают другие молодые люди, рожденные в межнациональных браках, и что влияет на их идентичность. Она опросила об этом своих ровесников из разных регионов Российской Федерации, а также узнала, сталкивались ли они с конфликтами на национальной почве. Полученные ответы показывают некий, пусть и небольшой, срез жизни молодежи и осмысления ими своих корней. Среди них значатся самые разные варианты: от стандартных «русская», «молдованка» и пр. – до «метиса», «землянки», «космополита», «гражданина мира» [2]. Разнятся и ответы на вопрос: «Что повлияло на Ваше национальное самоопределение?». Однако все это демонстрирует, что большинству молодых людей

свойственно задумываться о своей национальной идентичности и искать свои корни.

Гораздо реже студенты обращаются к теме религиозной идентичности. Один из немногочисленных примеров – работа Дарьи Масленниковой «Сила – в вере и семье» [4]. Она посвящена культуре и быту молокан. Обращение к этой теме автор объясняет просто: ее бабушка – молоканка и «выросла в семье, где уже около 200 лет чтят традиции молокан» [4]. Автор рассказывает об истории молокан, их религиозных воззрениях и – особенно – о быте и традициях. Делает она это с симпатией, не ударяясь при этом в проповедничество и агитацию. Это религиозное течение интересует ее, прежде всего, с точки зрения характера, устройства быта и отношения к семье. А еще автор задается вопросом – надо ли современному человеку знать историю своей семьи, своего рода: «Сегодня многие жалуются, что современное поколение не знает родной истории, подвигов предков, людей, которые творили историю сегодняшней России. А осведомлены ли мы о своих предках? В достаточной ли мере знакомы со своей родословной? И нужно ли нам иметь представление о своих корнях? Слово «семья» можно разделить на две составляющих – «семь» и «я», то есть семь поколений предков, которые необходимо знать, как воздух. Именно знание генеалогии помогает ощутить внутреннюю силу, мудрость и уверенность» [4]. От этих общих, довольно философских, вопросов она переходит к личным признаниям: «В детстве я очень любила, когда к нам приезжало много гостей. В такие дни никуда не надо было спешить, все пили чай и слушали истории, которые рассказывала бабушка. Это было что-то незабываемое. В такие моменты время, казалось, замирало, и ты замирал вместе с ним. Тем не менее я не понимала их ценность, мне всегда казалось это чем-то обыденным, своеобразной игрой. Понимание пришло лишь в школе, когда одноклассники удивлялись огромному количеству моих родственников, живущих в разных городах России» [4]. Наверняка в этом осмыслении своего места в семье и в роде многие молодые люди узнают и свой путь.

В 2021 году студентка Полина Суханова подробно рассказала о том, как нашла свои корни и место в семье. Ее работа носит говорящее название – «Путь к Иловке» [6]. Автор рассказывает, как в детстве не понимала народных песен, так любимых бабушкой, и ее нарядов. И только теперь журналистская работа – репортаж с концерта-лекции о народной песне – стала поводом для нового знакомства с культурой бабушки и родного села Иловка: «За время концерта много раз у меня на глазах выступали слёзы: от красоты распева, от сюжетов, даже от улыбок девушек со сцены. Только теперь я не ждала скорого окончания,

рядом не было бабушки, которая заставила прийти. Все было по-настоящему, искренне. После лекции сразу же позвонила маме, рассказала о том, какие прекрасные два часа провела в Никитинской библиотеке. И как же здорово разговаривать с семьей, делиться эмоциями. Но внутри все же легкая грусть: все это окружало меня с самого детства, но увидеть ценность я смогла, только уехав из родных мест» [6]. Это открытие становится толчком, чтобы посетить Дом культуры в Иловке, изучить коллекцию народного костюма, послушать записи народных песен, узнать по экспонатам историю семьи, дома. Автор примерила народный костюм и рассказала о своих ощущениях: «Не знаю, насколько гармонично на этой фотографии я выгляжу для посторонних людей, но для меня это были редкие минуты, когда я чувствовала себя красивой. И снова ощущение чего-то родного и близкого. Висящие на стенах портреты родственниц, наверное, тоже повлияли на мое восприятие. Я ощущала себя частью рода» [6]. Отметим, что работа выполнена в мультимедийном формате: богато иллюстрирована, содержит видеофрагменты.

Таким образом, анализ работ, выполненных молодыми авторами, позволяет сделать следующие выводы:

Молодые журналисты обращаются к теме поисков национальной (реже – религиозной) идентичности. В их работах можно отметить все необходимые компоненты идентичности: когнитивный (молодой человек изучает традиции и обычаи, историю и культуру своего народа, зачастую – через обращение к опыту старших родственников), аффективный (молодой человек начинает гордиться своими предками, их простой, но интересной и полной традиций жизнью), поведенческий (молодой человек признается, что любит говорить на родном диалекте, примеряет народный костюм, признается в желании передать своим детям традиции своих родителей, бабушек/дедушек).

Зачастую публикации молодых авторов строятся как личная исповедальная история. Это придает им трогательность, лиричность, публицистичность, заставляет сопереживать и примеривать на себя. Вместе с тем, использование опросов, историй других молодых людей из разных регионов страны придает такой работе социальный срез, показывает в личном типичное.

Свои работы молодые авторы предпочитают строить в мультимедийной форме, визуализировать контент насыщенно и ярко. Сочетание публицистичности, трогательности и современной упаковки делает такие публикации интересными, привлекательными для молодежной аудитории.

Показателен и тот факт, что к теме осознания собственной идентичности студенты обращаются ежегодно – в каждый сезон работы Школы межнациональной журналистики. Это подтверждает ее актуальность у молодежи, а также то, что это хорошая основа для публикации в СМИ. Об этом свидетельствуют и результаты конкурсов, в которых принимали участие выпускники воронежской Школы межнациональной журналистики. Так, в 2018 году работа «Ти лили олей у бульбу?» Анны Березовской одержала победу на Всероссийском конкурсе средств массовой информации «СМИротворец» на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений в номинации «Поколение мультимедиа», стала лауреатом XIV Всероссийского конкурса молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы, «Вызов – XXI век». Мария Репина неоднократно становилась победителем и лауреатом конкурсов с серией очерков, посвященных русской деревне. В 2022 году работа Полины Сухановой «Путь к Иловке» заняла 1 место на Всероссийском фестивале-конкурсе «Жизнь в творческом полете» в номинации «Публицист» категории «Пресса».

Литература

1. Березовская А. «Ти лили олей у бульбу?», или с ардонского на русский. URL: // <https://nazaccent.ru/school content/1234/> (дата обращения: 23.05.2022).
2. Джан А. Ни свой, ни чужой. URL: // <https://nazaccent.ru/school content/2095/> (дата обращения: 23.05.2022).
3. Лопухова О. Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения. Казань: Издательство «Бриг», 2015.
4. Масленникова Д. Сила – в вере и семье. URL: // <https://nazaccent.ru/school content/3237/> (дата обращения: 23.05.2022).
5. Репина М. Лучший подарок на свадьбу – коза и белый валенок. URL: <https://nazaccent.ru/school content/1226/> (дата обращения: 23.05.2022).
6. Суханова П. Путь к Иловке. URL: <https://nazaccent.ru/school content/3772/> (дата обращения: 23.05.2022).
7. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АУДИТОРИИ В ИНТЕРНЕТ- ПРОСТРАНСТВЕ

Андриянова Т. В., Курск (Россия), Быканова Я. П., Москва (Россия)

Аннотация. *Статья освещает современные подходы зарубежных и отечественных авторов, представляющих не только академическое научное сообщество, но и редакционный пул интернет-пространства к анализу феномена взаимодействия средств массовой информации и аудитории в социальных сетях. Внимание уделяется как характеристике самих средств массовой информации и их разновидностям, представленным в интернете, так и инструментам их распространения и установления коммуникации между адресатом и адресантом. Отмечается, что характер этой коммуникации имеет массовый характер и отражается на способах взаимодействия, приобретая подчас черты «гражданской» (общественной) журналистики (Д. Мерритт). Представление о социальных сетях как о «новых средствах массовой информации» на сегодняшний день является дискуссионным, на что указывают авторы настоящего исследования.*

Ключевые слова: *взаимодействие, средства массовой информации, аудитория, интернет-пространство, коммуникация*

MODERN APPROACHES TO STUDYING THE INTERACTION OF THE MASS MEDIA AND AUDIENCE IN THE INTERNET SPACE

Andriyanova T. V., Kursk (Russia), Bykanova Ya. P., Moscow (Russia)

Abstract. *The article highlights the modern approaches of foreign and domestic authors, representing not only the academic scientific community, but also the editorial pool of the Internet space, to the analysis of the phenomenon of interaction between the media and audience in social networks. Attention is paid both to the characteristics of the mass media themselves and their varieties presented in the Internet, as well as to the tools for their dissemination and establishing communication between the addressee and the addressee. Noted that the nature of this communication has a mass character and reflected in the ways of interaction, sometimes acquiring the features of «civil» (public) journalism (D. Merritt). The idea of social networks as «new media» is currently debatable, as indicated by the authors of this study.*

Keywords: *interaction, mass media, audience, the Internet space, communication*

Исследования интернет-пространства и функционирования сетевых средств массовой информации (далее – СМИ) сегодня являются

особо значимыми, поскольку коммуникация играет роль объединения сообщества активных адресатов и адресантов. Отмечается, что коммуникативная активность в интернете возросла за счет обсуждения и дискуссий пользователей в комментариях под новостным контентом. Социальные сети осуществляют роль коммуникативного пространства, в которых проходят разнообразные взаимодействия СМИ и аудитории [2–3; 13].

В 2003 г. одно из первых исследований «Создание методики описания интернет-СМИ» по выявлению признаков интернет-СМИ было проведено на базе МГУ имени М.В. Ломоносова Российским общественным центром интернет-технологий (РОЦИТ) и Rambler Group [12, с. 14]. В его ходе была разработана методика выделения и описания всех СМИ в интернете по ряду признаков: профессиональный характер производства информации, специализация производителей на определенном виде деятельности. Публикации на сайте или в социальных сетях позволили проанализировать «выходные данные» редакции, которые транслируют основную информацию об учредителе, создателе и т.д.

Было показано, что в интернете существуют СМИ, которые имеют только онлайн-версии или смешанные ресурсы, то есть оригинальные материалы, а не копируют материалы традиционных СМИ, и проведено сравнение онлайн-ресурсов с их традиционными аналогами по следующим параметрам:

1. Интернет-журналы – издания, имеющие развлекательный или аналитический характер контента.
2. Интернет-газеты – постоянно обновляемые издания, имеющие информационный характер публикаций.
3. Интернет-радио – радиостанции в режиме онлайн.
4. Интернет-телевидение – интерактивное телевидение, онлайн-кинотеатры.
5. Информационные агентства – ресурсы, которые транслируют информацию с телетайпных лент.

В конце XX века А. И. Акопов, рассматривая электронные сети как новый вид СМИ, отмечает, что иерархия СМИ на видовом уровне, содержащая на первой ступени печатные и аудиовизуальные средства, пополнилась новым видом – сетевыми СМИ [1]. Отсюда возникает проблема общего изучения СМИ в интернете, далее – выявление характеристик, типологизации и структурирования сетевых СМИ.

Сетевое СМИ – это определенный информационный веб-сайт, который ставит своей главной задачей выполнение всех основных функций СМИ в сети интернет: постоянное восполнение новостей,

расширение целевой аудитории, контроль места СМИ в рейтинге, завоевание популярности и уважения со стороны пользователей. Как отмечает А. Е. Джазоян, в последние десятилетия социальные сети набирают большую популярность, их число растет, количество пользователей увеличивается, что в совокупности влияет на традиционные СМИ таким образом, что представление о них, как о «четвертой ветви власти», перестает быть господствующим [5, с. 97].

Во второй половине и конце XX века журналистика действительно была четвертой ветвью власти, однако в этот период началось развитие информационно-коммуникативных технологий. Последние два десятилетия власть СМИ снижается. Связано такое явление с рядом факторов, главный из которых – появление различного рода сообществ и групп в социальных сетях, которые распространяют информацию значительно быстрее профессиональных СМИ. Широкое распространение социальных сетей, становление и развитие «гражданской (общественной) журналистики» (Д. Мерритт) являются последствиями таких явлений [15]. В современном обществе главной становится оперативная передача информации населению. В этом вопросе традиционные СМИ в значительной степени уступают социальным сетям, даже интернет-СМИ зачастую не успевают за ними [4].

Еще одной точкой зрения относительно социальных сетей является понимание их как современного СМИ нового поколения, которая имеет много сторонников и противников. По мнению последних, причинами, по которым социальные сети не могут определяться как СМИ, являются следующие: меньшая численность пользователей социальных сетей по сравнению с традиционными СМИ, отсутствие профессионального журналистского образования у авторов, отсутствие ответственности автора перед аудиторией, а также акцентирование внимания на явлениях, которые более всего интересны блогеру. Однако сторонники идеи «новых СМИ» приводят свои аргументы в ее подтверждение. Во-первых, у некоторых блогеров, которые предоставляют определенной группе людей информацию, количество пользователей значительно превышает пользователей некоторых СМИ. Более того, аудитория блогера чаще всего является целевой. Во-вторых, отсутствие ответственности блогеров тоже подвергается сомнению, поскольку вспоминаются истории, в которых именно авторы социальных сетей разоблачают непрофессиональных или недобросовестных журналистов. В-третьих, отсутствие профессионального журналистского образования у авторов, с точки зрения сторонников идеи, имеет свои преимущества. В-четвертых,

взгляды автора блога, как правило, искренни и независимы, в то время как большинство журналистов распространяют определенную позицию. В-пятых, скорее всего, блогер передает информацию как очевидец, ему не нужно время для того, чтобы «войти в тему», стать частью этой информации.

Как указывалось выше, одной из причин, по которым социальные сети не являются СМИ, является невозможность для блогера охватить всю информационную картину мира. Однако сторонники концепции убеждены, что традиционные СМИ также никогда не освещают все события, происходящие в мире. Блогеры могут, наоборот, дать человеку более подробную информацию, создают возможность аудитории познакомиться с различными точками зрения и сформировать свою картину мира [4, с. 126].

В современных условиях у многих СМИ появились собственные сообщества и группы в социальных сетях, что является значительным шагом в развитии взаимодействия между ними. Главным преимуществом здесь является обеспечение интерактивности СМИ: возможность аудитории комментировать ту или иную информацию не только позволяет определить уровень гражданской активности, участие граждан в различных сферах жизни общества, а также позволяет выявить наиболее важные проблемы населения. Таким образом, появление СМИ в социальных сетях создает возможность взаимодействия между ними и аудиторией, а в некоторых случаях – сближает население и власть.

По мнению большинства исследователей, в условиях Web 2.0 необходимо создавать факторы, при которых социальные сети и СМИ тесно взаимодействуют и оказывают взаимную помощь друг другу. Это будет отражаться на более полноценном функционировании каждой из систем.

Так, М.М. Лукина и И.Д. Фомичева [10] в этой связи сформулировали три уникальных свойства СМИ в интернете:

1. Интерактивность.
2. Гипертекстуальность.
3. Мультимедийность.

Интерактивность СМИ в интернете, а конкретно на площадках социальных сетей, вышла на новый уровень. Процесс взаимодействия аудитории и СМИ осуществляется без каких-либо посредников. Исследователи выделяют несколько направлений такого взаимодействия:

1. Направленность коммуникации.
2. Формат взаимодействия.

3. Синхронность процесса.
4. Паттерны поведения.
5. Целевые задачи.

В процессе взаимодействия у аудитории появилась возможность не только активно участвовать в обсуждениях контента СМИ, но и интерпретировать свой собственный подход.

Необходимо отметить, что на данный момент общепризнанных типологических методик исследования сетевых СМИ не установлено, различные ученые, исследовавшие данный феномен, предлагают совершенно разные инструменты его анализа [9]. Одной из типологий является следующая: их структура подразделяется по характеру аудитории, тематической направленности, цели назначения выпущенной информации, времени выхода и периодичности выпуска.

А. Носик разработал свою классификацию, в которой появились, соответственно: «клоны», «гибриды» и «оригинальные интернет-СМИ». Позднее им было предложено разделять сетевые СМИ на следующие виды: СМИ общего профиля, которые будут включать сетевые СМИ, и электронные версии традиционных СМИ, а также специализированные СМИ (тематические ресурсы, агентства определенной информации) [7].

Редактор «РИА-новостей» в Фейсбуке¹ утверждает, что идея создания собственной страницы в социальной сети имеет главную задачу – формирование определенной группы людей, лояльно настроенных, готовых репостить новости у себя на страничках, рекомендовать своим друзьям, тем самым проявлять доверие к источнику информации [6]. Для того, чтобы определить степень успешности реализации обеих функций, СМИ проводят мониторинг количественных показателей аккаунта в социальной сети.

Издательство «АиФ» отмечает, что создание сообществ в социальных сетях – это необходимое условие для того, чтобы отойти от ярлыка «традиционный газеты для людей преклонного возраста». В социальной сети постоянно ведется мониторинг работы СМИ, количества просмотров, лайков, комментариев, репостов, а также определяется, какой процент пользователей ведет себя активно [9].

Участие СМИ в социальных сетях различается в зависимости от его конкретного источника. Отличия могут касаться количества сотрудников, вовлеченных в ведение аккаунта, или количества социальных сетей, выбранных для продвижения (часть изданий

¹ Признана экстремистской и запрещен на территории Российской Федерации.

выбирают около 10 социальных сетей, в то время как другие ставят акцент на не более двух-трёх), а также содержания постов. Исходя из типа контента выделяют два вида постов. Первый вид – это копирование публикации из электронной версии издания с указанием ссылки на сайт. Второй вид – это специально созданный уникальный материал, который не представлен на сайте издания.

Еще одним методом продвижения СМИ в социальных сетях является разработанная теория «вирусного редактора». Эта система позволяет стихийно распространять и фильтровать информацию в социальных сетях, осуществлять медийную функцию формирования общей повестки дня. Основоположником данной теории является А. Мирошниченко, который утверждает, что это «феномен именно Интернета, который разрушил монопольное право СМИ на производство и распространение информации среди населения» [11].

Новым инструментом продвижения СМИ в социальных сетях является трансмедиа как дефиниция, предложенная Г. Джекинсоном в 2003 году. Он дает следующее определение термину «transmedia storytelling» – это «процесс, который позволяет распространять факты и события по различным средствам передачи информации для создания согласованного и унифицированного опыта» [14].

Отметим, что данный инструмент менее популярен в российских СМИ, а исследователи отмечают некие особенности этого факта, которые, в первую очередь, объясняются спецификой русской аудитории. Как отмечает Е. Лапина-Кратасюк, главной проблемой является не отсутствие должного уровня развития технологий, а именно особенности аудитории: «русская аудитория отличается большей подозрительностью, отсутствием солидарности, неумением работать в команде» [8].

Таким образом, современные СМИ должны соответствовать тенденциям, создаваемым социальными сетями для удержания своей аудитории и использовать инструменты, придуманные ими. Наиболее важным среди инструментов в продвижении информации является создание сообщества или тематических групп – аналогов интернет-версий СМИ. В данном случае ставятся задачи повышения популярности СМИ; расширения аудитории, в частности, среди молодёжи; увеличения количества просмотров веб-сайта СМИ, на который переходят благодаря сообществу в социальной сети.

Литература

1. *Акопов А. И.* Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник РГУ. 1998. № 3. С. 43–51.

2. *Андрянова Т. В.* Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 54–58.
3. *Андрянова Т. В.* Education for all: opportunities for disabled people // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 66–71.
4. *Браславец Л. А.* Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125–132.
5. *Джазоян А. Е.* Иллюзия «пятой власти»: как социальные сети модернизируют журналистику // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Сер. Филология. История. Востоковедение. 2014. № 2. С. 93–100.
6. *Дьяченко О. В.* Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1615#21> (дата обращения: 15.05.2022).
7. *Интернет для журналиста* / Под ред. А. Б. Носика, С. Ю. Кузнецова. М.: Галерея, 2011. 143 с.
8. *Лапина-Кратасюк Е. Г.* Особенности новых медиа // Постнаука. 2015. URL: <http://postnauka.ru/video/38005> (дата обращения: 16.05.2022).
9. *Лосева Н. Г.* Интернет-СМИ и социальные сети: опыт интеграции // I-COMference 2011. Социальные сети и Интернет-СМИ: Докл. на конф., 10–11 февр. 2011 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=NpVB_9Q1WBU (дата обращения: 15.05.2022).
10. *Лукина М. М., Фомичева И. Д.* СМИ в пространстве Интернета: Учебное пособие. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. 87 с.
11. *Мирошниченко А. А.* Существо интернета. 12 тезисов о вирусном редакторе // Частный корреспондент. 2011. 2 авг. URL: http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo_interneta_21588 (дата обращения: 16.05.2022).
12. *Сафина А. Р.* Типология современных российских интернет-СМИ // Достижения вузовской науки. 2013. №2. С. 13–17.

13. *Стародубцева И. Ф., Курносова Е. Н., Андриянова Т. В.* Оценка качества оказания услуг специальными региональными учреждениями для лиц с ограниченными возможностями здоровья (на примере региональных библиотек для слепых) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 147–161.
14. *Jenkins H.* Transmedia 202: Further Reflections // The Official Blog of Henry Jenkins. URL: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html (дата обращения: 16.05.2022).
15. *Merritt D.* What Citizen Journalism can learn from Public Journalism // Public Journalism.2.0. The promise and reality of a citizen – engaged press / Ed. by Jack Rosenberry and Burton St. John III. Routledge. N.Y., 2010. 216 p.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

Андриянова Т. В., Курск (Россия)

Аннотация. Статья посвящена вопросам осмысления появления и распространения в американской научной мысли средств массовой информации как объекта социальной сети. Рассматриваются ключевые признаки, функции и роль средств массовой информации в социальных сетях в контексте дигитализации. Отмечается наличие процессов конвергенции традиционных и «цифровых» средств массовой информации в интернет-пространстве, а также наличие достаточного количества нормативных правовых документов для их регулирования у нас в стране. Основная проблема, поднимаемая в американских исследованиях средств массовой информации, заключается в оценке последствий их распространения в социальных сетях. В частности, речь идет о когнитивных изменениях в поведении пользователей, и появлении так называемого «человека кликающего». **Ключевые слова:** средства массовой информации, социальные сети, пользователи, информация, информационно-коммуникационные технологии

MASS MEDIA AS AN OBJECT OF A SOCIAL NETWORK IN AMERICAN SCIENCE

Andriyanova T. V., Kursk (Russia)

Abstract. The article is devoted to the issues of understanding the emergence and dissemination of mass media as an object of a social network in

American scientific thought. The key features, functions and role of mass media in social networks in the context of digitalization are considered. It is noted that there are processes of convergence of traditional and «digital» mass media in the Internet space, as well as the availability of a sufficient number of regulatory documents for their regulation in our country. The main problem raised in American studies of mass media is the assessment of the consequences of their dissemination in social networks. In particular, we are talking about cognitive changes in user behavior and the appearance of the so-called «clicking person».

Keywords: mass media, social networks, users, information, information and communication technologies

XXI век в сфере средств массовой информации (далее – СМИ) является периодом нового поворота к информационному обществу, что связано прежде всего с усилением роли инновационных технологий. Здесь следует отметить тенденцию перевода всех СМИ в цифровую среду, то есть процесс дигитализации. Именно это позволяет интегрировать все СМИ и упрощать доступ к информации. Электронные версии появились почти у всех печатных СМИ, а также у радио и телевидения. Так, необходимо говорить о конвергенции СМИ – слияние всех СМИ в единое пространство на разных уровнях и сферах. Цифровой формат имеющихся СМИ предполагает распространение информации вне зависимости от формата и какой-либо конкретной индустрии, технологических платформ. Исследователями особо отмечается важная характеристика технологической конвергенции – осуществление обратной связи СМИ с массовой аудиторией в режиме online. Происходит прямое участие аудитории в информационном обмене при определенных паттернах поведения.

За последнее время термин «интернет-СМИ», а также синонимичные ему термины «онлайн-СМИ» и «сетевые СМИ» закрепились в лексиконе медиа-исследователей. Регистрация сетевых СМИ происходит в Российской Федерации в соответствии с нормативной правовой документацией, в которой под ними понимается размещаемая в электронной форме в интернете (и сетях) совокупность периодически обновляемых информационных сообщений и материалов, предназначенных для неопределенного круга лиц [4; 7–9].

Актуальным методологическим вопросом является поиск объекта, который можно в социальной сети считать СМИ, и американская социология и медиалогия внесли наибольший вклад в его разрешение.

Изучая сетевые СМИ, авторы рассматривают их как особый вид коммуникации и выделяют среди всех подходов универсальную

формулу «5W» Г. Лассуэлла, ранее применявшуюся для анализа различных видов социальных коммуникаций [12]. Отвечая на ее первый вопрос, следует пояснить, кто является коммуникатором. В данном случае, он институализирован – СМИ, зарегистрированная или самоидентифицирующаяся как СМИ организация. Соответственно, коммуникатор – это корпоративный, а не индивидуальный, профессионально занятый специализированной деятельностью по сбору информации, ее анализу, обработке и передаче субъект. Контент, предлагаемый СМИ, относится к массовой информации, то есть рассчитан на массовую аудиторию. Основными характеристиками контента СМИ являются общезначимость, универсальность тематики и функций по жанрово-видовому признаку; актуальность выпускаемой информации, которая основана на потребностях массовой аудитории; «освещенность» жизни общества, а также доступность каждому в определенной сфере. Наибольшую часть контента СМИ, то есть то, что говорит коммуникатор, занимает информация о текущих событиях – новости. Распространение информации СМИ проходит по различным каналам, где рассматривается не только техническая составляющая процесса, но и коммуникативная деятельность. В данном случае коммуникация изначально организуется по модели «от одного ко многим», то есть информирование анонимной и рассредоточенной массовой аудитории. Каналы СМИ действуют регулярно, в них выделена определенная периодичность и структура. Функционирование СМИ направлено на получателя – массовую аудиторию, которая является главным элементом любой коммуникации. Как мы уже выяснили, аудитория у СМИ массовая, то есть имеет особый класс социальных общностей, которые характерны для современных обществ.

Цель СМИ – воздействовать на массовую аудиторию, следовательно, поступление информации должно происходить с каким-либо эффектом: на различных уровнях (индивидуальном, групповом, социальном); немедленно или с последующим эффектом; действуя на сознание аудитории и ее поведение. Так, следует отметить, что использование формулы Лассуэлла позволяет выделить СМИ в социальных сетях в отдельный вид массовых коммуникаций.

В 60-е годы XX века Т. Нельсон, изучая информационные технологии, вывел понятие гипертекста, что стало одним из ключевых свойств СМИ в социальных сетях. Суть свойства гипертекстуальности заключается в системности между отдельными документами с информацией при помощи гиперссылок. Одни гиперссылки могут переводить аудиторию с одного ресурса на другой либо того же

источника, либо другого (внешнего). Таким образом происходит информирование аудитории с большим контентом, что тем самым увеличивает возможность взаимодействия с различными пользователями, также переходящими по гиперссылкам [14]. Особенности восприятия гипертекста обусловлены его ризомоподобностью (от греч. *rhiza* – корень), то есть отсутствием четкой структуры. В композиции такого текста представлен упрощенный перечень цитат, мнений, фактов, сведений, деталей о персоналиях. От пользователя полностью зависит, как и в какой последовательности он будет знакомиться с информацией, так как по гипертексту можно передвигаться по множеству маршрутов: «Чтение гипертекста – это не диалог читателя с автором, а полилог, в котором, порой, авторство вторично, как вторична и тема» [6, с. 258].

Мультимедийность как свойство СМИ в интернете размывает границы между каналами передачи информации массовой аудитории. Данное свойство описывал М. Кастельс, определяя его как некий «ящик», открывающий глобальное окно безграничных возможностей интерактивной связи различных форматов подачи материала [5, с. 274].

Автор термина «общественная журналистика» Д. Мэрритт анализировал информацию в интернете в рамках своего предмета и выявил, что не все электронные сети и взаимодействия людей в социальных сетях относятся к СМИ [13].

О. Тоффлер, наоборот, полагает, что СМИ интегрируется в пространство интернета, тем самым происходит процесс слияния и взаимного использования информации, который он назвал «media-fusion» [11].

Таким образом, по наблюдениям американских ученых, появление в социальных сетях такого объекта как СМИ является следствием распространения электронной коммуникации, в определенной степени влияющем в том числе и на когнитивные процессы. Все больше пользователей по мере развития информационно-коммуникационных технологий предпочитают переносить общение и получение информации в виртуальную среду [1–3]. Интернет становится коммуникативной площадкой, предоставляющей возможность принимать участие в публичных дискуссиях, открыто высказывать собственное мнение по любым вопросам, знакомиться и общаться с широкими слоями социума. Большая популярность социальных сетей Twitter, Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте», их форумы, чаты, область комментариев в блогах и новостных сайтах позволяют говорить о формировании «кнопочной культуры» и особого типа человека – «человека кликающего» [10, с. 43]. Для него взаимодействие

с информационным контентом более привычно посредством информационных технологий, что представляет новые возможности для развития СМИ в социальных сетях.

Литература

1. *Андриянова Т. В.* «Паспорт культурной жизни» региона как инструмент сравнительного анализа показателей // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (5 – 6 декабря 2018 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. С. 178–182.
2. *Андриянова Т. В.* Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч.тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 54–58.
3. *Андриянова Т. В.* Education for all: opportunities for disabled people // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 66–71.
4. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124–1 «О средствах массовой информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 23.05.2022).
5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
6. *Лысак И. В., Белов Д. П.* Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 5. С. 256–264.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.10.2015 № 1107 «Об утверждении перечня документов, свидетельствующих о соблюдении учредителями (участниками) средств массовой информации, редакциями средств массовой информации, организациями (юридическими лицами), осуществляющими вещание, требований статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой

- информации». URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187598/
(дата обращения: 23.05.2022).
8. Приказ Роскомнадзора от 17.05.2019 № 100 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по регистрации средств массовой информации». URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328489/
(дата обращения: 23.05.2022).
 9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 года № 1752-р «Об утверждении перечня документов, прилагаемых заявителем к заявлению о регистрации (внесении изменений в запись о регистрации) средства массовой информации». URL:
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55072280/>
(дата обращения: 23.05.2022).
 10. Тарасенко В. В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. 1999. № 1. С. 43–46.
 11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
 12. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J.(ed.). The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948. 296 p.
 13. Merritt D. What Citizen Journalism can learn from Public Journalism // Public Journalism.2.0. The promise and reality of a citizen – engaged press / Ed. by Jack Rosenberry and Burton St. John III. Routledge. N.Y., 2010. 216 p.
 14. Nelson T. N. A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // Proceedings of the 20th National Conference: Cleveland, Ohio, August 24–26, 1965. New York: ACM, 1965. P. 84–100.

ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ПОИСКЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ

Апсаматова Э. Дж., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. Безусловным условием становления и функционирования индивида как общественного существа является идентификация. Сущностное значение процесса идентификации заключается в проявлении себя в обществе со всей существующей структурно-содержательной организацией, где наиболее значимой выступает «субъектная представленность» индивида в данном действии. Соотнесение и отождествление себя с определенной группой есть своеобразный гарант успешной жизни, реализации и развития индивида, что автоматически подразумевает принятие индивидом целей, задач, ценностей, норм поведения и отношений данного социума. Так формируется субъектная позиция индивида как части целого, что влечет за собой следование определенным структурам, формам, содержаниям деятельности, отражающей эту коллективную целостность. Отсутствие данного ориентира чревато личностным и общественным дисбалансом, в последующем формирующем кризисные явления всякого рода уровня в различных сферах общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, идентификационный код, культура, цивилизация, культурно-цивилизационная система, национальная идентичность

THE SPACE OF MODERN CULTURES AND CIVILISATIONS IN SEARCH OF IDENTITY FOUNDATIONS

Apsamatova E. Dzh., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. Identification is an indisputable condition for the formation and functioning of the individual as a social being. The essence of the identification process lies in the manifestation of oneself in the society with the whole existing structural and content organization, where the most significant is the "subjective representation" of the individual in that action. The comparison and identification with a certain group is a peculiar guarantee of successful life, implementation and development of an individual, which automatically implies the individual's acceptance of goals, objectives, values, norms of behavior and relations of this society. In this way, the individual's subjective position as part of the whole is formed, which entails following certain structures, forms, and contents of activities reflecting this collective integrity. The absence of this reference point is fraught with personal and social imbalance, subsequently forming crisis phenomena of all kinds of levels in various spheres of public life.

Keywords: *identity, identification, identification code, culture, civilization, cultural-civilization system, national identity*

В данной статье анализируются принципы становления идентификационных оснований современных культур и цивилизаций, характеризующихся «ломкой» сознания, потерей и кризисом идентичности, сопровождающихся хаосом в мировом пространстве и, как результат, усугубляющейся поляризацией мира. На первый взгляд ответ на вопрос об идентичности является само собой разумеющимся, но, если углубиться в саму динамику и категориальное наполнение данного процесса, то обнаруживаются необходимые в тщательном изучении многочисленные аспекты данного явления.

События конца февраля 2022 года еще раз актуализировали вопрос о национальной идентичности славянских народов, вопрос о нежелании быть такими, кто они есть на самом деле, с одной стороны, и теми, кем они хотят быть – с другой стороны. Попытка приобщения себя к той или иной культуре без исторического сопоставления чревата провалом, однако «сильные» мира сего хотят доказать обратное. Евразийское пространство, характеризующееся многоаспектностью взглядов на проблему идентификации, каждый раз подталкивает многочисленные народы отстаивать свою возможность «быть». Своеобразный мир человека в пространстве современных культур и цивилизаций неотступно ставит вопрос о его сущностном значении, сущности не просто как человека, а именно как принадлежащего к той или иной культуре, цивилизации, этносу, нации, религии и даже полу.

Бытие всего существующего стремится быть самым собой, и бытие человека – не исключение. Проблема отождествления себя с неким признанным авторитетным образцом породила огромное количество исследований в области различных аспектов проблемы идентичности [1]. Необходимость в системе ориентации для человека – одна из причин поиска и отождествления себя, выявления идентификационных кодов.

Так, идентичность в классической своей интерпретации выступает как тройственная система переживания тождественности, целостности и определенности, где основной детерминантой и единицей измерения идентичности выступает непосредственно «Образ Я» [2, с. 43–54]. Феномен идентичности раскрывается в выделении индивидом основополагающих составляющих осознания своего Я и объектов отождествления, основными из которых выступают вопросы о своей ценности в социуме, смысле своего бытия, проблема становления и изменения представлений индивидом своего будущего, прошлого и

настоящего, формирование ценностных парадигм, где вопрос о генезисе и совершенствовании идентичности есть некий результат решения индивидом значимых ситуаций.

При описании термина идентичность необходимо выделить три уровня:

1) рационалистический, характеризующий индивида как целостное, неделимое, натуральное начало, то есть человек таков, каким он кажется.

2) понятийный – включает в себя конкретно-научное содержание, данное исследователями, и отражает степень тождества индивида группе, полу, этносу, роду и др.

3) иррациональный – обнаруживает сущность, самость, «это такая драгоценность, которая оказывается ею не только по внешнему виду, но она такова по существу» [3, с. 156–159].

Отсюда можно выделить такие черты идентичности как: чувство принадлежности и соотнесения, сумма знаний о самом себе, поведенческое единство. Таким образом, идентичность есть «сложный интегративный феномен». Тройственное проявление идентичности через тождественность, определенность и целостность выражается в ее уникальной структуре, где процессы приспособления и переориентации в постоянно изменяющемся мире приводят к изменениям в данной уникальной структуре идентичности, так называемому переструктурированию [4, с. 13].

Само понятие «идентичность» в социально-философской проблематике тесно связано с понятием «идентификация». Принципы соотношения идентичности и идентификации, и, соответственно, само содержание данных понятий, вызваны определенными объективными основаниями, среди которых значительный характер динамичных изменений в обществе; кризисы различного уровня и типа сложности, влияющие на положение общества и его дальнейшее развитие; трансформация многочисленных связей и отношений, иногда и вовсе разрыв, что в результате приводит к состоянию нестабильности.

Динамика современной реальности, сопровождаемая кризисными явлениями во всех сферах жизнедеятельности человека, все отчетливее проецирует главный вопрос идентичности как личности, так и группы, общества: «Кто Я? И кто Мы?». Иначе говоря, на первый план выходит проблема субъектности человека – то, как происходит процесс объективного отождествления и соотнесения себя как неповторимого и уникального индивида с другими и, как результат, – его вживание в социум как условие интегрирования его Я в данном обществе.

Процесс антропосоциогенеза, характеризующийся становлением человека и общества, стал началом возникновения самого феномена идентификации. «Быть человеком – значит относиться к другому, к миру и себе как самостоятельно существующей реальности» [5, с. 105].

Пространство современных культур и цивилизаций обличило и поставило на первое место именно проблему отождествления и самоопределения человека, и это связано в первую очередь с утратой грани между «Я» и всем остальным миром, во-вторых, усугубляющимся кризисом смысложизненных ориентиров, что в последующем как цепная реакция порождает и проблему личностного выбора, и меру индивидуальной ответственности. Ценностная парадигма Запада с идеей равенства наций и государств все больше и больше показывает свою несостоятельность. Уже в начале 2000-х годов большинство исследователей отмечают крах идеи мультикультурного мира, где основная задача заключалась в создании и поддержании социокультурного равновесия в обществе. В глобальном масштабе это оказалось не осуществимым. Примечательным на этот счет являются рассуждения американского социолога Патрика Бьюкенена, который пишет: «Неужели все наши рассуждения о равенстве народов – не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня – только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого века, обречен проиграть?» [6, с. 169].

Противостояние народов и государств базируется не просто на желании обладать «чужим», властвовать и управлять, но и на естественной инстинктивной потребности в безопасности, что порой выступает некой «защитной ответной реакцией» на обладание. Территориальная безопасность является гарантией сохранения культурно-исторической идентичности, самобытности, преумножения и развития национальных идентификационных кодов. И нарушение данной территориальной безопасности – есть своего рода покушение на право относить себя к той или иной идентификационной единице.

Региональный конфликт на востоке Украины спровоцировал и выявил новый виток напряженности между Россией и странами Европейского союза, и сейчас человечество находится на пороге третьей мировой войны, где каждая из сторон претендует на то, чтобы оставаться тем, кем они являются, и тем, кем они хотят быть. Тем самым очевидный актуальный характер проблемы самоопределения, самоосознания народов предвосхитил инстинкт выживания, и декларируемая Западом идея ценности человеческой жизни вне

зависимости от расовой, этнической, национальной, религиозной и т.д. принадлежности обнажила истинный характер «ценностных» устоев западного мира, что подталкивает к формированию идеи культурной идентичности, включающей в себя в первую очередь духовную доминанту.

Анализируя современные тенденции глобализационных изменений, Чумаков А. Н. использует понятие «культурно-цивилизационной системы» для объяснения сложившихся противоречий в многополярном мире. Понятие «культурно-цивилизационная система» используется применительно к той или иной социальной структуре, определенной общности людей для характеристики их «в качестве единого целого одновременно с двух сторон – со стороны их культурной принадлежности и вовлеченности в цивилизационные процессы» [7, с. 369].

Вопрос об идентификационной принадлежности все еще будет будоражить умы не только ученых и исследователей, но и простых обывателей реальности. Это – вопрос, с которого начинается познание самого себя и места в окружающей действительности со всем его многообразием, а также вопрос, которым завершается поиск собственного «Образа Я», вопрос, определяющий всю степень осознанности по отношению к себе и к другим.

Литература

1. Савченко И. А. Трансформации культурной идентичности в мультикультурном сообществе // *Личность. Культура. Общество*. 2009. № 50. С. 430–438.
2. Самохвалова В. И. К пониманию человека в его человеческой идентичности // *Полигнозис*. 2009. № 2. С. 89–102.
3. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–54.
4. Дериси О. Н. Человеческая подлинность / Это человек: Антология. М., 1995. С. 156–159.
5. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. С. 13.
6. Батищев Г. С. Философская концепция человека и креативности в наследии С. Л. Рубинштейна // *Вопросы философии*. 1989. № 4. С. 96–109.
7. Бьюкенен П. Д. Смерть Запада. М., 2004.
8. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017.

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЭКОНОМИКЕ КАЗАЧЕСТВА КАЗАХСТАНА В XIX ВЕКЕ

Аубакирова Х. А., Джумагалиева К. В., Нур-Султан (Казахстан)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена роль рыбного промысла в экономической жизни казачества Казахстана. Как известно, на территории Казахстана были сформированы четыре казачьих войска – Оренбургское, Сибирское, Уральское и Семиреченское. Размер казачьего землепользования был достаточно велик. Основу казачьего землевладения и землепользования составляло консервативное феодально-сословное право – «земля за службу». Однако, наряду с земледелием, в XIX веке одним из основных видов хозяйственной деятельности казачества являлось и рыболовство. Этот древний вид хозяйствования приобрел большую значимость в экономике казачества.

Ключевые слова: рыбный промысел, рыболовство, экономические отношения, казачество Казахстана, оренбургские казаки, уральские казаки, сибирские казаки, семиреченские казаки

FISHING IN THE ECONOMY OF THE COSSACKS OF KAZAKHSTAN IN THE XIX CENTURY

Aubakirova Kh. A., Dzhumagalyieva K. V., Nur-Sultan (Kazakhstan)

Abstract. This article examines the role of fishing in the economic life of the Cossacks of Kazakhstan. As is known, four Cossack troops were formed on the territory of Kazakhstan – Orenburg, Siberian, Ural, and Semirechensk. The size of the Cossack land use was quite large. The basis of Cossack land ownership and land use was the conservative feudal estate law – «land for service». However, along with agriculture, in the XIX century, one of the main types of economic activity of the Cossacks was fishing. This ancient type of management has acquired great importance in the economy of the Cossacks.

Keywords: fishing, economic relations, Kazakh Cossacks, Orenburg Cossacks, Ural Cossacks, Siberian Cossacks, Semirechensk Cossacks

В Казахстане функционировали четыре казачьих войска: Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское. В экономической повседневности казачества Казахстана присутствовали как основные виды хозяйствования, такие, как земледелие и скотоводство, так и присваивающие: рыболовство, соледобыча, охота. То есть основу хозяйственно-экономической жизни казачества Казахстана наряду с земледелием и скотоводством занимали промыслы: рыбный и соляной. Каждое казачье войско владело определенными территориями с прилегающими к ним водоемами.

Уральские (яицкие) казаки активно занимались рыбным промыслом в поймах реки Урал, однако следует подчеркнуть, что рыболовство в данном регионе было строго регламентированным. Так, уральским казакам Войсковое правление запретило ловлю рыбы по реке Урал ниже учуга вплоть до впадения реки в море и войсковым – в морских водах [1].

Учуг – это плотиноподобное сооружение, сплошная перегородка по рекам Урал и Волга. Учуги использовались в рыбном промысле и ранее, в эпоху средневековья. Они предназначались для ловли рыбы. Учуги удерживали поднимающуюся вверх по реке рыбу, которая скапливалась вблизи этих перегородок.

Уральский учуг занимает особое место в рыбном промысле уральского казачества. Как отмечает Г.В. Казачков, рассматривать Уральский учуг можно только в рамках созданной уральскими казаками хозяйственно-политической системы использования рыбных ресурсов, неотъемлемой частью которой этот учуг являлся. Уральский учуг был включен в систему казачьего рыбного промысла как ограничитель высоты подъема осетровых рыб в летний и осенний периоды [2, с. 46–47]. Своеобразным отличием Уральского учуга от Волжского было то, что он был временным сооружением, которое устанавливалось после ледохода весной, разбиралось перед ледоставом в осеннее время.

До 1752 года казачье рыболовство не распространялось на устье реки Урал и прилегающее побережье Каспия. Эти воды находились в пользовании купцов Гурьева, установивших здесь свой учуг. С 1753 года казачья система рыбной ловли охватила полностью нижнее течение реки Урал. Гурьевский учуг был уничтожен, и остался Уральский учуг, который был ориентирован на лов проходных осетровых [2, с. 46]. Таким образом, роль Уральского учуга становится ведущей с XVIII столетия.

К главным видам рыбного промысла уральского казачества отнесены морские: «весенний курхай» («курхай»), «осенний курхай» («жаркое»), «аханное» (зимнее) рыболовство. Речные: «севрюжья» или «весенняя плавня» («севрюги»), «осенняя плавня» («плавня»), «багоренье» (зимнее рыболовство), зимнее неводное гурьевское рыболовство («зимние невода»). К второстепенным были отнесены узенский (на реках Большой и Малый Узень осенью и зимой), черхарский (на озере Черхар зимой) рыбные промыслы. Эти два вида контролировались Войсковой канцелярией, которая определяла место, сроки и число участников лова [3, с. 12].

Основой казачьей системы было выделение отдельных рыболовств – единиц годового промыслового цикла. Каждое такое рыболовство производилось в строго определенных местах и в строго определенные строки. Используемые орудия лова, плавсредства, состав участников промысла и порядок их взаимоотношений строго регламентировались [2, с. 46].

Изучая рыбный промысел в повседневной жизни казаков второй половины XIX-начала XX вв., П. С. Кабытов и Е. В. Годовова отмечают, что наиболее популярным видом рыболовства у уральских казаков было багренье. [3, с. 13–14]. Багренье – вид зимней рыбалки, плавня – вид рыбалки весной и осенью. Багренье – ловля рыбы зимой в конце декабря-начале января. Багренье и осенняя плавня в середине XIX века были довольно прибыльными и имели важное значение в хозяйстве казаков.

Первый день каждого промысла был праздничным. Он начинался с молебна, в котором кроме промысловиков принимали участие и многочисленные зрители. После установки учуга устанавливали «угощение» для войскового начальства. Подготовка к промыслу, проводы, встреча составляли важную часть семейной обрядности. Сборы на багренье отличались особой тщательностью и начинались не менее, чем за месяц: казаки прежде всего «подъяровывали», т.е. откармливали лошадей, запасали муку и овес, готовили орудия и приспособления. Не оставалась без внимания и промысловая одежда, хранимая на этот случай исстари. Приводились в порядок легкие багренные санки, заботливо осматривались оглобли, завертки к ним. Женщины в этот период лепили, морозили, складывали в мешок пельмени, пекли кокурки [3, с. 13].

В назначенный день тысячи рыбаков, и стар, и млад, спешили на легких «багренных» санках к определенному пункту, где была замечена залежь, или «ятовь», рыбы. Участников багренья называли баграчеи. Баграчеи оставляли лошадь с санями на берегу, сами забирали несложные орудия и спускались на лед реки. Орудиями им служили, в одной руке – «пешня» – для пробивания проруби во льду, а в другой – длинный «багор» и короткий «подбагренник» Первым рыбу забагривают с глубины иногда до 7 сажень, где она обычно зимой лежит рядами в полусне. Вторым рыбу «подбагривают», когда она подтянута ко льду [3, с. 13].

П. С. Кабытов и Е. В. Годовова также акцентируют, что для уральских казаков рыбный промысел был составляющей частью их повседневной жизни.

Вместе с тем, государство принимало меры для поощрения рыбного промысла в среде казаков. Так, в 1891 году по случаю 300-летия службы Уральского казачьего войска ему была дарована Высочайшая Грамота императора Александра III, в которой относительно рыбного промысла было сказано следующее: «В целях же обеспечения уральских казаков необходимыми средствами к исправному выходу на службу, мы признали за благо сохранить за Уральским казачьим войском и на будущее время существующий ныне порядок пользования для рыболовства рекою Уралом в пределах течения его по войсковым землям» [4, с. 12]. Вся река и участок Каспийского моря были признаны общим достоянием всех уральских казаков как членов единой общины, причем на них организовано единое общее рыбное хозяйство с преобладанием речного лова, преимущественно осеннего и зимнего.

Таким образом, рыболовство для уральского казачества имело серьезное экономическое значение.

Оренбургское казачество, формирование которого как сословия началось в XVI столетии и завершилось к XIX веку, получило в пользование огромные наделы земли и массу прав, а именно: безборочной ловли рыбы и соледобычи. Вместе с тем оренбургские казаки имели и иные привилегии: освобождение от уплаты государственных податей (налогов), рекрутских повинностей, право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории. Такими же правами были наделены и сибирские, и семиреченские казаки Казахстана.

Если рассмотреть рыбный промысел оренбургских казаков, то можно отметить, что он был развит на реках Илек, Миасс, Тобол, Уй. Основной улов составляли такие породы рыб, как сом, жерех, судак, лещ довольно больших размеров. Вместе с тем, в оренбургских озерах ловили золотых карасей и сазанов [5, с. 15]. Однако для оренбургского казачества рыбный промысел не был основным видом экономической деятельности, в то время как в сибирском оно было развито лучше.

К примеру, территория Сибирского линейного казачьего войска составляла 5 млн десятин. Ему достались лучшие земли Центрального, Северного, Восточного Казахстана. Рыболовство было достаточно хорошо развито в Кокчетавском округе. Сибирским казакам принадлежали также права на рыболовство в реках Есіл (Ишим), Ертіс (Иртыш), озере Зайсан. Таким образом, сибирские казаки ловили рыбу на реках и озерах.

Казаки рыбным промыслом занимались более активно нежели местное население. Об этом сообщал в XIX в. С. Б. Броневский. Он писал

следующее: «Рыбная ловля почти не занимает киргизцев, хотя в местах ими обитаемых озера и реки оною изобилуют. Они не любят рыбы; бедные только добывают ее крючками и сетями, сделанными из лошадиных волос. Казаки, напротив, производят там свои промыслы, а киргизцы остаются равнодушными зрителями» [6, с. 43].

Как отмечает исследователь Т. Л. Южакова, Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска во второй половине XIX в. предприняло усилия по созданию нормативной правовой базы для регулирования рыбопромысловой деятельности на войсковой территории, в первую очередь в Зайсано-Иртышском регионе. Его активность в этом направлении определялась модернизационными процессами, имевшими место в российском обществе, стремлением получить максимальную выгоду от рыболовных угодий на казачьих землях и экологическими соображениями.

С 1862 г., после реформы Сибирского казачьего войска, освободившей казаков от обязательных работ на войсковых хозяйственных заводах и промыслах, Зайсано-Иртышскую «рыбалку» стали сдавать в аренду всем желающим независимо от социальной принадлежности отдельными участками на трехлетние сроки пользования. По мнению войсковой администрации, такая форма пользования рыболовными угодьями должна была составить значительную статью дохода для казны войска. Помимо платы за конкретные участки для рыбной ловли, арендаторы платили деньги за 5000 пудов соли, выкупное количество которой определялось для каждого из них площадью арендованного рыболовного места. Аренда большого по площади участка требовала выкупа большого количества соли. Сибирское казачье войско получало упомянутые 5000 пудов соли из государственной казны бесплатно и обязывало арендаторов приобретать ее при аренде рыболовных угодий в пределах озера Зайсан [7, с. 197].

Семиреченские казаки так же, как и оренбургские, занимались в основном земледелием. Однако в отличие от других казачьих войск, проблема наделения семиреченских казаков землей была достаточно острой. Основной вопрос, с которым были связаны разногласия центральных и местных органов власти, – это определение размера душевого земельного надела семиреченских казаков [8, с. 39].

Таким образом, в экономической повседневной жизни казачества Казахстана значительное место отводилось рыбному промыслу. Развитие рыбного промысла в экономической жизни казачества казахских степей было неравномерным. В большей степени он был

развит в среде уральских и сибирских казаков. В экономической повседневности оренбургского и семиреченского казачества рыболовство не стало основным видом хозяйственной деятельности, оставшись лишь подспорьем.

В 1880–1890-е годы промыслы жизни казачества Казахстана постепенно угасают и теряют прежнее значение. Утратило свою роль и рыболовство, став для многих казаков только подспорьем вместо основного занятия. Большинство степных озер истощили хищническим ловом рыбы.

Литература

1. Уральские войсковые ведомости. 1885. 2 июня. № 21.
2. *Казачков Г. В.* К вопросу о реальной роли Уральского учуга в осетровом промысле на рубеже XX и XX веков // Вестник ОГУ. 2007. № 5. С. 46–50.
3. *Кабытов П. С., Годовова Е. В.* Рыбный промысел в повседневной жизни казаков (вторая половина XIX-начало XX века) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2017. Том 23. № 4. С. 12–16.
4. *Бородин Н. А.* В защиту уральского рыболовства. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». 1910. 72 с.
5. *Бешенцев В. Г.* Моя станица. Оренбург: Печатный дом «Димур». 2010.
6. *Бронеvский С. Б.* О казаках Средней Орды. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005.
7. *Южакова Т. Л.* Правовое регулирование рыболовного промысла в Зайсано-Иртышском регионе во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 196–202.
8. *Бижигитова К. С.* Законодательная база землепользования в Семиреченском казачьем войске (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Вестник КазНПУ. 2017. № 1 С. 37–39.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТАННИКОВ ЦЕНТРОВ ПОМОЩИ ДЕТЯМ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Белякова Ю. И., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье автор изучает технологии, которые применяются для профессиональной ориентации детей, оставшихся без попечения родителей. В статье описаны методы, применяемые на практике для профессиональной адаптации детей, оставшихся без попечения родителей. Автор делает вывод, что описанные в статье технологии благоприятно влияют на дальнейшее развитие молодых людей в социуме.

Ключевые слова: технологии профессионального ориентирования подростков, профессиональная ориентация, воспитанники центров помощи детям, дети, оставшиеся без попечения родителей

PROFESSIONAL ORIENTATION OF TEENAGERS, PUPILS AT CENTERS FOR CHILDREN DEPRIVED OF PARENTAL CARE

Belyakova Yu. I., Barnaul (Russia)

Abstract. In the article, the author studies technologies that used for the professional orientation of children deprived of parental care. The article describes the methods used in practice for the professional adaptation of children deprived of parental care. The author concludes that the technologies described in the article favorably affect the further development of young people in society.

Keywords: technologies of professional orientation of adolescents, professional orientation, pupils at childcare centers, children deprived of parental care

Одно из важнейших решений в своей жизни человек принимает в юношеском возрасте, когда определяется с будущей профессией. Для многих данный вопрос открыт на протяжении многих лет, что заставляет задуматься об улучшении программ по профориентированию подростков.

Цель исследования заключается в исследовании технологий профессионального ориентирования подростков – воспитанников центров помощи детям, оставшихся без попечения родителей.

По данным социологического исследования Всероссийского научно-исследовательского центра профориентации и психологической поддержки населения, многие выпускники школ не имеют какой-либо ясной жизненной перспективы: около 30% – находятся в состоянии выраженного стресса, 80% не имеют жизненных

планов, более 50% специалистов выпускаются уже невостребованными, и лишь один из десяти имеет возможность профессионального роста по своей основной специальности [2, с. 4].

Воспитанники центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, зачастую отличаются от детей, выросших в семье, своим мировосприятием, осознанием себя. Многим сложно ответить на ряд вопросов: «Кто ты?», «Кем ты видишь себя в будущем?», «Какие у тебя есть навыки?».

Главным фактором, влияющим на социальное становление и психическое развитие детей-сирот, является депривация. Депривация – психическое состояние, возникающее в результате лишения, ограничения человека в возможности удовлетворять основные потребности, вследствие чего у человека может появиться агрессия, которая направлена вовне, зачастую – на объект.

Длительная депривация, начавшаяся на первом году жизни и продолжающаяся около трёх лет, обычно приводит к тяжелым последствиям для интеллектуальных лично-структурных функций и практически не поддается исправлению [1, с. 253].

Существует еще ряд факторов: «досиротский» опыт, институциональный, педагогический. Вышеперечисленные факторы действуют на детей опосредованно через ближайшее окружение, оказывают решающее воздействие на то, сможет ли ребенок самостоятельно строить свою судьбу в положительном русле.

Статистика показывает, что 40% выпускников центров страдают алкогольной или наркотической зависимостью, 40% совершают преступления. Другая часть становятся жертвами криминала, 10% кончают жизнь самоубийством. Лишь 10% адаптируются к самостоятельной жизни.

В 2015 году московский благотворительный фонд «Открывая горизонты» разработал программу «Поколение выбор», которая направлена на помощь в профорientации воспитанников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Уже к 2019 году к программе присоединились 37 регионов.

Основная целевая аудитория – воспитанники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дети из приемных семей, дети, обучающиеся в сельских школах, в возрастном диапазоне от 12 до 17 лет.

Целью программы является помощь подросткам в профессиональном самоопределении и развитии универсальных навыков, необходимых для подготовки к успешной профессиональной деятельности в будущем и к успешной самостоятельной жизни.

Методы, применяемые при реализации программы:

Профориентационные игры и тренинги. Включают в себя следующие мероприятия профориентационной направленности:

мероприятие открытия – интерактивное занятие с ведущим с целью знакомства и создания личной ценности участников программы, погружения в интерактивной форме в тему программы/создания мотивации на включение в новую экосистему навыков развития и установления контакта между

организаторами/кураторами/волонтерами программы и участниками;

профориентационные игры – игровые практики различного формата (игры-квесты, ролевые игры, решение реальных бизнес-кейсов и пр.), позволяющие актуализировать, обсудить и приобрести навыки, необходимые для успешного овладения разными профессиями;

тренинговые занятия по 5 шагам осознанного выбора: «Остановись», «Исследуй», «Выбери», «Сделай», «Поделись» – интерактивные занятия для погружения участников в среду испытаний и вызовов, в рамках которой они могут получить новые знания и овладеть определенными навыками для самостоятельного и осознанного выбора своего профессионального будущего;

беседы с элементами тренинга – тематические интерактивные занятия с ведущим для передачи знаний и навыков по определенным темам;

практические занятия – тематические интерактивные занятия с ведущим для практического применения участниками полученных ранее специфичных знаний и навыков по определенным темам;

мероприятие закрытия – интерактивное занятие с ведущим с целью завершения учебного года программы и подведения итогов, построения индивидуального дальнейшего маршрута для каждого участника, создания личной ценности для участников в дальнейшем индивидуальном развитии.

Выездные мероприятия на территорию предприятия.

Один из вариантов погружения (ознакомления) в профессию – непосредственное присутствие на рабочем месте, куда ребята приезжают вместе с волонтерами и кураторами. Там они могут попробовать себя в той или иной специальности, пообщаться с сотрудниками предприятия.

Встреча с представителями разных профессий.

Реализуется встреча с профессионалами своего дела. Редкая и уникальная возможность, которая позволяет детям задать вопросы понимающим и любящим свое дело людям. Ребята могут узнать

тонкости, расширить свой кругозор профессий, посоветоваться о выборе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют действующие программы, которые направлены на профессиональную ориентацию детей, оставшихся без попечения родителей. В них применяются разные технологии и методы при работе с детьми, которые благоприятно влияют на дальнейший профессиональный выбор и развитие в социуме.

Литература

1. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа; [Пер. с англ. и нем. Е. Биневой и др.]. М.: ЭКСМО-пресс, 1999.
2. Чурекова Т. М., Грязнова Г. А. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся : учебное пособие. М.: КемГУ, 2014.

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В КУРСКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Бобунова М. А., Курск (Россия)

Аннотация. В статье приводится описание наименований одежды в курском песенном фольклоре. Базой исследования явились лексикографические комплексы, подготовленные на материале свода «Великорусские народные песни». Выявленные лексемы систематизированы по тематическим группам и проанализированы с учетом употребительности и словообразовательной активности. Особое внимание уделено диалектным словам, характерным для курских лирических песен, и уменьшительно-ласкательным формам, свойственным разным жанрам русского фольклора. Описываются синтагматические связи наиболее частотных слов платье и шляпа. Отмечается важная роль наименований одежды в фольклорном тексте, где они выполняют разные функции, помогая описать внешний вид лирических героев и их эмоциональное состояние. Делается вывод о территориальной специфике анализируемого языкового материала, о чем свидетельствует словник лексем и особенности их употребления в курском песенном фольклоре.

Ключевые слова: устное народное творчество, народная лирика, курский регион, язык фольклора, наименования одежды

NAMES OF CLOTHING IN THE KURSK SONG FOLKLORE

Bobunova M. A., Kursk (Russia)

Abstract. The article describes the names of clothes in the Kursk song folklore. The basis of the study was lexicographic complexes prepared on the

material of the collection «Great Russian Folk Songs». The identified lexemes are systematized by thematic groups and analyzed in relation to their usage and derivational activity. Particular attention is paid to the dialect words characteristic of the Kursk lyric songs, and diminutive forms characteristic of various genres of Russian folklore. The syntagmatic connections of the most frequent words dress and hat are described. The important role of clothing names in the folklore text, where they perform different functions, helping to describe the appearance of lyrical heroes and their emotional state is noted. The conclusion is made about the territorial specificity of the analyzed linguistic material, as evidenced by the lexem dictionary, and the features of their use in Kursk song folklore.

Keywords: oral folk art, folk lyrics, Kursk region, folklore language, names of clothes

Известно, что одежда – это «наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры, наделенная широким кругом значений и функций, служащая маркером пола, возраста, семейного, социального, сословного, имущественного положения, этнической, региональной, конфессиональной принадлежности, рода занятий человека, его ритуальных ролей» [7, с. 523]. Это объясняет интерес исследователей к словам данной тематической группы.

В русском фольклоре неоднократно упоминаются разные виды одежды. Мы уже обращались к описанию эстематонимов (εσθημα, τοσ, то – одежда, платье + овоμα, ατος, то – имя, название) в текстах онежских былин [1]. Полагая, что русский фольклор жанрово и территориально дифференцирован, в данной статье мы ограничимся описанием наименований одежды в курской народной лирике. Базой исследования стали лексикографические комплексы [2; 3], подготовленные нами на материале свода «Великорусские народные песни» [5].

Выявленные эстематонимы мы разделили на несколько групп: а) названия предметов нательной одежды (*душегрейка, халат*), ее частей (*подол, рукав*) и деталей (*пуговка, пояс*); сюда же мы включили слова, называющие одежду для конечностей (*чулок, перчаточка, рукавичка*); б) названия головных уборов (*шапка, шляпа*) и их частей (*причелок*); в) названия обуви (*башмак, лапти*) и ее частей (*обора*). Наиболее разнообразна первая группа, в которой есть наименования мужской (*кафтан, штаны*), женской (*сарафан, юбка*) и универсальной одежды, не дифференцированной по половому признаку (*платье, рубаха, шуба*).

В составленном нами словнике немало диалектных и собственно фольклорных лексем, например: *подпояска* 'Поясок, кушак, опояска,

вообще, чем подпоясываются' [6, с. 197]; *сорочина* 'Фольк. Женская нижняя рубашка, сорочка' [8, вып. 40, с. 34]; *сорочка* '1. Головной убор замужней женщины, кичка' [8, вып. 40, с. 36]; *причелок* 'Налобная часть женского головного убора (повойника, сороки), вышитая бисером, гарусом, шелком' [8, вып. 32, с. 58]; *ходачки* 'Ласк. Кожаные башмаки' [8, вып. 51, с. 26]; *обора* '2. Завязка у лаптей и другой обуви, прикрепляющая обувь к ноге и обвивающая онучи' [8, вып. 22, с. 172].

Одна была сорочина,

И ту намочила [5, т. 7, № 117].

Там молодцы в сапожках,

Молодушки в ходачках,

Красныя девки в башмачках [5, т. 7, № 388].

Слома голову бежала

У худой рубашонке,

У драной паниенке,

Без причелка сороченка [5, т. 4, № 554].

Обратим внимание на существительное *паниенка*, не зафиксированное в «Словаре русских народных говоров». Возможно, это диминутивная форма слова *понёва* 'Нар.-разг. Старинная русская поясная одежда замужней женщины: юбка из трех (реже четырех) полотнищ шерстяной или полушерстяной клетчатой или полосатой ткани' [4, с. 918]. Данный вид одежды был широко распространен в южных регионах России.

Хотя лексема *вербажи* вошла в словник сводного диалектного словаря, значение ее до конца не установлено, приведен лишь пример из курской песни: *вербажи* 'мн. [удар.?]. *Вербажи-подпояски*. Они вороных коней поседлали, Ямские кафтаны надевали, Вербажи-подпояски с полосами, Кумачные штаны с напусками. Курск., Соболевский, 1895' [8, вып. 4, с. 120]. Заметим, что курскую «прописку» имеют и другие диалектные лексемы (*сорочина*, *ходачки*).

Характерной особенностью фольклорного текста является частое употребление уменьшительно-ласкательных форм: *башмачок*, *зипунишка*, *кокошничек*, *рукавичка*, *сорочечка*, *чулочек*, *чеботочки*, *шапочка*, *юбочка* и др.

Играть на улице выходила,

Траву-мураву притоптала

Тонкими, белыми чулочками,

Цветными башмачками [5, т. 2, № 259].

Ты прими подарочек –

Замосковский пряничек,

В семь рублей кокошничек! [5, т. 3, № 111].

Во шапочке **перчаточки** – что белого снегу [5, т. 4, № 43].

Особым разнообразием отличаются ряды с корнем *рубах-* (*рубаха, рубашка, рубашечка, рубашонка, рубашоночка*) и *шуб-* (*шуба, шубка, шубочка, шубушка*).

А я к куме приходила,

Рубашоночку просила:

«Кума, кума, дай **рубаху**,

Хоть худую, да альняную...» [5, т. 7, № 220].

Сшил мне муж **шубочку**, а я не ношу, –

<...> Виси, моя **шубушка**, да меньшей сестре [5, т. 2, № 261].

Эстематонимы в фольклорном тексте часто соседствуют друг с другом, создавая идеальный портрет лирического героя: *Оне вороных коней поседлали, Ямские кафтаны надевали, Вербажу-подпояски с полосами, Кумачные штаны с напусками, Белые чулочки с начесами, Сафьяны-чеботочки с подковками* [5, т. 1, № 310]; *На детинушке зелен кафтан, Подпоясочка шалевая, Рукавички барановыя* [5, т. 3, № 390].

Для женского персонажа для самоутверждения в своих глазах и глазах соседей часто важно не только качество одежды, но и ее количество: *Принеси-тка, друг любезный, Алаго гризету, На две шубки, на две юбки, На две телогрейки, Чтоб не стыдно красной девке На улицу выйтить, С людьми постояти!* [5, т. 4, № 763]; *Она, шельма-расканалья, Больно щипетко ходила: По два мыла измывала, По две юбки надевала, По четыре душегрейки, Чтоб не стыдно было красной* [5, т. 6, № 317].

Встречаются и примеры противопоставления богатой, дорогой одежды бедной, дешевой, старой: *Он не в шубе, не в халате, – Он у старом зипунишке* [5, т. 2, № 492]; *Поехал муж на базар Покупочки покупать: Чужой жене башмачки И белые чулочки; А мне, молодой, лапти сплел И черные онучи, Пенечныя обору* [5, т. 3, № 479].

Наиболее употребительными в курских песнях оказались существительные *платье* и *шляпа*. Высокая частотность первого обусловлена многозначностью лексемы *платье*, которая называет как предмет женской одежды, так и любой предмет одежды, надеваемый на тело поверх белья. Ср.:

Сидит девка, как ягодка,

Набелена, нарумянена,

*В цветно **платье** наряжена* [5, т. 2, № 346].

Гляну, гляну в чисто поле: Иван с Москвы едет.

Под ним конь-ет, под ним конь-ет – что сокол летает;

*На нем **платье**, на нем **платье** – что мак разцветает;*

На нем шляпа, на нем шляпа – что солнышко съест [5, т. 4, № 42].

В курской лирике перечень эпитетов существительного *платье* разнообразен. Наряду с общефольклорной конструкцией *цветное платье*, встречаются и другие, где обращается внимание на цвет платья (*светлое, черное*), материал (*шелковое*) и назначение (*вольное, заслуженное*).

*Наряжусь же я, сиротинушка, в **черно платье**,
Пойду, пойду ко милу другу на свадьбу* [5, т. 5, № 648].

*Они шьют **платье шелковое***

На мое тело белое [5, т. 3, № 3].

*У молодых солдат **платье вольное**,*

Платье вольное, заслуженное [5, т. 6, № 168].

Шляпа, как правило, черная, хотя зафиксированы и единичные определения *пуховая* и *собольковая*.

Добрый молодец гуляет,

Он и свищет, гаркает,

***Черною шляпою** махает,*

*Он свою **собольковую*** [5, т. 7, № 246].

Лингвофольклористы уже обратили внимание на то, что кафтан в курской народной лирике обычно зеленого цвета, в то время как в песнях, записанных в северных губерниях, голубой или синий [9, с. 127]. Материалы наших лексикографических комплексов подтверждают это. Заметим, что эпитетосочетание *зеленый кафтан* фиксируется даже в песнях юмористического содержания: *Серая овечка Барана окотила, В **зеленом кафтане**, Шляпа пуховая* [5, т. 7, № 185].

В русском фольклоре нередко упоминается материал изготовления разной нательной одежды, головных уборов и обуви. Курские песни не являются исключением. Например: *альняная 'льняной'* [8, вып. 23, с. 192] *рубаха, атласная юбочка, ситцевая, грасетовая 'сшитый из материала грезет'* [8, вып. 7, с. 116] *душегрейка, шелковый платок, шелковый пояс, кисейный рукав, кунья шуба, соболья шапка, собольковая 'сделанный из меха соболя, соболий'* [8, вып. 39, с. 171] *шляпа, сафьянный башмак*. Как видим, для наименования тканей тоже используются диалектные лексемы, свойственные курским говорам (*грасетовый, собольковый*).

Кабы я тебя любил,

Я б юбку купил,

*Я **ситцевую душегрейку**,*

Грасетовую [5, т. 5, № 435].

Рости, моя коса,

*До **шелкова пояса**,*

*До **сафьянного башмака!*** [5, т. 4, № 179].

Таким образом, проведенный анализ показал, что эстематонимы играют важную роль в фольклорном тексте. Они выполняют типологизирующую и характеризующую функцию, помогая описать и внешний вид лирических героев, и их эмоциональное состояние. А характерная для фольклора оценочность передается с помощью многочисленных уменьшительно-ласкательных форм и эпитетов.

Территориальная специфика языковых единиц подтверждается широким употреблением диалектных слов, значительная часть которых свойственна южным говорам или фиксируется исключительно в курском регионе. О пространственной дифференциации говорят и синтагматические связи общеупотребительных лексем, что может быть подтверждено дальнейшим исследованием с привлечением нового фактического материала.

Литература

1. Бобунова М. А. Одежда в онежском эпосе // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 103–109.
2. Бобунова М. А. Лексикографический комплекс как источник изучения языка фольклора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3 (22). С. 13–18. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/022-003.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).
3. Бобунова М. А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 1–7.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. М.: Рус. яз., 2000. 555 с.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.
8. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
9. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 192 с.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ

Борисова О. В., Барнаул (Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу патриотического воспитания населения Алтайского края. Приводятся данные социологического исследования, проведенного в 2021 году среди экспертов – специалистов органов государственной власти в области патриотического воспитания, ученых, занимающихся данной проблематикой, представителей общественных организаций. Было выявлено, что в понимании патриотизма эксперты в первую очередь выделяют эмоциональный компонент, а настоящего патриота отличают добросовестное исполнение гражданских обязанностей, высокий уровень патриотизма, активная гражданская позиция, готовность защитить Родину в трудную ситуацию. Патриотическое воспитание определяется в качестве целенаправленной деятельности по воспитанию уважительного отношения к стране, гражданской самоидентификации и любви к Родине. Экспертами отмечен средний уровень патриотического воспитания в регионе.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, родина, патриот, государство

PATRIOTIC EDUCATION OF ALTAI TERRITORY POPULATION IN EXPERT EVALUATIONS

Borisova O. V., Barnaul (Russia)

Abstract. The article is devoted to the analysis of patriotic education of Altai Territory population. The authors present the data of the sociological research carried out in 2021 among the experts of state authorities in the field of patriotic education, scientists, who deal with this problematic, and the representatives of public organizations. It was revealed that in the understanding of patriotism the experts, first of all, distinguish the emotional component, and the real patriot is distinguished by conscientious performance of civic duties, high level of patriotism, active civic position, readiness to protect the Motherland in a difficult situation. Patriotic education defined as a purposeful activity of fostering a respectful attitude towards the country, civic self-identification and love for the Motherland. Experts noted the average level of patriotic education in the region.

Keywords: patriotism, patriotic education, homeland, patriot, state

Значимость патриотизма в формировании российского государства сложно переоценить. Исторически сложилось, что наша страна обладает многонациональной этнической структурой. Такая

специфика была достигнута не путем завоевания одними народами других, а добровольным присоединением народов друг к другу, с целью противостояния общему врагу. Многочисленные войны показали, что народы, даже не говорящие на одном языке, объединялись против общего врага. И такой консолидирующей сил и был патриотизм. Безусловно, сложно переоценить роль патриотизма в становлении и развитии российской государственности, так как самые значимые события во всей истории нашей страны непосредственно связаны с патриотизмом российского общества. Поэтому можно утверждать, что патриотизм всегда составлял важную часть бытия нашего многонационального народа [1, с. 65].

Патриотическое воспитание населения является важнейшей государственной задачей. Происходящие политические процессы в мире еще больше усиливают значимость высокого уровня патриотизма населения, как консолидирующей силы и ресурса, способного сплотить граждан в непростое для страны время. Для того чтобы патриотическое воспитание населения было качественным, правдивым, преемственным и совпадало с интересами и ценностями государства, необходима четкая и длительная работа в рамках государственной политики [4, с. 32]. Сформированное патриотическое сознание граждан отражает эффективность реализации государственных мер в области патриотического воспитания. Патриотические отношения выступают предпосылкой материализации патриотического сознания и реализации патриотической деятельности. Основная идея патриотических отношений – совершенствование всех сторон жизни общества. Патриотическая деятельность – это материальная основа патриотизма. Действия можно считать патриотическими, если они направлены на служение Отечеству в различных проявлениях. Патриотическая деятельность может проявляться на личном и государственном уровнях.

Патриотическое воспитание как сложная социальная технология формирования человека настоящего и будущего имеет мощный потенциал, реализация которого позволит противостоять деструктивной деформации ценностной матрицы общественного сознания. Но для этого необходимо создание единой во всех сферах общественной жизни системы официальных символов и ритуалов, целостном прочтении национальной истории, системе правовых принципов, механизмов и навыков соучастия в «общих делах», на системе представлений о месте России в мире, пантеоне национальных героев и т.д. [2, с. 11]

В 2021 году исследовательским коллективом Алтайского государственного университета был проведен экспертный опрос. Целью данной работы являлось изучение оценок экспертов из общественных организаций, органов государственной власти, представителей научного сообщества, чьи деятельность и научные интересы связаны с проблематикой патриотизма, патриотического воспитания населения Алтайского края (n=50).

Патриотизм как социальный феномен имеет трехкомпонентную структуру, включающую эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты. По результатам опроса было выявлено, что чаще всего экспертами патриотизм понимается через позитивные эмоциональные проявления в отношении своей страны («любовь к Родине, уважение культуры, традиций», «непоказная, истинная любовь к своему Отечеству», «положительное отношение к стране, заботливое и бережное»). Немного реже в определении патриотизма экспертами отмечалась поведенческая составляющая («готовность защищать интересы государства», «активная гражданская позиция, честь, долг», «ответственность за судьбу страны, участие в политической жизни государства»). Когнитивная составляющая патриотизма экспертами была представлена через понимание этого феномена как «знание истории страны и края», «знание языка, культуры, традиций». Истинного патриота характеризуют добросовестное исполнение гражданских обязанностей, высокий уровень патриотизма, активная гражданская позиция, готовность защитить Родину в трудную ситуацию, работа во благо страны.

По мнению Т. А. Ярковой, патриотическое воспитание как процесс должно характеризоваться такими чертами, как постоянство, плановость и системность [5, с. 63]. В экспертных оценках респондентов патриотическое воспитание определяется в качестве «целенаправленной деятельности по воспитанию уважительного отношения к стране, гражданской самоидентификации и любви к Родине», «комплекса мероприятий, проводимых для развития и определения патриотической направленности». Помимо государства эксперты указывают на важную роль в этом процессе образовательных организаций и СМИ: «изучение истории своего государства, уроки мужества», «обучение в школе, личное участие в мероприятиях, положительные примеры, формирование мировоззрения в СМИ». Оценивая уровень патриотического воспитания населения Алтайского края, эксперты указали средние значения.

Таким образом, патриотизм, в первую очередь, это эмоциональное проявление гражданина в отношении своей страны. Патриотическое

воспитание населения Алтайского края, по мнению экспертов, представляет собой комплексную деятельность по формированию патриотического сознания жителей региона. При этом в регионе отмечен средний уровень патриотического воспитания населения.

Литература

1. Бурганова И. Н. Патриотическое воспитание в системе государственной политики РФ: состояние и проблемы // Сурский вестник. 2019. № 3 (7). С. 65-67.

2. Гулевич А. В., Рудаков А. В. Патриотическое воспитание как стратегическое направление государственной политики РФ по укреплению национальной идентичности // Вестник Российской нации. 2019. №3 (67). С. 9-24.

3. Даньшина С. А. Патриотическое воспитание как основа формирования интеллектуального потенциала молодежи в Удмуртской Республике // III Чтения памяти В.Т. Лисовского: сборник научных трудов / отв. ред. Т.К. Ростовская. 2020. С. 31-34.

4. Лещинская С. Н. Патриотическое самоопределение российской молодежи: социологический анализ // Человек. Общество. Инклюзия. 2021. №2 (46). С. 28-32.

5. Яркова Т. А. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. №4 (24). С.62-65.

ПРОГРАММА «ШКОЛА ДОБРЫХ МАМ И ПАП» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Васильева Е. В., Сиротина Т. В., Карпова Д. Н., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье авторы рассматривают программу «Школа добрых мам и пап» в контексте формирования ответственного родительства, профилактики социально опасного положения семей, проживающих в Алтайском крае. Авторы анализируют мнения участников программы о содержании проводимых занятий, используемых формах и методах, полезности участия в программе. Авторы делают вывод о том, что программа «Школа добрых мам и пап» способствует как решению проблем с детьми, проблем внутри семьи, так и решению внутриличностных проблем участников.

Ключевые слова: семья, родительство, ответственное родительство, социально опасное положение, профилактика, «Школа добрых мам и пап»

PROJECT «THE SCHOOL OF CARING MOMS AND DADS» IN THE ALTAI KRAI:
DEVELOPMENT OF RESPONSIBLE PARENTHOOD

Vasil'eva E. V., Sirotina T. V., Karpova D. N., Barnaul (Russia)

Abstract. The authors present the project «School of Caring Moms and Dads» in the context of responsible parenthood development, prevention of socially vulnerable situation among families in the Altai region. The results of the survey, conducted by the authors, according to the opinions of project participants about the content of webinars, forms and methods used, the total usefulness of participating in the project are presented in the article. The authors conclude that the «School of Caring Moms and Dads» contributes both to solving problems with children, problems within the family, and to intrapersonal problems of the participants.

Keywords: family, parenthood, responsible parenthood, socially vulnerable situation, prevention, the «School of Caring Moms and Dads»

По данным мониторинга деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав численность семей, находящихся в социально опасном положении, в Алтайском крае растет. На 1 января 2020 г. были выявлены 2073 таких семьи, на 1 января 2021 г. – 2164. Ведомствами Алтайского края реализуются различные программы, принимаются меры с целью профилактики семейного неблагополучия, улучшения положения семей в регионе.

Под семьями, находящимися в социально опасном положении, согласно статье 1 федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и

правонарушений несовершеннолетних» понимают семьи, имеющие детей, находящихся в социально опасном положении, а также семьи, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. Соответственно, несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении, – это лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия [1].

Одной из инновационных программ, направленных на поддержку семей, находящихся в социально опасном положении, является программа «Школа добрых мам и пап», реализуемая в рамках государственной программы Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности на 2021 – 2024 годы». Координатором программы и разработчиком ее методического комплекса выступает КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» при поддержке Министерства социальной защиты Алтайского края. Соисполнителями являются комплексные центры социального обслуживания населения муниципальных образований Алтайского края, в каждом из которых определен куратор «Школы добрых мам и пап», осуществляющий организационную работу с семьями – участниками программы.

«Школа добрых пап и мам» представляет собой курс дистанционных занятий с родителями, направленных на повышение родительских компетенций, формирование мотивации к получению профессиональной помощи в преодолении трудностей в воспитании детей. Основная цель программы состоит в том, чтобы помочь родителям из семей, находящихся в социально опасном положении, развить компетенции в сфере позитивного и ответственного родительства, транслировать навыки неконфликтного и безопасного социального поведения свои детям.

Т. О. Арчакова, Г. А. Лебедева отмечают, что родительство – это часть личностной сферы человека, которая формируется на протяжении всей жизни. Поэтому работа по повышению психолого-педагогической компетентности и ответственности родителей сегодня сама по себе является профилактикой нарушения детско-родительских отношений, повторения дисфункциональных моделей поведения в следующих поколениях [2].

Программа «Школы добрых мам и пап» состоит из трех блоков: «Дошкольное детство», «Младший школьный возраст», «Подростковый

возраст», каждый из которых включает серию вебинаров по актуальным вопросам воспитания детей. Реализация программы охватывает весь Алтайский край. КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» как ресурсный центр обеспечивает разработку программы, рабочих тетрадей и проведение вебинаров с приглашенными экспертами по отдельным темам [3-6].

В 2021 году в программе «Школа добрых мам и пап» приняли участие 634 родителя из 317 семей, находящихся в социально опасном положении. В 2022 году работа проекта продолжилась. С целью выявления содержательности и полезности программы в 2022 году был проведен опрос участников, основным методом исследования стало анкетирование.

Результаты проведенного опроса выявили следующие социально-демографические характеристики респондентов. Подавляющее большинство принявших участие в опросе (97%) – женщины. Более половины респондентов (55%) – в возрасте от 31 до 40 лет; около трети (29%) – в возрасте от 41 до 50 лет. Более половины опрошенных (56%) состоят в браке, треть респондентов разведены (36%). Подавляющее большинство участников опроса на данный момент проживают в селах и деревнях (86%). Также важно отметить, что почти половина родителей многодетные: воспитывает троих и более детей (49%), около трети – двоих детей (29%), семьи с 1 ребенком составили 21% от всех участников исследования.

Большинство респондентов (53%) самостоятельно подключались из дома, 47% – подключались на базе комплексных центров. Участники позитивно отзывались о дистанционной форме работы: 95,5% опрошенных считают онлайн-формат работы удобным для себя. Среди основных трудностей при работе в онлайн-формате респонденты выделили такие как: сложности с подключением из-за нестабильного интернета, прерывание звука и изображения (около трети ответивших). Данные трудности по мере возможности преодолевались возможностью участия на базе комплексных центров.

Участникам предлагалось оценить полезность каждого из восьми занятий по программе «Школа добрых мам и пап». Подавляющее большинство респондентов положительно оценили каждое из прошедших занятий. В большинстве своем участникам программы «Школа добрых мам и пап» нравилось делиться своим опытом и слушать других, обсуждать насущные темы с ведущей, получать новую информацию и выполнять домашние задания.

Практически все респонденты отметили, что полученная информация о возрастных особенностях ребенка была нужной и

полезной (95%). Многие родители обратили внимание на значимость информации о новых методах воспитания детей и попытались применить их в жизнь (86%). 79% опрошенных отметили, что участие в программе помогло наладить общение с детьми и улучшить взаимопонимание, 77% – найти поддержку, уверенность в себе и в своих силах.

Таким образом, программа «Школа добрых мам и пап» помогла многим родителям как в решении проблем с детьми, внутри семьи, так и способствовала решению внутриличностных проблем. Участники в подавляющем большинстве высказывались положительно о содержании проводимых занятий, используемых формах и методах, полезности участия в программе. Полученные знания и умения помогали им преодолевать трудности. Программа продемонстрировала, насколько важно понимать возрастные особенности ребенка, насколько в общении важны такие простые вещи как внимание, понимание, умение слушать и слышать. Очень важно демонстрировать ребенку свою заинтересованность в его жизни, чтобы он мог довериться и положиться на своего родителя.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ [Электронный ресурс]. URL <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 20.05.2022).
2. В здоровой семье – здоровые дети: Методическое пособие. М., 2007.
3. Онлайн «Школа добрых мам и пап» [Электронный ресурс] // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.05.2022).
4. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Дошкольное детство [Электронный ресурс] // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.05.2022).
5. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Младший школьный возраст [Электронный ресурс] // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Подростковый возраст [Электронный ресурс] // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.05.2022).

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ХАКАСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970 - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИН ПЯТИДЕСЯТНИКОВ)

Гончарова Н. С., Барнаул (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке грантов РФФИ №21-011-44027 и Фонда Президента Российской Федерации по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. Атеистическая пропаганда как элемент советской государственно-конфессиональной политики продолжала играть важную роль в эпоху «застоя», однако уже проводилась с гораздо меньшей интенсивностью, чем в предыдущие периоды. При этом проведение атеистической пропаганды в Хакасии в рассматриваемый период периодически активизировалось в местах локализации религиозных общин с высокой степенью активности верующих. Особое внимание властей привлекали явления «религиозного экстремизма» и эмиграционные настроения пятидесятников г. Черногорска. Атеистическая работа среди этих групп верующих проводилась с высокой степенью интенсивности. Она включала в себя работу с верующими по регистрации общин. Другой важной задачей для агитаторов в этот период стала деятельность по сокращению воспроизводства новых членов религиозных групп за счет подрастающего поколения из семей верующих. Третьим важным направлением работы являлось повышение общественно-политической активности среди верующих, занятых на производстве.

Ключевые слова: атеистическая пропаганда, Хакасская автономная область, государственно-конфессиональная политика, пятидесятники

ATHEISTIC PROPAGANDA IN KHAKASSIA IN THE SECOND HALF OF 1970 - THE FIRST HALF OF THE 1980S (ON THE EXAMPLE OF PENTECOSTAL COMMUNITIES)

Goncharova N. S., Barnaul (Russia)

Abstract. Atheistic propaganda as an element of the Soviet state-confessional policy continued to play an important role in the era of «stagnation», but was already carried out with much less intensity than in previous periods. At the same time, the atheistic propaganda in Khakassia during the period under review periodically intensified in places of localization of religious communities with a high degree of activity of believers. The phenomena of «religious extremism» and the emigration moods of the Pentecostals in the city of Chernogorsk attracted the authorities' special attention. Atheistic work among these groups of believers

was carried out with a high degree of intensity. It included work with believers to register communities. Another important task for agitators during this period was to reduce the reproduction of new members of religious groups at the expense of the younger generation from the families of believers. The third important area of work was to increase social and political activity among believers employed in production.

Keywords: *atheistic propaganda, the Khakass Autonomous Region, state-confessional policy, the Pentecostals*

Ведение атеистической пропаганды в СССР в 1960–1980-е гг. продолжалось, однако она уже не имела такой интенсивности как в предшествующий период антирелигиозной кампании. Последний всплеск пропаганды в начале 1980-х был связан с попыткой ликвидации «религиозного экстремизма» [1, с. 226]. Термин «религиозный экстремизм» в советское время употреблялся в отношении религиозной активности верующих, по мнению властей, прикрывающих вероучением свою антиобщественную деятельность, к которой относили молитвенные собрания на открытом воздухе, отсутствие цензуры в издании религиозной литературы, обучение детей религии, попытки взаимодействия с правозащитниками в СССР и из-за границы [2, с. 111].

Большую озабоченность в Хакасской областной партийной организации вызывали эмиграционные настроения некоторых пятидесятников Черногорска. Кроме того, в общинах пятидесятников было много молодых людей. Так, более половины верующих в Черногорске 1980 г. составляла молодежь до 30 лет [3, л. 22]. В связи с этим в городе проводилась интенсивная атеистическая пропаганда. Ее вели городской совет атеистов при Черногорском горкоме КПСС, городская организация общества «Знание», газета «Черногорский рабочий», учебные заведения, учреждения культуры [4, л. 27].

На Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР в 1980 г. председатель Совета В. А. Куроедов подчеркнул, что необходим строгий контроль соблюдения законодательства о культах. По его мнению, религиозные группы, которые зарегистрировались и соблюдали законодательство, проявляли меньше экстремизма. В этой связи органы власти официально регистрировали лояльные группы верующих, а деятельность тех, кто отказывался от регистрации и продолжал действовать нелегально, рекомендовалось прекратить [5, с. 233–234]. Поэтому одним из основных путей снижения эмиграционных настроений являлась работа городской комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах [6, л. 31]. В 1977 г. горком

КПСС усилил атеистическую работу среди трудящихся города. Были организованы массово-политические мероприятия, индивидуальная работа в семьях верующих (с родителями и детьми). Более активно работали административные органы и комиссия по контролю за соблюдением законодательства о культах при горисполкоме [7, л. 27]. Во 2-й половине 1970-х итогом атеистической работы стала регистрация общины пятидесятников А. А. Миллера в августе 1975 г. [8, л. 31]. Кроме того, к 1979 г. пятидесятники в большинстве своем стали признавать советское гражданство, получать паспорта, обучать детей в школах, служить в рядах Советской Армии, посещать рабочие и школьные родительские собрания, многодетные семьи стали получать пособия, выписывать газеты и журналы, получать квартиры, пользоваться медицинской помощью и санаторно-курортным лечением [9, л. 38]. Однако полностью ликвидировать эмиграционные настроения среди пятидесятников Черногорска не удалось.

В рамках выполнения постановления секретариата обкома КПСС от 25.02.1981 года «О работе Черногорского горкома КПСС по атеистическому воспитанию трудящихся» городской комитет партии согласно комплексному плану атеистического воспитания на 1981–1985 гг. решил объединять усилия партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, городской организации общества «Знание», Совета атеистов, комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах, административных органов [10, л. 71].

В период нарастания недовольства государственно-конфессиональной политикой со стороны пятидесятников Хакасии в 1980–1981 гг. усилилось атеистическое воспитание в школах, в которых учились дети из семей верующих. В школах делался упор на развитие общественной активности учащихся. Все дети верующих занимались в группах продленного дня, посещали уроки физкультуры, пения, читали книги, смотрели школьные кинофильмы, в 1980–1981 гг. Пять человек вступили в пионеры и два – в комсомол. Кроме того, использовались организованные формы отдыха. Так, в 1980 г. 43 ребенка из семей верующих посетили экскурсии [11, л. 54]. В пионерских лагерях и детских клубах г. Черногорска в летний период проводились атеистические мероприятия: устные журналы, беседы, конференции, вечера вопросов и ответов, диспуты по книгам, лекции, утренники [12, л. 22].

В школах г. Черногорска в целях атеистического воспитания учителя подчеркивали преимущества социалистической системы хозяйства пред капиталистической, противопоставляли агрессивную

внешнюю политику США и миролюбивую политику СССР, ситуацию безработицы в капиталистических странах, прививали чувство советского патриотизма, преимущества советского образа жизни перед капиталистическим. По этим темам проводились политинформации, классные часы, пионерские сборы, конференции. К проведению этих мероприятий старались привлекать детей из семей верующих. Во внеурочное время много внимания уделялось изучению Конституции СССР, были проведены беседы «Два мира – два образа жизни», «Я гражданин Советского Союза», «О вкладе трудящихся города в строительство коммунизма», «Забота КПСС о благосостоянии советских людей». На политинформациях приводились примеры из газет о трагедии людей, выезжающих за границу, и об их желании вернуться назад. Для этого использовались статьи «Без крова, без Родины», «Звучит голос правды (о жизни советских людей за рубежом)», «Капитализм без прикрас», «Положение детей в странах капитализма», «Мир социализма – торжество великих идей», «Надежная гарантия гражданских прав» и др. [13, л. 12–13]. Публикации в газетах специально имели яркие названия с целью привлечения читателей [14, с. 194].

В 1980/1981 учебном году при Черногорском горкоме КПСС был открыт филиал отделения научного атеизма Абаканского университета марксизма-ленинизма. Однако коренных улучшений в организации атеистической работы в Черногорске не наблюдалось. Эмиграционные и экстремистские настроения у реакционной части пятидесятников продолжали нарастать. Некоторые верующие не принимали участие в выборах в государственные органы власти. Кроме того, продолжался процесс омоложения общин пятидесятников, 49% их общин составляла молодежь до 20 лет [15, л. 25].

Существенную работу проводили первичные партийные организации Черногорска. В трудовых коллективах и по месту жительства трудящихся проводилась работа по созданию атеистического общественного мнения по вопросам жизни и поведения трудящихся. Партийные организации организовывали обсуждение газетных статей в коллективах, проводили рабочие собрания. Так, на шахте «Енисейская», на заводе строительных материалов и конструкций, в автобазе объединения «Красноярскуголь» и других предприятиях проводилось обсуждение по поводу написания заявлений с просьбой о выезде за границу отдельными верующими [16, л. 28].

С целью теоретической подготовки атеистов на камвольно-суконном объединении, заводе строительных материалов и

конструкций, на шахте «Енисейская» были созданы кружки по основам научного атеизма. При партийных организациях создавались советы атеистов для усиления атеистической работы. При горкоме КПСС для учебы агитаторов-атеистов и лекторов, работников культуры была создана постоянно действующая городская школа атеистов. Строгий учет верующих велся на производствах и в парткоме, на них заводили производственные характеристики, которые ежегодно пересматривались, агитаторы вели планы-дневники работы и наблюдений, а также посещали молитвенные собрания, работали с молодыми верующими в общежитии [17, л. 30–31]. За 1980 год и первую половину 1981 года лекторы общества «Знание» прочитали 116 лекций на предприятиях Черногорска – ПКСО, ЧЗСМиК, шахты, АРЗ и др. [18, л. 24]. Черногорское городское общество «Знание» в среднем за год читало более 500 лекций на атеистическую тему. Лекции читались на предприятиях, где работали верующие [19, л. 26].

Таким образом, основными направлениями атеистической работы среди групп пятидесятников Хакасской автономной области, локализованных в г. Черногорске, во второй половине 1970 – первой половине 1980-х являлись деятельность местных органов власти по регистрации общин и по сокращению воспроизводства новых членов религиозных групп за счет подрастающего поколения из семей верующих. Еще одним важным направлением работы являлось повышение общественно-политической активности среди верующих, занятых на производстве. Атеистическая работа среди групп пятидесятников в рассматриваемый период проводилась с высокой степенью интенсивности, что было связано с т.н. «религиозным экстремизмом» и эмиграционными настроениями среди верующих.

Литература

1. *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2009.
2. *Глушаев А. Л.* Раскол в баптизме: «Инициативники» и «религиозный экстремизм» в интерпретациях советской атеистической литературы 1960–1980-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. № 71. 2017 С. 104–118.
3. НАРХ. Ф. 31. Оп. 48. Д. 21.
4. НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70.

5. *Фаст А. А.* Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2009.
6. НАРХ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 25.
7. НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70.
8. НАРХ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 25.
9. НАРХ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 25.
10. НАРХ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 31.
11. НАРХ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 31.
12. НАРХ. Ф. 4. Оп. 61. Д. 36.
13. НАРХ. Ф. 4. Оп. 61. Д. 36.
14. *Сосковец Л. И.* Феномен советского религиозного агитпропа // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 189–198.
15. НАРХ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 31.
16. НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70.
17. НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70.
18. НАРХ. Ф. 31. Оп. 48. Д. 21.
19. НАРХ. Ф. 12. Оп. 54. Д. 35.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С., Барнаул (Россия)

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проект №19–59–44002) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. *Статья посвящена исследованию основных направлений реализации государственно-конфессиональной политики на юге Западной Сибири в 1965–1982 гг. На основе правовых документов и архивных данных исследована практика регулирования вопросов регистрации религиозных общин в регионе. В период руководства страной Л. И. Брежнева прослеживается смягчение предшествующей политики Н. С. Хрущева в области государственно-конфессиональных отношений. В исследуемый период возобновляется процесс регистрации религиозных общин. При этом первоначально власти акцент делали на легализацию протестантских общин, что в дальнейшем способствовало преобладанию в Западной Сибири официально действующих протестантских объединений. Кроме того, власти старались контролировать пятидесятнические общины, Совет церквей евангельских христиан-баптистов, которые выступали против легализации своей деятельности. В статье показаны особенности положения христианских и мусульманских объединений верующих, в частности, процесс регистрации, экономические, социальные, демографические изменения внутри общин, религиозное воспитание детей и образование священнослужителей.*

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, религиозные общины, Западная Сибирь*

SOME ASPECTS OF THE STUDY ABOUT THE IMPLEMENTATION OF STATE- CONFESSIONAL POLICY IN THE SOUTH OF THE WESTERN SIBERIA IN THE MID-1960 S - EARLY 1980 S.

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article is devoted to the study of the main directions of the implementation of state-confessional policy in the south of Western Siberia in 1965–1982. On the basis of legal documents and archival data, the practice of regulating the registration of religious communities in the region is investigated. During the period of the governance by Leonid Brezhnev, the softening of the previous policy of N.S. Khrushchev in the field of state-confessional relations is traced. During the period, the process of registration of religious communities is resumed. At the same time, initially the*

authorities focused on the legalization of the Protestant communities, which further contributed to the predominance of the officially launched Protestant associations in the Western Siberia. In addition, the authorities tried to control the Pentecostal communities and the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists, which opposed the legalization. The article shows peculiarities of situation in the Christian and Muslim associations of believers, in particular, the registration process, economic, social, and demographic changes within communities, religious upbringing of children and the education of clergy.

Keywords: *state-confessional relations, religious communities, the Western Siberia*

Целью исследования является изучение влияния государственно-конфессиональной политики советской власти на положение, численность и изменение правового положения религиозных организаций на юге Западной Сибири в середине 1960-х – начале 1980-х гг. Методологической основой исследования выступают принципы научного изучения системы государственно-конфессиональных отношений в России, разработанные М. И. Одинцовым, О. Ю. Васильевой, В. В. Шмидтом. Кроме того, применялся принцип историзма, который заключается в рассмотрении отдельных явлений и фактов в их взаимосвязи, конкретной исторической ситуации с учетом внутреннего и внешнего политического курса государства в рассматриваемый период. Исследование проводилось с использованием историко-системного метода, позволяющего обобщить положение христианских, мусульманской, иудейской религиозных общин Западной Сибири в системе государственно-конфессиональных отношений.

После избрания первым секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1964 г. отношение к религиозным общинам страны стало постепенно меняться по сравнению с предшествующим периодом. В то же время позиции религиозных объединений в системе государственно-конфессиональных отношений были далеко не одинаковыми. В наиболее сложной ситуации оказывались т. н. «сектантские» объединения, хотя советским правительством были приняты определенные послабления. Важным для конфессиональной политики является подписание Хельсинкских соглашений по безопасности и сотрудничеству в Европе в августе 1975 г., одной из важнейших частей которых был блок о соблюдении прав человека. Политика «разрядки» не могла не сказаться и на изменениях в государственно-конфессиональных отношениях в СССР с середины 1970-х гг. Во второй половине 1970-х гг. определенные надежды для верующей части

населения страны на изменение религиозной ситуации давал факт разработки новой Конституции СССР, принятой в 1977 г. [9, с. 417]. Несмотря на то, что в 52-й статье Конституции СССР 1977 г. были провозглашены гарантии свободы совести, ситуация в стране принципиально не изменилась. По-прежнему продолжали господствовать командно-административные методы осуществления свободы совести, которые не устраивали как верующих, так и неверующих, атеистов [8, с. 38].

В исследуемый период одним из основных направлений реализации государственно-конфессиональной политики является возобновление процесса регистрации Русской православной церкви, общин Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, старообрядцев. Так, в Алтайском крае в 1966 г. действовали всего четыре зарегистрированных религиозных объединения: три православные церкви и одна община Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. На территории Новосибирской области к середине 1960-х гг. официально действовали девять зарегистрированных религиозных организаций: три православные церкви (одна церковь не действовала, но не была снята с регистрации), три общины Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, одна иудейская, одна мусульманская и одна старообрядческая общины [1, с. 16]. Важно отметить, что в исследуемый период местные власти пытались сдерживать процесс регистрации религиозных общин. В 1967 г. православная община в г. Камень-на-Оби Алтайского края направила в Совет по делам религий ходатайство о регистрации. Кроме того, с аналогичной просьбой обратилась община русской православной церкви в Славгороде [6, с. 1–3]. Важно обратить внимание на то, что эти просьбы не были удовлетворены исполнительными комитетами.

Необходимо подчеркнуть, что с середины 1970-х гг. происходил в определенной мере рост доходов Русской православной церкви в Западной Сибири. Так, например, доходы Никольской церкви г. Болотное Новосибирской области в 1976 г. составили 35 тысяч рублей, в 1977 г. – 41 тысячу рублей, в 1979 г. – 54 тысячи рублей, в 1980 г. – 54 тысячи рублей. За 6 месяцев 1982 г. в общину поступила 21 тысяча рублей. Наибольшую часть дохода церкви получали от продажи предметов культа. Кроме того, наблюдался рост верующих в Новосибирской области. Так, если в 1979 г. в православных общинах состояли 1495 человек, то к 1980 г. уже входили 2286 человек, а к 1981 г. – 2339 верующих [2, с. 23].

Помимо общин Русской православной церкви на юге Западной Сибири функционировали объединения верующих старообрядцев. Община старообрядцев-беглопоповцев Белокриницкого согласия г. Барнаула в 1960-е гг. ходатайствовала об открытии церкви и легализации деятельности. Однако в своих ответах уполномоченный Совета по делам религий указывал на нецелесообразность ее открытия. Главная причина такой позиции состояла в том, что местные власти боялись активизации деятельности старообрядческих общин. Уже к середине 1980-х гг. в Алтайском крае легально действовали две старообрядческие общины в г. Барнауле (беспоповцы поморского согласия и поповцы белокриницкого согласия). В исследуемый период на территории г. Новосибирска легально действовала одна община старообрядцев (белокриницкого согласия) и одна незарегистрированная община старообрядцев (беспоповцев) [1, с. 16].

Важно отметить, что в Новосибирской области легально действовала лишь одна мусульманская община (г. Новосибирск). Кроме того, еще две общины действовали без регистрации [5, с. 315]. Отдельные группы верующих также располагались в селах Юрт-Ора, Казанке, Юрт-Акбалыке и др. К концу 1970-х гг. в мусульманской общине г. Новосибирска насчитывалось 700 человек. По этнической принадлежности верующие являлись преимущественно татарами, и лишь небольшое количество из них были казахами [3, с. 9].

В 1970–1980-х гг. в Новосибирске произошла активизация деятельности католической общины. Верующие г. Новосибирска неоднократно поднимали вопрос о регистрации. Однако постепенно активисты общины переехали, в связи с чем это объединение не получило регистрацию [4, с. 11]. Новосибирская католическая церковь была зарегистрирована лишь в 1982 г. В Алтайском крае в 1983 г. легально действовали два объединения римско-католической церкви [7, с. 12].

Самым многочисленным по количеству зарегистрированных общин на территории Западной Сибири протестантским направлением был Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Так, например, в Новосибирской области в 1965 г. действовали всего три зарегистрированные группы баптистов – последователей Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов [1, с. 2–4]. А в 1973 г. в Новосибирской области действовали уже 12 зарегистрированных общин евангельских христиан баптистов, а три были взяты на учет. К середине 1970-х гг. на территории Алтайского края официально действовали четыре общины и два филиала Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. В 1977 г. в крае действовали уже 7

зарегистрированных общин Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и два филиала [7, с.147]. На основе анализа архивных материалов можно также проследить, что к середине 1970-х гг. происходил заметный процесс активизации в деятельности общин Совета церквей евангельских христиан – баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, лютеран, меннонитов и Свидетелей Иеговы.

Важно отметить, что одним из аспектов государственно-конфессиональной политики также являлась атеистическая работа [10, с.88]. Нужно подчеркнуть, что в 1970-е-1980-е гг. не появилось ни одного принципиально нового направления в атеистической пропаганде. Как и в предшествующий период, основными формами атеистической пропаганды были: чтения лекций, индивидуальная форма работы, подвижные группы атеистов. Наряду с ними продолжали развиваться и совершенствоваться ранее зарекомендовавшие себя массовые формы пропаганды, такие как радио, печать, кинопоказы на атеистическую тематику.

В заключение стоит отметить, что с середины 1960-х гг. государственно-конфессиональная политика начинает меняться. С принятием в 1977 г. новой Конституции СССР происходит постепенное изменение в государственно-конфессиональных отношениях, как в СССР, так и в Западной Сибири. С 1977 г. начинается процесс легализации деятельности общин русской православной церкви, Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня и др. Необходимо отметить, что произошло увеличение доходов в православных храмах, мусульманской общине. В то же время в Западной Сибири продолжали действовать несколько общин пятидесятников и Совета церквей евангельских христиан баптистов, которые были настроены против официальной легализации своей деятельности и не были готовы к конструктивному взаимодействию с институтами государственной власти.

Литература

1. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Совет по связям с религиозными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области, г. Новосибирск, 1943 – по настоящее время. Оп.1. Д.80.
2. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Совет по связям с религиозными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области, г. Новосибирск, 1943 – по настоящее время. Оп.1. Д.252.

3. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Совет по связям с религиозными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области, г. Новосибирск, 1943 – по настоящее время. Оп.1. Д.251.
4. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Совет по связям с религиозными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области, г. Новосибирск, 1943 – по настоящее время. Оп.1. Д. 223.
5. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т. – Т.3: Трансформация уммы в XIX–XXI вв. [коллективная монография] / А. П. Ярков (ред.), И. Б. Гарифуллин и др. М.: ТюмГУ, 2015..
6. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Совет по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю (1943–1991 гг.). Оп. 1. Д.76.
7. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Совет по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю (1943–1991 гг.). Оп. 1. Д.162.
8. *Клименко Е. Н.* Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия правосудия, 2007.
9. *Одинцов М. И.* «Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой...». История Пятидесятнической церкви в России. XIX – XX вв. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2012.
10. *Савельев В. Н.* Свобода совести: история и теория. М.: Высшая школа, 1991.

МИГРАЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Джумагалиева К. В., Нур-Султан (Казахстан)

Аннотация. Процесс формирования многонационального состава населения Казахстана насчитывает несколько столетий. На разных этапах существования государственности возникали межэтнические трения. В начальный период становления независимого Казахстана пришлось столкнуться с рядом проблем социально-экономического, политического и полиэтнического характера. Именно в конце 90-х-начале 2000-х наблюдался отток населения в страны ближнего и дальнего зарубежья. В связи с этим правительством был предпринят ряд мер для разрешения демографической ситуации в стране. Несмотря на многонациональный характер населения, основную роль в жизни страны играли и играют два этнических компонента: казахи и русские. Исторически межэтнические отношения между двумя народами привели к формированию особой казахско-русской культуры, где имело место взаимопроникновение двух культур.

Ключевые слова: этнос, народ, межэтнические отношения, миграция, демографическая ситуация, оралманы

THE MIGRATION SITUATION AT THE BEGINNING OF THE INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Dzhumagalieva K. V., Nur-Sultan (Kazakhstan)

Abstract. The process of the formation of the multinational composition of the population of Kazakhstan has been taking place for several centuries. At various stages of the existence of statehood there have been inter-ethnic tensions. In the initial period of formation of independent Kazakhstan, a number of problems of social, economic, political and polyethnic character were faced. It was in the late 1990s and early 2000s that the outflow of population to neighbouring and distant foreign countries was observed. In this connection, the government undertook a number of measures to resolve the demographic situation in the country. Despite the multinational character of the population, two ethnic components have played and continue to play a major role in the life of the country: Kazakhs and Russians. Historically, the interethnic relations between the two peoples led to the formation of a distinctive Kazakh-Russian culture, where the two cultures interpenetrated.

Keywords: ethnicity, people, interethnic relations, migration, demographic situation, Oralmans

Распад Советского Союза вызвал во всех союзных республиках демографический и межэтнический кризис, вызванный значительной миграцией населения в начале 90-х годов. Исследованием сложившейся ситуации занимались как отечественные, так и зарубежные политологи, социологи, юристы, культурологи, историки. Большей частью исследования носили региональный характер либо рассматривали отдельные аспекты демографического кризиса в обобщенной форме.

Целью данного исследования является попытка изучения процесса углубления и выявления основных причин миграции значительного числа граждан из Республики Казахстан в начале независимости. Тем более, что проблема миграционных отношений в свете последних событий в мире вызывает огромный интерес среди ученых разного ранга. Миграция этносов носит все более не столько региональный, сколько международный характер. Данная проблема стала довольно актуальна для многих государств, так как отражается не только на экономике, но и вносит определенные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику в ряде стран.

Проблеме миграционных и межэтнических отношений посвящено довольно большое число работ зарубежных, российских и казахстанских исследователей. В трудах некоторых ученых уделено внимание проблемам этнических конфликтов, которые возникают неизбежно в результате миграции. Так Э. Геллнер [1], В. С. Малахов [2], К. Калхун [3] представили свое видение такой проблемы как национализм, а также дали определение терминам «этничность», «этнополитический конфликт» и др.

Огромное влияние на формирование межэтнических отношений на современном этапе оказывают геополитические процессы. Глобализация оказывает воздействие на многие стороны деятельности человека. Это – политика, экономика, правовые вопросы, межнациональные отношения и др. проблемы глобализации нашли отражение в работах Р. Г. Абдулатипова [4], Д. Горовиц [5], М. Ю. Мартыновой [6].

В трудах казахстанских авторов Б. Б. Абдыгалиева [7], В. Ю. Дунаева и В. Д. Курганской [8], Г. Т. Телебаева [9] анализируются социальные факторы, сказавшиеся на жизнедеятельности отдельных этносов. Ценность этих исследований заключается в проведении различных форм исследовательской работы, таких как социологические опросы, языковые особенности отдельных этносов и др.

Демографические и миграционные проблемы, начавшиеся после обретения независимости, стали объектом изучения ряда казахстанских ученых. Среди них следует отметить Н. В. Алексеенко, А. Н. Алексеенко [10], М. Х. Асылбекова [11], А. Т. Забирову [12], Н. И. Мустафаева [13] и др.

Основными методами стали системный, исторический, сравнительный, статистический. Так системный метод позволяет проанализировать межэтнические отношения, сложившиеся в целом в стране и отдельных регионах. Сравнительный и исторический методы способствуют изучению изменения миграции населения.

По миграциям можно судить о социальном положении народа, когда в случае изменения обстановки в стране происходит отток или приток населения. Исторически Казахстан, имея огромную территорию и богатые природные ресурсы, был мало заселен, и плотность населения была довольно низкой. Однако, в большинстве своем миграции населения не носили характер добровольности. Как правило, миграции были санкционированы государством, начавшись в Российской империи с реформы Столыпина. Далее эстафету подхватила советская власть. Особенно ярко это проявилось в период тоталитаризма. Коллективизация, индустриализация, а затем – депортация привели к притоку большого числа людей. Все они по тем или иным обстоятельствам были выселены в Казахстан.

Полиэтнический состав населения в Казахстане начал складываться после вхождения в состав Российской империи. Окончательно он сформировался после освоения целинных и залежных земель. Исторически в Казахстане сложился симбиоз двух величайших культур – славянской и тюркской. Культурные ценности двух народов нашли отражение в межэтнических отношениях.

Накануне распада СССР, в 1990 году, в Казахстане насчитывалось 16 300 000 человек. В 1990-х годах в стране наблюдалась как внешняя, так и внутренняя миграция. Особенно усилился процесс эмиграции русскоязычного населения. Причинами массового переселения русских, украинцев, белорусов, немцев и др. стали политические, экономические и этнические обстоятельства [14, с. 10].

Экономические реформы в Казахстане в 1991–1995 гг. привели к спаду производства и росту безработицы, что повлекло снижение жизненного уровня населения республики. Данные обстоятельства отразились на демографической ситуации в стране. В этот период наблюдается резкое снижение рождаемости в стране. Критической точки оно достигло в 1997 году, когда коэффициент рождаемости упал до 14,7 рождений младенцев на 1000 человек [15, 16, лл. 9–102]. В это

же время увеличилась смертность населения, в результате чего прирост населения уменьшился в 4 раза. Именно на 1991–1998 гг. приходится массовая эмиграция из Казахстана большого числа этносов. По статистическим данным выехали 2 171 000 человек. С 1993 года фактически прекратился прирост населения.

В январе 1998 года население страны составляло 15 642 000 человек. В этот период из страны выезжали русские, немцы, украинцы, поляки и др. этносы. Одной из главных проблем становится отъезд квалифицированных кадров, самых трудоспособных, в возрасте 20–55 лет. Выехало значительное число специалистов со средним и высшим образованием. Наибольший процент эмигрировавших были из северных областей. Следует выделить такие области как Кустанайская, Павлодарская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская. Мигранты выезжали на постоянное место жительства в Российскую Федерацию (73,1%) из общего числа уехавших, Германию (18,4%), Украину (1,9%), а также в среднеазиатские республики. При этом 64,5% были именно трудоспособные кадры.

Если население Республики Казахстан в 1993 г. Составляло 16 300 000 человек, то в 2000 году – 14 900 000. Постепенно удалось остановить отток населения. И в 2005 году численность населения перевалила за 15 млн. В последующие годы наблюдался прирост населения [17, с. 10].

Для решения проблемы сокращения численности казахского этноса была разработана специальная программа по возвращению репатриантов на историческую родину. В указе от 13 декабря 1997 года «О миграции населения» был определен статус оралманов. С 1991 года по 2021 год всего в Республику Казахстан прибыли 1 087 800 оралманов или кандастаров. Так, в 2021 году статус оралманов получили 17 540 человек из числа прибывших.

Таблица 1. Откуда прибыли оралманы и области их расселения [18].

№	Страна, из которой прибыли	%	Области расселения	%
1	Узбекистан	76,2	Алматинская область	28,5
2	Китай	9,7	Мангистауская область	19
3	Туркменистан	6	Туркестанская область	13
4	Монголия	2,6	Шымкент	10,5
5	Другие страны	5,7	Жамбылская область	7,8

По статистическим сведениям на 1 января 2022 года, число трудоспособных оралманов составляет 55,2%, детей – 28%, людей пенсионного возраста – 16,8%.

Таблица 2. Уровень образования оралманов на 2022 год [18].

№	Высшее	Средне- специальное	Общее среднее	Не имеют образования
1	11,1%	40,1%	45,6%	3,1%

Большая часть прибывших оралманов – уроженцы Узбекистана.

По статистическим данным на 2022 год, численность казахского населения составляет 13,3 млн человек, что составляет 69,59% от общего числа населения. Это вызвано численным превосходством казахов как титульной нации. На втором месте находится русский этнос, численность которого составляет 3 430 000 человек, т.е. 17,94%. Возросло число узбеков в стране, и на данный момент составляет 637,9 тыс. человек, что составляет 3,34%. Данный этнос проживает в основном в Туркестанской области и в городе Шымкент. Наблюдается также значительный рост таких этносов как уйгуры, дунгане, татары, азербайджанцы, турки.

Если по некоторым этносам есть увеличение численности, то процесс сокращения населения среди других народов также налицо. Так численность украинцев – 247 400 человек (что составляет 1,29%), немцев – 171 900, белорусов – 50 500, татар – 197 500, корейцев – 107 600, поляков – 28 500 человек.

В четырех областях (Актюбинской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской) сосредоточено от 80% до 96% казахского населения. В столице страны, городе Нур-Султане, – более 81%. Практически на данный момент времени казахи преобладают по численности во всех областях, кроме Северо-Казахстанской области.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
2. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005.
3. Калхун К. Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
4. Абдулатипов Р. Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2001. 479 с.
5. Горовиц Д. Структура и стратегия этнических конфликтов // Власть, № 2. М., 2007. С. 29–38.

6. *Мартынова М. Ю.* Этнические проблемы и политика государств Европы. – М.: ИЭА РАН, 1998.
7. *Абдыгалиев Б. Б.* Политизация этничности: процессы, механизмы, последствия. А.: Уш Қиян, 2003.
8. *Дунаев В. Ю., Курганская В. Д.* Казахстанская модель межэтнической интеграции. А.: Центр гуманитарных исследований, 2002.
9. *Телебаев Г. Т.* Скептицизм как модель культуры мира // Мир начинается у твоего порога: Сб. ст. А., 2000.
10. *Алексеевко Н. В., Алексеевко А. Н.* Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск: Полиграф, 1999.
11. *Асылбеков М. Х., Козина В. В.* Демократическое развитие РК в условиях суверенитета. Алматы.: Өркениет, 2001.
12. *Забирова А. Т.* Миграция, урбанизация и идентификация у казахов. Алматы: Ғылым, 2002.
13. *Мустафаев Н. И.* Миграционные процессы в Казахстане // Казахстан-Спектр, 2006. №1. С. 43–50.
14. *Абулкасова Д. Б.* Миграционные процессы в Казахстане: тенденции и динамика...автореф...к.с.н. М., 2001.
15. *Еримбетова К. М.* Социально-демографические проблемы народонаселения Республики Казахстана (1990–начало 2000 гг.) // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. XXV междунар. науч-практ. конф. №25. – Новосибирск: СибАК, 2013. С. 135–145.
16. *Национальный архив Республики Казахстан* (далее НАРК). Ф.53, оп. 1пр., д. 516, лл. 99–102.
17. *Данные по казахам-кандасам за 2021 год: откуда приехали, сколько их и где они осели.* URL : https://www.lada.kz/another_news/98209-dannye-po-kazaham-kandasam-za-2021-god-otkuda-priehali-skolko-ih-i-gde-oni-oseli.html (дата обращения: 5.06.2022).
18. *Доля казахов в этническом составе Казахстана продолжает стабильно расти.* URL : <https://vlast.kz/novosti/49741-dola-kazahov-v-etniceskom-sostave-kazahstana-prodolzaet-stabilno-rasti.html> (дата обращения: 5.06.2022).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Замятина О. Н., Кода Е. А., Барнаул (Россия)

Аннотация. *Качество жизни населения является важнейшим критерием благополучия общества. Качественные жизненные условия, в которых проживает население, являются показателем уровня социального развития и основой для успешной самореализации индивидов, которая приведет к дальнейшему совершенствованию различных сфер общественной жизни. Понятие «качество жизни» крайне объемное и многогранное. Вопрос показателей, которые составляют понятие «качество жизни», открыт на сегодняшний день, и с некоторой периодичностью добавляются показатели или составляющие показателей, которые определяют качество жизни населения. Авторами на основе методологических подходов к рассматриваемому понятию предложено определение «качество жизни». Разработана методика измерения качества жизни населения Кулундинского района Алтайского края с позиции объективных и субъективных показателей, которая может быть экстраполирована на другие районы Алтайского края.*

Ключевые слова: *качество жизни, население, показатели качества жизни, объективные показатели качества жизни, субъективные показатели качества жизни*

SOME FEATURES OF THE STUDY OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN THE ALTAI KRAI

Zamyatina O. N., Koda E. A., Barnaul (Russia)

Abstract. *The quality of life of the population is the most important criteria for the wellbeing of society. The qualitative living conditions in which the population lives are indicators of the level of social development and the basis for successful self-realization of individuals, which will lead to further improvement of various spheres of public life. The concept of «quality of life» is extremely voluminous and multifaceted. The question about indicators that constitute the «quality of life» is open nowadays, and indicators or components of the indicators, determining the quality of life of the population are frequently complemented. The authors proposed a definition for the «quality of life» based on considered methodological approaches to the concept. A methodology has been developed for the measuring of the quality of life of the population of the Kulundinsky district of the Altai krai from the perspective of objective and subjective indicators. It could be extrapolated to other regions of the Altai krai.*

Keywords: *quality of life, population, indicators of the quality of life, objective indicators of the quality of life, subjective indicators of the quality of life*

В настоящее время вопрос исследования качества жизни населения является крайне актуальным, поскольку сложившиеся социально-экономические реалии кардинальным образом изменили жизнь каждого жителя нашей страны. Поэтому именно сейчас важно определить наиболее актуальные проблемы в Алтайском крае, выявить ресурсы развития и настрояние жителей региона.

В социологическом плане наиболее ценным будет исследование именно качества жизни, поскольку уровень жизни населения детерминируется строго объективными статистическими показателями, и не отражает субъективного восприятия населением собственного положения и отношения населения к окружающей социально-экономической действительности. Ровным счетом ошибочно будет рассматривать лишь социальное благополучие населения, поскольку данный термин состоит преимущественно из психологических субъективных оценок положения дел на территории, где проживает индивид. Наиболее полным и комплексным будет рассмотрение качества жизни населения Алтайского края, поскольку будут учтены и объективные показатели качества жизни, которые захватывают и уровень жизни, а также и субъективные показатели качества жизни, практически все из которых рассматриваются с позиции социального благополучия населения [3].

Методологически наиболее уместным подходом исследования качества жизни выступает теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, поскольку с позиции данной концепции любое знание, включая даже основополагающие представления о социальных отношениях, реалиях, формируется и воспроизводится индивидами в повседневных социальных взаимодействиях. Качество жизни – понятие, которое является порождением социальных интеракций людей, которые проявляются в повседневной практике индивида, что особенно ценно при исследовании субъективного компонента качества жизни.

Определение термина «качество жизни» будет основываться на следующих подходах: классического подхода, психологической концепции, количественно-потребительского подхода [1]. Таким образом, качество жизни представляет собой достаточно объемную категорию социально-экономического характера, которая вбирает в себя большое количество факторов внешней среды как объективного характера (доход, количество транспортных средств), так и субъективного – удовлетворенности рядом параметров социально-экономического характера.

Важнейшая особенность изучения качества жизни заключается в том, что необходимо рассматривать данный феномен с позиции объективного подхода, то есть анализа статистических данных, которые позволяют рассуждать о качестве жизни населения, а также учитывать субъективное понимание населением качества жизни и отношение к собственному социальному положению со стороны населения. Отсюда возникают ряд сложностей, которые не дают возможности однозначно трактовать оценку качества жизни по всем имеющимся параметрам. В рамках исследования качества жизни населения Алтайского края наиболее уместно использовать классификацию М. Ю. Присяжного: он выделяет восемь показателей качества жизни: социальная активность индивида, обучение, здоровье, отдых, физическая среда, личная безопасность, возможность приобретения товаров первой необходимости [4].

Методически анализ качества жизни начинают с демографических показателей, экологического положения, а также рассмотрения всех сфер жизни исследуемой территории, которые связаны с объективными показателями. Полученные данные сопоставляются с международными стандартами качества жизни. Так экономические факторы рассматриваются через объективные показатели, которые включены в термин «уровень жизни», социальные факторы рассматриваются через доступность населению основных социальных благ: медицина, детские сады, школы, транспорт, услуги социальных структур (социальная защита, центры занятости) и так далее. Культурный фактор следует рассматривать через доступность и наличие соответствующих мероприятий, уровень образованности населения и т.д. Также следует рассмотреть субъективные оценки качества жизни населения: каждый параметр должен оцениваться населением по реальному состоянию, степени важности для него самого. Оценка должна производиться качественным методом – анкетирование, а вот выявление проблем района, степени их остроты – экспертный опрос. Экспертами могут выступать представители руководящих должностей на предприятиях исследуемой территории, в том числе и те, которые находятся на пенсии. Важное замечание: опрашивать стоит и представителей коммерческого сектора, поскольку о ряде проблем работники государственного и муниципального управления могут умолчать. На следующем этапе изучения качества жизни следует сопоставить объективные данные, полученные на первом этапе, субъективные оценки, полученные на втором этапе, и произвести анализ для выявления реального качества жизни населения.

Анализируя уже имеющиеся исследования качества жизни в Алтайском крае, следует отметить, что объективные показатели находятся на низком, а некоторые – на очень низком уровне, при этом субъективные показатели, в том числе и уровень социального оптимизма, уровень социального счастья, находятся на достаточно высоком уровне. Для Алтайского края характерен адаптационный период населения к новым реалиям, а также социальный оптимизм населения в краткосрочной перспективе [2].

Учитывая схожие социально-экономические реалии на территории всего Алтайского края, результаты исследования качества жизни определенного района могут быть успешно экстраполированы на всю территорию Алтайского края, учитывая особенности района и его экономического состояния. Так, проведенное авторами статьи исследование качества жизни населения Кулундинского района свидетельствует о том, что качество жизни населения Кулундинского района по совокупности объективных и субъективных показателей находится на отметке выше среднего. Исследование качества жизни проводилось методом анкетирования – было опрошено 225 человек, из них 153 жителя районного центра и 72 жителя окрестных сел и деревень, кроме того, методом экспертного опроса в форме глубинного интервью было опрошено 16 экспертов для получения исчерпывающей информации о социально-экономическом состоянии района.

Как показывают результаты исследования, по объективным показателям качество жизни населения находится на среднем уровне, а по субъективным показателям – на высоком уровне, что дает основание сформировать общую оценку качества жизни населения Кулундинского района как выше среднего. Это доказывает отсутствие у большинства жителей Кулундинского района желания переехать в другой город или регион, поскольку даже к природным особенностям района население постепенно адаптировалось, а также тот факт, что три четверти опрошенных чувствуют себя безусловно счастливыми, проживая на территории Кулундинского района. Наряду с этим, можно выделить несколько проблем, которые оказывают влияние на качество жизни жителей Кулундинского района. Это – состояние экологии в районе (мусорная реформа), отсутствие необходимых удобств в некоторых жилых помещениях, кадровый дефицит в социальной сфере. Несколько компенсирует вышеприведенные сложности железнодорожный транспортный узел в селе, хорошая работа дошкольных и среднеобразовательных учреждений, а также органов социальной защиты и центра занятости.

Таким образом, качество жизни населения важно исследовать по определенной траектории, чтобы добиться достоверных результатов. Использование методологии конструирования социальной реальности П. Бергера П. и Т. Лукмана, а также теоретических подходов к исследованию качества жизни, в том числе и подход М. Ю. Присяжного, методов анкетирования населения и экспертного опроса позволит исследовать качество жизни в любом регионе и на любой интересующей исследователя территории.

Литература

1. *Панкратова Е. В.* Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона: на примере Ивановской области: автореферат дис. кандидата социологических наук : 22.00.04; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2008.
2. *Попов Е. А., Замятина О. Н.* «Луч света в темном царстве»: социальный оптимизм населения Алтайского края в краткосрочной перспективе // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 167–179.
3. *Присяжный М. Ю.* Подходы к определению понятия «Качество жизни» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 5. С. 283–285.
4. *Присяжный М. Ю.* Понятие «Качество жизни» в системе смежных понятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 201–208.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Зиберт Н. П., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований №20–59–44004 и Фонда Президента Российской Федерации по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. *Статья посвящена реализации государственно-конфессиональной политики в Омской области в первые послевоенные годы. Изученные автором архивные документы свидетельствуют, что в рассматриваемом регионе в 1946–1948 гг. фиксировались множественные факты административного произвола со стороны местных органов власти, что не только привело к низкой*

посещаемости церквей и увеличению количества религиозных обрядов, проводимых на дому у верующих, но и заметно усилило деятельность незарегистрированных священнослужителей. Таким образом, несмотря на положительные изменения в курсе государственно-конфессиональной политики, произошедшие в годы войны, положение православных верующих в данном регионе оставалось сложным и неоднозначным.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-конфессиональная политика, СССР, верующие, Омская область

THE CONDITION OF THE ORTHODOX BELIEVERS IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE STATE-CONFESSIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE FIRST POST-WAR YEARS (ON THE EXAMPLE OF THE OMSK REGION)

Zibert N. P., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article is devoted to the implementation of state-confessional policy in the Omsk region in the first post-war years. The archival documents studied by the author, shew multiple facts of administrative arbitrariness on the part of local authorities were recorded in the region in 1946–1948, which not only led to low church attendance and increase in the number of religious rites held at home with believers, but significantly increased the activities of unregistered clergy, also. Thus, despite the positive changes in the course of the state and confessional policy that occurred during the war, the condition of the Orthodox believers in this region remained difficult and ambiguous.*

Keywords: *the Russian Orthodox Church, state and confessional policy, the USSR, believers, the Omsk region*

Начиная с 1943 г. в отношениях церкви и государства наметилась тенденция потепления. В 1943–1945 гг. было пересмотрено действующее законодательство, результатом чего стало появление ряда постановлений, касающихся различных сторон церковной жизни. Не последнюю роль при этом сыграло решение советского государства использовать Русскую православную церковь в государственных целях. В сложившихся условиях положение религиозных общин в стране должно было существенно улучшиться. Тем не менее, функционирование значительного количества религиозных общин в некоторых регионах страны было затруднено.

Так, в Омской области местные власти не торопились идти навстречу верующим, деятельность которых, начиная с 1943 г., стала особенно заметной. Группе верующих г. Тюкалинска пришлось в течение трех лет настойчиво ходатайствовать о передаче одного из двух имеющихся бывших церковных зданий. После того, как Исполком

Областного совета отказался передать верующим капитально переоборудованные бывшие церковные здания, группа верующих самостоятельно нашла подходящее помещение и вновь обратилась с просьбой об открытии молитвенного дома. Настойчивые ходатайства группы верующих привели к тому, что Исполком областного совета был вынужден вынести положительное заключение об открытии молитвенного дома [1].

Следует отметить, что в период с 1943 г. по 1947 г. в Омской области было подано 38 ходатайств об открытии церквей, из которых удовлетворены было только 7. Были открыты 2 церкви в г. Омске, молитвенные дома в гг. Исилькуле и Тюкалинске, а также 3 церкви в селах Воскресенка Калачинского района, Куртайлы Саргатского района и Новая Станица Ульяновского района [2]. Особую активность при этом проявляли бывшие церковнослужители – церковные старосты и священники. Именно они чаще всего выступали инициаторами заявлений с просьбой открыть церковь [3]. Следует отметить, что аналогичные тенденции фиксировались и на территории соседних регионов. Так, например, в Алтайском крае в период с 1944 по 1946 гг. на имя уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Алтайскому краю И. Сивко поступило 512 ходатайств, из которых 249 были получены впервые и 191 – повторно [6, с. 22].

При этом активная позиция верующих, выражающаяся в упорном отстаивании своих прав, не всегда могла обеспечить успешное удовлетворение того или иного ходатайства. Основной официальной причиной отказа в удовлетворении ходатайств могло стать незначительное количество верующих, а также отсутствие подходящего для церковных служб помещения. При этом органы государственной власти сами препятствовали консолидации верующих. В 1945 г. Исполком областного Совета депутатов трудящихся, рассматривая заявление верующих об открытии Кладбищенской церкви, отклонил просьбу последних, аргументируя свое решение тем, что церковь находится в 1 км от действующей церкви г. Омска [5]. По аналогичным причинам отклонялись ходатайства и в соседней Кемеровской области [6, с. 34]. В целом следует отметить, что несогласие групп верующих с некоторыми решениями уполномоченных государственных органов привело к тому, что в период с 1943 по 1946 г. верующими были поданы 22 жалобы на отклонение ходатайств (в СНК – 7, в Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР – 9, в Московскую Патриархию – 6) [3].

Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Омской области А. Пловов в своих отчетах за 1947–1948 гг. неоднократно цитирует слова епископа Алексия (Пантелеева) «миру становится мало», под которыми подразумевается малочисленность верующих [8]. Особое удивление у епископа Алексия (Пантелеева) вызвала низкая посещаемость молитвенного дома в Тюкалинске, открытого в январе 1948 г., которая в воскресные дни не превышала 40 человек [9].

Малочисленность прихожан Покровской церкви с Воскресенки Калачинского района отмечал Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Омской области А. Пловов, посетивший данный приход с целью ознакомления с деятельностью церковного Совета. В записке, отправленной А. Плововым в областное управление НКГБ, он указывает что во время визита в церковь в воскресенье на богослужении присутствовали 10 престарелых женщин, что, по словам настоятеля храма Стрелкова, является обычным количеством прихожан в воскресный день. В будние дни на богослужении в храме присутствуют не более трех человек. В качестве причины столь низкой посещаемости настоятель храма назвал штрафы, которым верующие подвергаются за невыход на работу в момент посещения церкви. Примечательно, что в своем докладе в областное управление НКГБ А. Пловов назвал эти выводы неосновательными и провокационными [10].

На факты давления на верующих указывал и настоятель молитвенного дома г. Тюкалинска Новоселов, в начале 1948 г. обратившийся к А. Пловову с вопросом: «Может ли руководитель учреждения уволить с работы сотрудника за то, что этот сотрудник верующий?». По словам священника, собственник помещения, в котором размещался молитвенный дом, был уволен за то, что он был верующий и при этом сдавал помещение под молитвенный дом. После увольнения он отказал верующим в помещении, боясь дальнейших неприятностей. Второй случай, по словам Новоселова, произошел с рабочим маслозавода. Его уволили за то, что он был избран церковным старостой. В свою очередь, А. Пловов разъяснил посетившему его священнику, что за исполнение религиозных обрядов уволить с работы не могут, и высказал предположение о возможной другой причине увольнения [11].

Важно отметить, что зачастую политика местных органов власти, непосредственно контактирующих с верующими, могла идти вразрез с общим курсом, реализуемым государством. Так, например, решение Исполнительного комитета Великоорусского сельсовета разобрать

существующее здание церкви на строительные материалы после одобрения Исполком районного Совета Молотовского района Омской области было отменено исполкомом Омского Совета, указавшим на необходимость участия в данной процедуре общины верующих, мнение которой Исполнительный комитет Великоорусского сельсовета проигнорировал. Не желая вникать в законодательные тонкости функционирования религиозных общин, Исполнительный комитет Великоорусского сельсовета письменно обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику с просьбой разрешить сломать помещение церкви и построить из него школу [12].

Вышеперечисленные факты провоцировали низкое посещение церквей и увеличивали количество религиозных треб, совершаемых священниками на дому у верующих. Так, настоятель Покровской церкви с. Воскресенки Калачинского района Стрелков в разговоре с уполномоченным Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР по Омской области А. Плотовым отмечал, что не менее двух раз в неделю проводит крещения детей на дому [10]. Большое число крещений детей дошкольного и школьного возраста фиксировал в своих отчетах и сам А. Плотов. В то же время о случаях крещения взрослых почти не упоминается. По всей видимости, это было вызвано рядом причин. Во-первых, сам обряд крещения проводится преимущественно в детском возрасте, и потребность в нем для поколения, родившегося в дореволюционные годы, попросту отсутствовала. Во-вторых, в условиях административного давления, совершение религиозных обрядов было чревато неприятностями, вследствие чего люди, по какой-либо причине не прошедшие этот обряд в детстве, попросту утаивали факты своего сознательного крещения во взрослом возрасте. Кроме того, в районах области активно совершали религиозные обряды незарегистрированные священники. Особенно сильно их деятельность прослеживалась в г. Тара, а также Тюкалинском и Называевском районах Омской области [14].

В заключение можно сделать следующий вывод. В рассматриваемый период времени на территории Омской области под различными предлогами отклонялось большинство поступающих ходатайств с просьбой о регистрации религиозных общин. Одновременно с этим православные приходы Омской области, которым удалось получить регистрацию, постоянно испытывали на себе явный и скрытый контроль местных властей, что заставляло верующих скрывать свои религиозные убеждения, вследствие чего не представляется возможным установить точную численность людей, исполнявших религиозные обряды. Таким образом, изменения,

начавшиеся в курсе государственно-конфессиональной политики с 1943 г., не оказали существенного влияния на положение верующих в Омской области. Местные органы государственной власти не смогли взять под свой контроль религиозную жизнь населения региона, а православные верующие, в свою очередь, не смогли существенно улучшить свое положение и статус.

Литература

1. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 9.
2. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
3. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
4. Калашник В. В. Ходатайства и обрядность в Алтайском крае в период «либерализации религиозной политики» советского государства в 1943–1949 гг. // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие» – Санкт-Петербург, 2018. С. 21–27.
5. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
6. Калашник В. В. Состояние церковно-приходской жизни в 1943–1953 гг. на территории Западной Сибири (по материалам Новосибирской и Кемеровской областей) // Социально-гуманитарный вестник. 2018. С. 33–42.
7. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
8. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Алтайский крайком КПСС. Оп. 1. Д. 7. Л. 11, 21.
9. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
10. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
11. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4.
12. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
13. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
14. БУ Иса. Ф. Р. 2603. Уполномоченный совета по делам религий при совете министров СССР по Омской области. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-Е ГГ.

Зиберт Н. П., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований №20–59–44004 и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. В статье на основе архивных дел исторического архива Омской области рассматривается религиозность населения Омской области на протяжении 1950-х гг. В изученных автором документах детально описывается деятельность зарегистрированных религиозных групп, в то время как о проявлениях религиозности среди отдельных лиц приводятся лишь краткие фрагментарные сведения. Данный факт свидетельствует о наличии определенной категории людей, религиозность которых в силу различных причин оставалась вне поля зрения органов государственной власти. Одновременно с этим, проводимая в этот период времени государственно-конфессиональная политика требовала точного учета верующих в регионе. Отсутствие сведений о лицах, придерживающихся религиозного мировоззрения, делало невозможной адресную работу с ними и, как следствие, снижало эффективность мероприятий, направленных на искоренение религиозных пережитков среди населения.

Ключевые слова: религиозность населения, антирелигиозная пропаганда, Омск, СССР

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE RELIGIOUS POPULATION OF THE OMSK REGION IN THE 1950S

Siebert N. P., Barnaul (Russia)

Abstract. Based on the archival files of the historical archive of the Omsk region, the article examines the religiosity of the population of the Omsk region during the 1950s. In the documents studied by the author, the activities of registered religious groups are described in detail, while only brief fragmentary information is given about the manifestations of religiosity among individuals. This fact testifies to the presence of a certain category of people whose religiosity, for various reasons, remained outside the field of view of state authorities. At the same time, the state-confessional policy pursued during this period of time required an accurate accounting of believers in the region. The lack of information about people who adhere to a religious worldview made it impossible to work with them directly and, as a result, reduced the effectiveness of measures aimed at eradicating religious vestiges among the population.

Keywords: *religiosity of the population, anti-religious propaganda, Omsk, USSR*

Антирелигиозная работа с населением являлась неотъемлемой частью государственно-конфессиональной политики советского государства. Несмотря на то, что официальная статистика из года в год свидетельствовала о снижении численности верующих [1, с. 11], значительная часть населения продолжала придерживаться религиозного мировоззрения. При этом многие факты проявления религиозности оставались вне поля зрения местных органов власти. Одновременно с этим потребность верующих в исполнении религиозных обрядов провоцировала появление священнослужителей, нелегально исполняющих требы верующих [2, с. 148]. В это же время закрытие церквей не прекратило богослужения, а перевело их в статус нелегальных. Данные факты существенно усложняли работу представителям советской власти. Так, например, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Омской области Д. Кукарин в своем отчете за 1949 г. прямо указывал что «из недостаточно достоверных источников известно, что в Ленинском районе г. Омска функционирует община хлыстов». Однако разыскать эту общину, ее месторасположение и руководителей ему не удалось [3, л. 48].

Нелегальные православные богослужения фиксировались в разных районах Омской области. Так, например, в Полтавском районе Омской области, в д. Новотимощеевка насчитывалось около 15–20 человек православных верующих, совершающих коллективные богослужения, в д. Вольное – около 30 человек [4, л. 27]. В д. Родная Долина Москаленского района около 300 менонитов, воспользовавшись отъездом из села руководящих работников и учителей, отметили «праздник жатвы» [5, л. 28]. В с. Оконешниково Оконешниковского района религиозные обряды (крещения и отпевания) проводились проживающими в селе монахинями. На богослужение в праздник Пасхи в 1949 г., около их дома собралось около 200 верующих, при этом все желающие не вместились в дом и ограду. В этом же году, на полях колхоза монахинями было организовано ночное молебствие о ниспослании дождя. Аналогичные моления были зафиксированы и в других районах. В д. Михайловка Кормиловского района и Кирилловка Оконешниковского района, колхозницы возглавляемые неизвестным священнослужителем, посещали поля с молебствиями о ниспослании дождя. По мнению уполномоченного Совета по делам русской православной церкви, это

был бывший дьяк Н. А. Дьяченко, выполняющий роль священника в д. Алексеевка Кормиловского района и тайно крестивший детей в д. Язово и Чистово Оконешниковского района. Но подтвердить данное предположение не удалось [6, л. 87–88]. В июне 1955 г., моление о дожде устраивала группа казахов Лебяжинского сельского совета Исылкульского района. С этой целью, ими была куплена и забита корова [7, л. 55].

Нередко в числе лиц, нелегально исполняющих религиозные обряды, обнаруживались родственники местных партийных работников. Так, например, в с. Полтавка Полтавского района проводились богослужения, на которых присутствовало до 80 человек. Производила эти богослужения Ф. Артеменко – мать второго секретаря РК ВКП(б) К. М. Артеменко [8, л. 26].

Важно отметить, что даже после того, как о действии нелегальных религиозных групп становилось известно местным органам власти, часть верующих продолжала собираться на коллективные молитвы. Так, например, г. Тюкалинске проживало много старообрядцев-беспоповцев, а недалеко от города фиксировались целые деревни, состоящие из старообрядцев. Они проводили молитвенные собрания небольшими группами в домах верующих, игнорируя требования властей зарегистрироваться в общину. В д. Николайполь Исылкульского района колхозник А. А. Эдикер отказался исполнять обязанности бригадира полеводческой бригады, аргументировав свое решение тем, что он менонит и в силу религиозных убеждений не может принимать те или иные меры воздействия к колхозникам. Менониты д. Николайполь Исылкульского района, с. Розовка Омского района и с. Ивановка Калачинского района уезжали на молитвенные собрания в с. Александровку Марьяновского района, с. Доброе поле Москаленского района и пос. Чапаева Москаленского района. Запрещение использовать для этих целей колхозный транспорт, не остановило поездок [9, л. 68, 120]. Баптисты г. Омска отказывались регистрироваться, заявляя, что «...учением евангелия забота о регистрации на верующих не возлагается» [10, с. 354]. Радикально была настроена омская группа духовных христиан-молочан, руководителем которых А. И. Зубков заявил, что группа молочан будет регулярно собираться и «пусть нас хоть арестуют» [11, л. 37–38]. В 1957 г. рабочий И. А. Савкин, жаловался местным властям на то, что его жена посещает молитвенные собрания, не дает детям лекарство, убеждая их, что это отравы, отказалась рожать в больнице, а когда представители партийного комитета цеха, в котором она работала, вызвали ее для беседы и спросили, что для нее важнее – пять детей и муж или

религиозные собрания, то ответила «мне важнее спасти свою душу..., а на земле мы временные» [12, л. 31–32].

Таким образом, пытаясь уничтожить религиозные предрассудки, местные власти сталкивались с рядом сложностей. Во-первых, это нежелание части населения афишировать свои убеждения, в силу проводимой в это время религиозной политики. Данный факт существенно усложнял учет верующих в регионе и делал невозможным проведение с ними соответствующей разъяснительной и профилактической работы. Кроме того, в среде верующих встречались публично игнорирующие религиозное законодательство религиозные фанатики, к работе с которыми местные органы власти не были должным образом подготовлены. Вышеназванные причины существенно затрудняли проведение антирелигиозной работы в регионе и мешали выполнению поставленной советским правительством задачи – покончить с религией как можно скорее и уничтожить религиозные пережитки в среде населения.

Литература

1. *Сосковец Л. И.* Верующие как маргиналы в советском обществе // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 10(86). С.10–15.
2. *Клюева В. П.* «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4(31). С.143–150.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603. Оп.1. Д.9. Л.48
4. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.5. Л.27
5. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.29. Л.28
6. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.9. Л.87–88
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.14. Л.55
8. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.5. Л.26
9. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.14. Л.68, 120
10. Добровольский А. П. Конфессиональная политика Советского государства в 1950-е гг. (на примере отчетов уполномоченных

- по Омской области) // Вестник оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2(11). С.350–357.
11. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.14.Л.37–38
 12. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2603.Оп.1. Д.37.Л.31–32

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Злобина Ю. И., Чжао Кайсинь, Барнаул (Россия)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению этнокультурных стереотипов восприятия русских в социологическом аспекте в массовом сознании китайцев. Представлено теоретическое осмысление понятий «стереотип» и «этнокультурный стереотип». Стереотипное выражение в языке имеет большинство выражений, которые отражают представления носителей китайской культуры о русских, их поведении и внешности. Существует и динамика изменения национальных культурных стереотипов, которую нужно проследивать с течением времени для выявления изменений в интерпретации образов. Приводятся практические результаты анализа представлений о русских в форме эксперимента, направленного на выявление реакций в массовом сознании китайцев на определенные вопросы, связанные с образом русских. На основе результатов эксперимента предлагаются предварительные выводы о сложившемся образе и стереотипах.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, русские, межкультурная коммуникация, массовое сознание, китайцы

ETHNIC-CULTURAL STEREOTYPES IN PERCEPTION OF THE RUSSIANS IN THE CHINESE'S MASS CONSCIOUSNESS (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Zlobina Y. I., Chjao Kaisin, Barnaul (Russia)

Abstract. The article is devoted to sociological aspects of the consideration of ethnic-cultural stereotypes in perception of the Russians in the Chinese's mass consciousness. The article gives theoretical understanding of the concepts of stereotype and ethnic-cultural stereotype. The stereotypical expression in the language has the majority of representations of ideas of the Chinese's culture bearers about the Russians, their behavior and appearance. The dynamics of changes in national cultural stereotypes exists; and it should be studied over time to identify changes in the interpretation of images. The article gives practical results of ideas about Russians in the form of an experiment aimed at identifying reactions in the Chinese's mass

consciousness to certain issues related to the image of the Russians. The article offers preliminary conclusions about the prevailing image and stereotypes based on the experiment's results.

Keywords: *ethnic-cultural stereotype, the Russians, intercultural communication, mass consciousness, the Chinese*

Культурные различия между Китаем и Россией очень велики, что приводит к формированию разных менталитетов двух народов (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева) [6]. Большую роль в формировании представлений о другом народе играет образ мышления – этнокультурные стереотипы, которые, в свою очередь, тесно связаны с языком: они могут быть выражены в языке в виде отдельных утверждений с определенной структурой. Этнокультурный стереотип – это «определенный процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям» [6, с. 155]. Стереотип по своей природе есть упрощенная эмоционально заряженная модель, образ чего-либо, культурная «картина мира». По мнению Ю. Е. Прохорова, «национальные культурные стереотипы безоговорочно связаны с укоренившимися в общественном сознании традициями, обрядовыми символами, мифами, обычаями и практиками того или иного человека» [3, с. 80], считается, что среди членов одной этнической группы существует весьма унифицированная национальная культурная концепция восприятия другой этнической группы. Но Т. Г. Стефаненко полагает, что «стереотип <...> не означает его полной идентичности у отдельной личности или одинаковой степени осознания всеми членами группы» [4, с. 242].

Утверждается, что роль национально-культурных стереотипов неоднозначна. Человек может интерпретировать определенные характеристики отдельной личности всей этнокультурной группы, поэтому содержание национально-культурных стереотипов может быть отчасти верным, а отчасти ложным. Из-за различий в культурных системах разных стран возникли пробелы в межкультурной коммуникации. Это отметили и российские исследователи (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, Ю. С. Степанов, В. Л. Муравьев, Г. В. Быкова и др.), которые понимали разрыв восприятия иначе, но признавали, что основные характеристики этих пробелов – это «непонятность, непривычность, незнакомость, ошибочность» [2, с. 34]. Существует и динамика изменения национальных культурных стереотипов, которая может быть определена двумя факторами: 1) постоянно возрастающая скорость обновления информации: каждый день человек получает непрерывный поток информации через

Интернет, книги, журналы, рекламу и т.д.; 2) политика, которая влияет на отношения между странами: представления о той или иной нации могут меняться под влиянием политических процессов. Но существует и обратное явление: устойчивость стереотипного содержания по отношению к новой информации. Стереотипы могут оставаться неизменными в течение длительного периода времени, действуют как «устойчивые объяснения определенных фактов, привычные интерпретации вещей» [7, с. 152]. Если страны имеют долговременные и устойчивые партнерские отношения, то глобальных изменений в восприятии быть не должно, но это возможно при стабильных отношениях и неизменности среды пребывания отдельного этноса. При этом манкирование сформированных стереотипов может привести к отрицательным последствиям. «При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» [6, с. 44].

Цель нашего исследования – выявление содержания этнокультурных стереотипов о русских у носителей китайского языка. Для достижения цели мы использовали методику О. А. Леонтович для формирования опросника. Респондентам был предложен ряд закрытых и открытых вопросов на русском языке, без введения информации на родном языке. Китайские респонденты должны были знать русский язык и пребывать на момент опроса в Китае, не погружаясь в языковую среду неродного языка. Последнее являлось обязательным, т.к. мы предполагаем провести второй этап эксперимента в 2023 г., когда те же вопросы будут заданы иностранным студентам в России.

В данной статье мы представим результаты первого этапа эксперимента. Была опрошена китайская молодежь, проживающая на территории Китая (в связи с эпидемиологической ситуацией въезд на территорию России был закрыт) в провинциях и городах Китая, включая Хэйлунцзян, Цзилинь, Пекин, Тяньцзинь, Хайнань, Шаньдун, Сычуань и т. д. Всего опрошено 65 китайцев.

Характеристика группы испытуемых: 21 мужчина, 44 женщины, из них два выпускника средней школы Китая, восемь выпускников младших колледжей Китая, 54 человека с образованием бакалавра и один человек со степенью магистра. Китайские информанты получили анкету с вопросами, которые касались их представлений о русских, написали ответы на русском языке, при этом можно было выбирать несколько вариантов или давать собственный ответ. Опрос проводился в декабре 2021 г. – январе 2022 г.

Рассмотрим реакции информантов, данные на первый вопрос.

Таблица 1. Реакции на стимул: «Как вы думаете, как русские относятся к китайцам?», %

реакция на вопрос	количество реакций (%)
Отлично	57
Хорошо	42
Никак	1
Плохо	0

Как видно из результатов опроса, почти 100% испытуемых полагают, что русские не относятся негативно к китайцам. Это связано, конечно, с политикой взаимодоверия Китая и России, регулярными контактами лидеров двух стран, освещаемыми СМИ, тесными деловыми и экономическими контактами. Всестороннее партнерство и стратегическое взаимодействие России и Китая для осуществления взаимовыгодного сотрудничества, а также наличие общих фрагментов исторического развития (Россия во времена СССР) влияют на формирование мнения молодого поколения.

Формирование стереотипов о народе частично происходит из образования нескольких составляющих, например, образ страны накладывается на образ народа в целом. Эксперимент о восприятии образа России китайцами мы проводили в 2021 г. [1], результаты которого показали, что страна и народ воспринимаются носителями другой культуры неотделимо друг от друга. Поэтому второй вопрос анкеты касается восприятия страны и предлагает 11 вариантов ответа.

Рассмотрим реакции анкетированных, данные на второй вопрос.

Согласно данным, 19% китайцев считают Россию боевым национальным государством, 17% отметили большую территория и малонаселенность, 14% – плохую погоду.

Для понимания результатов нужно пояснить термин, возникший в Китае, «боевое национальное государство». Современная молодежь Китая называет русских «боевой нацией». «Боевой» не значит дерзкий и агрессивный в традиционном смысловом значении. Китайцы в целом оценивают русских в положительном свете, придавая интересное значение русскому слову «боевая нация», а не вкладывая в семантику агрессивное значение или злобную иронию. Термин «боевая нация» 武国 впервые был придуман китайскими СМИ, а затем стал популярным в повседневной жизни китайцев. Это выражение особенно популярно в разговоре молодых китайцев. Под 武国 (У Го) понимается отважный

сверхчеловек, который иногда ведет себя как незрелый ребенок. Иными словами, по самой своей природе русская нация смелая, сильная и динамичная, но часто совершает необычные и неожиданные поступки. Исследователь У Юхун отмечает, что в настоящее время под словосочетанием «Боевая нация» в Китае принято понимать то, что современной России под руководством В. Путина приходится без перерыва противостоять жесткому давлению Запада [8].

Два других популярных ответа более понятны: большая территория и малонаселенность по меркам китайцев очевидны, а опять же плохая погода по мнению китайцев связана с холодным климатом и более жесткой зимой. Некоторые студенты из Китая считают, что противостояние русских холоду и лишениям формирует у них выносливый характер, который связывают с понятием «боевая нация». Так сложилось исторически, что большая территория России всегда привлекала внимание других государств, кроме того, Россия является самой большой страной по площади в мире.

Таблица 2. Реакции на стимул: «Какое из следующих описаний, по вашему мнению, актуально восприятию национального имиджа России?», %.

реакция на вопрос	количество реакций (%)
Боевое национальное государство	19
Развитая литература и искусство	7
Передовые технологии	5
Большая территория и малонаселенность	17
Долгая история	8
Многие преимущества развития	3
Сильная военная сила	10
Богатые ресурсы	8
Плохая погода	14
Национальная стабильность	4
Демократия	3

Следующий вопрос предполагал то, что каждый респондент должен ответить сам, без вариантов ответа. Количество определений не ограничивалось, в среднем испытуемые писали по 2–3 определения.

Таблица 3. Реакции на стимул: «Пожалуйста, используйте слова для описания первого впечатления, когда вы думаете о том, какие русские?», %

реакция на вопрос	количество реакций (%)
боевая нация	91
хорошо	31
доброжелательный	27
красивая девушка	21
дерзновенный	9
говорит быстро, любит сладкое	5
сердечность и гостеприимство	82
лихой	9
высокий и большой	51
откровенный	18
русские мальчики и девушки красивы	64
любит медведей	15
храбрый	27
любит пить	12
сильный	28

Мы привели данные наиболее популярных ответов, единичные случаи были исключены. Среди них наиболее распространенных являются три определения: «боевая нация», о котором мы говорили выше (используется для описания русских из-за их стойкого характера и уникального способа показать национальную индивидуальность), «сердечность и гостеприимство» и «русские мальчики и девушки красивы». Красота русских людей для китайцев очевидна: рост и славянская внешность (светлые волосы и глаза) [1] были показателем для темноволосых, кареглазых и невысоких китайцев. Характер и общие качества русских оказываются тесно связаны с привычным поведением в быту, на что указывает частотность употребления таких качеств, как сердечность и гостеприимство, доброжелательный, откровенный. Также мы отметили наличие стереотипного восприятия русских – это «любит пить» и «любит медведей». К сожалению, подобные реакции встречаются нередко. Поэтому нам представляется целесообразным повторить эксперимент и опросить китайских студентов повторно, чтобы отследить динамику и/или статику развития восприятия с изменением условий проживания. Мы

собираемся зафиксировать, изменится ли мнение китайцев о русских, если они будут проживать на территории России в отличных условиях, повлияют ли фоновые знания и знания о России, полученные на занятиях в университете, знакомство с реальными русскими и ситуациями общения в различных средах (магазин, больница, банк и т.д.) на уровень восприятия. Анкетирование планируется на январь-февраль 2023 г.

Таким образом, в массовом сознании китайских студентов складывается довольно стереотипный образ русских людей (русские как «боевая нация», высокие, красивые, гостеприимные, хорошо относящиеся к китайцам). С развитием информационных потоков и Интернета телевидение, газеты и журналы стали для Китая основными средствами получения информации об имидже России и взяли на себя важную функцию распространения информации о русских. В то же время, обучение за границей в России и экскурсионные туры постепенно стали играть важную роль в процессе восприятия русских. Поэтому, в целом, складывается положительное восприятие образа русского. Исследователь Ли Суйань отметил, что образ России в Китае всегда хорошо поддерживается, как обычно, давая России и русским людям высокую оценку [9, с. 54]. В то же время наблюдается влияние на формирование этнокультурного восприятия современных реалий; так, термин «боевая нация», появившийся в СМИ и Интернете, приобрел популярность у молодежи и способствовал стереотипной оценке русских в современности. По-прежнему, отмечаются внутренние качества русских (сердечность и доброжелательность), среди внешних – все еще популярно определение «красота русского человека».

Литература

1. *Злобина Ю. И.* Образ нации в социологическом аспекте этнокультурного восприятия России в массовом сознании китайцев // Материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве», Барнаул. Том 1. № 10 (2021). С. 66–73.
2. *Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Культура и текст: введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
3. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006.
4. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Прогресс, 1999.

5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008.
6. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Наука, 1996. С. 139–162.
7. Rhodes S.R. Age-Related Differences in Work Attitudes and Behavior: A Review and Conceptual Analysis // Psychological Bulletin. March 1983. Pp 67–328.
8. 吴宇虹. 关于俄罗斯的悬疑: 俄到底是不是战斗民族? // 中国军网. 2016 年 05 月 10 日.
9. 李随安. 中国和俄罗斯: 国家形象之比较 // 西伯利亚研究. 2007 年. № 4. 第 53–55 页.

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В
СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (НА
ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ШКОЛА ДОБРЫХ МАМ И ПАП»)

Иванова А. Ю., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье автор рассматривает социальное сопровождение семей, находящихся в социально-опасном положении, на примере программы «Школа добрых мам и пап».

Ключевые слова: социальное сопровождение, семья, находящаяся в социально-опасном положении

SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES IN SOCIALLY DANGEROUS SITUATION in
the altai krai (On THE EXAMPLE OF THE PROGRAM «SCHOOL OF KIND
MOMS AND DADS»)

Ivanova A. Y., Barnaul (Russia)

Abstract. In the article, the author considers the social support of families in socially dangerous situation on the example of the program «School of Kind Moms and Dads».

Keywords: social support, a family in socially dangerous situation

В настоящее время отмечается активный интерес к вопросам усовершенствования системы социальной работы с различными категориями населения. Важным шагом в данном направлении стало

внедрение в деятельность социальных служб практики социального сопровождения.

Социальное сопровождение рассматривается как содействие в предоставлении различной помощи семьям с детьми. В соответствии со ст. 22 Федерального закона Российской Федерации № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» социальное сопровождение – это содействие родителям, опекунам, попечителям, иным законным представителям несовершеннолетних детей в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам [1].

В 2021 г. было зафиксировано увеличение количества сигналов о детском неблагополучии и возможных фактах жестокого обращения с детьми по сравнению с 2022 г. В связи с неутешительной динамикой роста семей, находящихся в социально опасном положении, на территории Алтайского края в 2021 г. была инициирована программа «Школа добрых мам и пап». Программа реализуется в рамках государственной программы Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности на 2021–2024 годы» при поддержке Министерства социальной защиты Алтайского края [2]. Ресурсным центром программы является КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин». Программа представляет собой курс занятий с родителями в целях развития и повышения компетенций в сфере позитивного и ответственного родительства, получения профессиональной помощи в преодолении трудностей в воспитании детей и необходимых навыков неконфликтного и безопасного поведения для дальнейшей трансляции детям.

Программа «Школа добрых мам и пап» реализуется для родителей детей трех возрастных групп: «Дошкольное детство», «Младший школьный возраст», «Подростковый возраст». Программа включает в себя восемь занятий, длительность каждого – примерно 1,5 часа. Для того, чтобы обучение в «Школе добрых мам и пап» было интересным и доступным, специалистами ГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» – заместителем директора, канд. социол. наук Е. В. Васильевой и методистом Ю. К. Боровинской – были разработаны рабочие тетради, которые призваны «стать верными помощниками для участников на весь курс Школы» [3–6].

Программа «Школа добрых мам и пап» реализуется в форме дистанционных занятий с родителями. Так, первый вебинар посвящен обсуждению трудностей современного родительства. Практическое упражнение «Я и мой ребенок» позволяет родителям окунуться в свое

детство, почувствовать себя ближе к своему ребенку. В открытом и доверительном диалоге семьи – участники программы – делятся теми родительскими трудностями, которые они испытывают в процессе воспитания своих детей, и определяют степень их выраженности.

Нами был проведен анализ родительских чатов в обезличенном виде с целью выявления трудностей, проблем в воспитании детей, которые определили участники программы как наиболее значимые для них. В группе «Дошкольное детство» (родители, воспитывающие детей в возрасте от 0 до 6 лет) законные представители отметили следующие сложности. Наиболее часто родители писали о том, что «дети не слушаются», «не выполняют свои обязанности», «не хотят помогать», «не собирают свои игрушки». Значимой для родителей также является проблема «зависимости детей от гаджетов». Некоторые родители написали о своей «низкой педагогической компетентности», «нехватке времени», «непонимании». Так же важными для родителей в этом возрасте являются проблемы «адаптации ребенка в детском саду», «неумение делиться», «капризность». Так как в программе принимает участие большое число многодетных семей, то была озвучена и такая сложность, как трудности организации досуга нескольких детей.

Таким образом, родители делятся в общем чате своими проблемами и потребностями, какую информацию им хотелось бы получить в процессе прохождения других занятий. Эта информация берется во внимание ведущими и обязательно рассматривается в дальнейшем. Важным достоинством онлайн «Школы добрых мам и пап» является возможность задать волнующий вопрос специалистам и получить ответ в режиме реального времени.

Литература

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 20.04.2022).
2. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности»: Постановление Правительства Алтайского края от 08.05.2020 № 211. URL: <https://base.garant.ru/74004670/> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Онлайн «Школа добрых мам и пап» // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL: <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Дошкольное детство // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL: <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Младший школьный возраст // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL: <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Рабочая тетрадь Школы добрых мам и пап: Подростковый возраст // Краевой кризисный центр для мужчин: [сайт]. URL: <http://www.criscentr.ru/projects?project=6> (дата обращения: 20.04.2022).

ФОРМЫ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРЕСА К ТРАДИЦИЯМ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА РЕГИОНА

Ивойлова Л. В., Дедюшина Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматриваются разнообразные формы досуговой деятельности, способствующие формированию интереса людей разных возрастных категорий к декоративно-прикладному искусству Алтайского края. Декоративно-прикладное искусство способствует творческому и духовно-нравственному развитию личности независимо от возраста и социального статуса, формирует ценностные ориентиры через усвоение ценности народного искусства региона, воспитывает уважение к национальной культуре, способствует развитию мышления, восприятия, памяти. Все эти знания, умения и навыки формируются и закрепляются в различных досуговых мероприятиях (мастер-классах, конкурсах, экскурсиях, праздниках). На сегодняшний день очень актуален вопрос воспитательного потенциала досуга, где используется декоративно-прикладное искусство. Он значим не только для детей и юношества, остается важнейшим и в более зрелом возрасте.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, регион, воспитание, традиции, народная культура, развитие личности, сфера досуга

FORMS OF LEISURE ACTIVITIES IN THE FORMATION OF INTEREST IN THE TRADITIONS OF FOLK ARTS AND CRAFTS IN THE REGION

Ivoylova L. V., Dedyushina E. V., Barnaul (Russia)

Abstract. This article considers various forms of leisure activities that contribute to the formation of interest of different age categories of people

in the arts and crafts of the Altai krai. Arts and crafts contribute to the creative spiritual and moral development of an individual, regardless of age and social status, forms value guidelines through the assimilation of value of folk art of the region, fosters respect for national culture, contributes to the development of thinking, perception, and memory. All these knowledge and skills formed and fixed in various leisure activities (master classes, competitions, excursions, and holidays). Today, the issue of educational potential of leisure, where decorative and applied art is used, is very relevant. It is significant for not only children and youth, but remains the most important for adults.

Keywords: *arts and crafts, region, education, traditions, folk culture, personal development, leisure sphere*

На сегодняшний момент досуг является вторичной социализацией современного человека, потому что такие институты социализации как семья и образование утрачивают свою традиционную функцию воспитания личности, не выполняя ее в полной мере. Досуг – это свободное время, которое человек проводит с пользой для своего здоровья, интеллекта, творческого проявления. Всем этим критериям соответствует народное декоративно-прикладное искусство, создающее человеку безграничное пространство для свободного выбора ценностной системы. Оно способствует духовно-нравственному воспитанию, формирует ценностные ориентиры через усвоение ценности народного искусства, воспитывает уважение к национальной культуре. Творчество является одной из доминант сферы досуга. Только в процессе творческой деятельности можно создать «ситуацию успеха» для каждого. Активный интерес побуждает к развитию личности, формирует знания, способности и умения [1, с. 134].

Огромный потенциал формирования интереса разных возрастных категорий к декоративно-прикладному искусству региона имеют детские художественные школы, этнокультурные центры, дома народного творчества. Данные образовательные и досуговые организации используют различные формы работы для формирования интереса к декоративно-прикладному искусству. Здесь организуют выставки различных видов декоративно-прикладного искусства (ткачество, лепка, вышивка, народный костюм и т. д.). Участие в различных выставках, творческих фестивалях и конкурсах обладает колоссальной воспитательной значимостью, потому что они помогают знакомить участников с историей и национальными традициями, формируют умение любоваться красотой, создаваемой людьми. Этому в полной мере будет способствовать Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 745 «О проведении в Российской

Федерации Года культурного наследия народов России». Этим указом определяется ценность наследия народной культуры, которая составляет важнейшую часть жизни общества, в связи с ее многонациональностью, разнообразием культур и обилием языков, уникальным набором региональных особенностей. «...Народное искусство – это прошлое, живущее в настоящем, устремленное в будущее своей мечтой о небывалом. Оно творит свой мир Красоты, живет своим идеалом Добра и Справедливости – и развивается по только ему присущим законам. Это культурная память народа, неотделимая от самых глубоких устремлений современности» [3, с. 343].

Также одной из форм досуговой деятельности при формировании интереса к традициям народного декоративно-прикладного искусства региона могут быть развлечения в образовательных организациях (детских садах, школах), которые предполагают различную активность участников. Во-первых, участники могут быть только зрителями. Во-вторых, участники могут быть какой-либо одной группы (дети, девочки или мальчики и т. д.). В-третьих, непосредственными участниками могут стать все желающие. Например, дети и взрослые с удовольствием готовят театрализованные представления с использованием атрибутов и декораций, украшенных росписью или сшитых из лоскутков, на праздник Масленицы и Рождества и др., соблюдая традиции, которые необходимо чтить и помнить. Детям, например, надолго запоминаются семейные походы в музей или театр вместе с родителями. И через много лет они с удовольствием поведут своих детей.

Увеличению интенсивности процесса формирования постоянного интереса к традициям народного искусства региона содействует не только использование досуговыми организациями разнообразных форм и методов работы, но и тщательный подбор заданий для участников так, чтобы они носили проблемный характер. Для проведения интересного познавательного мероприятия также необходима высокая профессиональная подготовка педагогов, которые знают традиции народного искусства (в том числе декоративно-прикладного), владеют технологией и специфическими методическими приемами выполнения того или иного изделия любого промысла.

Для того, чтобы досуговая деятельность была интересна и полезна участникам, она должна быть педагогически организована. Существует множество разнообразных форм организации досуга. В первую очередь это игровые программы. Они включают в себя разнообразие игр

(народные, подвижные, интеллектуальные и т. д.) Игры позволяют использовать предметы народного искусства как атрибуты. Конкурсные формы организации досуга дают возможность проявить себя в различных видах деятельности («Волшебная глина», «Кукла в народном костюме» и др.). Самой крупной формой досуга, позволяющей соприкоснуться с народным декоративно-прикладным творчеством, являются фольклорные праздничные программы. Фольклорный праздник охватывает максимальные возможности в создании ситуации, приближенной к естественному бытованию жанров народного творчества. Это могут быть мастер-классы, демонстрация работы мастера. В то же время могут проходить выставки изделий народных мастеров. Все это, организованное на одной досуговой площадке, позволяет участникам праздника узнать историю, традиции и практически поработать в том или ином жанре декоративно-прикладного искусства. Использование в современных праздниках народных традиций позволяет избежать пассивного восприятия участниками тех или иных форм художественно-творческой работы.

Собирательница фольклора Е. Линева писала: «Важность изучения памятников народного творчества давно признана. Роль их громадна. Они вносят в жизнь своеобразный элемент, называемый национальным, но который не разъединяет людей, подобно узко понятому патриотизму, а, напротив, соединяет их одним общим чувством любви к прекрасному, внушает уважение и беспристрастие к искусству разных народностей, являющемуся результатом вдохновения и труда многих поколений» [2, с. 10].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что обращение к народной традиции в различных видах досуговой деятельности в наше время позволяет успешнее решать и психолого-педагогические, и художественно-творческие задачи. Причастность к культуре своего народа, популяризация народной культуры жителей разных национальностей нашего региона, формирование уважения к их религиозным и национальным ценностям являются основой мира и согласия в многонациональном регионе.

Литература

1. *Бигдай А. Д.* Старинные казачьи песни. Анапа: Полиграфобъединение, 1991.
2. *Линева Е. Э.* Великорусские песни в народной гармонизации. СПб., 1904.
3. *Некрасова М. А.* Народное искусства как часть культуры. Москва: Изобразительное искусство, 1983.

ИСТОРИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КЫРГЫЗСТАНА И АЛТАЯ

Идинов К. И., Айдаркул К., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. В статье рассматриваются историко-экономические и социально-культурные связи интеграционных процессов Кыргызстана и Алтая. Оба региона издавна имеют много общего в своей истории. Достаточно сказать, что главный эпический герой всемирно известного кыргызского эпоса «Манас» родился на Алтае. Также много общего имеется в экономическом развитии и социально-культурном сотрудничестве. Как показывает исследование, в последние годы все эти направления приобретают новый импульс в своем развитии. Очень эффективными являются при этом межрегиональные связи. Об этом свидетельствует работа, проводимая в рамках заключенного между Администрацией Алтайского края и Государственной администрацией Ошской области Кыргызской Республики Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, взаимной подготовки кадров различной квалификации, участии во Всемирных играх кочевников и т. д.

Ключевые слова: история, экономика, культура, сотрудничество, Кыргызстан, Алтай, регион

HISTORICAL-ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE INTEGRATION PROCESSES BETWEEN KYRGYZSTAN AND ALTAI

Idinov K. I., Aidarkul K., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. The article examines the historical, economic and socio-cultural ties of the integration processes of Kyrgyzstan and the Altai. Both regions have long had a lot in common in their history. Suffice it to say, the main epic hero of the world-famous Kyrgyz epic «Manas» was born in Altai. There are also many similarities in economic development and socio-cultural cooperation. As the study shows, in recent years, all these areas have gained a new impetus in their development. At the same time, interregional ties are very effective. This is evidenced by the work carried out within the framework of the concluded Agreement between the Administration of the Altai krai and the State Administration of the Osh Region of the Kyrgyz Republic on trade, economic, scientific, technical and cultural cooperation, mutual training of personnel of various qualifications, participation in the World Nomad Games, etc.

Keywords: history, economy, culture, cooperation, Kyrgyzstan, Altai, region

История и экономика кыргызов и Кыргызстана является составной частью всемирной истории и мирового хозяйства и, именно

поэтому, обладает целым рядом специфических черт. Термин «кыргыз» один из древнейших, сохранившихся до наших дней этнонимов Евразии. Истоки нашего народа уходят в седую древность, восстановить которую помогают археологические исследования на Тянь-Шане [1] и в Фергане, на берегах Енисея, Саянских горах и Алтае, других регионах России, в Центральной Монголии, Китае, Индии, Пакистане, Афганистане и арабских странах.

Первое упоминание государственного образования «владение Кыргыз» относится к 209–201 году до н.э. [2]. Однако истоки зарождения международных отношений Кыргызстана уходят еще дальше в глубь веков. «История кыргыз уходит в глубокую древность, – писал А. Н. Бернштам, – к IV тысячелетию до н.э., но эта предыстория племен Енисея может считаться эпохой становления лишь кыргызских племен. В ней только начинается зарождение тех этнических элементов, которые лишь к концу 1 тысячелетия до н.э. образовали первые кыргызские племена. Уже с этого этапа намечаются связи кыргызских племен Енисея с Тянь-Шанем, нашедшие свое полное выражение в государстве каракитаев в XII веке, когда Енисей и Тянь-Шань входили в одно государственное целое» [3, с.311]. Недавно появилась информация, что в Кыргызстане выходит книга «Кыргызская история в китайской письменности». По словам авторов издания, первые упоминания о кыргызах, в частности речь идет об упоминании Кыргызского каганата в китайской письменности, датированы 525 годом до н.э. «Этот факт, по сути, является неизвестным для историков Кыргызстана, которые считали, что кыргызский каганат начинался с правления Барсбека, но китайские ученые доказывают, что он существовал и до него» [4].

По данным эпоса «Манас», кыргызы приезжали с Ала тоо, то есть нынешнего Кыргызстана, на Алтай. Отец Манаса – Жакып, начал здесь поднимать экономику, эффективно развивать сельское хозяйство и горнодобывающую промышленность.

Это способствовало формированию крепкой национальной экономики алтайских кыргызов, укрепления их международных отношений с сопредельными странами и регионами (Китаем, Маньчжурией, Сибирью, Дальним Востоком, Центральной Азией) и переезда обратно в Ала-Тоо.

И сегодня это позволяет дальше развивать международные экономические отношения Кыргызской Республики и Алтайского края Российской Федерации.

Нормативно-правовую базу межрегионального взаимодействия составляет Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом

и культурном сотрудничестве между Администрацией Алтайского края и Государственной администрацией Ошской области Киргизской Республики от 23 марта 2011 года.

Очень плодотворно развивалось торгово-экономическое сотрудничество.

Динамика показателей внешней торговли с Киргизией за период 2016 – 9 месяцев 2019 г. представлена ниже.

Таблица 1. Динамика показателей внешней торговли с Киргизией за период 2016 – 9 месяцев 2019 г.

Период	Товарооборот, тыс. долл. США	Экспорт, тыс. долл. США	Импорт, тыс. долл. США	в % к предыдущему периоду
2016 год	15 523,3	11 485,5	4 037,8	–
2017 год	19 879,6	13 563,7	6 315,9	128,1
2018 год	21 506,6	13 682,8	7 823,8	108,2
январь- сентябрь 2019 года	16 830,0	9 955,8	6 874,2	116,3

Доля экспорта Алтая в структуре товарооборота с Киргизией составляет 59,2%. Основу экспорта края в Киргизию составляют лесоматериалы (35%), шины и покрышки (11,5%), продукция мукомольно-крупяной промышленности (9,4%), котельное оборудование (9,6%); импорта – лом свинца необработанный (34,4%), молочная продукция (48,8%), овощи (13,4%) [5].

В период с 27 по 28 марта 2019 года делегация Алтайского края приняла участие в VIII Российско-Киргизской межрегиональной конференции «Новые горизонты стратегического партнерства и интеграции» (г. Бишкек).

В рамках программы мероприятия прошли тематические круглые столы по ключевым направлениям сотрудничества России и Киргизии, семинары по продвижению продукции на рынках двух стран, а также питч-сессии российских и киргизских компаний. Представители алтайской делегации приняли участие в работе круглых столов «Пути реализации интеграционного потенциала в рамках ЕАЭС для развития торгово-экономического сотрудничества и промышленной кооперации», «Развитие агропромышленного комплекса России и Киргизии с учетом транспортно-логистического потенциала», а также

семинара на тему «Продвижение продукции на российский и киргизский рынки».

Помимо этого, на полях конференции прошел Форум ректоров вузов России и Киргизии «Развитие науки и образования – инвестиции в будущее», в котором приняли участие представители Алтайского государственного университета и Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова. В рамках форума ректор технического вуза А. М. Марков и ректор Ошского технологического университета им. М. Адышева А. О. Абидов подписали соглашение о сотрудничестве.

В целях расширения международного сотрудничества региона, укрепления сложившихся и установления новых торгово-экономических связей в период с 14 по 18 апреля 2019 года состоялся визит делегации региона с участием официальных, деловых и научных кругов под руководством заместителя Председателя Правительства Алтайского края А. Н. Лукьянова в Киргизскую Республику.

В состав делегации региона вошли руководители и представители 15 алтайских предприятий и организаций.

В целом в рамках визита потенциал Алтайского края был комплексно представлен в торгово-экономической, научно-образовательной и культурной сферах. Киргизская сторона на правительственном уровне подтвердила высокую заинтересованность в развитии всестороннего взаимодействия. Экономическим итогом стало продвижение алтайской продукции на рынок Киргизии, поддержка текущих и запуск новых перспективных проектов сотрудничества на взаимовыгодной основе. При этом важная роль принадлежит гуманитарному сотрудничеству. В июле 2018 года спортсмены из Киргизии стали участниками третьего этапа лично-командных международных соревнований по мотокроссу «Кубок Содружества», который прошел в г. Барнауле. В августе этого же года, команда от Алтайского края приняла участие в III Всемирных играх кочевников, которые прошли в г. Чолпон-Ата Иссык-Кульской области Кыргызстана. Алтайские спортсмены завоевали одну серебряную и три бронзовых медали. В июне 2019 года представители Киргизии приняли участие в Молодежном управленческом форуме «Алтай. Точки Роста», который прошел в городе-курорте Белокурихе Алтайского края. В целом, образовательная программа мероприятия включала 14 направлений, в рамках которых состоялись 20 площадок.

Особо хотелось бы отметить о кыргызской диаспоре в Алтайском крае. На территории Алтайского края, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживают 558 киргизов, что

составляет 0,02% от всей численности населения региона. С 2012 года действует общественная организация Местная национально-культурная автономия киргизов г. Барнаула «НашДомАлтай» (председатель – Толебаев Нурбек Шугурбекович – является членом Совета по вопросам реализации государственной национальной политики при Правительстве Алтайского края). Сотрудничество с общественными организациями соотечественников, проживающих в Киргизской Республике осуществляется в рамках ведомственной целевой программы Алтайского края «Поддержка и развитие связей с соотечественниками за рубежом» [5].

Совместно с Координационным советом организаций российских соотечественников в Киргизии и Общественным объединением «Русский культурный центр «Гармония» (г. Бишкек, Киргизия) осуществляется целый ряд мероприятий с участием соотечественников. В период с 30 мая по 5 июня 2019 года на туристической базе «Детская империя туризма» (Алтайский район) состоялась Международная танцевальная деревня «Малина», в которой принял участие творческий коллектив «Ассоль» под руководством заслуженного работника культуры Киргизской Республики Л. Г. Чунтоновой (г. Бишкек, Киргизия). Детский ансамбль стал лауреатом I степени в номинации «народный танец» и получил Гран-при международного танцевального фестиваля «Кубок Алтая» [5].

В Государственном художественном музее Алтайского края проведена совместная российско-киргизская выставка «Созвучие природы». Экспозиция была представлена художественными работами в технике «маркетри» воспитанников и педагогов Барнаульской детской школы искусств № 1, российского общественного деятеля Валерия Улеева и его учеников из г. Джалал-Абада Киргизии (13–29 июня 2019 года, г. Барнаул). Благодаря деятельности В. С. Улеева данный вид искусства был перенят алтайскими педагогами и получил продолжение в работах алтайских учащихся.

Дети соотечественников из Киргизии (г. Бишкек) стали участниками международного культурно-образовательного проекта «Летние беседы на Алтае» (24–29 июня 2019 года). Содержательное исполнение программы подготовили педагоги МБУДО «Детская школа искусств «Традиция». Программа фестиваля включала оздоровительные процедуры, а также проведение мастер-классов по традиционному ремеслу, хороводы, вечерки, молодецкие забавы, а также знакомство с обрядами и традициями гостей фестиваля. Кроме того, в рамках пребывания в крае участники проекта познакомились с достопримечательностями г. Барнаула и интересными фактами

истории нашего региона. Состоялось посещение Алтайского государственного института культуры и концерта его выпускников, творческих мастерских общественной организации «Город мастеров», экспозиций Государственного художественного музея Алтайского края и музея «Город», Барнаульского зоопарка; в Алтайской краевой детской библиотеке им. Н. К. Крупской прошли встречи с писателями. Таким образом, исторические социально-экономические и культурные связи Кыргызстана и Алтая имеют большие перспективы. Думается, данный Международный Алтайский Форум послужит эффективным шагом в интеграционных процессах братских регионов.

Литература

1. Бактыгулов Дж. С., Момбекова Ж. К. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек: «Кыргызстан-Мектеп», 1999.
2. Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1927. С.6. Введение в историю Кыргызской государственности. Бишкек: «Илим», 1994. С. 3. Кыргызская диаспора за рубежом. Бишкек: «Мектеп», 1992. С. 6.
3. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т.2. Бишкек, 1998.
4. Китайские летописцы увеличили истории кыргызов на 300 лет <http://kabarlar.org/news/79526-kitayskie-letopiscy-uvelichili-istorii-kyrgyzov-na-300-let.html> (дата обращения: 1.03.2022).
5. Официальный сайт органов власти Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: www.altairegion22.ru (дата обращения: 5.03.2022).

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Каланчина И. Н., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются евразийские культурно-ценностные доминанты, воплощенные в классических текстах отечественных мыслителей, в частности, в творчестве Ф. М. Достоевского. Эксплицирована тенденция отказа от лучших образцов русской культуры и русского языка как важной части общевразийского нематериального культурного наследия народов, населяющих евразийское, постсоветское пространство. В основе этих процессов находятся усилия определенных политических структур, направленные на разъединение различных этносов через

разрушение некогда общекультурного кода на евразийском пространстве. Данные процессы могут привести к утрате национальной независимости и культурной идентичности евразийских этносов, так как в русском языке как носителе общевразийского культурного кода сконцентрирован сплав ценностных доминант, выдержавших испытание временем и имеющих решающее значение для выхода из глобального системного кризиса и последующего цивилизационного развития.

Ключевые слова: русский язык, евразийская система ценностей, межэтнический диалог, евразийское культурно-географическое пространство, ценностные доминанты, система образования

INTEGRATIVE FUNCTION OF EURASIAN CULTURAL AND VALUE DOMINANTS IN THE MODERN WORLD

Kalanchina I. N., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article deals with the Eurasian cultural and value dominants embodied in the classical texts of Russian thinkers, in particular, in the works of F.M. Dostoevsky. The tendency to reject the best examples of Russian culture and the Russian language as an important part of the common Eurasian intangible cultural heritage of the peoples inhabiting the Eurasian, post-Soviet space is explicated. These processes are based on the efforts of certain political structures aimed at separating various ethnic groups through the destruction of the once common cultural code in the Eurasian space. These processes can lead to the loss of national independence and cultural identity of the Eurasian ethnic groups, since the Russian language, as the bearer of the common Eurasian cultural code, contains an alloy of value dominants that have stood the test of time and are crucial for overcoming the global systemic crisis and subsequent civilizational development.*

Keywords: *Russian language, Eurasian system of values, interethnic dialogue, Eurasian cultural and geographical space, value dominants, education system*

Как убедительно свидетельствуют исторические факты, на протяжении многих веков русский язык выполнял функцию универсального средства межэтнического диалога между различными народами, проживающими на евразийском пространстве.

При этом важно отметить, что русский – «это язык народа, имеющего более чем тысячелетнюю историю, культуру и письменность, многовековой опыт государственного и культурного строительства, освоения новых земель и хозяйствования, огромные достижения в области науки и техники» [9, с. 17].

Данная идея всесторонне разработана в концепции евразийства, последователи которой обосновали особую роль России в многонациональном евразийском мире, уникальность и единство которого обусловлены следующими взаимодополняющими факторами:

общность природно-географических особенностей внутриконтинентального пространства евро-азиатского материка;

комплементарность (культурно-психологическая совместимость) и общность мифо-архетипических корней различных народностей, населяющих российско-евразийские пространства (славянского, тюркского, монгольского, угро-финского и др.);

специфические общие исторические законы «месторазвития» (по выражению Г. В. Вернадского), например, закон чередования периодов государственной интеграции и дезинтеграции Евразии; а также общность исторических судеб евразийских народов и др.;

единство «будущего духовно-экологического (ноосферного) типа цивилизационного существования народов России-Евразии, которое, как справедливо полагают отечественные исследователи, может быть достигнуто лишь их соборными братскими усилиями, противостоящими западной конкурентно-конфликтной и эгоистической политике» агрессивного глобализма [5, с. 136];

интегрирующая роль русского этноса, русского языка в социокультурном, экономическом, политическом, хозяйственном взаимодействии коренных народов России-Евразии на протяжении пяти последних веков.

Действительно, многими исследователями обосновано, что язык представляет собой один из самых важных инструментов в процессе осуществления функции интеграции различных этносов в единую нацию (суперэтнос) одновременно с воспроизводством единого культурного и ценностного кода. Соответственно, язык играет важнейшую роль в формировании (по восходящей линии) национального характера личности, народа, нации, многонациональной общности. Много важных закономерностей в сложном взаимодействии языка и культуры выявлено немецким ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом. В 30-е годы XIX века он создал учение о тесной взаимосвязи явлений культуры и языка. По его мнению, характер нации отражается на характере языка, который, в свою очередь, представляет собой «объединенную духовную энергию народа» [3, с. 348–349].

Поскольку русский язык, вобравший в себя богатое культурное наследие, на протяжении длительного времени выполнял роль языка

межнационального общения и объединения различных этносов в один евразийский суперэтнос, что наиболее ярко проявилось в эпоху Советского Союза, в нем сконцентрировался сплав выдержавших испытание временем общеевразийских культурных и нравственных ценностных доминант.

Если говорить применительно к русскому языку как социокультурному феномену, то, по оценкам многих исследователей, он обладает ярко выраженной ценностной окрашенностью, а также высоким интеллектуально-нравственным, цивилизационным потенциалом, который отразился в феномене отечественной литературной и философской мысли прежде всего XIX-XX веков [7].

Ярким подтверждением тому является мнение китайского профессора, специализирующегося на изучении русской словесности, Лю Вэньфэя, который отмечает, что реалистичность, высокий художественный уровень, нравственный заряд русской литературы проистекают из особенностей национального характера. «Россия простирается от Европы до Азии, эта «евразийность» является, как с гордостью заявляют русские, основой их уникальности. Можно сказать, что в то время, как люди Запада отличаются рациональным, аналитическим складом ума, а люди Востока больше внимания уделяют чувствам и ценят синтез больше анализа, русские находятся где-то посередине и поэтому объединяют в себе разум и эмоции, анализ и синтез, и литературоцентричная мысль или идейно нагруженная литература могут быть наиболее блестящим проявлением этой модели мышления» [2].

В качестве основных, *но не исчерпывающих* доминантных черт, структурирующих систему общеевразийских ценностей, отраженных в русском языке и литературе, отметим следующие:

- 1) религиозность/вера;
- 2) всеединство/соборность/общинность/коллективизм;
- 3) всемирная отзывчивость;
- 4) искание абсолютного добра;
- 5) поиск смысла жизни;
- 6) приоритет духовных ценностей над материальными.

Важно подчеркнуть доминанты евразийского культурного кода: *искание добра, поиски смысла жизни, приоритет духовных ценностей над материальными* в единстве с *соборностью и всемирной отзывчивостью* уже с XIX в. стали восприниматься (осознанно и неосознанно) в широких кругах передовых деятелей России как некий социально значимый идеал.

К евразийскому культурному коду можно отнести и концепт «всемирная отзывчивость», который впервые был введен в употребление Ф. М. Достоевским и встречается в ряде его произведений, являясь сквозным для философских размышлений писателя. Если рассмотреть в единстве все фрагменты публицистических и художественных произведений, где встречается данный концепт, то можно сделать вывод, что в творчестве Ф. М. Достоевского доминирует проблематика, связанная с духовно-нравственными исканиями и размышлениями о свободе и ответственности, смысле жизни, добре и зле, рассудке и морали, и имеющая важное значение для осмысления социокультурных процессов, способствующих объединению разных народов [4].

При этом осуществление «*всемирной отзывчивости*» Достоевский предполагает по трем линиям: стремление людей и разных этносов к братскому единению внутри одной страны; настроенность на формирование доброжелательных, дружеских отношений между представителями разных государств и народов (в частности, между Россией и Западом, Россией); реализация идеала «все люди – братья», то есть единение на уровне всей человеческой цивилизации: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорого... О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим! У них теперь другие мысли и другие чувства... Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех, и у нас на этот счет – как нигде. Я во Франции – француз, с немцем – немец, с древним греком – грек и тем самым наиболее русский» [4, с. 378].

Говоря о Пушкине в известной речи, Достоевский произносит знаменитую формулу о нем как гении *всемирной отзывчивости*. *Всемирная отзывчивость*, в понимании Достоевского, это квинтэссенция всех лучших и высших накоплений русской культуры, русского менталитета, воплощенных в русском языке: Россия несет цивилизации эту всемирную отзывчивость, демонстрирует смирение, нацеленность на диалог со всеми культурами. В этом смысле такую евразийскую ценностную установку можно определить как способность к самоотверженности, неуклонному стремлению к общему благу. «Не будь Европы, не было бы и русской идеи» – «она все та же европейская идея, но в русском ее прочтении (идея единого человечества); отказ от нее – отказ от собственной идентичности. Такая

структурирующая сознание идея – это наличие у нации системы ценностей, имеющих для нее более универсальный смысл, чем ее национальные интересы» [8, с. 5].

Важно сделать акцент на том, что проблема будущего России в творческом наследии писателя освобождена от духа одномерного антизападничества и, уж тем более, шовинизма. В нем доминируют *стремление к объединению в единый соборный организм, в симфоническую личность всех народов и всех культур; удивительная вера во всечеловеческую отзывчивость, всемирно-историческую направленность духа*. Неслучайно Достоевский пользуется безусловным уважением не только у соотечественников, но и среди передовых слоев западного общества, интеллектуалов всего мира, сумевших понять и оценить по достоинству глубокий философский, *миротворческий, общецивилизационный* смысл его идеи «*всемирной отзывчивости*». Так, английский критик М. Марри, не скрывая своего восхищения, писал: «В одной лишь русской литературе можно услышать трубный глас нового слова. Писатели прочих наций всего лишь играют у ног этих титанов – Толстого и Достоевского» [10].

Как мы уже отметили выше, к сожалению, в последние годы определенные политические силы прикладывают большие усилия для продвижения так называемой «*культуры отмены*» – через ослабление позиций русского языка, литературы и в целом русской культуры в мире. В странах постсоветского пространства это проявляется, в частности, в таких тенденциях, как перевод национального письменного языка с кириллицы на латиницу, сокращение часов на преподавание русского языка не только в государственных, но и даже в частных русскоязычных школах, вытеснение из информационного, культурного и образовательного пространства русского языка, репрессии против говорящих на нем [1, с. 6]. Самым активным борцам с русским языком и культурой напомним, что в отличие от многих других стран, Россия никогда не выкачивала чужие ресурсы, а, напротив, вкладывала в развитие культуры, образования, науки, медицины, экономики многих народов и государств.

Показательно, что до сих пор (вопреки всем интригам и агрессии со стороны глобалистских, неолиберальных сил) в бывших советских республиках большая часть населения не только говорит, но и мыслит по-русски. Это проявляется, в частности, в том, что в интернет-пространстве представители разных стран СНГ (имеющие многовековые общие культурные корни и архетипы) общаются между собой не на английском или немецком и т. п., а на русском языке, что зафиксировано в изданном Государственным институтом русского

языка имени А. С. Пушкина (ГИРЯП) «Индекс положения русского языка в мире» за 2022 год [6].

Часто, находясь в иммиграции, выходцы с постсоветского пространства также общаются не на языке страны проживания, а преимущественно на русском. Весьма показательно, что в Европе и США иммигрантов, приехавших из Казахстана, Армении, Киргизии и др. бывших советских республик, идентифицируют как носителей русского культурно-исторического типа и называют, соответственно, русскими. Этот феномен был описан еще Н. Я. Данилевским, который полагал, что основу для дифференциации каждого культурно-исторического типа составляет именно язык, т. е. в основе многонациональной общности лежит не единство по крови и не географическое единство, а ментальное, языковое единство, определяющее культуру мышления нации.

Известно, что экзистенциальные смыслы обретаются личностью лишь в процессе напряженных исканий, подчас на краю пропасти; так же и народ, суперэтнос, открывает свое цивилизационное предназначение лишь перед лицом катастрофы или утраты своего политического суверенитета и культурной самобытности. Наш общий евразийский культурно-географический мир сегодня находится именно в подобной ситуации. Потому жизненно важно осознать свое культурное единство, свою общую историческую миссию – по формированию и претворению в жизнь модели общества *всемирной отзывчивости, справедливости и братства*. А для этого, в свою очередь, необходимо сохранить в образовательной и культурно-социальной сфере достойное место для русского языка и культуры, которые призваны служить для солидарного единения и взаимодействия различных этносов на едином культурно-географическом евразийском мире.

Попытки переписать свою историю, отменить наследие предыдущих поколений представляются малопродуктивными. История нашей цивилизации убеждает, что как только народ предаст свое прошлое, он оказывается под внешним управлением, теряет независимость, телеологический образ будущего и, соответственно, ресурсы для цивилизационного прорыва из тупиковой техногенно-потребительской – в нарождающуюся духовно-экологическую цивилизацию *всемирной отзывчивости*.

Литература

1. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012.

2. *Вэньфэй Лю*. Как русская литература сформировала русскую общественную мысль. URL: <https://inosmi.ru/russia/20130520/209163627.html> (дата обращения: 20.04.2022).
3. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. Москва, 1984. 400 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Подросток. Москва, 2005.
5. *Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.* На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014.
6. Индекс положения русского языка в мире (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина). Москва, 2022. URL: http://www.pushkin.institute/news/index_2022.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
7. *Каланчина И. Н.* Влияние русской литературы на формирование евразийской идентичности// Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2018. С. 110–115.
8. *Межуев В. М.* О национальной идее// Вопросы философии, 1997. № 12. С. 3–14.
9. Современный русский литературный язык в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов /Под редакцией В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. Москва, 2022. 352 с.
10. *Murry J. M.* Fyodor Dostoyevsky. A critical study. London, 1916. *Simmons E.J.* Dostoevsky: The making of a novelist. N.Y., 1962.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Калиев А. С., Жалал-Абад (Кыргызстан)

Аннотация. В данной научной статье политически исследованы социальная интеграция и межэтнические отношения в Кыргызской Республике. Для исследования социальной интеграции в межэтнических отношениях можно основываться на определениях понятий «этнос» и «нация». Исследователи отмечают, что термины «этнос» и «нация» имеют универсальное значение – их происхождение основано на мифологии. А предметом изучения статьи является исследование взаимосвязи между политическими процессами межэтнического взаимодействия и социальной интеграцией

гражданского общества. Дается определение понятиям «межнациональное общение», «межэтническое взаимодействие» и «социальная интеграция». Для Кыргызстана как полиэтнического государства данные вопросы являются ключевыми в сфере государственного и муниципального управления. Политика нашей страны и ее регионов направлена на развитие и укрепление межэтнических отношений, играющих важную роль в построении гармоничного гражданского общества, основанного на принципах равноправия народов. Целью данного научного исследования является анализ превентивных мер по урегулированию и социальной интеграции сообщества.

Ключевые слова: социальная интеграция, политический процесс, межнациональное общение, межэтническое взаимодействие, урегулирование, общество, межнациональные отношения

SOCIAL INTEGRATION AND STUDY OF ETHNIC RELATIONS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Kaliev A. S., Jalal-Abad (Kyrgyzstan)

Abstract. *This scientific article politically explores social integration and interethnic relations in the Kyrgyz Republic. To study social integration in interethnic relations, one can rely on the definitions of the concepts of «ethnos» and «nation». The researchers note that the terms «ethnos» and «nation» have a universal meaning – their origin is based on mythology. And the subject of the study of the article is the study of the relationship between the political processes of interethnic interaction and the social integration of civil society. Definitions are given to the concepts of «interethnic communication», «interethnic interaction» and «social integration», Kyrgyzstan, as a multi-ethnic state, these issues are key in the field of state and municipal government. The activities of the policy of our country and its regions are aimed at the development and strengthening of interethnic relations, which play an important role in building a harmonious civil society based on the principles of equality of peoples. The purpose of this scientific research is to analyze preventive measures for the settlement and social integration of the community.*

Keywords: *social integration, political process, interethnic communication, interethnic interaction, settlement, society, interethnic relations*

Исследования социальной интеграции и межэтнических отношений в современном бурно развивающемся мире встречаются часто. Исследователь В. А. Харченко отмечает: «Игнорирование проблемы межнациональных конфликтов в советском обществоведении существенно затормозило развитие теоретической мысли, да и практической работы с конфликтами в нашей стране» [5,

с. 27]. По мнению А. Р. Аклаева: «Основные задачи социальной интеграции в этнополитической конфликтологии – это разработка понятийно-категориального аппарата и проведение фундаментальных исследований, направленных на раскрытие особенностей природы этнополитических конфликтов» [1, с. 34–35]. Как отмечается выше, в исследовании социальной интеграции для улучшения межэтнических отношений мы можем основываться на понятиях этноса и нации. По мнению М. Вебера: «нация может быть определена только по отношению к государству, хотя и не идентична ему». А также он считает, что нация есть «сообщество чувства», которое может найти свое адекватное выражение только в собственном государстве. Нация существует там, где люди сами верят в то, что они составляют таковую, или где люди имеют чувство принадлежности к сообществу, стремящемуся к самовоплощению в автономном государстве [1, с. 25]. Поэтому исследование социальной интеграции этнических групп и межэтнических отношений актуально.

В современном мире вопросы межэтнического, межнационального взаимодействия и социальной интеграции общества носят актуальный характер. Во второй половине XX века данному процессу уделяется большое внимание со стороны мирового и научного сообщества. Политическому анализу процессов социального взаимодействия посвящены работы таких ученых как Парсонс и другие [9]. А процессы социальной интеграции общества рассматриваются в научных трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Э. Гидденса и других [3, 6, 12].

Л. Н. Гумилев считает: «что толчком и первой причиной возникновения этносов была только «слепая сила природной энергии, не управляемая ничьим сознанием» [5, с. 168]. Этническую группу определяют два основных признака: культура и национальное происхождение. К культурным характеристикам можно отнести язык, религию и традиции. Что касается национального происхождения, то здесь имеется в виду общее происхождение этнической группы.

Исследователь В. А. Харченко отмечает: реальные этнополитические процессы протекают не только на уровне отношений между государствами, регионами, экстерриториально организованными этническими группами, но и на уровне полиэтнических сообществ небольших поселений (городов и сельских районов), что требует дополнить проблематику этнополитической конфликтологии серьезным и систематическим изучением межэтнических конфликтов микроуровня [цит. по 8, с. 153].

Для высокого уровня культуры межэтнического общения присущи следующие характеристики: знание языков межнационального

общения, патриотическое сознание, уважительное отношение к культурам, традициям и обычаям других людей, потребность применять на практике нормы и правила культуры межэтнического общения и другие [2, с.17]. Можно отметить, что под культурой межэтнического общения понимается не только совокупность определенных умений и знаний, а также соответствующее поведение среди представителей этнических групп. Всегда межэтнические общение оказывает положительное влияние на взаимодействие между представителями разных национальностей, на улучшение межэтнических отношений в обществе для социальной интеграции населения.

Исследователь Г.А.Герасименко отмечает: под «социальной интеграцией» понимают «состояние и процесс объединения в единое целое, сосуществование ранее разрозненных частей и элементов системы вместе на основе их взаимозависимости и взаимосогласия, в том числе как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами» [4]. А исследователь Т. И. Заславская отмечает: социальная интеграция общества является условием достижения и реализации жизненно важных для него целей и интересов, то есть фактором устойчивого развития [7]. Социальная интеграция определяет совокупность взаимодействий индивида с социокультурной средой. Для успешной интеграции индивида должно быть общество. Для достижения эффективного «встраивания» общества в социокультурные отношения и сам индивид должен предпринять необходимые соответствующие меры. Каждый раз, когда выше степень процессов взаимной симпатии, установление и принятие взаимодоверия в рамках совместной деятельности, выше уровень социальной интеграции общества. Процессы социальной интеграции общества и межэтнического взаимодействия в каждом регионе имеют определенную специфику. Для Кыргызской Республики как полиэтнического государства вопросы урегулирования межэтнических отношений и социальной интеграции общества являются одними из ключевых в сфере государственного и муниципального управления.

Межэтнические взаимоотношения в Кыргызской Республике характеризуются высоким уровнем напряженности, разногласием и конфликтногенностью. Выявлены значимые взаимосвязи между индикаторами «уровень межэтнического взаимодействия» и «уровень социальной интеграции населения», что необходимо учитывать при реализации государственной национальной политики страны.

Межэтнические взаимодействие – это «разнообразные контакты между этносами, которые приводят к изменению индивидуальных и

социальных характеристик каждой из этнических групп или их представителей, которые взаимодействуют между собой, и к интеграции их определенных свойств» [10]. Поэтому одним из базовых элементов межэтнического взаимодействия является межнациональное общение. В современном бурно развивающемся обществе необходимо принять высокий уровень культуры межнационального общения, она воспитывает взаимоуважение у людей разных этнических групп и национальностей, улучшает к интеграции представителей этнических групп, способствуя укреплению межнациональных отношений.

Развитие этнического национализма в Кыргызской Республике – это новое явление в постсоветской науке. Политические процессы социальных преобразований, а также радикальные реформы обретают этнический характер и проблемы. В результате принятого ЦК РКП(б) постановления «О национально государственных республиках Средней Азии» в 1924 году была образована Кара-Киргизская Автономная Область в составе РСФСР, которая впоследствии переименована в Киргизскую Автономную Область. А также в 1926 году Киргизская Автономная Область была преобразована в Киргизскую Автономную Республику, а в 1936 году – в Киргизскую Советскую Социалистическую Республику [13]. С приобретением суверенитета, начиная с августа 1991 года, возникли другие отношения и мнения. Исследователи в своих научных работах начали обсуждать о позитивные и негативные стороны социальной интеграции и межэтнических отношений советской эпохи. Принята Конституция, в которой определено, что политическая структура государства должна была защищать интересы всех этнических групп. В Кыргызстане была создана Ассамблея народов Кыргызстана в ответ на насущную потребность всестороннего и своевременного учета интересов всех этнических групп для управления межэтническими и межнациональными отношениями». В постсоветский период члены всех этнических групп пережили трудное переходное время – судьба зависела от новых правящих политических систем и государственного управления.

Заключение: В процессе исследования социальной интеграции также можно обратить внимание и на межэтнические отношения. Политические процессы в нашей страны направлены на развитие, укрепление и урегулирование межэтнических отношений, имеющих одну из главных ролей в построении гармоничного гражданского общества, основанного на принципах равноправия и взаимосогласия всех этнических групп страны, ускоряя политические процессы и консолидацию межэтнических отношений в регионе.

Литература

1. *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. Учебное пособие. 2-е изд., испр. М., 2008. С. 34–35.
2. *Вартаньян Э. Г.* Межэтнические отношения и пути урегулирования межнациональных конфликтов // ИСОМ. 2014. №3. С. 155–158.
3. *Вебер М.* Основные социологические понятия // М. Вебер, Избранные произведения. М: Прогресс, 1990. С. 602–643.
4. *Герасименко О. А., Дименштейн Р. П.* Социально-педагогическая интеграция. Выработка концепции // Социально-педагогическая интеграция в России / под ред. А. А. Цыганок. М.: Теревинф, 2001.
5. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
7. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
8. *Омуралиев Н. А.* Межэтнические конфликты в Кыргызской Республике. Социологический анализ. Бишкек: Илим, 2012.
9. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1997.
10. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
11. *Савицкая О. В.* Этнопсихология. М.: МГППУ, 2011.
12. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. – L.: Macmillan Press. – 1979. – 294 p.
13. История образования Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. URL: <https://mfa.gov.kg/ru/istoriya-sozdaniya> (дата обращения: 5.06.2022).

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ СЕМЬИ ПРЕСТУПНИКА

**Каплун О. Ю., Владивосток (Россия), Кури Х., Фрайбург (Германия),
Шао Юйпэй, Шанхай (Китай)**

***Аннотация.** Общественные дебаты о преступлениях обычно сосредоточены на обсуждении преступлений непосредственно в момент совершения деяния; но редко и почти никогда касаются его*

семьи и того давления, которое испытывает семья человека, который содержится в местах заключения. В последние несколько лет в европейских странах создается все больше учреждений, предоставляющих помощь семьям задержанных, но еще предстоит проделать огромную работу для изменения ситуации к лучшему. Эмпирические исследования ясно показывают негативные последствия, которые испытывает семья преступника. После задержания преступника стигматизация других членов семьи, особенно детей, по-прежнему оказывается существенной. Соответственно, считают зарубежные исследователи, следует сделать гораздо больше для улучшения ситуации, например, разработать и принять менее жесткие правила посещения заключенных родственниками. В этой статье дается краткий обзор международных исследований по данной теме, которые показывают, что члены семьи преступников, в основном не были осведомлены о роде их деятельности до момента задержания правоохранительными органами, поэтому арест, последующее заключение в места отбывания наказания, и условия жизни после события оказываются непредвиденным ошеломляющим обстоятельством для членов семьи. Однако в Российской Федерации этот вопрос крайне редко освещается, почти нет научных исследований на эту тему. В целом, в российском обществе преобладает мнение, что о предусмотренном в законе наказании и его последствиях, в том числе о невозможности зачать ребенка, равно как и о психологическом давлении, которому будет подвергнута его семья, преступник должен был думать заранее, когда начинал криминальную карьеру.

Ключевые слова: преступник, негативные последствия задержания родителей, делинквентное поведение, семейные отношения, криминологические исследования, сопутствующий ущерб, пожизненное лишение свободы

GUILTY WITHOUT GUILT: HOW INPRISONMENT AFFECTS FAMILIES

Kaplun O. Yu., Vladivostok (Russia), H. Kury, Freiburg (Germany), Shao Yupei, Shanghai (China)

Abstract. *The public debate with regard to criminals and crime primarily deals with the crime and the perpetrator at the time of the crime, but hardly with its development, and little with his family and the impact of detention on them, above all. Especially if the perpetrator still has young children, their development can be significantly negatively affected by the detention of a parent, usually the father. In the last few years, more and more institutions have been created in Germany to take care of the families of the detainees, but there is still a lot of work to be done. In many cases, NGOs are also active in this field. The chapter provides a brief overview of the national and*

international discussion of the topic. The empirical research clearly shows the negative effects of separating (small) children from their parents. In the case of the detention of a parent, the stigmatisation of the related, especially the children, still plays an essential role. The detention of the mother usually has even more serious negative effects on the children than when the father is in custody. According to German legal provisions on prison sentences, negative effects of a prison sentence should be avoided as far as possible. Much more should be done here, for example through large-scale regulations on the visits of prisoners by relatives. However, in the Russian Federation, this issue is not known, there are no scientific research on this topic. In general, the prevailing opinion in Russian is that the criminals should have thought about the punishment and consequences, including the inability to conceive a child, as well as about the psychological pressure to family, before he or she began a criminal career.

Keywords: *perpetrator, negative effects of parental detention, delinquent behavior, family relationships, criminological research, collateral damage, life imprisonment*

1. Вступление

В современном обществе обсуждение преступности сосредоточено главным образом на отдельных преступлениях и поведении преступника в момент совершения преступления. В средствах массовой информации приводятся выборочные сообщения о «громких» преступлениях, особенно часто говорят о сексуальных преступлениях и преступлениях с участием детей в качестве жертв. В тоже время совсем мало сообщается о предыстории преступлений, о том, почему отдельные лица становятся преступниками, о ситуации в пенитенциарных учреждениях; практически нет информации о проблемах, которые возникают после задержания преступника, например, о том, с чем сталкивается его семья. Таким образом, проблемы родственников задержанных в значительной степени неизвестны обществу, даже в научных исследованиях трудности, с которыми сталкиваются родственники преступников, редко становятся объектом изучения.

2. Обсуждение проблемы в международных исследованиях

Хаган и Диновицер описывают три сферы, в которых происходят основные изменения после ареста члена семьи: это экономическая депривация; отсутствие социализирующего родителя, что влияет на ролевое поведение остальных членов семьи; потеря социального статуса в результате стигматизации семьи. Семья очень быстро подвергается опасности быть обозначенной обществом как «семья преступника» [1].

В ходе исследования Кури и Керн опросили женщин, чьи мужья находятся в заключении, о том влиянии, которое арест мужчины оказал на них и детей [3]. Более половины женщин понятия не имели о преступной деятельности своих партнеров, поэтому они были совершенно обескуражены их тюремным заключением. Для женщин и детей условия жизни изменились внезапно и катастрофически. Задержание мужчины приводит к краху прежнего мира женщины. Но для детей, которые более беспомощны, чем взрослые женщины, ситуация в жизни меняется еще стремительнее. Меняется все. По словам Терни, содержание отца под стражей также влияет на отношения матери с ребенком, например, на ее родительское поведение, чаще всего в негативном аспекте [4; Р. 1628]. Под ударом находится даже возможность получения образования ребенком. Чтобы избежать стигматизации женщины часто разрывают социальные связи, что приводит к дальнейшей изоляции семьи.

Существование более дружественных к семье форм тюремного заключения можно увидеть в Скандинавии. Там тюрьмы частично расположены на островах, таких как остров Суоменлинна в Южной гавани Хельсинки. С 1971 года на острове находится «открытая» тюрьма. Здесь заключенным, которые находятся под электронным наблюдением, разрешается проводить время со своими семьями. «Какие бы различия ни существовали между законопослушными гражданами и людьми, осужденными за преступления, сама тюремная система не должна стремиться увеличить социальную дистанцию между ними» [5].

В Германии также были созданы программы для поддержки родственников осужденных к лишению свободы, хотя по-прежнему существуют значительные пробелы. Обследование немецких тюрем показало значительные недостатки в условиях возможности посещения детьми задержанных родителей. Посещение тюрьмы является стрессовым событием, не в последнюю очередь в контексте тюремной атмосферы и необходимого тщательного контроля. Во многих случаях комнаты свиданий непригодны для нахождения в них детей.

Что касается ситуации в Соединенных Штатах, то также следует учесть контекст чрезвычайно высокого уровня тюремного заключения. Строительство тюрем в США быстро стало процветающим бизнесом. Те, кто строят тюрьмы или являются их собственниками, стремятся развивать бизнес, они заинтересованы в новых заключенных, регулярно выступают за ужесточение уголовного законодательства с

целью обеспечения постоянного притока заключенных и получения прибыли [6].

На этом фоне неправительственной организацией «Международная тюремная реформа» (далее – PRI) сформулированы рекомендации: «Государствам следует внести ряд изменений в законодательство и политику для сокращения числа заключенных, таких как предупреждение преступности, расширение альтернативных мер, реабилитация заключенных как в тюрьмах, так и в общинах. Стратегии решения проблемы переполненности тюрем должны быть сосредоточены на предупреждении преступности, расширении использования альтернатив тюремному заключению и социальных мерах, способствующих устойчивому развитию и сокращению масштабов нищеты и неравенства». Альтернативы тюремному заключению направлены прежде всего на поддержание контактов преступников с семьями.

В конечном счете, что особо подчеркивается в правовых документах, цель тюремного заключения должна заключаться в том, чтобы дать заключенному возможность жить без совершения преступлений после освобождения на свободу. Несколько исследований показали положительное воздействие визитов членов семьи. Результаты научных исследований убедительно указывают на то, что семейные связи и обязанности могут помочь уменьшить дальнейшее правонарушение, частично сами по себе (из-за поддержки, которую они предлагают), а частично потому, что они, как правило, связаны с другими факторами, которые помогают правонарушителям воздерживаться.

На этом фоне PRI рекомендовала тюрьмам разработать политику, более благоприятствующую визитам родственников. Это требует упрощения процедуры свиданий, сокращения бюрократических препятствий и, прежде всего, заключения в тюрьму как можно ближе к месту жительства родственников.

3. Российская Федерация

В российском обществе преобладает точка зрения, согласно которой заключенные несут заслуженное наказание, о последствиях и тяготах тюремной жизни надо думать до совершения преступления [2].

Как считает А. В. Шигуров, такая точка зрения связана с тем, что в основе системы лежит принцип «ограничение права на свидание – это неотъемлемая часть наказания в виде лишения свободы», из которого следуют выводы о том, что, чем строже наказание, тем меньше должно быть свиданий; а также, что свидания с родными можно лишить за

нарушение осужденным правил внутреннего распорядка вплоть до полного лишения возможности общаться с родными [8].

В Российской Федерации существуют многочисленные проблемы в получении свиданий с родственниками. Например, практика запрета на предоставление свидания тем, кто до осуждения не состоял в официально зарегистрированном браке. В следственных изоляторах длительные свидания вообще не предусмотрены законодательством, хотя люди могут содержаться там несколько лет.

Наибольшую дискуссию, касающуюся условий содержания заключенных в России, вызвало решение Европейского суда по правам человека, принятое в 2015 г. по жалобе, поданной в октябре 2004 г. гражданином России А. А. Хорошенко, который в 1995 г. был осужден к смертной казни за бандитизм, разбой и убийство при отягчающих обстоятельствах. В 1999 г. президентом Российской Федерации наказание ему было заменено на пожизненное лишение свободы. В соответствии с Уголовно-Исполнительным Кодексом Российской Федерации (далее – УИК РФ) первые 10 лет содержания в колонии особого режима он отбывал наказание в строгих условиях и не имел длительных свиданий с родными, т.к. ст.125 УИК РФ таким осужденным дает право лишь на два краткосрочных свидания в течение года.

Заявитель указал в жалобе, что за прошедшие с момента задержания 15 лет он ни разу не имел возможности видеть своего несовершеннолетнего сына, развелся с женой. Такой режим содержания осужденных, по мнению заявителя, нарушает право осужденного и его жены на семейную жизнь, является жестоким, бесчеловечным, унижающим человеческое достоинство обращением и наказанием по отношению к заключенному на пожизненный срок и по отношению к его семье. Отсутствие длительных свиданий порождает невозможность естественным образом зачать ребенка, а также зачать ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

А. А. Хорошенко оспорил ст. 125 УИК в Конституционном Суде Российской Федерации, ссылаясь на ее противоречия со Конституцией Российской Федерации. Жалоба была признана не отвечающей требованиям закона.

Решение ЕСПЧ по делу А. А. Хорошенко было основано на том, что при определении содержания уголовных наказаний государства должны стремиться к равновесию между карательными целями и исправлением осужденных; необходимость достижения целей исправления осужденных и их реинтеграции должна учитываться при

разработке уголовной политики. Иными словами, в данном постановлении ЕСПЧ указано, что важнейшей целью содержания в местах лишения свободы должно являться исправление и социальное перевоспитание осужденных.

В качестве основного аргумента «за» решение о предоставлении длительных свиданий осужденным и смягчении карательного содержания наказания в виде пожизненного лишения свободы, приведем цитату из статьи Валерии Мухиной, которая уже более 20 лет работает с осужденными к пожизненному лишению свободы. В. С. Мухина не идеализирует данную категорию осужденных, придерживается мнения, что «большинство осужденных пожизненно необратимо регрессивны» [6; с. 144]. Вместе с тем, в одной из своих статей, посвященных психологической и социальной помощи осужденным пожизненно, она приводит следующую характеристику, данную ей одному из осужденных: «Саша У. Переписывался со своей женой, сокрушался о больном сыне. Когда мальчик умер, Александр долго горько плакал. Жена, изнемогая от одиночества, написала ему письмо, что не выдерживает такой участи и просила поддержать ее в намерении родить ребенка от другого мужчины. Саша, мучаясь, в конце концов поддержал свою супругу. Сегодня маленький Саша разговаривает с отцом по телефону и зовет его домой: «Папа! Приезжай. Я тебя жду!» [6; с. 162].

Для авторов данной статьи такая характеристика стала тезисом, который окончательно укрепил нас во мнении о том, что всем категориям осужденных должно быть гарантировано то количество свиданий, которое позволяет поддерживать регулярные связи с родными. Да, мужчина, охарактеризованный В. С. Мухиной, – преступник; да, он несет заслуженное наказание, но женщина, его жена, почему наказана? В чем она виновата? Муж находится в тюрьме, приговорен к пожизненному заключению, ребенок умер. Женщина проявляет значимые моральные качества: преданность и верность мужу, хотя, бесспорно, быть верной спутницей жизни преступнику не так романтично и благородно, как, например, быть верной женой декабриста. Но нужно жене преступника, осужденного к пожизненному наказанию, совсем немного: дать возможность зачать ребенка от мужа, воспитание которого стало, как нам представляется, смыслом жизни для женщины и поводом к ресоциализации для мужчины.

Литература

1. *Hagan J. Dinovitzer R.* Collateral Consequences of Imprisonment for Children, Communities, and Prisoners // *Crime and Justice*. 1999. Vol. 26. P. 121–162.
2. *Kaplun O. Y.* Female criminality in Russia: a research note from a penal colony // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2017. Vol. 41, No. 3. P. 231–240.
3. *Kury H. Kern J.* Frauen und Kinder von Inhaftierten. Eine vergessene Gruppe // *Kriminologisches Journal*. 2003. Vol. 35. P. 97–110.
4. *Turney K.* The consequences of paternal incarceration for maternal neglect and harsh parenting // *Social Forces*. 2014. Vol. 92, iss. 4. P. 1607–1636.
5. *Larson D.* Why Scandinavian Prisons Are Superior. «Open» prisons, in which detainees are allowed to live like regular citizens, should be a model for the U.S. // *The Atlantic*. 2013. 24 September. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/why-scandinavian-prisons-are-superior/279949/>.
6. *Мухина В. С.* Психологическая и социальная помощь осужденным пожизненно // *Развитие личности*. 2016. № 3. С. 139–163.
7. *Кури Х., Ильченко О. Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2013. № 2(26). С. 240–256.
8. *Шигуров А. В.* Практика Европейского суда по правам человека по вопросам защиты прав осужденных // *Мир науки и образования*. 2016. № 1 (5). С. 53–75.

ПРАКТИКИ ВРАЧЕВАНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Кацаева М. В., Барнаул (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. Реалии современной религиозной жизни в России связаны с функционированием движений религиозного по сути и форме характера. Применяя различные «целительные» практики, эксплуатируя собственную религиозную доктрину, религиозные группы «Элле – Аят» (Алля – Аят) не желают причислить себя к религиозным движениям, поскольку это сопряжено с ответственностью в контексте современных российских правовых

реалий. Автор работы проводит структурный анализ вероучения и культовой практики группы «Элле – Аят» (Алля – Аят), считая его религиозным. Обращая внимание на типологию новых религиозных движений, автор акцентирует позицию на деятельности клиентурных культов, концептуально отождествляемых с исследуемой группой. Практика рассмотрения новых религиозных движений в теоретической литературе связана с анализом движений, история которых исчисляется столетними рубежами, такими как «Свидетели Иеговы». В работе показано функционирование религиозных групп, возникших в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова: новые религиозные движения, клиентурные религиозные культы, Элле – Аят (Алля – Аят)

PRACTICES OF HEALING AND SELF-IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF NON-TRADITIONAL RELIGIOSITY

Kashchaeva M. V., Барнаул (Россия)

Abstract. *The realities of modern religious life in Russia are connected with the functioning of movements of a religious nature, in essence and form. Applying various «healing» practices, exploiting their own religious doctrine, religious groups «Elle – Ayat» (Allya – Ayat) do not want to classify themselves as religious movements, since this involves responsibility in the context of modern Russian legal realities. The author of the work conducts a structural analysis of the creed and cult practice of the group «Elle – Ayat» (Allya – Ayat), considering it religious. Paying attention to the typology of new religious movements, the author focuses on the activities of clientele cults conceptually identified with the group under study. The practice of considering new religious movements in theoretical literature is associated with the analysis of movements whose history dates back a century, such as «Jehovah's Witnesses». The work shows the functioning of religious groups that emerged in the late XX – early XXI century.*

Keywords: *new religious movements, clientele religious cults, Elle – Ayat (Allya – Ayat)*

Современная религиозная ситуация характеризуется развитием многочисленных системно незавершенных религиозных феноменов различной организационной структуры. Пристальное внимание автора данной работы заслуживают группы, акцентирующие свою деятельность не на развитии догматико-теоретических построений в отношении сакрального мира, а объединяющих своих последователей вокруг идеи преображения человеческой природы, избавления его от физического несовершенства, обновления и переустройства физической природы человека.

Отличительной особенностью новых религиозных движений на современном этапе является популяризация методов психофизического совершенствования, которые замещают культовые практики, а также фактическое отсутствие обрядности и разрыв с традиционным пониманием категории сакрального [1, с. 21–22]. В теории российского религиоведения наряду с неохристианством и неоориентализмом выделяют неоязычество, универсалистские религии, врачевательные психотерапевтические культы, эзотерические течения, неомистицизм. По мнению Е. Г. Балагушкина, среди нетрадиционной религиозности выделяются религии, принадлежащие к типу социально-антропологического перфекционизма. Данному типу свойственна фетишизация условий и факторов реальной действительности, таких как физическое и духовное здоровье, политические и экономические факторы социальной действительности [2, с. 19]. Рассматривая специфику современных религиозных сообществ, Ю. А. Яковлева отмечает, что характерной особенностью религиозных сообществ является то, что они не достигают статуса церкви, а их деятельность лишена претензий на широкий миссионерский охват [10, с. 139]. Существование в современном социуме множества религиозных феноменов, не отождествляемых с известными формами, привело религиоведов к поиску классификаций, способных учесть слабо организованные религиозные явления и предложить траектории их внешнего и внутреннего развития.

Одной из наиболее популярных концепций, связанных с описанием религиозного опыта, является концепция Р. Старка–У. Бейнбриджа. Апеллируя к основаниям теории рационального выбора, данная концепция рассматривает религию в контексте компенсаторной составляющей, воспринимающейся вне связи с религиозным содержанием, а выступающая как фактор поддержания желаемых социальных состояний и контактов [3, с. 70]. В данной теории выделяют клиентурные культы, имеющие слаборазвитую структуру, временное членство, претендующие на полноту знаний в отдельной сфере (чаще связанной с антропологией). Участие в такой организации заключается в восприятии знания посредством семинаров, тренингов, бесед с единоверцами. Другой тип собраний – аудиторные культы – представляют собой минимально организованные структуры с системой регулярной трансляции религиозного или оккультно-мистического знания [4, с. 22]. Анализ теоретического обобщения классификаций новых религиозных феноменов в данном исследовании связан с изучением деятельности

организаций, активно действующих на территории Российской Федерации, транслирующих идеологию врачевания и самосовершенствования с опорой на структурные элементы религиозного культа. В настоящее время в социальном пространстве Алтайского края присутствует организованная группа «Элле – Аят» (Алля – Аят), которая признана рядом судебных органов Российской Федерации экстремистской группой, и запрещена в некоторых российских регионах. В настоящее время практика противодействия группе «Элле – Аят» (Алля – Аят) осложняется фактом маскирования деятельности данной группы: переход собраний к нелегальной либо полуполюгальной форме, а также непризнания членами данной группы религиозного по сути и форме характера деятельности.

Новосибирская область была одним из первых регионов, начавших противодействие данной религиозной группе. Так, 23 февраля 2013 года Новосибирским областным судом было вынесено решение о признании деятельности религиозной группы «Элле – Аят» (Алля – Аят) экстремистской и ее запрете. В решении Новосибирского областного суда отмечен религиозный характер обрядов и церемоний, проводимых «Элле – Аят» (Алля – Аят). Деструктивность деятельности данной группы усматривается в методике, влиянию которой подвергаются adeпты, а также последующей за употреблением данной методики практике отказа adeптов от квалифицированной медицинской помощи. В ходе расследования деятельности организации по Новосибирской области были установлены факты смерти adeптов «Элле – Аят» (Алля – Аят), прямо связанные с отказом от квалифицированной медицинской помощи ввиду следования adeптов методике саморазвития и самоисцеления, применяемой участниками данной группы. При рассмотрении дела прокуратура поддержала иски о признании требований против «Элле – Аят» (Алля – Аят), апеллируя к 8, 9 абзацам п. 2 ст. 14 ФЗ № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях». Присутствующие в судебном заседании члены данной группы отвергли оглашенные обвинения, ссылаясь на то, что их деятельность не носит религиозного характера; собрания не являются организованными; собрания представляют собой практику популяризации журнала «Звезда Селенной», в котором рассказывается о способе саморазвития личности и открытии сознания.

По мнению автора данного исследования, деятельность данной группы представляет собой деятельность религиозной группы. В основе религиозного мировоззрения данной группы лежит идея посредничества, которое осуществил основатель группы Абдуллаев Фархат Мухамедович (далее – Фархат-ата). Религиозная вера

последователей данной группы связана с представлением о том, что метод очищения организма, предлагаемый Фархат-ата, является методом возрождения и восстановления человека. Все люди до воздействия данного метода находятся в мертвом состоянии. На этом основании лидер группы Фархат-ата именуется последователями Создателем, а религиозные практики, которые он предлагает, – «Формулой жизни». Концептуальным религиозным компонентом учения является идея мистического дуализма, согласно которой, мир делится на «темный», представленный порочной энергией, и «светлый», содержащийся в оживотворяющем потоке энергии Солнца, нейтрализующим темную негативную энергию. Этим потоком управляет Создатель, воплощением которого в настоящее время является Фархат-ата.

В качестве религиозной лексики последователями группы употребляются следующие существительные: «Создатель», «Селеной – область чистого Сознания», «Сила Создателя», «Бесконечность». Семантическое различие религиозного и нерелигиозного употребления представленной выше лексики заключается в контекстуальном сочетании. Функциональное употребление существительного «Создатель» связано с идеей возникновения человека, наличия у человека вечной жизни на первозданной Земле. Подобная теологическая доктрина присуща всем традиционным религиям и большинству новых религиозных идеологий. Религиозная семантика проявлена также в идее исцеления / спасения: «Человек – это детище, которое дорого ему и за каждого человека он борется до конца, стараясь спасти и вывести его на другой уровень» [8, с. 12].

Религиозная доктрина спасения человечества связывается в теологии данной организации с представлением о порочности разума как орудия темной силы: «Разум – это все аспекты жизнедеятельности, быта и социума, основанные на энергетике, чуждой энергетике Селеной, благодаря чему основные понятия, такие как Любовь, Человечность и схожие ними, принимают формы, ведущие в конечном итоге к уничтожению всего живого на нашей планете. Ведь не зря Фархат-ата сказал: «Еще никто на Земле не любил по-настоящему!» Разум – это сила, угнетающая живую клетку человека, наполняющая ее негативной энергией, для подавления информации, заложенной Создателем» [7, с. 10].

В практике религиозных движений и групп религиозная деятельность представляет собой, как правило, культовую деятельность. Поскольку задачей религиозного культа является удовлетворение религиозных потребностей, связанных со спецификой

вероучения, постольку в деятельности группы «Элле аят» мотивацией участия в культе является практика получения способа освобождения от мертвой негативной энергии. Первым компонентом культовой практики является чтение Формулы жизни. Последователи Фархат-ата, произнося Формулу жизни, открывают над собой поток Создателя, сжигающий имеющийся в них и выходящий наружу негатив. В культовой практике группы «Элле аят» считается, что Создатель ничего не делает с ними насильно и начинает свою работу лишь тогда, когда последователи его об этом попросят, т. е. прочитают Формулу Жизни. Чем чаще ее повторяют, тем больший объем работы с органами и Сознанием проводит Создатель. Вторым компонентом культовой практики является употребление чая с молоком и солью по особым правилам. Употребление чая связано с представлением о самооздоровлении, поскольку чай удаляет из организма ядовитые шлаки, являющиеся больными, мутировавшими клетками.

«Пейте эткен чай, пейте как можно больше. В нем радость и счастье новой, здоровой жизни для вас и ваших детей. Фармакология не оздоровит Ваши органы, так как она же их и привела в состояние почти полной потери жизненной силы. Фархат-ата говорит нам: «Вы любите лекарство пить, вот пейте эткен чай, это ваше лекарство [5, с. 3]».

Третьим компонентом религиозной практики является смотрение на Солнце. Как считают последователи, подобное действие связывает человека с Создателем.

«Итак, постоянный контроль осуществляется с помощью информационного луча, который, по воле Создателя, меняет свои качества, производит нужные изменения в организме человека. Это и есть так называемый Луч Серенады, золотистая нить, связывающая нас с Отцом [6, с. 12].» Продолжение данной практики связано с чтением Формулы жизни и вопрошанием у Фархат-ата и его супруги Нины-ана избавления от проблем. В практике традиционных религий подобное культовое действие называют вопрошанием благодати. По форме практики чтение Формулы жизни сопоставимо с чтением молитвы.

В практике нового религиозного сообщества «Эллэ-аят» принято упоминание о самых тяжелых, с точки зрения медицины заболеваний – онкологии. Для последователей данной системы характерен прием публичной демонстрации эффективности методики на примере лечения данной болезни посредством бесед с адептами и неопитами: «У меня вот у сына тоже была онкология прямой кишки. А меня Создатель подключил к телефону, я работала с ним по телефону. Он в Заринске живет, а там нет учеников. И вот он идет на работу, мы с ним разговариваем, и с работы, и это... А потом стал худеть, когда это, стал

50 кг, я ему говорю «пошли в больницу», он «нет». Ну, Создатель сделал. А Ольга была беременная третьим, сноха. Она: «Мам, только ты можешь его уговорить». Чтобы на операцию. Ну пошли. На операцию. Когда сделали, мы там с дочерью караулили стояли, когда закончится. Он нас вызывает и говорит. Ну, он уже не молодой был. Говорит: «Вот сколько работаю, впервые у меня в практике такой случай». Опухоль была в капсуле, понимаешь? И метастазы никуда не шли. Она бы просто эта опухоль, у Тани Ершовой, помнишь Таню? Полная такая? У нее почка вот так, в капсулу у нее Создатель и она как, отпала, теперь новая растет. Дело в том, что тут еще верить надо и надо знать это, это нормально. И вырастают органы новые, там это знаешь, работа идет, и у него ни химии, ничего не было, он просто вырезал, резекцию сделал, зашил и все». Подобная практика присутствует в каждом журнале [9, с. 35].

По мнению автора данной работы, источники внутригрупповой коммуникации, представленные журналами «Звезда Селенной» наглядно отражают информацию о религиозном характере мероприятий, проводимых новым культовым сообществом. Поскольку в ходе встреч, представляющих новую культовую практику, сообщается информация о сути вероучения, смысле и форме культовой практики, задачах культовой религиозной деятельности. По типу организации и формам культовой деятельности последователи организованных групп «Элле – Аят» (Алля – Аят) соответствуют религиозным клиентурным культам, предоставляя своим верующим компенсаторную практику врачевания и самосовершенствования.

Литература

1. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч.2. М., 2002. 248 с.
2. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч.1. М., 1999. 244 с.
3. Любимова А. И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестник Русской гуманитарной христианской академии. 2009. Т.10. Вып.1. С. 70–74.
4. Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность в Беларуси. Минск. 2010. 143 с.
5. Мильштейн В. М. Волшебный чай // Звезда Селенной. 2002. №3. С. 2–5.
6. Мильштейн В. М. Луч Сепенады // Звезда Селенной. 2002. №2. С. 11–12.

7. Мильштейн В. М. Ипостаси разума // Звезда Селенной. 2002. №2. С. 4–11.
8. Фапхат-ата. Обходя учеников. Создатель показывает свою деятельность // Звезда Селенной. 2002. №1. С. 10–15.
9. Чурилов Д. Я буду жить // Звезда Селенной. 2002. №1. С. 35–36.
10. Яковлева Ю. А. Социологический анализ нетрадиционных религиозных сообществ: теоретико-методологический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 134–149.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ О ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Котенок Е. Г., Барнаул (Россия)

Аннотация. В условиях современного кризисного мира воспитание человека крайне затруднительно в силу различных влияний на его личность. Гражданственность как одно из основных качеств характера имеет огромное значение во всех сферах жизнедеятельности человека и общества. Представления о гражданственности являются важной частью гражданской идентичности, их содержание соотносится с реализуемыми в стране проектами, развитием демократии и гражданского общества. В статье представлены результаты исследования, проведенного Алтайским государственным университетом «Гражданская идентичность и образ России» (n = 1807). На основе данных, полученных в ходе опроса, выявлен уровень гражданственности у населения приграничных районов, а также определена взаимосвязь с социально-демографическими характеристиками.

Ключевые слова: приграничные регионы, население, гражданственность, Алтайский край, Воронежская область, Калининградский край, Хабаровский край

REPRESENTATIONS OF THE POPULATION OF BORDER REGIONS ABOUT CIVICNESS

Kotenok E. G., Barnaul (Russia)

Abstract. In the conditions of the modern crisis world, the upbringing of a person is extremely difficult due to various influences on his/her personality. Civicness as one of the main qualities of character is of great importance in all spheres of human life and society. Ideas about civicness are an important part of civic identity, their content correlates with projects implemented in the country, the development of democracy and civil society. The article presents the results of a study conducted by the Altai State University «Civil identity and the image of Russia» (n = 1807). Based on the data obtained

during the survey, the level of civicism among the population of border areas was revealed, as well as the relationship with socio-demographic characteristics was determined.

Keywords: border regions, population, civicism, Altai krai, Voronezh oblast, Kaliningrad oblast, Khabarovsk krai

На современном этапе развития России в силу ряда причин особенно важным становится формирование у населения высокой гражданственности.

В законодательном поле разводят понятия «патриотизм» и «гражданственность», но в нормативных правовых документах определяют приоритетность их воспитания («Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и др.). В целях и задачах «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» особое внимание уделено «формированию российской гражданской идентичности... свободному духовно-нравственному развитию каждого гражданина... укреплению моральных основ общественной жизни» [1].

Тема гражданственности прослеживается в трудах русских мыслителей на протяжении многих веков. Особую актуальность исследования гражданственности приобрели с развитием в нашей стране социологии во второй половине XIX века [2, с. 96].

А. И. Стронин рассматривал моральную сторону гражданственности, определяя ее как нравственное качество индивидов. По его мнению, содержание гражданственности зависит от политического режима государства. Также А. И. Стронин уделял внимание вопросам «экономического обеспечения» гражданственности, проблемам бедности и богатства, собственности граждан. Выступая сторонником среднего класса, он связывал развитие гражданственности с его появлением [4, с. 46].

П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский отмечают следующие главные качества проявления гражданственности: служить высшим целям государства, быть источником движущей силы нравственного совершенствования общества [3, с. 157].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что изучение представлений населения о гражданственности приобретает особую актуальность. Целью нашего исследования является выявление уровня гражданственности населения.

В ходе опроса Алтайского государственного университета «Гражданская идентичность и образ России», проведенного среди

населения приграничных регионов (Алтайский край, Воронежская область, Калининградский край, Хабаровский край), респондентам предлагался ряд утверждений, которые описывают представления о гражданственности и поведении истинного гражданина страны, таких как: «граждане страны должны составлять единую нацию и проявлять солидарность друг к другу», а, напротив, – «солидарность между всеми гражданами страны невозможна»; «гражданин должен хорошо знать свои права и обязанности и всеми средствами бороться против несправедливости» и противоположное ему – «невозможно знать все законы, обычный гражданин не может противостоять противоправным поступкам и действиям» и др. Всего 16 пар суждений. Опрашиваемые должны были выразить свое согласие с одним из пары утверждений, обведя одну из предложенных оценок. Чем ближе к правому или левому суждению в каждой паре обведена оценка, тем о большей выраженности качества говорит респондент.

В исследовании приняли участие 1807 респондентов. Среди них 30,5% мужчин и 67,4% женщин, оставшиеся 2% опрошенных не ответили на данный вопрос. Распределение опрошенных по регионам выглядит следующим образом: Алтайский край – 430 человек; Воронежская область – 455 человек; Калининградская область – 432 человека; Хабаровский край – 419 человек; другие регионы – 33 человека; не ответили на данный вопрос – 38 человек.

По результатам анализа данных исследования выявлено, что одна третья часть ответивших выбирали суждения, которые говорят о выраженности гражданственности и поведении истинного гражданина страны (31,2% опрошенных). Большинство респондентов сообщили о средней выраженности гражданственности (53,9% участников опроса). И лишь 13% опрошенных – о низкой выраженности гражданственности.

Для того, чтобы выявить зависимость гражданственности от социально-демографических характеристик, мы провели регрессионный анализ. В ходе многомерного анализа была получена модель, которая хорошо предсказывает попадание населения в группу с отсутствием высокой гражданственности (99,2%), а также предсказывает 67% попадания в группы с разным уровнем гражданственности. В результате выяснилось, что гражданственность взаимосвязана с возрастом, образованием и полом населения приграничных регионов страны.

Можно сделать вывод о том, что у одной трети населения приграничных районов высокая гражданственность. Большинство же населения имеет среднюю выраженность гражданственности. В ходе

анализа была выявлена взаимосвязь гражданственности с возрастом, образованием и полом жителей приграничных районов нашей страны.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // RG.RU: URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 01.07.2022).
2. Зауторова Э. В., Макеева И. А. Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности // Пенитенциарная наука. 2016. №35. С. 94–99.
3. Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «Гражданственность» // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 155–159.
4. Стронин А. И. // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2000. № 1. С. 45–48.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Алматы (Казахстан)

Исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК – грант №AP09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

Аннотация. В этносоциальных процессах в значительной степени присутствуют элементы спонтанности, непредсказуемости, неопределенности, связанные с корреляционной, вариативной природой причинно-следственных связей. Возрастающая под влиянием внутренних и внешних факторов турбулентность этносоциальных процессов в полной мере проявилась в ряде знаковых общественно-политических событий, происшедших в последнее время в Казахстане. Эти события оказали сильнейшее прямое и опосредствованное воздействие на процессы социальной интеграции. Вместе с тем нельзя абсолютизировать стохастичность процессов самоорганизации этносоциальной сферы. Существует ряд политических и социальных институтов, которые в любых ситуациях оказывают значительное влияние на эти процессы и через них – на ход социальной интеграции. Одним из таких институтов являются СМИ. Казахские печатные и, в особенности, электронные СМИ выступают эффективным инструментом воздействия различных общественно-политических сил на сферу

межэтнических взаимодействий и на динамику социальной интеграции / дезинтеграции.

Ключевые слова: социальная интеграция, этносоциальные процессы, конфликты, СМИ

SOCIAL INTEGRATION IN THE CONTEXT OF INCREASING TURBULENCE OF ETHNOSOCIAL PROCESSES

Kurganskaya V., Dunaev V., Almaty (Kazakhstan)

Abstract. *Elements of spontaneity, unpredictability, and uncertainty associated with the correlative, variable nature of cause-and-effect relationships are largely present in ethno-social processes. The turbulence of ethno-social processes, which is growing under the influence of internal and external factors, has fully manifested itself in a number of significant socio-political events that have recently taken place in Kazakhstan. These events had a strong direct and indirect impact on the processes of social integration. At the same time, it is impossible to absolutize the stochasticity of the processes of self-organization of the ethno-social sphere. There are a number of political and social institutions that in any situation have a significant impact on these processes and through them – on the course of social integration. Media is one of these institutions. Kazakhstan's print and, in particular, electronic media are an effective tool for influencing various socio-political forces on the sphere of interethnic interactions and on the dynamics of social integration/disintegration.*

Keywords: *social integration, ethno-social processes, conflicts, mass media*

Предпосылки и цели исследования. В последние годы в Казахстане произошли события, самым негативным образом повлиявшие на консолидацию казахстанского общества. Предвидеть заранее, какой именно фактор будет оказывать решающее влияние на социальную интеграцию этносов, станет определяющим в развитии этнополитических процессов, очень сложно. Например, 7 февраля в селе Сортобе Кордайского района Жамбылской области возник конфликт между казахами и дунганами. Бытовой конфликт, когда один водитель на дороге не уступил проезд другому, перерос в межэтническое столкновение, в ходе которого были повреждены частные дома, хозпостройки, объекты торговли, автомобили. Погибли 11 человек и свыше 150 получили ранения [1].

В 2021 г. факторами, негативно повлиявшими на этнополитические процессы, стали высказывания государственных деятелей России по поводу территориальной целостности Казахстана. Дискуссии по этой теме в социальных сетях приняли столь жесткий, далекий от цивилизованных норм характер, что были вынуждены

высказаться официальные лица государств. «Министр иностранных дел России Лавров точку поставил о том, что никогда не было и нет территориальных претензий к Казахстану. И все остальные вопросы должны задаваться четко в официальном плане. Сегодня кто чего не говорит? Политики всякое говорят» [2], – заявил первый президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев.

Негативно отреагировала активная часть казахстанского общества также и на деятельность так называемых языковых патрулей, требовавших оказания услуг в магазинах и различных учреждениях на казахском языке, заставляя извиняться за незнание языка тех работников, которые казахским языком не владеют. Согласно официальной точке зрения, такое поведение отдельных лиц, не уполномоченных делать заявления от имени государства, вносит напряженность в межэтнические отношения, разделяет граждан страны по языковому принципу, что в такой многонациональной стране как Казахстан не допустимо. «Русский язык обладает статусом официального языка. Его использованию, согласно нашему законодательству, препятствовать нельзя» [3], – подчеркнул президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев в своем выступлении на совместном заседании палат Парламента 1 сентября 2021 года.

В начале 2022 года в Казахстане произошли трагические события, которые потрясли всю страну. Протесты начались с мирных митингов против повышения цен на топливо, но в нескольких городах страны стремительно переросли в погромы. Особенно пострадал г. Алматы. В результате январских событий в Казахстане погибли 227 человек, в том числе 19 полицейских и силовиков. «Единство, согласие и мир – наши незыблемые ценности. Мы ясно осознали их значимость во время январских событий. Теперь трагические дни позади. Со временем мы придем к пониманию опасности, с которой столкнулись. По сути, мы могли утратить свою государственность. Наш народ должен извлечь уроки из январской трагедии. Мы должны сделать все возможное, чтобы подобные события больше не повторились», – заявил К.-Ж. К. Токаев, выступая на XXXI сессии Ассамблеи народа Казахстана 29 апреля 2022 г. [4].

Трагические события января 2022 г. повлекли за собой рост межэтнической напряженности. Как известно, по просьбе президента Казахстана для охраны жизненно важных объектов в республику были введены войска ОДКБ. И хотя войска не участвовали в восстановлении конституционного порядка, и их пребывание было кратковременным, оно привело к резкому росту русофобских настроений в национал-патриотическом лагере. Ряд известных оппозиционеров, в том числе

проживающих ныне за рубежом, например, экс-премьер А. Кажегельдин, назвали это решение президента ошибкой, явно не понимая, что на кону стояла судьба государства.

И, наконец, большой всплеск напряженности и раскол в казахстанском обществе вызвала спецоперация в Украине, проводимая Российской Федерацией. В социальных сетях разгорелись настоящие баталии. В заявлении пресс-службы Генеральной прокуратуры 5 мая 2022 г. сказано: «...в социальных сетях отмечаются факты размещения публикаций с признаками разжигания социальной и национальной розни. Их авторы умышленно оскорбляют в них национальные чувства граждан либо этнической группы в целом (нации, народа). Допускают прямые призывы к физическому насилию над лицами другой национальности или социальной группы, в том числе по признаку их отношения к языку» [5]. Прокуратура призвала граждан и средства массовой информации страны соблюдать и оберегать межнациональное согласие в обществе, воздерживаться от необдуманных и провокационных публичных высказываний, не допускать распространения в информационном пространстве противоправных материалов.

Цели нашего исследования состояли в определении уровня конфликтогенности тех или иных факторов для социума, которые дифференцируют его на «своих» и «чужих», усиливают межэтническую напряженность и наносят ущерб процессам социальной интеграции.

Методология исследования. Методология изучения социальных явлений и взаимодействий базируется на классических теориях: теории структурного функционализма и неофункционализма, символического интеракционизма, теории конфликта. Структурный функционализм показывает, как взаимодействуют структурные элементы в этносоциальных процессах, согласовывающие равновесие системы, как влияют на них факторы разного порядка. Применительно к нашей теме исследования, символический интеракционизм объясняет, как происходит взаимодействие между этническими группами посредством системы культурно обусловленных знаков и значений, к каким последствиям это может привести. Теория конфликта проясняет, что в основе конфликта лежит борьба за материальные блага, власть или престиж. Принцип междисциплинарности позволяет органично увязать узловые концепты различных подходов (политологического, социокультурного, социально-экономического, социологического) и осуществить прогнозирование динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан. В качестве методов сбора первичной

информации использованы качественные и количественные методы социологии.

Основные результаты. Первое двадцатилетие XXI века поставило все страны мира перед большими испытаниями. Экономические и финансовые кризисы, пандемия, экологические бедствия, массовые миграции вследствие внутренних катаклизмов в отдельных странах, религиозная радикализация населения, военные столкновения – далеко не весь перечень острых проблем, в которые вовлечены практически все государства и народы планеты.

Ряд исследователей (Г. Х. фон Вригт, А. Мелуччи, С. Стрейндж) полагают, что транснациональные и экстерриториальные структуры не только девальвируют статус государства как субъекта мирового порядка, но в конечном итоге подомнут под себя национально-государственный суверенитет, что давно стало очевидным на примерах некоторых бывших постсоветских республик. В результате подобных тектонических сдвигов некоторые государства могут утратить суверенность и потерять автономное существование. Эта тенденция приветствуется и всячески поддерживается приверженцами неолиберального фундаментализма. Вместе с тем, и основополагающие ценности либерализма: свобода слова, неприкосновенность частной собственности, независимость судебной системы, соблюдение международного права во взаимоотношениях государств – подвергаются сильнейшей коррозии, чем подрывается фундамент западной цивилизации. Архитекторы однополярного мира как результата перехода к постэкономической эпохе для стран «золотого миллиарда» и к эпохе «обновленного колониализма» для аутсайдеров глобализации в своем стремлении ограничить суверенитет национального государства следуют «закону инверсии – превращения глобализма в этноцентризм». «Глобальная идеология прав человека и мораль «граждан мира» оказались вполне совместимыми с прорвавшимися наружу демонами племенной архаики, воспользовавшимися ослаблением национально-государственных структур классического модерна» [6, с. 86].

В странах догоняющей модернизации кризисы, порожденные глобализацией, отражаются на социальном благополучии населения еще острее, а, следовательно, еще больше углубляют внутренние проблемы. В многонациональной среде эти проблемы, как мы показали выше, легко переходят на уровень конфликта между этническими группами.

За годы независимости в казахстанском обществе произошли радикальные трансформации социальных, экономических,

политических структур и институтов, в контексте которых происходило формирование нового экономического поведения этнических групп. В результате этих трансформаций сформировалась новая социальная структура. Прежде всего, появился небольшой по численности слой чрезвычайно богатых и широкий слой крайне бедных, разница между доходами которых достигла критических величин. Президент Казахстана К.-Ж.К. Токаев в своем Послании 2 сентября 2019 года отметил: «Несмотря на рост ВВП и доходов населения, имущественное расслоение внутри казахстанского общества сохраняется и даже усиливается» [7].

Строительство нового Казахстана после объявленного Президентом страны курса реформ начинается в очень сложных условиях. Социальная стратификация, в которой на одном полюсе находится политическая и экономическая элита, крупные собственники, высшая бюрократия и т. д., а на другом полюсе – значительная группа бедных слоев, борющихся за выживание и не видящих перспектив для изменения своего материального положения, крайне опасна. Извлекающее гигантскую прибыль за счет денационализации государственных предприятий либо эксплуатации природных богатств, привилегированное меньшинство не заинтересовано в реформировании и модернизации общественных отношений и направляет все усилия на закрепление своего политико-правового статуса. Беднейшая часть населения, занятая борьбой за выживание, маргинализируется и становится готовой к любым формам протестных действий, что убедительно доказали январские события 2022 г.

На консолидацию этносов в казахстанском обществе напрямую влияет также деятельность таких структур как институты образования, занимающиеся этнокультурным воспитанием; медийные институты (печатные и виртуальные СМИ, мессенджеры, социальные сети), обеспечивающие обмен информацией; органы управления/самоуправления (областные Ассамблеи народа Казахстана, этнокультурные объединения, местные советы различного уровня, партии, общественные организации). От эффективности работы всех этих социальных структур зависит наличие плодотворного межкультурного диалога и, соответственно, уровень социальной интеграции.

В качестве примера рассмотрим, как работали казахстанские СМИ во время Кордайского конфликта. Кордайские события активно обсуждались в медийном поле Казахстана, расколов его на несколько сегментов: проправительственный, в котором осуждались действия

погромщиков, выражалось стремление найти и наказать истинных виновников конфликтов; крайний националистический, который прямо одобрял действия погромщиков, указывал на «вызывающее» поведение этнических меньшинств (в данном случае – дунган); умеренно национал-патриотический, который, с одной стороны, осуждал действия погромщиков, а с другой стороны, их поддерживал; либерально-демократический, который однозначно осуждал действия нападавших и призывал к построению правового государства и политической нации.

Последняя позиция нашла свое полное отражение в статье Г. Жусипбека (Университет Анкары) и Ж. Нагаевой (Университет Лидса) [8]. Они отмечали, что эксклюзивная идентичность и отождествление национальности с этничностью, происходящее от сталинской модели нациестроительства, вкупе с ретрадиционализацией и культом силы в некоторых слоях общества привели к межэтническому характеру конфликта и общественному резонансу. Эта позиция, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания, поскольку концентрирует внимание на мало кем из экспертов подмеченной тенденции – архаизации общественного сознания отдельных слоев казахстанского общества. Публицист Жандос Асылбеков пишет: «...реакция на события в Кордайском районе наглядно показала, что дело не только и не столько в социальных проблемах (хотя они тоже не могут не влиять), сколько в каких-то ментальных изменениях, вызванных, скорее всего, падением образовательного уровня, правовым нигилизмом и архаизацией сознания» [9].

Особого внимания требует изучение социальных сетей, с помощью которых провокаторы рассылали через Интернет аудио- и видео-сообщения с призывами к насилию. Преобладающей тенденцией в соцсетях в это время стал язык вражды. С его помощью массовое сознание в эпоху цифровизации становится все более зависимым от мнений сетевых манипуляторов, которые создают в головах людей нужную им квази-реальность. Люди становятся программируемыми и манипулируемыми. Жандос Асылбеков предлагает отслеживать посты так называемых «лидеров общественного мнения», имеющих тысячи, а то и десятки тысяч подписчиков: «Ведь именно от некоторых из этих людей во время трагических событий в Кордайском районе и после исходили, а затем тиражировались всевозможные слухи и фейковые новости (впоследствии либо опровергнутые на официальном уровне, либо не подтвердившиеся), которые лишь подогревали ксенофобские настроения» [9].

Выводы исследования. Конфликты в сфере межэтнических отношений еще раз доказывают острую необходимость в скорейшем становлении в стране «слышащего» (термин, введенный главой государства К.-Ж.К. Токаевым) государства, которое своей демократичностью и открытостью сможет противостоять псевдопатриотической риторике. Нисколько не умаляя возрастающую роль медиа-коммуникаций, способных трансформировать прежние формы социально-политических, в том числе межэтнических взаимодействий, отметим следующее обстоятельство: они могут послужить основанием взрывного ускорения процессов вытеснения традиционных политических структур в том случае, если функционирующие политические институты окажутся не в состоянии регулировать реальные социальные связи. Поэтому столь актуален объявленный президентом Казахстана К.-Ж.К. Токаевым курс на строительство Нового Казахстана, предполагающий поиск действенных способов управленческих воздействий на этнополитические процессы, разработку эффективных политических и социальных технологий повышения и реализации интеграционного потенциала субъектов межэтнического взаимодействия.

Литература

1. Дюсенгулова Р. Казахстанцев призвали не поддаваться на провокации // Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstantsev-prizvali-ne-poddavatsya-na-provokatsii-390913/ (дата обращения 08.04.2022).
2. Назарбаев прокомментировал высказывания российских политиков о Северном Казахстане. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-prokommentiroval-vyiskazyvaniya-rossiyskih-442043/ (Дата обращения 10.03.2022).
3. Токаев высказался о статусе русского языка, обещает наказывать за ущемление по языковому и национальному признаку. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31438233.html> (дата обращения 02.04.2022).
4. Выступление президента РК К.-Ж. Токаева на XXXI сессии Ассамблеи народа Казахстана 29 апреля 2022 г. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirenno-zasedanii-soveta-assamblei-naroda-kazahstana-2191023> (дата обращения 05.05.2022).
5. О вопросах сохранения межнационального согласия. Пресс-служба Генеральной прокуратуры, 5 мая // Nomad. URL:

<https://nomad.su/?a=13-202205060010> 14.05.2022 г. (дата обращения 14.05.2022).

6. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Русский Национальный Фонд, 2000. 382 с.

7. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana) (дата обращения 08.04.2022).

8. Жусипбек Г., Нагаева Ж.. Неформальные институты и эксклюзивные идентичности в Казахстане: что показали погромы в Кордае // CAAN. URL: <https://caa-network.org/archives/19297> (дата обращения 01.03.2022).

9. Асылбеков Ж. Ксенофобия в Казахстане: с этим надо что-то делать // Central Asia Monitor. URL: <https://camonitor.kz/34225-ksenofobiya-v-kazahstane-s-etim-nado-cto-to-delat.html> (дата обращения 19.04.2022).

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПОЛЕЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: ФРАГМЕНТ НОМИНАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ (НФП) 'ТРУСТЬ': 'БЕДА-ГРУСТЬ'

Лазариди М. И., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. Статья посвящена принципам составления словаря обозначений психических состояний в русском языке методом номинативно-функционального поля. Термин «поле» понимается и как единица языка, и как исследовательский метод, в результате которого может быть построено языковое поле, в том числе и номинативно-функциональное. Исследование проводится в русле антропоцентрической лингвистики. Данное направление представляется особенно актуальным, если учитывать, что предметом описания и систематизации являются психические состояния. Предметом исследования является лексикографическое описание номинативно-функционального поля 'ТРУСТЬ'. Структура словарной статьи включает в себя дефиницию состояния, этимологическую характеристику, грамматическую классификацию и ряд других параметров. Рассматривается фрагмент (НФП) 'БЕДА-ГРУСТЬ'.

Ключевые слова: психическое состояние; номинативно-функциональное поле; этимологическая характеристика; синонимические отношения; антонимические отношения; словарная статья 'грусть'

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHY OF THE FIELDS OF MENTAL STATES: A
FRAGMENT OF THE NOMINATIVE-FUNCTIONAL FIELD (NFP) 'SAD':
'TROUBLE-MISTRESS'

Lazaridi M. I., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. *The article is devoted to the principles of compiling a dictionary of mental states in Russian using the method. nominative-functional field. The term "field" is understood both as a unit of language and as a research method, as a result of which a linguistic field can be built, including a nominative-functional one. The study is carried out in line with anthropocentric linguistics. This direction seems to be especially relevant, given that the subject of description and systematization are mental states. The subject of the study is the lexicographic description of the nominative-functional field 'SAD'. The structure of a dictionary entry includes the definition of the state, etymological characteristics, grammatical classification and a number of other parameters. The fragment (NFF) 'TROUBLE- SAD' is considered.*

Keywords: *mental state; nominative-functional field; etymological characteristics; synonymous relations; antonymic relations; dictionary entry 'sad'*

Цель статьи: апробация принципов составления обозначений словаря психических состояний, представленных в виде НФП – номинативно-функциональных полей, понимаемых как система средств различных уровней, объединенных на семантической основе для обозначения понятия психические состояния и строящихся в строгой иерархии на основе лингвистического значения [1]. Рассматривая НФП как лексикологическую категорию, можно прогнозировать наиболее адекватное понимание и усвоение всего огромного лингвистического материала, объединенного термином «поле».

Структура словарной статьи «Словаря терминов психических состояний в современном русском языке», описанного методом номинативно- функционального поля, может включать в себя такие ключевые моменты, как дефиниция состояния, этимологическая характеристика, грамматическая (морфологическая и словообразовательная) классификация, сочетаемостные свойства терминов состояния, их синтаксическая характеристика, синонимо-антонимо-полисемантические отношения, фразеологичность терминов, гиперо-гипонимические отношения, конверсивные свойства, омонимические формы.

Обычно психическое состояние называется в тексте, то есть можно понять, какие чувства испытывает личность, положительные или отрицательные. Но иногда состояние подсказывается, выводится из контекста. Маркеры состояния, способствующие его уточнению, в нашем исследовании получили название выразительных движений, которые систематизированы в виде изменения мимики, пантомимики, учета цвета, голоса, дыхания, сердечной деятельности, температуры тела человека. Ср.: Он (Берлиоз) побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце! томит... Я переутомился» [1, с. 29]. Здесь и страх, и беспокойство, и недоумение, и озабоченность. Выразительные движения также учитываются при лексикографировании полей психических состояний.

Словарная статья снабжается большим количеством контекстов, демонстрирующих семантические и стилистические потенции слова. Такой тип подачи материала способствует описанию слова в различных системных связях: синонимических, антонимических, фразеологических, словообразовательных и др.

Психическое состояние понимается как «целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» [2, с. 44].

Иллюстративный материал извлекается в основном из классических текстов русской и переводной литературы. Исследование проводится на материале базового психического состояния 'грусть'. Определения психических состояний приводятся по Словарю русского языка А. Н. Евгеньевой [3]. Согласно этимологической характеристике состояния 'грусть' в основе обозначения психического состояния лежит образ холода.

БЕДА, – ы, ж. Несчастье, бедствие, горе, невзгода. *Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю.* А.Н. Толстой. Родина.

ВЗГРУСНУТЬ. Почувствовать грусть, погрузить немного. *Посмотрит /Рудаев/ с пригорка вдаль и взгрустнет по лучшим временам.* В. Попов. Обретешь в бою.

ВЗГРУСНУТЬСЯ разг. О внезапном чувстве грусти, печали. */Дубровин/ А взгрустнется, бывало, мне, – присядешь, горько всплакнешь.* А.Островский. Воевода (Сон на Волге).

ГОРЕ, - я, ср. 1. Душевное страдание, глубокая печаль, скорбь. *Убитый горем. Делить горе и радость. Неутешное горе.* 2. Событие, обстоятельство, вызывающее душевное страдания, скорбь; беда,

несчастье. *На двадцать первом году Ольгу Сергеевну постигла горе; у неё скончался муж.* Салтыков-Щедрин, Господа ташкентцы. 3. В знач. сказ. разг. Плохо, нехорошо; беда. *И горе страннику, чей взор не видит далеблизорук! - И чьи уста твердят укор, Кто духом пал ношей мук.* Огарев, Туман упал на снег. Полным **горя** голосом буфетчик отказался от предложения хозяина снять штаны и просушить их перед огнем ... Булгаков, Мастер и Маргарита. Пусть и вправду, Постум, Курица не птица, Но с куриными мозгамихватишь **горя**... Бродский, Письма римскому другу (у Марциала).

Фразеологизмы:

Горе луковое (о незначительной для огорчений и плача причине).

Горе лыком подпоясанное.

Горе мыкать (терпеть всяческие бедствия, лишения: жить трудной жизнью).

Горе от ума (о непонимании умной и самостоятельно мыслящей личности посредственными людьми и неприятностях, с этим связанных).

ГОРЕВАТЬ, несов. Испытывать душевное страдание, глубокую печаль, скорбь. *Не тоскуй, не горюй, Из очей слез не лей; Мне не надобно их, мне не нужно тоски.* Кольцов, Последний. Мне пока **горевать** еще рано, Ну, а если есть *грусть* - не беда! Есенин, Ты прохладой меня не мучай.

Синонимы: грустить, предаваться грусти, печалиться, сокрушаться, тужить, огорчаться.

ГОРЕСТНО 1. Нареч. к горестный. *Горестно вздохнуть.* 2. О чувстве горести, сожаления, испытываемом кем-л. *Горестно* сознавать что-либо.

ГОРЕСТНЫЙ 1. Полный горестей, горя, тяжелый. *Жизнь маленького приемыша была самая горестная.* Пушкин, Джон Теннер. 2. Жалкий, плачевный. Его военная форма, особенно сапоги, в таком *горестном* состоянии оттого, что, как он пояснил, она в течение пяти месяцев, пока он излечивался от ран, валялась в госпитальной кладовой. Фадеев, Молодая гвардия.

ГОРЕСТЬ 1. Тяжелое чувство, вызываемое бедой, несчастием, неудачей и т. п. – Но зачем же она полюбила другого? – С *горестью* перебил Александр. Гончаров, Обыкновенная история.

2. мн. ч. (горести, -ей). Несчастья, печальные события. *Пережить много горестей.* Все темные *горести*, все утраченные надежды, – все это мгновенно встает передо мною. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки.

ГОРЕТЬ, быть охваченным каким-либо сильным чувством, со страстью отдаваться чему-либо (какому-либо чувству, делу). *Гореть ненавистью.*

Синонимы: *сгорать, пылать, пламенеть. полыхать (разг.)*

ГОРЕЧЬ Тяжелое чувство, вызываемое бедой, несчастьем, неудачей, обидой и т.п. *Горечь утраты. Горечь разочарований. Горечь поражения.* Неужели вы способны проехать мимо?.. – *обратился он ко мне с горечью.* Короленко. Мороз. Пью *горечь* тубероз, небес осенних *горечь*, И в них твоих измен горящую струю. Пью *горечь* вечеров, ночей и людных сборищ, *Рыдающей* строфы сырую *горечь* пью. Пастернак. Пыры.

ГОРЬКО; горче, горше. 1. Нареч. к горький (в 1 и 2 знач.). *Горько плакать.* 3. безл. в знач. сказ., кому. О чувстве горечи, гнетущем состоянии, настроении, испытываемом кем-л. — *Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько.* Гоголь, Майская ночь. — *Мне горько, что я не мог вас избавить от этого неприятного объяснения.* Достоевский, Неточка Незванова. И думаешь *горько*, я знаю, С тревогой и *грустью* большой, Что сын твой по отчету краю Совсем не болеет душой. Есенин, Заря окликает другую...

ГРУСТИТЬ, несов. Испытывать чувство грусти; печалиться. День и ночь он *грустит*, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь. Чехов, Палата №6.

Синонимы: печалиться, унывать.

Антонимы: веселиться, радоваться.

Фразеологизмы: болеть сердцем, маяться душой; вешать нос, повесить голову.

ГРУСТНО 1. Нареч. к грустный. Грустно улыбнуться. Я сегодня так грустно настроен, так устал от мучительных дум. Н. Некрасов, Я сегодня... 2. безл. в знач. сказ. Кому. О чувстве грусти, испытываемом кем-либо. *Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою.* Пушкин, На холмах Грузии лежит ночная мгла. *Поцеловав меня, она ушла, а мне стало нестерпимо грустно.* М. Горький, Детство.

Синонимы: печально, уныло

Антонимы: весело, радостно

ГРУСТНЫЙ 1. Испытывающий чувство грусти; печальный, унылый. Я возвратился к Зурину, *грустен* и молчалив. Пушкин, Капитанская дочка.

// выражающий грусть; вызванный грустью. Грустное лицо. Грустная улыбка. Спивак *смотрела* на нее *грустными глазами.* Горький, Жизнь Клима Самгина. // Исполненный грусти. Она *пела грустные песни* и всегда, когда пела, плакала. Горбатов, Непокоренные.

2. Вызывающий грусть. (Князь)Невольно к этим *грустным* берегам меня влечет неведомая сила. Пушкин, Русалка. // Разг. Досадный. *Грустные результаты*. Нет, эта была *грустная* ошибка, что Эллис провела столько лет именно здесь. Мамин-Сибиряк, Субъект. Кого позвать мне? С кем мне поделиться Той *грустной* радостью, что я остался жив? Есенин, Русь советская

ГРУСТЬ, -и, ж. Чувство печали, легкого уныния. С грустью говорить о чем-л. Что ж непонятная *грусть* тайно тревожит меня? Пушкин, Труд. Напрасно! мертвым не приснится. Ни *грусть*, ни радость прошлых дней... Лермонтов, Демон. Этой грусти теперь не рассыпать Звонким смехом далеких лет. Отцвела моя белая липа, Отзвенел соловьиный рассвет. Есенин, Этой грусти теперь не рассыпать...

Антонимы: веселье, радость

Синонимы: печаль, скорбь

Процессы, характерные для русского языка конца XX и начала XXI века, говорят о переломном моменте в истории русского языка. Актуальность лексикографического исследования и описания материала, бесспорная в любое время, в настоящий момент только повышается.

Выражаем надежду, что «Словарь терминов психических состояний в современном русском языке» поможет в благородном деле изучения русского языка не только специалистам, но и просто любителям русского слова.

Литература

1. *Лазариди М. И.* Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. Бишкек, 2011.
2. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964. Цит.: Психические состояния / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб, 2000. С.44-47.
3. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР ИРЯ /А.Н.Евгеньева. М.:Рус. яз.,1985-1988.

ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С., Казань (Россия)

Аннотация. Современная гуманитарно-технологическая революция иницирует и пролонгирует междисциплинарность научного знания, интеграционные и конвергентные процессы в социокультурной и технологической сферах. Исходя из этого, объектом исследования являются социокультурные аспекты конвергенции технологий. Конвергентность определена как нелинейный эффект в динамике научных процессов. Практическая реализация конвергентно-технологических инициатив сопряжена с высокой степенью неопределенности социальных последствий. Обосновано, с одной стороны, наличие антропологических рисков конвергенции технологий, с другой стороны, наличие антикризисного потенциала технологических и культурных инноваций.

Ключевые слова: интеграция, конвергенция, культура, технологии, инновации, кризис, социокультурные риски

INTEGRATION OF CULTURES AND TECHNOLOGY CONVERGENCE

Leontyev G. D., Leontieva L. S., Kazan (Russia)

Abstract. The modern humanitarian and technological revolution initiates and prolongs the interdisciplinarity of scientific knowledge, integration and convergence processes in the sociocultural and technological spheres. Based on this, the object of the study is the socio-cultural aspects of technology convergence. Convergence is defined as a non-linear effect in the dynamics of scientific processes. The practical implementation of convergent technology initiatives is associated with a high degree of uncertainty of social consequences. Substantiated the presence on the one hand, of anthropological risks of convergence of technologies, on the other hand, the presence of anti-crisis potential of technological and cultural innovations.

Keywords: integration, convergence, culture, technology, innovation, crisis, sociocultural risks

Интеграционные социокультурные процессы в диалектической взаимосвязи с укоренением самобытности культур являются формами проявления естественно-исторической тенденции «глокализации» (Р.Робертсон). С этих позиций официальный принцип Евросоюза «Единство в многообразии» актуален для всего мира как возможность обретения планетарной целостности на основе объективной связи единичного, особенного и всеобщего. Партикулярные культуры как части целого приумножают ресурсный потенциал друг друга, оптимизируя развитие общего предметного мира и сущностных сил каждого человека. Этимология понятия «культура» предполагает

ценностно-деятельностный акт «возделывания», процесс общественного производства и воспроизводства. Расширение и углубление социальных возможностей и индивидуальных способностей обуславливают интенсивность внешней активности человека, в том числе и научно-технологической. Масштабность антропогенного воздействия на био- и социосферу возрастает. Именно этот фактор, благой по своей преобразующей сути и социокультурному генезису, порождает риски, актуальные для современного социума.

«Прорывные» тренды мирового научно-технического развития, мультипликативные эффекты на стыках технологий и трансформирующаяся в соответствии с предметным миром система культурных ценностей задают параметры конфигурации конвергентно-технологического будущего. В соответствии с теорией экономических циклов Н. Кондратьева, это шестой технологический уклад, социокультурные институты которого связаны с доминированием процесса нано-, био-, инфо-, когно- (NBIC) конвергенции. Содержательно NBIC-инициатива имеет два аспекта: 1) интеграция и трансформация экономики и технологий; 2) «improving human performance», «human enhancement» [1, с. 69]. Технодетерминизм второго направления предполагает прикладные проекты на основе фундаментальных когнитивных исследований по созданию человека генетически модифицированного, нано-киборгизированного, виртуально-цифрового. В результате высокие технологии становятся модусом воплощения человека, знаменуя собой пришествие в мир нового существа, определяемого в терминах: техно-человек, транс-человек, пост-человек, нео-человек, e-Номо [6, p. 5177]. Трансгуманистическая установка обосновывается биосоциальным несовершенством современного человека, который обременен внутренними конфликтами, и деятельность которого порождает внешние глобальные кризисы. В результате, вместе с водой выплескивается и ребенок («Das Kind mit dem Bade ausschütten»), т. е. попытка преодоления антропогенного кризиса осуществляется через техно-преодоление самого субъекта жизнедеятельности.

Технологии для общества и человека или человек и общество для технологий: такова суть различия в подходах к определению социокультурных и социально-технологических перспектив. Признавая социальную востребованность научно-технических достижений для улучшения качества жизни, Европейская комиссия программы NBIC определила ее цель формулировкой «Конвергентные технологии для европейского общества знаний» («Converging Technologies for the European Knowledge Society») [5, p. 4]. «Для

общества» означает инструментальную дополнительную технологий, отказ от реконструкции человека, от постчеловека» («reconstruction of man, posthuman»). Техника и культура, техника и этика – это взаимодействующие элементы единой социокультурной системы, базирующейся на смене технологических укладов. По словам директора Института нового индустриального развития, С. Бодрунова, в экономике США шестой уклад занимает более 10%, тогда как «мы находимся в четвертом с половиной технологическом укладе с элементами пятого, и практически нет элементов шестого уклада» [3]. Пятый цикл – развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники. В соответствии с данным экспертным утверждением и нашим исследовательским наблюдением окружающей действительности, в ближайшей перспективе e-Номо вряд ли составит конкуренцию биосоциальному россиянину. Возможно, в «206 году Green Power» отдельные представители человечества получают эксклюзивный доступ к уникальным технологиям функционирования человеческого мозга отдельно от тела, как описано в романе В. Пелевина «Transhumanism inc.».

В логике постнеклассической рациональности междисциплинарные исследования, а значит и конвергентность научно-технических инноваций, – это актуальная характеристика нелинейного процесса научного развития. В прикладном, геополитическом аспекте экономическое лидерство есть следствие инновационно-технологического доминирования, значимость которого возрастает в условиях социальной турбулентности. С позиций цикличности экономики, антикризисным условием успешного преодоления периодических спадов является высокий инновационный потенциал. Кризис, не снимая этических проблем новой социально-технологической реальности, корректирует ее конфигурацию в соответствии с изменяющимися условиями хозяйствования. В редком случае – это наращивание инновационных затрат в качестве защитно-стабилизирующего метода бюджетного финансирования. Чаще – переход к frugal-инновациям (бережливым) или ускоренное внедрение перспективных, ранее предложенных, а ныне востребованных решений и продуктов. Например, в ежегодном списке мировых прорывных технологий (Массачусетский технологический институт – MIT) за 2021 г. – «вакцины с матричной РНК, компьютерные модели GPT-3, алгоритмы TikTok»; за 2022 г. – конец паролей (The end of passwords); мониторинг мутаций вируса covid (Covid variant tracking) [7], т.е. приоритетные области – это мультидисциплинарное направление биомедицины – вакцинология и IT-отрасль. Кризис COVID-19 повысил

спрос на онлайн-платформы и дистанционные услуги, простимулировав, тем самым, масштабную, интенсивную цифровизацию экономики. Перечисленные «прорывы» свидетельствуют о том, что даже в мире «Черных лебедей» (Н. Талеб) «экспоненциальные технологии» обладают антикризисным потенциалом. Конвергентность этих технологий, базирующаяся на нелинейных процессах возникновения культурных инноваций, может быть определена как технососоциокультурный феномен. В контексте сложносоставной событийности конвергентность, с одной стороны, определяется новым качеством, способным изменить степень социокультурной энтропии и хаотичности; с другой стороны, создает технологии целепроектирования условий для проявления этих новых, качественных характеристик.

Условия, ресурсы и практические инновационные достижения являются критериальными показателями «Рейтинга стран мира по Индексу инноваций» (Global Innovation Index) [2]. Из 132 экономик Россия занимает 45 место с индексом 36,6. Лидируют Швейцария, Швеция, США с индексом более 60, замыкает список Ангола – индекс 15. Ранжирование демонстрирует «срединное» положение российской инновационной экономики, возможно обусловленное пресловутым «ресурсным проклятием». О степени фактической востребованности технологических прорывов свидетельствуют традиционно слабые показатели ГИ по инвестиционной бизнес-активности, уровню развития институциональной среды и инфраструктуры в инновационной сфере. Рассуждая об исторической эволюции мировоззрения и технологий, проф. Г.Малинецкий выделил возможные варианты социального развития: 1) использование технологий, которые «собирают» общество, а не разделяют его; 2) «откат к мировоззренческим, социальным и технологическим реалиям XVI века», ибо «будущее неединственно, и мы сейчас находимся в точке бифуркации» [4, с. 43].

Таким образом, антикризисный потенциал и социокультурные риски – две стороны одного процесса современной гуманитарно-технологической революции. Опасность неэтичного использования конвергентных технологий, в частности, для перестроения самого человека обуславливает актуальность социально-гуманитарной, биоэтической экспертизы, публичного дискурса, осторожного отношения к границам человеческого во всех доступных системах координат, как естественнонаучных, так и социокультурных.

Литература

1. Аршинов В. И. «Сетевой путь» современной нано-техно-научной практики// Научно-публицистический журнал NBICS-Наука. Технологии. 2017 (1). № 1. С. 66–76.
2. Глобальный инновационный индекс 2021. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4560&plang=RU> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Как России попасть в шестой технологический уклад //Российская газета. 10.11.2019. № 253(8011).
4. Малинецкий Г. Г. Не стоит возвращаться в XVI век // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 5-й Международной конференции (3–4 февраля 2022 г., Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2022. С. 43–64.
5. Bensaude-Vincent B. Technoscience and Convergence: A Transmutation of Values? Omrod/Alsfeld, Germany. 2008.- P.1–10. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00350804> (дата обращения: 18.03.2022).
6. Leontyev G.D, Kurashov V.I. Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology//International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol.9, No.1. P.5176–5179.
7. Ten Breakthrough Technologies, 2022. // MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/2022/02/23/1045416/10-breakthrough-technologies-2022> (дата обращения: 18.03.2022).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗЕРКАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ ПАНДЕМИЕЙ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

**Максимова С. Г., Великжанина К. А., Омельченко Д. А.,
Ноянзина О. Е., Барнаул (Россия)**

Работа выполнена по проекту «Безопасность и риски в условиях пандемии COVID-19: математические модели и эффективные технологии здорovesбережения населения регионального социума» поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Аннотация: В статье на основе данных социологического мониторинга состояния межнациональных отношений в Алтайском крае (населения края в возраст 18–70 лет, n = 1 200) раунда 2021 года рассмотрены оценки миграционных процессов в регионе, направлений

миграционной политики государства, отношения принимающего сообщества к мигрантам. Отдельным ракурсом анализа стало выявление эффектов периода действия ограничительных мероприятий в связи с пандемией COVID-19 на восприятие мигрантов и их роли в принимающем сообществе, оценку направлений трансформации миграционной политики государства.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, мигранты, миграция, миграционные процессы, восприятие

MIGRATION PROCESSES IN THE MIRROR OF PERCEPTION OF THE COVID-19 PANDEMIC SOCIAL LIMITATIONS

**Maximova S. G., Velikzhanina K. A., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E.,
Barnaul (Russia)**

Abstract: *Basing on data of sociological monitoring of inter-ethnic relations in the Altai krai (population aged 18–70, n = 1 200) in 2021, author considers evaluations about migration processes in the region, directions of migration policy, and attitudes of the receiving community against migrants. A focus of the study was the revelation of effects by the COVID-19 pandemic and associated social limitations on the perception of migrants and their role in receiving community so as directions of transformation of the state migration policy.*

Keywords: *pandemic, coronavirus, migrants, migration, migration processes, perception*

Предпосылки и цели исследования

Миграционные процессы служат причиной не только социально-экономических трансформаций принимающей территории, но и ее этнической картины, структуры религиозных воззрений населения, содержания культурно-бытовых практик. Несмотря на вынужденную «закрытость» границ государств и общества вследствие пандемийных ограничений, миграционные потоки не прекратились, хотя численность прибывающих в России мигрантов в течение 2020 года стремилась к минимуму за последние десятилетия. Во второй половине 2021 года произошло заметное оживление перемещений населения, вовлеченности в трудовые процессы онлайн. При этом следует отметить, что период 2020–2021 годов принес понимание новых рисков, связанных с миграцией населения – это риски глобальной эпидемиологической безопасности, что многих вынудило переоценить значение открытых границ обществ.

В рассматриваемый период миграционные потоки на территории Алтайского края характеризовались схожими тенденциями: в 2020 году впервые за десятилетний период произошло существенное сокращение

абсолютного числа как прибывающего, так и убывающего из региона населения – с 79 649 человек прибывшего в 2019 году населения до 65 449 человек (на 17,8 %), с 83 800 до 67 865 человек (на 14,8 %) выбывшего населения. Миграционные потоки из стран зарубежья в 2019 году составляли около 15,8 % всех прибывших (или 12 590 человек) в регион по всем направлениям миграционных целей, в 2020 году – 13,4 % (или 8 747). Особенностью миграционных процессов в Алтайском крае являются стабильные (как минимум на протяжении последних пяти лет) отрицательные значения показателей миграционного прироста населения (в 2019 году – -4 151 человек) при одновременно положительных значениях миграционного прироста за счет обмена с зарубежными странами (в 2019 году – 2 564 человек). Отметим, что миграционный обмен со странами зарубежья в последние 5 лет только усиливался – с 1 480 человек в 2016 году до 2 564 в 2019 году². В силу этого прибывающие из-за рубежа мигранты «жизненно необходимы» переживающему депопуляцию региону.

В связи с этим исследовательской целью данного материала является выяснение того, насколько население края готово для позитивного восприятия миграционных процессов, в том числе с учетом осознания новых рисков эпидемиологического характера, которые, наряду с традиционными угрозами, не способствуют формированию положительного (или, как минимум, нейтрального) портрета мигранта и его роли в приграничном социуме.

Статистическая основа и методология исследования

Оценка миграционных процессов является неотъемлемым элементом общей системы мониторинга межнациональных отношений, который с 2014 года реализуется в Алтайском крае при участии авторов. При подготовке материала использованы итоги раунда 2021 года. На основе структурированной анкеты методом личного интервью (многоступенчатая выборка с использованием схемы кластерной пропорциональной выборки в сочетании с квотным отбором) опрошено население 10 муниципальных районов и 4 городских округов региона в возрасте от 18 до 70 лет (n = 1 200).

Использованы показатели оценки миграционных процессов в регионе, направлений миграционной политики государства, отношения принимающего сообщества к мигрантам.

² Миграция населения. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247>.

Основные результаты

Несмотря как на низкую социально-экономическую привлекательность для мигрантов как территория преимущественно транзитной (промежуточной) миграции, так и на общее снижение объемов миграционного потока в стране, мигрантское сообщество уже стало неотъемлемой частью регионального сообщества. В 2022 году жители края по-прежнему отмечали, что в месте их проживания много и довольного много мигрантов – в совокупности нами получено 57,7% таких оценок, причем в этой группе практически половина – 23,7% – оценки «довольно много». При этом мигранты довольно широко представлены во всех районах и городских округах региона – только 11,3% жителей Алтайского края сообщили о том, что мигрантов мало или же практически нет в месте их проживания, а 18,4% считают, что мигрантов регионе довольно мало (рисунок).

Любое современное государство в условиях нарастающей глобализации выстраивает миграционную политику, соответствующую характеру и структуре миграционных потоков, их объемам, готовности экономики и социальной сферы принимать иностранную рабочую силу, сформированности правовых и политических условий миграционных процессов, состояния и уровня готовности принимающего сообщества. Насколько население Алтайского края принимает новеллы российского миграционного законодательства, соответствуют ли принимаемые меры ожиданиям и оценкам граждан? В четверти случаев (24,3%) жители края сообщали о своем согласии с миграционной политикой государства, вместе с этим почти такие же доли опрошенных говорили как о необходимости ужесточения контроля миграционных потоков (введение визового контроля, квот при приеме на работу, и т.п.) (19,6%), так и о необходимости внедрения политики поддержки и умеренного контроля (21,2%). Только десятая часть жителей края (10,5%) высказались в поддержку политики улучшения социальных условий жизни мигрантов и их полной легализации в российском обществе, а 2,2% – вообще поддержали репрессивную политику.

Обратим внимание, что почти четверть опрошенных жителей Алтайского края (22,3%) затруднились ответить. Этот факт, а также существенный разброс оценок миграционной политики и оценки путей ее развития, скорее всего, отражает низкий уровень информированности и знакомства населения с основными положениями миграционной политики государства.

В ходе дальнейшего анализа выявлено, что оценки миграционной политики государства достоверно зависят от возраста, пола, типа поселения и отношения опрошенного к вере. Так, политику улучшения условий и легализации мигрантов в России чаще поддерживают представители самой молодой части опрошенных – в возрасте до 30 лет (59,4%)³, практически в равной мере горожане и сельчане, немногим чаще женщины (52%) и верующая часть населения (53,1%). Политику поддержки мигрантов – опять-таки чаще прочих молодежь до 30 лет (41,5%). Однако, в данном случае отметим, что, если сторонниками улучшения жизни мигрантов в России старшая группа (50 лет и старше) выступает в меньшей степени, то за улучшение жизни прибывших старшая и средняя возрастная группы выступают в равной мере. За политику поддержки мигрантов несущественно чаще выступают сельчане (51,5%), женщины (60%), и верующие, которые в большей части поддерживают такую позицию (58,6%).

О том, что их устраивает действующая миграционная политика государства, в равной мере сообщали представители всех возрастных групп, несколько чаще – молодежь (38,6%), поддерживают это мнение преимущественно сельчане (62,9%), женщины (55,3%) и верующие (56,8%).

Политику ужесточения условий пребывания мигрантов в равной мере отмечали как приемлемую представители всех возрастных групп населения края, сельчане (67%), немногим чаще мужчины (54,5%) и верующие (54%), репрессивную политику – чаще прочих молодежь – 47,4%, существенно чаще сельчане (72,2%), мужчины (70%) и неверующая часть населения (50%).

В целом же, если судить об оценках в разрезе демографических групп: молодежь в возрасте до 30 лет балансирует между позициями ужесточения и либерализации миграционного законодательства, средняя возрастная группа от 31 года до 49 лет – тяготеет к идее ужесточения миграционной политики, а старшую возрастную группу скорее устраивает сложившаяся политики государства по отношению к мигрантам.

Судя по распределениям полученных оценок, жители городов края скорее поддержат либерализацию миграционных правил и установлений, а жители сел – ужесточение и репрессии в отношении

³ Здесь и далее по тексту отмечены только статистически значимые зависимости – χ^2 , $p \leq 0,005$.

мигрантского сообщества. Схожим образом среди мужчин существенно выше доля сторонников ужесточения и репрессий, а среди женщин – сторонников создания благоприятных условий для жизни мигрантов в России. Отношение опрошенного к вере также будет предопределять позиции оценки миграционной политики – неверующая часть населения чаще будет выступать в поддержку ужесточения миграционного законодательства.

Пятая часть жителей края полагают, что в присутствии мигрантов нет ничего хорошего (20,3%), а наиболее важным положительным эффектом присутствия мигрантов в регионе является то, что они работают там, где не желает работать местное население (22%). Незначительная часть населения края отмечали, что мигранты привозят в город дешевые продукты и товары, а также предоставляют услуги по сниженным ценам (14,2%), такая же часть опрошенных жителей края сообщили о том, что мигранты привносят этническое и культурное многообразие в жизнь региона (14,3%), в меньшей степени жители края согласны с тем, что мигранты положительно влияют на пополнение городской среды молодыми энергичными людьми (8,3%), а один из опрошенных, пожелавший объяснить свое положительное отношение к мигрантам, написал о том, что мигранты ничего не должны принимающему обществу, а каждый человек *«должен иметь право жить там, где он чувствует себя в безопасности»*.

При этом, напротив, четверть жителей края в присутствии мигрантов не видят и ничего плохого, хотя, например, 17,7% граждан региона сообщили, что им не нравится проявление культуры мигрантов и их нежелание приспосабливаться в крае, 15,5% – обвиняют мигрантов в росте преступности и расширении незаконной деятельности, 9,2% – считают, что мигранты занимают рабочие места местного населения, 5,2% полагают, что мигранты служат причиной смешения культур и снижают роль российских ценностей в обществе, а 4,9% уверены в том, что мигранты снижают общую картину благополучия в обществе. Как мы уже отмечали выше, период коронавирусных ограничений наложил свой отпечаток на восприятие проблем миграции – впервые за весь период мониторинга среди отрицательных последствий присутствия мигрантов в рамках альтернативы «другое» зафиксированы мнения о том, что мигранты *«могут завозить различные заболевания»*, также получено мнение о том, что мигранты продуцируют *«социальное напряжение»* в обществе, а также негативные оценки стремлений мигрантов получить *«российское гражданство»* и соответствующих ему социальных прав – *«пособий при рождении детей и других льгот»*.

Что касается личного отношения к мигрантам населения региона, то в данном случае следует отметить преимущественно равнодушие, о чем сообщили почти половина жителей Алтайского края – 47%. Положительное, дружелюбное восприятие мигрантов присуще более чем трети жителей края – 36,4%, при этом 16% из них сообщили об однозначно дружелюбном отношении к мигрантам.

Об отрицательном отношении к мигрантам сообщили в совокупности 16,6% жителей края, при этом 3,2% – имеют резко негативное отношение к мигрантам, пребывающим в крае. Таким образом, полученные оценки по существу подкрепляют ранее сделанные выводы – население Алтайского края преимущественно нейтрально относится к мигрантам, в большинстве случаев не рефлексируя о положительных и отрицательных сторонах их присутствия, не имея в личном опыте реальных фактов, провоцирующих негативное восприятие миграции и перемещающихся граждан. А непосредственный опыт взаимодействия с мигрантами поразному представлен в повседневных практиках населения края, о чем свидетельствует существенная и достоверная вариация оценок личного отношения к мигрантам.

Восприятие личного отношения к мигрантам достоверно зависимо от возраста, места жительства, пола и этнической принадлежности опрошенного. Так, среди тех, кто резко негативно относится к мигрантам, меньше всего жителей края средней возрастной группы от 31 года до 49 лет – 2,3%, тогда как в большинстве случаев такие оценки давали молодые люди (3,1%) и представители старшего возраста (4,5%). Среди равнодушных больше молодежи, чем представителей всех прочих групп – 54,6%, тогда как средней возрастной группы – только 43,2%, а старшей – 41%. Хотя при этом молодые люди в большей степени представлены и среди тех, кто дружелюбен к мигрантам – 17,9%.

Оценки личного отношения к мигрантам горожан и сельчан в целом схожи, можно заметить лишь, что отношение жителей сел более негативно – сельчане в 17,5% сообщили о скорее отрицательном отношении к мигрантам, тогда как из горожан только 8% сообщили о таком отношении. При этом заметим, что доли тех, кто резко негативно относятся к мигрантам, не столь сильно отличаются в городах и селах Алтайского края – 2,4% и 3,8% соответственно. Горожане в немногим более позитивны в отношениях с мигрантами – в совокупности 42,4% жителей городов края говорили о скорее положительном и даже дружелюбном отношении к мигрантам, а жители сел говорили о позитивном восприятии мигрантов лишь в 31,8% случаев.

Распределение оценок в разных гендерных группах позволяет сделать вывод о том, что женщины достоверно более положительно относятся к мигрантам – в совокупности 40,3% позитивных оценок (30,6% позитивных оценок в группе мужчин). В группе мужчин доля тех, кто резко негативно воспринимает мигрантов, существенно выше – 5,3% против 1,8% таких мнений в группе женщин. В общем же, и мужчины, и женщины края чаще равнодушны в оценках личного отношения к мигрантам.

Отметим, что этническая принадлежность участников мониторинга достоверно определяет личное отношение к мигрантскому сообществу. Несмотря на схожие тренды в оценках личного восприятия, равнодушие в большей степени свойственно респондентам края со смешанной идентичностью (53,3%), а в меньшей степени – представителям другой (не русской) этнической группы – 42,7%. Тех жителей края, кто продемонстрировал резко негативное отношение к мигрантам, больше всего среди не идентифицирующих себя с какой-либо этнической группой, предпочитая «социальные» или же «политические» идентификации, такие как «россиянин», «космополит», «славянин» и тому подобные – 5,9%, а среди, например, русских, таких всего 2,6%, среди нерусских – 2,7%. Любопытно отметить, что скорее негативные оценки личного отношения к мигрантам более распространены в группах русских жителей края (15,1%) и имеющих «не этническую» идентификацию (23,5%), тогда как иноэтничным (нерусским) опрошенным такие оценки свойственны крайне редко – для 2,7% нерусских и 3,3% граждан со смешанной идентичностью.

Таким образом, сделаем общий вывод, что принимающее сообщество Алтайского края неоднородно в своих оценках как мигрантов, так и эффектов их присутствия в регионе. Вместе с тем, жители края признают необходимость присутствия трудовой части мигрантов, их вклад в демографию и экономику региона, однако в целом мало погружены в вопросы миграционной политики государства и скорее ориентируются на субъективные представления об объемах миграционного движения из-за рубежа, особенностях культуры и быта приезжающих иноэтничных граждан зарубежья, что формирует параметры готовности социума к интеграции мигрантов. Период коронавирусных ограничений внес свой вклад в структуру факторов субъективного восприятия негативных параметров миграции, связанных с тревогой об эпидемиологической безопасности региона.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК)

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Гришанова М., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. В данной статье представлены результаты тестирования гипотезы о наличии региональной специфики формирования и сохранения человеческого капитала в регионах России, различающихся по ряду критериев и факторов социально-экономического развития. Базой для проведенного анализа стали результаты экспертного опроса, в котором приняли участие 170 экспертов из восьми субъектов Российской Федерации: Алтайского, Хабаровского и Приморского краев, Белгородской, Воронежской и Челябинской областей, Республики Бурятия и Москвы. В большинстве случаев эксперты высказывались о наличии сильного влияния большинства характеристик человеческого капитала на эффективность регионального развития. Вместе с тем, для каждого из регионов выделены специфичные наборы параметров человеческого капитала, непосредственно оказывающих влияние на его развитие.

Ключевые слова: человеческий капитал, социально-экономическое развитие, регионы, приграничные регионы, экспертные оценки, региональное развитие

HUMAN CAPITAL AND REGIONAL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF EXPERT EVALUATIONS)

Maximova S. G., Noyanzina O. E., Omelchenko D. A., Grishanova M., Barnaul (Russia)

Abstract. The article presents results of testing about hypothesis on regional specifics of formation and development of a human capital in Russian regions, different by criteria and factors of social-economic development. Results of expert questioning in eight regions (n = 170) of Russian Federation – Alrai krai, Khabarovsk krai, Primorsky krai, Belgorod, Voronezh, and Chelyabinsk oblast are the base of the study. Mainly, experts told about the presence of strong influence between human capital and the efficiency of regional development. Meanwhile, each region is unique by the set of specific parameters, influencing its development.

Keywords: human capital, social-economic development, regions, border regions, expert evaluations, regional development

Предпосылки и цели исследования

В течение 2020–2022 годов авторским коллективом реализуется комплексное исследование человеческого и интеллектуального капитала населения приграничья в контексте миграционных процессов и необходимости обеспечения социальной безопасности. Одной из задач данного исследования является многофакторная оценка миграционного потенциала и безопасности приграничных территорий на основе использования социально-экономических показателей развития приграничных регионов.

Сама формулировка поставленной задачи предполагает использование множества понятий и концептов при осмыслении поставленной проблемы, а также выборе адекватных способов и подходов к ее изучению. Например, особый ракурс анализа задает сам феномен приграничья, поскольку хорошее понимание природы приграничных регионов является фундаментальной потребностью нашего исследования. Эффективный анализ социально-экономических показателей, сбор и анализ сведений о состоянии приграничного пространства невозможен без внимания к историческому контексту, изучения социально-культурного развития приграничья, а также трансграничного сотрудничества. Такая мультидисциплинарная задача требует сочетания геополитического подхода, положений теории международных отношений, в том числе геополитического и географического (или геопространственного) анализа, других смежных областей науки и практики. Моделирование и изучение границ обязывает проводить как пространственный анализ (например, описание вектора границы, особенностей географического положения и т. п.), так и социально-экономический анализ показателей регионального развития.

В ходе анализа данных, полученных авторским коллективом, замечено, что все восемь охваченных исследованием регионов очевидно типологизируются по уровню социально-экономического развития в три категории: в первую группу вошли Белгородская область и Москва, где большинство оценок экспертов концентрируются вокруг альтернативы «социально и экономически благополучный, развитый регион» (68,4% и 100% соответственно), причем обратим внимание, что в Москве все оценки экспертов касались такого понимания специфики регионального развития. В Белгородской области же 31,6% экспертов говорили о том, что их регион «скорее благополучный, развитый».

Во вторую группу, преимущественно характеризующие регионы «скорее благополучные и развитые»: Воронежская область (81,8%

таких оценок), Хабаровский край (48,4%) и Челябинская область (40%). При этом наиболее «благополучным» регионом выглядит именно Воронежская область, поскольку только 3% экспертов этого региона назвали его скорее неблагоприятным, а 15,2% – отнесли его к социально-экономически благополучной и развитой группе территорий. В Хабаровском крае и Челябинской областях оценки экспертов, напротив, были несколько более разрозненными. Так, в Хабаровском крае мы зафиксировали всего 6,5% оценок «социально-экономически благополучный, развитый», но при этом 35,5% – «скорее неблагоприятный, слабо развитый» и 9,7% – «бедный, депрессивный, слабо развитый» регион. В Челябинской области – более четверти (35,5%) оценок «скорее неблагоприятный, слабо развитый», 20% – «бедный, депрессивный, слабо развитый», но при этом 13,3% информантов оценили область как регион «социально и экономически благополучный, развитый».

Третью группу сформировали Алтайский и Приморские края, а также республика Бурятия. Эта группа характеризуется экспертами как преимущественно скорее неблагоприятные и слабо развитые регионы: 68,8% таких оценок в Алтайском крае, 66,7% в Приморском крае и 56,5% в Бурятии.

При этом в Бурятии такая оценка «конкурирует» с видением региона как бедного, депрессивного и слабо развитого, а в Алтайском крае мы получили 18,8% таких оценок, а в Приморском – вообще ни одной. В этом регионе оценки смешаются к полюсу «скорее благополучного региона» – 33,3%, поэтому в данном контексте, региональная ситуация оценивается как более благоприятная. В Бурятии же и Алтайском крае эксперты весьма редко рассматривали свои регионы как скорее благополучные (8,7% и 12,5% соответственно). Обратим внимание и на то, что только в этой группе не зафиксировано вообще ни одной оценки, описывающей территорию как развитую, социально-экономически благополучную.

В связи с полученными выводами к идее написания данной статьи привела гипотеза о наличии региональной специфики формирования и сохранения человеческого капитала в регионах России, различающихся по ряду критериев и факторов социально-экономического развития.

Статистическая основа и методология исследования

Базой для проведенного анализа стали результаты экспертного опроса, направленного на оценку состояния, проблем и тенденций формирования, сохранения и приумножения человеческого капитала в регионах России, в котором приняли участие 170 экспертов из восьми

субъектов Российской Федерации: Алтайского, Хабаровского и Приморского краев, Белгородской, Воронежской и Челябинской областей, Республики Бурятия и Москвы.

Экспертов просили оценить, какие конкретно из компонентов человеческого капитала оказывают влияние на региональные характеристики, и какова степень этого влияния. Оценки проводились по 9-балльной шкале, где 9 – максимальное влияние, 1– минимальное влияние, в отношении следующих параметров: совокупность знаний, умений, способностей населения, уровень экономической активности населения, уровень образования населения, готовность и способность к предпринимательству и бизнесу, высокая продолжительность жизни, длительная трудовая активность, высокий уровень здоровья, приверженность к здоровому образу жизни, высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии, высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье), стремление населения к инвестициям в образование, повышение квалификации, карьеры (своей и своих детей), высокий уровень мобильности населения: трудовой, образовательной, и т.д., высокий уровень правовой культуры населения, низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений, высокий уровень доверия основным социальным институтам (правительство, суд, полиция и т.п.).

Для удобства восприятия экспертизы предложенных тринадцати параметров, полученные оценки были сгруппированы в три группы: высокое влияние на состояние регионального развития (суммарные оценки от 7 до 9 баллов), среднее влияние (суммарные оценки от 4 до 6 баллов) и низкое влияние (суммарные оценки от 1 до 3 баллов). Полученные оценки рассмотрены не на основе общих данных по выборке восьми регионов, охваченных исследованием, а в рамках обращения к их региональным вариациям. Отметим, что зависимость полученных оценок от региональной принадлежности эксперта ожидаемо оказалась достоверной ($p, \chi^2 \leq 0,005$).

Основные результаты

Большинство оценок отражают мнения экспертов о наличии сильного влияния большинства характеристик человеческого капитала на эффективность регионального развития. Так, более половины экспертов сообщили о том, что сильное влияние на региональное развитие оказывает совокупность знаний, умений, способностей населения – 77,2%, уровень экономической активности населения – 70,7%, высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии – 68,9%, высокий уровень

доверия основным социальным институтам – 67,7%, уровень образования населения – 67,3%, стремление населения к инвестициям в образование, повышение квалификации, карьеры (своей и своих детей) – 66,5%, низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений – 65,7%, высокий уровень здоровья, приверженность к здоровому образу жизни – 60,7%, готовность и способность к предпринимательству и бизнесу – 60,2%, высокий уровень правовой культуры населения – 56,6% и высокий уровень мобильности населения: трудовой, образовательной – 54,5%.

Лишь три параметра реже прочих, согласно мнениям экспертов, связаны с эффективностью развития региона: высокая продолжительность жизни – 47,9%, длительная трудовая активность – 44,8% и высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) – 30,3%. Соответственно, эти три фактора чаще прочих были отнесены к числу тех, что слабо влияют на эффективность развития российских регионов. Например, пятая часть экспертов считают, что высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) не связана с эффективностью регионального развития – 20,0%, 11,4% – говорили о слабой связи этого процесса с высокой продолжительностью жизни, 9% – с высоким уровнем доверия основным социальным институтам – 9,0%. Чаще прочих как имеющие низкую степень влияния маркировались высокий уровень правовой культуры населения – 8,4% и высокий уровень здоровья, приверженность к здоровому образу жизни – 7,1%.

Соответственно только в отношении двух характеристик человеческого капитала – высоком уровне деторождений и длительной трудовой активности в целом большинство экспертов говорили о средней степени влияния (49,7% и 48,5% таких оценок соответственно).

Далее мы рассчитали средние оценки степени влияния перечисленных характеристик человеческого капитала на эффективность социально-экономического развития регионов России. Полученные результаты подтверждают ранее сделанные нами выводы: все компоненты человеческого капитала имеют влияние на уровне выше среднего – оценки распределены от 2,33 (высокая рождаемость) до 7,44 (совокупность знаний и умений населения) баллов.

В зоне маркеров сильного влияния (помимо совокупности знаний, навыков и умений): уровень образования населения (7,13), готовность населения к прогрессу и новым технологиям (7,13), низкий уровень преступности и правонарушений в обществе (7,04).

Отметим также, что ни один из параметров не получил оценку эксперта, равную 10 баллов (максимальная оценка для всех характеристик – 9 баллов), а минимальная оценка составила 2 балла для оценки влияния уровня экономической активности населения и низкого уровня преступности и правонарушений, 3 балла – для совокупности знаний, навыков и умений населения, готовности и способности населения к предпринимательству и бизнесу, а также к высоким технологиям и прогрессу, для всех прочих характеристик – минимум составил 1 балл.

Региональная специфика очевидно проявилась в экспертных оценках факторов.

Для Алтайского края экспертные оценки отличаются, во-первых, тенденцией стремиться к середине шкалы оценивания – максимальная средняя оценка составила 6,88 балла, минимальная – 4,94. Во-вторых, ключевые компоненты человеческого капитала, способные оказать влияние на региональное развитие для Алтайского края – это низкий уровень преступности, коррупции и иных правонарушений (6,88 балла) и готовность населения региона к предпринимательству и бизнесу (6,81 балла), а в меньшей степени способны оказать влияние – высокая продолжительность жизни в регионе (5,06 балла) и высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) (4,94 балла).

В Белгородской области средние экспертные оценки варьируют в иных пределах – от 8 до 5,82 баллов, а также выделены иные ключевые характеристики эффективного регионального развития: уровень экономической активности населения (8 баллов) и уровень образования населения (7,5 баллов). В качестве параметров человеческого капитала, оказывающих наименьшее влияние на развитие области – длительная трудовая активность населения (5,94 баллов) и высокая рождаемость населения (5,82 балла).

Эксперты Воронежской области провели оценку факторов развития области, в рамках которой средние оценки расположились в диапазоне от 7,59 до 5,56 баллов. Особенностью региональных оценок стал обширный набор в одинаковой степени выраженных характеристик человеческого капитала, оказывающих влияние на течение внутрирегиональных процессов – это совокупность знаний, умений, способностей населения (7,59 балла), высокий уровень доверия основным социальным институтам (7,56 балла), высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии (7,53 балла), низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений (7,50 балла). Самые низкие, хотя маркирующие среднюю степень влияния, стали оценки длительной трудовой

активности (6,09 балла) и высокой рождаемости населения (три и более ребенка в семье) (5,56 балла).

Для Бурятии (диапазон средних оценок 7,68 – 5,64 балла) ключевыми параметрами развития республики в плане роли человеческого капитала определены: уровень образования населения (7,68 балла), совокупность знаний, умений, способностей населения (7,61 балла) и высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии (7,61 балла), а высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) (5,64 балла) отмечалась как имеющая самый низкий потенциал влияния на развитие республики.

В Хабаровском крае эксперты оценили предложенные характеристики в диапазоне от 7,45 до 5,39 баллов, при этом, как и в Воронежской области, очевидно выделен целый спектр имеющих высокое влияние параметров человеческого капитала, среди которых совокупность знаний, умений, способностей населения (7,63), уровень образования населения (7,45), низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений (7,33), высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии (7,18) и уровень экономической активности населения (7,15). Высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) (5,39 балла) также, как и во многих других субъектов Российской Федерации отмечена в качестве имеющей наименьшее влияние.

Эксперты Челябинской области, как и их коллеги из Алтайского края, менее склонны говорить об очевидной связи параметров человеческого капитала с уровнем социально-экономического развития региона, о чем свидетельствует довольно «узкий» и сместившийся к плюсу маркеров среднего влияния диапазон средних оценок – от 6,47 и 5,0 баллов. В качестве имеющих максимальное влияние на эффективность развития области названы: высокая готовность населения к новым технологиям и прогрессу в своей профессии (6,47), совокупность знаний, умений, способностей населения (6,13), готовность и способность к предпринимательству и бизнесу (6,07), стремление населения к инвестициям в образование, повышение квалификации, карьеры (своей и своих детей) (6,00), и высокий уровень мобильности населения: трудовой, образовательной (5,86), на последних позициях по средней оценке выраженности влияния: высокий уровень правовой культуры населения (5,21), высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) (5,14) и уровень экономической активности населения (5,00). Отметим также и то, что наряду с экспертами Алтайского края, в Челябинской области ни

по одному параметру не зафиксировано высоких значений средних оценок влияния.

В Приморском крае одна из оцениваемых характеристик была оценена как имеющая существенное влияние – совокупность знаний, умений, способностей населения (8,60 балла), а высокая рождаемость населения (три и более ребенка в семье) также выделена как имеющая минимальное влияние (5,6 балла).

Схожим образом московские эксперты обратили внимание на ключевую роль, которую в этом городе федерального значения приобретает совокупность знаний, умений, способностей населения, влияние этой характеристики оценено в среднем на 8,38 балла, тогда как три параметра выделяются очевидно слабым влиянием на эффективность развития города. Среди них: длительная трудовая активность населения (5,25 балла), высокая продолжительность жизни (5,13 балла) и высокая рождаемость населения (4,88 балла).

Таким образом, для Приморского края, Москвы и Воронежской области принципиально важным для обеспечения эффективного социально-экономического развития, согласно оценкам экспертов, является высокий потенциал совокупных знаний, умений и способностей населения. Для Белгородской области – важно поддерживать высокий уровень экономической активности населения, для Бурятии – повышает образовательный уровень населения, для Челябинской области ключевой оказалась готовность населения современным вызовам – технологизация и профессионализация населения, тогда как в этом ряду особым образом проявилась специфика Алтайского края, где решение проблем самого общества оказалось важнее развития потенциала жителей региона – здесь эксперты максимально влияющим на эффективность развития сочли низкий уровень преступности, коррупции, иных правонарушений.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТУВИНЦЕВ

Монгуш А. М., Кызыл (Россия)

Аннотация. В статье делается попытка рассмотреть гендерный аспект в родильной обрядности тувинцев. В традиционном тувинском обществе социализация детей происходила с постепенным освоением гендерных норм, ролей и стереотипов, связанных с их половой принадлежностью. Ребенок уже с момента рождения становился объектом воздействия системы гендерных отношений. Также в сравнительном аспекте рассматривается родильная обрядность некоторых тюрко-монгольских народов. Автор делает вывод, что, приметы и поверья, связанные с предопределением пола будущего ребенка, символические родильные обряды, способствовали гендерной социализации ребенка и подготовке к предстоящей жизни в обществе. В целом, родильная обрядность тюрко-монгольских народов имела схожие черты и главным образом была направлена на защиту и оберегание беременной женщины и новорожденного ребенка.

Ключевые слова: традиционное тувинское общество, гендерный аспект, гендерные отношения, родильная обрядность

GENDER ASPECT IN THE MATERNITY RITUAL OF THE TUVANS

Mongush A. M., Kyzyl (Russia)

Abstract. The article attempts to consider the gender aspect in the maternity ritual of the Tuvans. In the traditional Tuvan society, the socialization of children took place with the gradual development of gender norms, roles and stereotypes associated with gender identity. From the moment of birth, the child became an object of the influence of the system of gender relations. Also in comparative aspect, the maternity rites of some Turkic-Mongolian peoples are considered. The author concludes that the signs and beliefs associated with the predestination of the sex of the unborn child, symbolic birthing rites, contributed to the gender socialization of the child and preparation for the upcoming life in society. In general, the birthing ritual of the Turkic-Mongolian peoples had similar features, and was aimed at protecting and protecting a pregnant woman and a newborn child mainly.

Keywords: traditional Tuvan society, gender aspect, gender relations, maternity rituals

В традиционном тувинском обществе рождение ребенка всегда было самым желанным и радостным событием в семье. В представлениях тувинцев, семья, имеющая много детей, считалась богатой. Многие исследователи подчеркивали в своих работах особый статус ребенка, например, С. И. Вайнштейн отмечал: «Детей никогда не

били, шлепки как наказание за непослушание применяли редко» [6, с. 141]. Одной из сложных проблем в традиционном обществе была очень высокая детская смертность. По сообщению С. И. Вайнштейна: «Во многих семьях умирала почти половина детей; в среднем каждая семья имела четырех-шестерых детей, а рожали женщины восемь-десять детей и даже больше» [6, с. 141]. Именно поэтому тувинцы большое значение придавали родильной обрядности, в которой было много различных поверий и примет, обычаев и ритуалов, направленных, в первую очередь, на сохранение здоровья и оберегание беременных женщин и новорожденных младенцев.

Отдельные аспекты данной темы освещались еще в работах дореволюционных авторов. Так, по сведениям Г. Н. Потанина, если в семье дети умирали один за другим, то тувинцы проводили специальный обряд, чтобы защитить будущего ребенка [11, с. 27]. Е. К. Яковлев и Ф. Я. Кон в своих работах также обращали внимание на родовую обрядность и описали, к примеру: положение роженицы во время родов, помощь повитух «*тудугжу*», захоронении последа, о способах перерезания пуповины, проведения праздников в честь рождения младенца [14, с. 87–88; 8, с. 140–142].

Гендерные различия в отношении пола человека у тувинцев начинались с момента зачатия ребенка. Приметы и поверья, связанные с предопределением пола будущего ребенка, символические родильные обряды носили гендерный аспект. Так, Ф. Я. Кон отметил такое поверье, по которому угадывали пол: «Если ребенок постоянно бьется в животе – родится девочка, если изредка, но проворно – мальчик» [8, с. 140]. Тувинцы проводили гадание на пузыре свежеразделанной овцы – «*ыйлаңгы*». В зависимости от формы *ыйлаңгы*, они могли предполагать пол будущего ребенка. Интересные приметы, связанные с определением пола будущего ребенка, описала Е. В. Айыжы у тувинцев Монголии: «Считалось, что, если у женщины на лице появляются пигментные пятна, скорее всего, она носит мальчика; если же цвет кожи на лице не меняется, вероятно, будет девочка. Если беременной во сне снятся мужские принадлежности, такие как нож, огниво, плетка и т. д., то родится мальчик, если увидеть во сне украшения, иголку, цветные материалы, то родится девочка. Если форма живота овальная, то родится девочка, если круглая – будет мальчик. Если матери хочется сладкого – будет дочь, а если кислого, соленого – сын» [2, с. 417]. Все эти приметы, предсказывающие пол ребенка, позволяют нам судить о том, что, еще не родившись, он уже наделялся четкой гендерной природой.

В тувинских семьях рождение мальчика, как и у других тюрко-монгольских народов, всегда было желаннее, нежели рождение девочки. В историко-этнографической литературе встречаются примеры, подтверждающие важность рождения сына в кочевой семье. Сын в традиционных представлениях тувинцев воспринимался как продолжатель рода, опора, главный помощник, «...в нем видели будущего охотника и кормильца» [2, с. 415]. «Все сойоты желают иметь детей мужского пола, а не женского, – писал А. В. Адрианов, – потому что с девочкой теряется имя, род и состояние» [1, с. 345]. Ф. Я. Кон отмечал, что «Сойоты брали вторую жену и тогда, когда первая жена не рожала мальчиков» [8, с. 136]. По замечанию М. Б. Кенин-Лопсана, если в семье рождался мальчик, то и благословение было особым [7, с. 114]. Также он отмечал, что если в семье рождались только девочки, то дедушка или близкий к семье старец мог подарить огниво главе семьи, с пожеланиями чтобы у них родился сын [7, с. 160]. Похожие воззрения были у других народов. Например, А. В. Потанина отмечала, что, «Буряты всегда очень желают иметь детей, особенно сыновей, говоря о детях, они подразумевали большей частью мальчиков» [12, с. 24]. У калмыков: «Рождение мальчика встречали с большей радостью, так как он считался продолжателем рода и носителем имени предков» [3, с. 94].

С рождением мальчика и девочки проявлялись гендерные различия в обрядах, сопровождающих это событие. Мужская и женская природа младенца утверждалась в обрядах и ритуалах, в которых использовали соответствующие полу атрибуты и символы. Мужчины во время родов удалялись из юрты, но при этом постоянно находились неподалеку, чтобы в случае необходимости помочь [2, с. 416]. Мужская помощь в традиционной родильной обрядности была необходима в тяжелых, критических ситуациях. По устному сообщению информанта Б. Баярсайхана, у цэнгэльских тувинцев «если женщина не могла долго разродиться или роды проходили тяжело, то мужчина мог произвести выстрелы ружьем или издать громкие звуки металлической посудой, то есть внезапно испугать роженицу – «*чожудар*». Любопытно в этой связи отметить, что у оренбургских калмыков муж выполняет практически идентичные действия: «... мужу полагалось стрелять из ружья над головой роженицы, в то время как родные шумели, что было сил, снаружи кибитки» [3, с. 92]. Ю. Г. Кустова записала интересный способ «помощи» роженице у хакасов «...в юрту неожиданно для роженицы заходил свекор, который своим появлением пугал ее. Он мог подойти к ней сзади и ударить по спине. В обычной повседневной жизни все это было запрещено» [10, с. 30].

Гендерно маркированные предметы использовались и при перерезании пуповины. Обычно выбор инструмента, которым она перерезалась, зависел от половой принадлежности ребенка. Е. К. Яковлев писал, что у тувинцев пуповину мальчика перерезали ножом [14, с. 87] – предметом, символизирующим мужское начало. Схожую традицию отмечал у хакасов В. Я. Бутанаев [5, с. 207].

Гендерное различие отражалось и на цветовой символике родильной обрядности. Л. П. Потапов зафиксировал у западных тувинцев интересный факт. Цвет мешочка, в котором хранили пуповину, зависел от пола ребенка: для девочки – это красный цвет, для мальчика – синий [13, с. 268]. У богатых калмыков в конце XIX – начале XX в., по мнению исследователей, существовал обычай вывешивать разноцветный флаг над кибиткой в знак рождения ребенка. При рождении мальчика, вывешивали флаг с преобладающим желтым цветом, символизовавшим любовь и верность, а при рождении дочери на флаге преобладал красный цвет – символ жизни и радости [3, с. 95]. У южных алтайцев отличались формы мешочков. Так, пуповина девочек зашивалась в мешочек треугольной формы, а мальчиков – ромбической, похожей на наконечник стрелы [13, с. 268]. Любопытно, что стрела как символ мужского начала встречается и в родильной обрядности тувинцев. В работе Г. Н. Курбатского имеются следующие сведения. Например, если в семье родилась дочь, но родители в дальнейшем хотели сына, то женщины могли закопать послед *«уруг сырты»* вместе с маленьким ритуальным луком и стрелой. При этом молились, чтобы бог даровал мальчика [9, с. 174]. Хранение послета также имело гендерное различие. Как отмечает Е. В. Айыжы *«...пожилая женщина, принимавшая роды ребенка, выкапывала в юрте ямку глубиной с локоть, причем, для послета девочки – в женской половине юрты, а мальчика – в мужской. Выбирают такое место, где никто не мог бы ходить или наступать на него (под кроватью, сундуками, полками или под стенами)»* [2, с. 418].

Большое значение в родильной обрядности тувинцев придавали одежде мужчин: отца и деда, которая по традиционным воззрениям обладала магической, защитной силой. Пеленание в штаны деда должно было защитить младенца от злых духов, сделать его здоровым и крепким [7, с. 157]. Это практиковалось не только у тувинцев, но и у бурят и хакасов [4, с. 63; 10, с. 35].

Таким образом, данные обряды имели большое символическое значение для ребенка, способствуя его гендерной социализации и подготовке к предстоящей жизни в обществе. В целом, следует отметить, что родильная обрядность тюрко-монгольских народов

имела схожие черты и элементы, и главным образом была направлена на защиту и оберегание беременной женщины и новорожденного ребенка.

Литература

1. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества // Записки ИРГО по общей географии. Том одиннадцатый. СПб: 1888.
2. *Айыжы Е. В.* Категория «возраст» и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5–2 (112). С. 415–421.
3. *Бакаева Э. П., Гучинова Э. Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала у калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение РАН, 1992. С. 89–100.
4. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1991.
5. *Бутанаев В. Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Сборник: Традиционное воспитание детей у народов Сибири Ленинград, 1988. С. 206–221.
6. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Ист.-этногр. очерки. М.: Вост. лит., 1961.
7. *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006.
8. *Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию // За пятьдесят лет : в 3 т. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. 1934. Т. 3.
9. *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001.
10. *Кустова Ю. Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 160 с.
11. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883.
12. *Потанина А. В.* Рассказы о бурятах, их вере и обычаях с 14 рисунками. 2-е изд. М., 1912.
13. *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
14. *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.

ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ МОЛОДЕЖИ НА ПРОБЛЕМУ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Мурашева С. В., Орел (Россия)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей взглядов молодежи на проблему межнационального взаимодействия (на примере Орловской области). Автор уделяет особое внимание исследованию отношения молодежи к проблемам (конфликтам), связанным с национальной принадлежностью. В статье представлены результаты изучения вопросов преодоления напряженности и конфликтности межнационального взаимодействия. Исследование было проведено в рамках работы лаборатории миграционных и межэтнических конфликтов Учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов, функционирующего на социальном факультете в Орловском государственном университете им. И. С. Тургенева. Автор статьи акцентирует внимание на том, что причинами межнациональных конфликтов являются религиозные различия, личная неприязнь в отношениях людей различных национальностей. В качестве основных мер, которые могут быть использованы для профилактики межнациональных конфликтов, выступает усиление образовательной и воспитательной деятельности школ и вузов, направленной на формирование межэтнической толерантности, знакомство с культурой и традициями других народов.

Ключевые слова: социализация молодежи, межнациональное взаимодействие, межнациональные конфликты, национальная принадлежность, межэтническая толерантность, межнациональное общение

PARTICULARITIES OF YOUNG PEOPLE'S VIEWS ON THE PROBLEM OF INTER-ETHNIC INTERACTION

Murasheva S. V., Oryol (Russia)

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of young people's views on the problem of interethnic interaction (on the example of the Oryol region). The author pays special attention to the research of young people's attitude to the problems (conflicts) related to their nationality. The article presents the results of the study on overcoming the tension and conflict of interethnic interaction. The research was conducted within the framework of the work of the laboratory of migration and interethnic conflicts of the Educational and Research-Practical Center of Conflict Resolution functioning at the social faculty in I. S. Turgenev Oryol State University. The author of the article focuses on the fact that the causes of inter-ethnic conflicts are religious differences and personal dislike in the relations of people of different nationalities. The main measures that can be used to

prevent inter-ethnic conflicts include strengthening educational and upbringing activities at schools and universities aimed at forming inter-ethnic tolerance and introducing the culture and traditions of other peoples.

Keywords: *youth socialization, inter-ethnic interaction, inter-ethnic conflicts, ethnicity, inter-ethnic tolerance, inter-ethnic communication*

Молодежь представляет собой определенную возрастную категорию, у которой социализация проходит достаточно сложно и неоднозначно. Приспособление к определенным условиям жизни в обществе не всегда реализуется успешно. Иногда оно содержит в себе негативный деструктивный потенциал, который может способствовать возникновению различного рода конфликтов. В молодежной среде часто происходит взаимодействие представителей различных национальных и этнических групп. Это, в свою очередь, может спровоцировать напряженность и агрессию, в том числе и межнациональную. Такая ситуация не может оставить никого равнодушным, потому что подобные проблемы – это потенциальные источники более серьезных последствий, таких как стрессовые и депрессивные состояния, попытки суицида, повышение уровня преступности, алкогольной и психотропной зависимости.

В научной литературе, посвященной проблемам взаимодействия в молодежной среде, много внимания уделяется профилактике конфликтного поведения юношей и девушек. Особенную обеспокоенность вызывают конфликты лидерства. Они, как правило, сопровождаются проявлениями превосходства, цинизма и жестокости. Кроме того, такого рода конфликты часто являются единственной возможностью для самоутверждения молодых людей. В большинстве случаев можно наблюдать столкновения с представителями других национальных и этнических групп.

По мнению исследователя Э. А. Позднякова, «на ранних этапах социализации агрессия у молодежи может возникнуть случайно, но при успешном достижении цели агрессивным способом появится стремление вновь использовать ее для выхода из сложных и напряженных ситуаций. Неосознанная внушаемость и осознанный конформизм обуславливают борьбу за лидерство как межгрупповой конфликт. Результатом такого конфликта может стать преступная деятельность, мотивами которой будут солидарность, подверженность групповому влиянию, самоутверждение» [2, с. 7].

В рамках лаборатории миграционных и межэтнических конфликтов Учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов, функционирующего на социальном факультете в

Орловском государственном университете имени И. С. Тургенева, было проведено изучение состояния межнационального взаимодействия в молодежной среде. В исследовании приняли участие 40 студентов орловских вузов (20 девушек, и 20 юношей) в возрасте от 17 до 19 лет. Они являлись представителями различных национальностей: русские, украинцы, армяне, белорусы, азербайджанцы.

Основным методом сбора первичной информации был избран анкетный опрос. Разработанная анкета включала вопросы, направленные на изучение следующих аспектов проблемы:

представлений молодежи об источниках и причинах межнациональной напряженности и факторах, способствующих возникновению межнациональных конфликтов в молодежной среде;

отношения испытуемых к представителям других национальных групп, традициям и культуре других народов;

отношения молодежи к проблемам (конфликтам), возникающим на основе национальной принадлежности.

Анализ результатов анкетного опроса позволил достаточно четко оценить представления испытуемых о характере межнационального взаимодействия и определить их основные черты, а также частоту возникновения конфликтов и проблем, связанных с национальной принадлежностью.

Анализ полученных данных позволил установить, что больше половины респондентов (57%) оценивают межнациональное взаимодействие как вполне конструктивное. Они отмечают, что при межличностном общении не обращают внимания на национальную принадлежность друг друга. 28% респондентов характеризуют межнациональные отношения как спокойные, но, в то же время, замечают, что люди общаются преимущественно с представителями своей национальной или этнической группы. Небольшая часть респондентов (15%) указывает, что в отношениях существует некоторая напряженность, оказывающая незначительное влияние на отношения респондентов.

В целом межнациональное взаимодействие можно охарактеризовать как благоприятное. Но это совершенно не свидетельствует о том, что никаких проблем между представителями этнических и национальных групп не возникает. В большинстве случаев люди становятся участниками различного рода столкновений, которые негативно отражаются на их социальном взаимодействии. Такие данные лишний раз подчеркивают необходимость исследования специфики межнационального взаимодействия. Это поможет в

дальнейшем использовать полученные данные для предупреждения возникновения межэтнической напряженности и т. д.

В рамках проводимого исследования необходимо было установить наличие у анкетированных студентов конфликтов и проблем с окружающими людьми из-за их национальной принадлежности. У 52,5% респондентов никогда не было межличностных конфликтов, связанных с национальной принадлежностью, однако, значительная доля опрошенных (43%) заявили о существовании проблем и конфликтов с окружающими.

Респондентам также был задан вопрос, который касался случаев ущемления их прав в связи с национальной принадлежностью в межличностном общении, при трудоустройстве на работу и появления в связи с этим чувства обиды. В результате были получены данные, характеризующие ущемление прав из-за принадлежности к определенной национальности у 30% респондентов. Высокая доля опрошенных респондентов – около 27% довольно часто или иногда испытывали чувство обиды из-за национальной принадлежности. Это можно объяснить общением анкетированных с агрессивно настроенными людьми, имеющими националистические взгляды.

Перечень причин возникновения межнациональной напряженности, который выделили респонденты, был достаточно внушительным. Опрошенные студенты считают, что причинами межнациональных конфликтов являются:

религиозные различия (75%);

личная неприязнь в отношении людей различных национальностей (68%);

недостаточное внимание, уделяемое органами власти решению межэтнических вопросов (55%);

несовместимые нормы и правила поведения представителей различных этнических групп (33%);

агрессивность в межгрупповых отношениях, конфликтное поведение молодых людей (28%) и др. [1, с. 93]

По мнению опрошенных, в качестве объективных факторов, влияющих на возникновение межнациональной напряженности, можно выделить:

агрессивное поведение этнических мигрантов, которых достаточно много в регионах Российской Федерации (50%);

активность и стремление преобразовать окружающую действительность у молодежи (48%);

пассивность органов государственной и местной власти в сфере организации межнациональных отношений и профилактики конфликтов (33%);

наличие националистических тенденций в молодежной среде (15%) и др.

Участники анкетирования выделили следующие основные препятствия, которые, по их мнению, не позволяют успешно предупреждать и регулировать межнациональные конфликты:

отсутствие установок терпимости у людей разных национальностей по отношению друг к другу (68%);

низкий уровень культуры межнационального общения (53%);

стремление сторон действовать исходя только из своих интересов, целей, потребностей (33%) и др.

Перед респондентами в ходе исследования была поставлена задача – предложить варианты действий, реализация которых региональной исполнительной властью позволила бы конструктивно построить межнациональные отношения. Необходимыми мерами для сохранения благоприятной межэтнической обстановки и предотвращения межнациональных конфликтов респонденты считают:

усиление образовательной и воспитательной деятельности школ и вузов, направленной на формирование межэтнической толерантности, общительности (58%);

формирование защищенности мигрантов в правовой и социальной области (28%);

информирование местного населения и мигрантов об особенностях культуры, традиций и обычаев других народов (28%). Для установления дружеских межнациональных отношений необходимо развивать у сторон желание узнавать культуру своих оппонентов.

доброжелательное отношение друг к другу (15%).

42% опрошенных в ходе исследования подчеркнули, что для предотвращения межнациональных конфликтов необходимо заботиться о повышении уровня и качества жизни населения, создавать дополнительные рабочие места, контролировать размеры безработицы и потоки миграции граждан, применять меры, направленные на профилактику дискриминации по половому, возрастному, гендерному и другим признакам.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в целом межнациональное взаимодействие в молодежной среде можно охарактеризовать как благоприятное. У большинства респондентов

никогда не было межличностных конфликтов, связанных с национальной принадлежностью.

Большая часть респондентов считают, что причинами межнациональных конфликтов являются различия в религиозных взглядах, личная неприязнь в отношениях людей различных национальностей, недостаточное внимание органов власти к решению межэтнических проблем и противоречий, противоречивые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп, агрессивность и напряженность в межгрупповых отношениях, конфликтное поведение молодых людей.

К основным источникам и предпосылкам межнациональной напряженности можно отнести увеличение численности этнических мигрантов в регионах Российской Федерации, вызывающее и провоцирующее поведение переселенцев и местных жителей, психологические особенности молодого возраста, малоэффективную деятельность в области межнациональных отношений органов государственной и местной власти, рост настроений националистического характера у молодежи.

По мнению респондентов, существуют определенные препятствия на пути успешного предупреждения и регулирования межнациональных конфликтов. В качестве таких барьеров можно выделить отсутствие толерантных установок у людей разных национальностей по отношению друг к другу, низкий уровень культуры межнационального общения, стремление сторон действовать исходя только из собственных интересов, целей и потребностей.

Необходимыми мерами по сохранению благоприятной межэтнической обстановки и предотвращению межнациональных конфликтов респонденты считают усиление образовательной и воспитательной деятельности, направленной на формирование межэтнической толерантности, развитие психологической устойчивости, знакомство с культурой и традициями других народов, организацию совместных мероприятий.

Литература

1. *Мурашева С. В.* Факторы и условия формирования межэтнического взаимодействия // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 5. Ч. 1. Барнаул: «Новый формат», 2017. С. 91–96.
2. *Поздняков Э. А.* Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994. 267 с.

АЛТАЙСКО-КЫРГЫЗСКИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Назаров И. И., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Аннотация. В публикации приводятся основные сведения о работе Международной этнографической экспедиции в Кыргызской Республике в 2021 и 2022 гг. Экспедиция объединила российских и кыргызстанских этнологов, которые последовательно обследовали в течение двух сезонов населенные пункты Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областей для изучения современного состояния хозяйства и культуры кыргызов. В ходе экспедиционных работ была отмечена высокая сохранность системы традиционного скотоводческого хозяйства и связанных с ним ремесел и явлений материальной и духовной культуры. Собранные материалы позволяют конкретизировать этногенетические связи кыргызов со скотоводческими народами Алтая и других регионов Южной Сибири.

Ключевые слова: этнография, этнографическая экспедиция, Кыргызстан, кыргызы, традиционная культура, скотоводство, традиционное жилище, ремесла, алтайцы

ALTAI-KYRGYZ ETHNOGENETIC TIES AND ETHNOCULTURAL CONTACTS AS AN OBJECT OF STUDY OF THE INTERNATIONAL ETHNOGRAPHIC EXPEDITION «GREAT ALTAI»

Nazarov I. I., Barnaul (Russia)

Abstract. The publication provides basic information about the work of the International Ethnographic Expedition in the Kyrgyz Republic in 2021 and 2022. The expedition brought together Russian and Kyrgyz ethnologists who successively examined the settlements of the Issyk-Kul, Naryn and Osh regions for two seasons to study the current state of the economy and culture of the Kyrgyz. In the course of the expedition work, a high level of preservation of the system of traditional pastoral farming and related crafts and phenomena of material and spiritual culture was noted. The collected materials allow us to specify the ethnogenetic ties of the Kyrgyz with the pastoral peoples of Altai and other regions of Southern Siberia.

Keywords: ethnography, ethnographic expedition, Kyrgyzstan, Kyrgyz, traditional culture, cattle breeding, traditional dwelling, crafts, Altaians

Одним из успешных воплощений научного сотрудничества ученых этнологов из России и Кыргызстана за последние годы может считаться проект по экспедиционному изучению хозяйства и культуры кыргызов, проживающих в разных регионах Кыргызской Республики. Сформированная в 2021 году международная этнографическая экспедиция под названием «Большой Алтай: Россия–Кыргызстан, 2021» была поддержана Алтайским государственным университетом, Кыргызским национальным университетом им Ж.Баласагына, Институтом истории, археологии и этнологии им Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. В экспедиционное исследование включились целый ряд образовательных и музейных организаций Кыргызстана. Всего же в экспедиции приняли участие 20 ученых, представляющих 12 различных организаций России и Кыргызстана. В 2022 году международный экспедиционный проект под названием «От Алтая до Чон-Алая» был поддержан Ошским государственным университетом, Алтайским государственным университетом и Кыргызским национальным университетом им. Ж.Баласагына. Этнографическое обследование было проведено летом 2022 года в высокогорном Чон-Алайском районе Ошской области. В исследовании приняли участие 20 специалистов из шести российских и кыргызстанских организаций.

Совместный экспедиционный проект в течение двух лет работы главной своей целью имел выявление алтайско-кыргызских этнографических параллелей как результата евразийского единства и этногенетических связей тюркских народов Большого Алтая и Центральной Азии. В рамках экспедиционных работ учеными решался ряд научных и организационных задач, в том числе: интеграция научного потенциала российской и кыргызстанской этнологической науки; изучение традиционных и современных ремесел, декоративно-прикладного искусства и арт-практик Кыргызстана; фиксация этнографическими методами сохранившихся элементов традиционной скотоводческой культуры и т. д.

Общее руководство экспедицией в 2021 году осуществлял директор института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент Иван Иванович Назаров. В 2022 году работу экспедиционного отряда возглавил старший преподаватель Ошского государственного университета Тажибай Акматович Айтбаев.

В обследованных местностях – населенных пунктах и скотоводческих стоянках Кыргызстана в Иссык-Кульской, Нарынской и

Ошской областях наблюдается высокая сохранность явлений традиционной скотоводческой культуры. Вместе с тем скотоводство в высокогорных районах Памиро-Алая, в частности в Чон-Алайском районе Ошской области, и в наши дни отличается большей традиционностью и наличием архаичных форм хозяйства и культуры. Разведением различных пород скота (овец, лошадей, котов и яков) и сейчас заняты многие кыргызские семьи. На высокогорных летних пастбищах – *джайлоо*, таких, например, как на озере Сон-Коль в Нарынском районе, или на джайлоо Чолок-Кайен в Чон-Алайском районе сегодня можно наблюдать традиционные способы содержания скота, а также сопутствующие скотоводческому укладу явления культуры жизнеобеспечения: переносное жилище юрта (*боз уй*) с традиционным для кочевников интерьером жилища, переработку мясной и молочной продукции, устойчивый набор высококалорийных мясных и молочных блюд и т. д.

Высокое значение скотоводства в жизни кыргызского населения предопределило устойчивость развития традиционных ремесел, таких, например, как производство и использование юрт и войлоков. Во всех населенных пунктах, где осуществляла свою работу в течение двух полевых сезонов экспедиция, зафиксированы хорошо сохранившиеся традиции изготовления войлока и традиционных войлочных изделий: ковров с аппликациями (*ала-кийиз*) и вышитых мозаичных ковров (*шырдак*), а также ворсовое ткачество с производством ковров.

Большие стада мелкого рогатого скота становятся источником для получения больших объемов шерсти. Современные кыргызские мастерицы успешно воспроизводят традиционные виды войлочных и шерстяных изделий, а также создают новые виды декоративных изделий на продажу: дамские сумочки, различные украшения, футляры для телефонов, куклы и т. д.

Крупным ремесленным центром, специализирующемся на производстве юрт и ее компонентов, может считаться село Кызыл-Туу, расположенное в Тонском районе Иссык-Кульской области Кыргызстана. Практически все население этого села задействовано в изготовлении деревянных частей юрты, плетении циновки и тесьмы, производстве войлочной pokrышки, ковров и других элементов кочевого жилища. Аналогичные ремесленные центры, уступающие Кызыл-Туу лишь по количеству задействованных мастеров, имеются также в г. Каракол, а также в селах Чон-Алтайского района Ошской области.

Во время экспедиции удалось собрать новые сведения о современной родовой структуре кыргызов (*«санжыра»*). В процессе

сравнительно-сопоставительного анализа выявили, что более половины названий кыргызских родов встречается среди современных алтайцев, которые подтвердили этногенетические связи с алтайцами. Важным научным открытием экспедиции 2022 года стало выявление в Чон-Алтайском районе родового подразделения *чогорок*. Первые упоминания об этом племени встречаются в письменных источниках XVI века, но до настоящего времени не было четких представлений о локализации этой группы, которая исторически проживала в районе Памиро-Алтая и вошла со временем в группу кыргызских родов под общим названием *тейит*. Экспедиция не только зафиксировала представителей данной группы кыргызов, но и локализовала районы ее проживания в Чон-Алайском районе Ошской области.

Как уже было отмечено выше, международная этнографическая экспедиция имеет общую главную цель – выявление алтайско-кыргызских этнографических связей. Эта тематика в настоящем актуальна для современной кыргызстанской этнологической науки, которая движется в этногенетическом русле. В рамках исследования культурогенеза, кыргызстанские историки осуществляют на основе этнографических сведений поиски истоков традиционной культуры кыргызов. В рамках двух полевых сезонов членами экспедиции выявлен большой объем сведений из области материальной и духовной культуры кыргызов, позволяющих явственно обозначить исторические и современные связи этого народа с другими тюркскими народами Центральной Азии, но более всего, с народами Южной Сибири – алтайцами.

Собранные в рамках первого и второго года работы международной этнографической экспедиции в Кыргызстане материалы, отражающие этнокультурные связи кыргызов с народами Южной Сибири, послужат основой коллективной научной монографии, в работу над которой включились члены экспедиции.

Литература

1. Назаров И. И., Бикбулатова А. Р. О работе первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызской Республике // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение 2020–2021: Сборник научных трудов. Под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина, Н. С. Грибановой, Н. Н. Головченко. - Барнаул, 2021. С. 238–243.
2. Асанканов А. А., Октябрьская И. В., Назаров И. И. Об итогах первой международной этнографической экспедиции

- «Большой Алтай: Россия – Кыргызстан, 2021» // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II международного алтаистического форума. Барнаул, 2021. С. 58–62.
3. Информационный буклет «Международная этнографическая экспедиция “Большой Алтай: Россия – Кыргызстан, 2021”» / сост. И. И. Назаров. Барнаул, 2022.

РОССИЯ В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ – ПОИСК СОЛИДАРНЫХ ПРОГНОЗНЫХ ОЦЕНОК ИЛИ ПОИСК ИДЕАЛА?

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31459 «Гражданская идентичность и конструирование образа будущего России: ценностные разрывы и солидарность поколений, а также в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. При подготовке статьи использованы материалы экспертного опроса, проведенного в рамках комплексного исследования в четырех регионах (Алтайский и Хабаровский край, Калининградская и Воронежская область) российского приграничья, в котором приняли участие эксперты – представители органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, научной и педагогической общественности регионов (n = 71 эксперт). В ходе исследования экспертов просили сконструировать два образа страны – образ России в настоящем и России в будущем. Границы прогнозируемого будущего определены во временном интервале 35 – 40 лет. В ходе анализа рассмотрены не только ключевые ядерных характеристики образа России в настоящем и будущем, но и проведена оценка их динамики. Отмечено, что будущее страны будет связано с преодолением имеющихся проблем социальной и экономической сферы, накопленных социально-демографических, идеологических и нравственных проблем общества. Более статичными в своей выраженности станут те компоненты, которые максимально выражены в образе России и на сегодняшний день.

Ключевые слова: образ России, эксперты, образ в настоящем и будущем, компоненты образа, оценки

RUSSIA IN THE PRESENT AND FUTURE – SEARCH FOR SOLIDARITY FORECASTS OR SEARCH FOR THE IDEAL?

Noyanzina O. E., Maximova S. G., Omelchenko D. A., Barnaul (Russia)

Abstract. *While preparing the article, we based on materials by expert questioning, realized during complex research in four Russian border territories (Altai and Khabarovsk krai, the Kaliningrad and Voronezh oblast). Experts presented bogies of legislative and executive government, local authorities, scientific and pedagogic communities (n = 71). During the research, experts were asked to construct two images of Russia – in the present and future, frameworks of forecasts – 35–40 years. Authors analyzed not only the core components of the country image in the present and future, but evaluated their dynamics. Noted, the future of Russia will be associates with the overcoming of social and economic problems, accumulated social-demographic, ideological, and moral problems of society. Components that are more evident and stronger in the image of Russia nowadays remain static in the future.*

Keywords: *image of Russia, experts, image in the present and future, components of the image, evaluations*

Предпосылки и цели исследования

Образ страны, государства, народа, нации – это один из ключевых элементов, определяющих особенности функционирования гражданской идентичности, это референтный маркер, относительного которого соразмеряется социальное поведение, сопоставляются жизненные стратегии и установки населения. Несмотря на преимущественно субъективный характер образа страны, он чаще всего ассоциируется с вполне конкретными историческими, общественно-политическими событиями, культурными символами и материальным историческим наследием, географическими объектами и ландшафтами, историческими и современными знаковыми персонами, конкретными достижениями, бытом и так далее. И в этом смысле субъективные и вполне объективные элементы образа страны находятся в постоянном диалектическом взаимодействии, определяя бытие индивида [2]. Вследствие этого взаимодействия, динамичности объективной реальности, переосмысления общемировой истории и фактов современности, образы современной страны становятся не менее динамичными и подвижными, меняются его визуальные и иные представления, а сам образ становится все более гибридным, в нем органично сплетаются как архаичные, так и современные постмодернистские элементы.

Образ страны играет существенную роль в формировании и функционировании общей системы целеполагания и идентификации личности, и, в конечном итоге, социального поведения индивида. В этом контексте важно понимать не только особенности конструирования и содержания образа страны, но и тенденции его трансформирования, уметь выявить и оценить факторы, приводящие к динамике состава ядерных элементов, а также формировать спектр ключевых акторов, способных управлять динамикой этих перемен.

В этом контексте важна оценка экспертного мнения, мнений лиц, включенных в общественно-политическую повестку страны, глубокое профессиональное изучение динамики общественных трансформаций. Уже более тридцати лет Россия переживает чередующие друг друга этапы общественно-политических и экономических, культурных трансформаций, характеризующихся фундаментальными изменениями общественной жизни. Такая ситуация сохраняет высокой уровень нестабильности и неопределенности в обществе, формирует необходимость постоянного переосмысления стратегических и жизненных целей и ориентиров, формирования перспектив развития на всех уровнях общественных отношений. Конечно же, это усиливает важность диагностирования ситуации и прогнозирования социальных изменений, одним из способов которых является технология экспертного опроса с элементами прогностического мониторинга, которая на сегодняшний день является одной из самых востребованных в подобного рода исследованиях [1].

Статистическая основа и методология исследования

При подготовке статьи использованы материалы экспертного опроса, проведенного в рамках комплексного исследования в четырех регионах российского приграничья, в котором приняли участие эксперты – представители органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, научной и педагогической общественности регионов ($n = 71$ эксперт). Эксперты аффилированы органам исполнительной власти и местного самоуправления Алтайского и Хабаровского краев, Калининградской и Воронежской области: агентства по делам молодежи, администрации муниципальных образований городских округов и муниципальных районов, сельских поселений, администрации и правительства краев и областей (включая их отделы и департаменты), министерства образования и науки всех четырех регионов, министерства социальной защиты населения, депутаты представительных органов власти краев и областей (законодательных собраний), окружных советов депутатов,

представители вузов (в том числе федеральных университетов). В общей выборке 40,8% экспертов представляют Хабаровский край, 21,1% – Воронежскую область, 23,9% – Хабаровский край, 14,1% – Алтайский край.

В ходе исследования экспертов просили сконструировать два образа – образ России в настоящем и России в будущем. Границы прогнозируемого будущего определены во временном интервале 35 – 40 лет. При определении временного «стратегического шлагбаума», оптимального, с одной стороны, в плане реалистичности прогноза экспертами, обоснованности в связи с текущими социально-экономическими и политическими процессами, а, с другой стороны, ожидаемым временем наступления эффекта «трансформации образа» в сознании как населения страны, так и внешних по отношению к государству игроков, мы ориентировались на данные исследований о динамике фундаментальных социальных трансформаций, а также принятых сроков определения на уровне стратегических документов страны периодов прогноза социально-экономического развития, разрабатываемых на период от 6 до 30 лет. Таким образом, период 35–40 лет достаточен для наступления эффектов долгосрочных сценариев и стратегий социально-экономического развития страны, которые в настоящее время формируются, с учетом того, что большинство предыдущих стратегических документов действовали на период до 2020 года или завершат свое действие в 2025 году, а сейчас идет процесс активного формирования и общественного обсуждения стратегических установок государства на будущие долгосрочные периоды.

С целью минимизации идеологических и ценностных суждений экспертов, их просили оценивать не целостные образы настоящего и конструируемого будущего образа России, а их отдельные компоненты как самостоятельные единицы смыслов, интегрирование и математическая интерпретация полученных оценок осуществлялась исследовательским коллективом. В качестве таких элементов использовались 36 характеристик, на основе которых конструируется образ России. Этот перечень сформирован на основе анализа данных ранее проведенных исследований как коллектива авторов, так и зарубежных и отечественных исследователей. Оценка проводилась на основе 10-балльной шкалы, где «1» маркировала минимальную выраженность характеристики, «10» – максимальную.

Основные результаты

Компоненты образа современной России были оценены экспертами в диапазоне средних оценок от 7,23 (защита национальных интересов и безопасности) до 4,1 балла (долголетие и активная старость). В топ-пять ядерных характеристик образа страны вошли те, которые описывают, скорее, внешнеполитический образ России – страны, имеющей определенные позиции и стратегию поведения на мировой арене: защита национальных интересов и безопасности (7,23), влияние на мировую экономику и политику (6,29), формирование независимой стратегии социально-экономического развития (6,26), авторитет в мире, уважение и поддержка со стороны других государств (6,23) и интеграция в мировое сообщество (6,17).

В оценках экспертов ключевым смысловым конструктом современной России является образ страны, имеющей независимую самостоятельную позицию в мировой политике, приоритетом которой является защита национальных интересов и безопасности, что формирует ее авторитет. Россия – это страна, формирующая собственную независимую социально-экономическую политику, но при этом сохраняющая интеграцию в мировое сообщество и поддерживающая дипломатические отношения со странами мира.

На уровне выше среднего (выше средней оценки в пять баллов) выражены элементы, общим смыслом которых является внутренняя политика государства, связанная с развитием научно-технологической, духовной и этнокультурной сферы и заинтересованностью в сохранении национальной безопасности и поддержании высокого уровня гражданственности, политической активности и социальной защищенности населения, малого и среднего бизнеса, а также адаптивного рынка труда: развитие науки и техники (5,91), реализация духовных потребностей (5,62), сохранение и преумножение культурного наследия (5,58), развитие детской и молодежной политики (5,35), незыблемость и гарантированность прав и свобод человека (5,26), развитие этнических культур народов (5,26), профессионализация армии (5,21), престиж и популярность военной службы по призыву (5,18), гражданская идентичность и гражданственность (5,15), эффективность законов (5,07), политическая активность населения (5,07), развитие малого и среднего бизнеса (5,07), формирование инклюзивного и адаптивного рынка труда (5,04), социальная защищенность граждан (5,02).

В группу наименее выраженных элементов образа России в настоящем вошли элементы, которые можно объединить идеей внутренних политико-идеологических установок государства,

связанных с формированием демократичного, толерантного, развитого гражданского общества, в котором живут сплоченные (в том числе разделяемой общенациональной идеей) граждане, которым гарантирована общественная безопасность, и главенствуют позитивные социальные настроения. Отдельные конструкты в этой группе характеристик сформировали элементы эффективной экономики, а также эффективной социальной сферы (систем образования и здравоохранения): сохранение особой российской ментальности (4,99), развитие и доступность образования (4,97), толерантность (4,94), развитие гражданского общества (4,89), общественная безопасность (4,87), солидарность и сплоченность граждан (4,78), демократические ценности (4,76), наличие четкой и разделяемой большинством населения национальной идеи (4,75), децентрализация экономики (4,72), укрепление отечественной валюты (4,70), социальная ответственность бизнеса (4,69), моральное состояние общества (4,67), низкий уровень коррупции во всех слоях общества (4,46), равные социальные возможности (4,40), развитие и доступность здравоохранения (4,25), устойчивое экономическое развитие (4,16), долголетие и активная старость (4,10).

Собственно говоря, такая композиций сконструированного образа современной России «обнажила» имеющиеся общесоциальные, политические и экономические проблемы страны. Сферы, наиболее «страдающие» от реализуемых социально-экономических и политических реформ, вызывающих в последние годы все больше негатива как со стороны профессионального сообщества, так и населения, отразились в тех характеристиках образа страны, которые наименее выражены. С учетом того, что формулировки, предложенные в инструментарии исследования, были сформулированы в позитивном ключе с позиций положительных коннотаций с Родиной, государством к которому принадлежат эксперты, можно предположить, что в русле негативных коннотаций данные характеристики выступают выраженными отрицательными элементами образа России. Поэтому, строго говоря, мы не можем утверждать о меньшем «вкладе» этих элементов в общий конструкт, а, скорее, более корректным было бы говорить о том, что образ современной страны состоит из положительно и отрицательно окрашенных конструктов, которые в совокупности формируют эмоциональное восприятие страны и государства как пространства смыслов, в котором реализуются жизненные стратегии и ценностные ориентиры современных россиян.

Образ будущей России сформирован на основе конструктов, максимально выраженным из которых стала защита национальных

интересов и национальной безопасности – на уровне 7,83 балла, а минимально выраженным – низкий уровень коррупции во всех слоях общества – на уровне 5,09 балла. Все предложенные к экспертному оцениванию элементы в будущем страны «нарастили» свой вес. Относительно максимального и минимального среднего значения средним уровнем выраженности выступает оценка в 6,46 балла.

К числу ключевых, наиболее ярко выраженных прогнозируемых конструкторов образа страны через 35–40 лет отнесены шесть элементов: защита национальных интересов и безопасности (7,83), формирование независимой стратегии социально-экономического развития (7,41), развитие науки и техники (7,40), авторитет в мире, уважение и поддержка со стороны других государств (7,37), интеграция в мировое сообщество (7,30), влияние на мировую экономику и политику (7,24). То есть эксперты прогнозируют не только сохранение, но усиление в будущем образе России характеристик независимого государства, отстаивающего независимую социально-экономическую политику, национальные интересы государства, интегрированного в общемировые процессы и сумевшего нарастить свой научно-технологический потенциал.

Выше среднего (выше 6,46 балла) будут выражены характеристики образа государства, обладающего профессиональной армией, развивающего детскую и молодежную политику, с приоритетами сохранения культурного наследия, правовых основ государства, сильной экономикой, образованием и здравоохранением, сильным гражданским обществом, активными и патриотично настроенными гражданами, обладающими особой ментальностью: профессионализация армии (6,98), сохранение и преумножение культурного наследия (6,91), развитие малого и среднего бизнеса (6,87), развитие детской и молодежной политики (6,85), формирование инклюзивного и адаптивного рынка труда (6,77), незыблемость и гарантированность прав и свобод человека (6,75), гражданская идентичность и гражданственность (6,71), общественная безопасность (6,65), децентрализация экономики (6,64), укрепление отечественной валюты (6,63), эффективность законов (6,60), развитие и доступность образования (6,55), развитие гражданского общества (6,50), политическая активность населения (6,49), развитие этнических культур народов (6,47), развитие и доступность здравоохранения (6,46), сохранение особой российской ментальности (6,46).

Несколько менее выраженными в будущем образе страны будут конструкторы, формирующие смыслы государства, в котором граждане социально защищены, готовы к защите государства в рамках службы по

призыву, где распространены позитивные социальные настроения, граждане солидарны и сплочены вокруг разделяемой национальной идеи, устойчиво развивается экономика, а граждане живут долго и активно, им созданы условия для равного выражения идей, взглядов, предпочтений и духовных потребностей: социальная защищенность граждан (6,45), престиж и популярность военной службы по призыву (6,44), моральное состояние общества (6,43), наличие четкой и разделяемой большинством населения национальной идеи (6,42), устойчивое экономическое развитие (6,39), солидарность и сплоченность граждан (6,30), социальная ответственность бизнеса (6,28), долголетие и активная старость (6,25), толерантность (6,24), реализация духовных потребностей (6,24), демократические ценности (6,22), равные социальные возможности (6,09), низкий уровень коррупции во всех слоях общества (5,90).

Таким образом, и в будущем, согласно прогнозам экспертов, в стране сохранятся проблемы в идеологической и политической внутренней работе государства по поддержке и обеспечению равенства и свободы граждан, тогда как, скорее, России удастся преодолеть системные проблемы социальной сферы, но, вероятно, одной из наиболее комплексных и сложных проблем российского общества останутся коррупция и практики коррупционного поведения, пронизывающие все слои общества (рисунок).

Можно обратить внимание на то, что, во-первых, значение ядерных конструктов в формировании целостного образа России в будущем существенно усилится. Во-вторых, эксперты считают, что период 35–40 лет не столь уж велик для коренной трансформации смыслового наполнения образа страны, и центральный набор конструктов в целом сохранится, и «слома» смыслов, закладываемых в образ, не произойдет. В-третьих, в будущем в числе задающих восприятие образа России смыслов «потеряет позиции» фактор влияния России на мировую и экономику и политику, уступив место в наборе ядерных элементов развитию науки и техники, технологическому и инновационному развитию, причем достижения страны в области научно-технологического развития займут третью позицию по выраженности в наборе центральных смыслообразующих конструктов.

На основе оценок экспертов можно выделить элементы общего конструкта образа России, которые существенно «усилится» в образе страны в обозримом будущем. Так, в наибольшей степени эксперты прогнозируют усиление значимости, выраженности при конструировании образа России следующего элемента: «устойчивое

экономическое развитие» (2,23), то есть эксперты уверены, что в будущем России удастся преодолеть большинство социально-экономических проблем. Так, увеличение средней оценки выраженности более, чем на два балла произошло в отношении элементов: развитие и доступность здравоохранения (2,21), долголетие и активная старость (2,15). Среди конструкторов, наиболее стабильных в общем образе России оказались (динамика менее 1 балла): влияние на мировую экономику и политику (0,95), реализация духовных потребностей (0,62) и защита национальных интересов и безопасности (0,6). Динамика средних значений прочих конструкторов представлена на рисунке ниже.

Полученные данные подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что эксперты исходили из деления компонентов образа России на имеющие позитивные и негативные коннотации и несущие смысловую нагрузку, но при этом в равной степени значимых, однако в разной степени соответствующих «идеально позитивному» состоянию. Поэтому будущее страны будет связано с преодолением имеющихся проблем социальной и экономической сферы, накопленных социально-демографических, идеологических и нравственных проблем общества. Более статичными в своей выраженности станут те компоненты, которые максимально выражены в образе России и на сегодняшний день, что свидетельствует о том, что эксперты склонны оценивать внешнюю политику страны по отстаиванию и защите национальных интересов государства последовательной, устойчивой, и, по-видимому, эффективной, ее достижения будут сохраняться и укрепляться на протяжении последующих трех десятилетий.

Литература

1. Аналитический отчет Института социологии РАН «Российское общество – 2020: экспертный образ будущего» // Цикрон [сайт]. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/0f6/ESPM-2015_Rossiyskoe_obshestvo-2020%20ekspertniy_obraz_budushego_ov2.2c.pdf (дата обращения 20.02.2022).
2. Любимов Ю. В. Образ другого (восток в европейской традиции). Статья 1 // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-vostok-v-evropeyskoy-traditsii-statya-1> (дата обращения: 20.02.2022).

ОЦЕНКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Суртаева О. В., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация: В статье на основе данных экспертного опроса среди представителей религиозных организаций, представителей научной и педагогической общественности регионов (по 30 экспертов: Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Новосибирская область; n = 120 чел.) представлены предварительные оценки институциональных условий развития духовной безопасности.

Ключевые слова: духовность, институты, безопасность, духовная безопасность, оценка, экспертиза

EVALUATION OF INSTITUTIONAL CONDITIONS OF SPIRITUAL SECURITY OF BORDER REGIONS

Maximova S.G., Noyanzina O.E., Surtaeva O. V., Barnaul (Russia)

Abstract: Article present data of expert interviews among representatives of religious organizations, scientific and pedagogical community of regions (30 experts per region: Altai krai, Republic of Altai, Republic of Tyva, Novosibirsk oblast) about preliminary evaluations of institutional conditions of spiritual security in regions.

Keywords: spirituality, institutes, security, spiritual security, evaluation, expertise

Предпосылки и цели исследования

Духовная безопасность обеспечивает обществу стабильность, способность быть целостным и в своей устойчивости опираться на социокультурный капитал. Н.И. Самыгин [6], например, назвал духовную безопасность основой целостности общества, а духовно-нравственные ценности – «индикаторами жизнеспособности социума». В публичной практике риторика духовной безопасности возникла одновременно со стабилизацией экономических и политических процессов в российском обществе в начале XX века, в научной же среде как понятие «духовная безопасность» еще пока не имеет единого подхода к пониманию и интерпретации. Д.В. Зеркалов называет духовную безопасность системой «отношений между субъектами», обеспечивающей условия для созидания и здорового нравственного развития [3], А.С. Запесоцкий рассматривает духовную безопасность в

качестве некоего набора условий сохранности общества [2]. Теория риска предлагает рассматривать духовную безопасность как защищенность личности от внешних и внутренних угроз духовной сфере (см., например, У. Бек, Р. Яницкий), в неклассическом представлении – это некое состояние личности (общества), которое способно обеспечить нормальное функционирование и созидательно культурное развитие.

Можно рассматривать духовную безопасность и с позиции категории «опасность» («угроза»). Соответственно, любой кризис – с одной стороны – это следствие трансформаций, а, с другой – угроза духовной безопасности общества. Как показывает история, кризисные моменты в жизни общества, цивилизационные сломы, социальные перемены сопровождаются духовным упадком, ценностной аномией и существенными духовными потерями [5]. Поэтому духовная безопасность – это качественный маркер духовно-нравственного состояния общества, потенциала его «базовых целей», «баланса базовых целей и ценностей», социальных интересов, «функциональной согласованности социальных институтов, идеологии и культуры» [1].

В функциональном смысле, духовная безопасность – это (1) способность личности, общества или же государства сохранять и развивать (или созидать) духовную культуру, ее ценности и смыслы; (2) состояние защищенности интересов и потребностей личности, которые имеют смысложизненное (обеспечивают жизнь) значение; (3) система отношений между социальными субъектами, обеспечивающая наличие условий для духовной жизни и развития.

Исходя из этого теоретического предположения в рамках исследования нами проведена оценка институциональной среды духовной безопасности в четырех приграничных регионах Российской Федерации. Предваряя описание полученных результатов, отметим, что понятие «институциональная среда» также пока не получило окончательного теоретического оформления, и в самом упрощенном виде мы можем оценивать его как совокупность социальных институтов, в нашем случае – институтов, функциональном являющихся частью системы обеспечения духовной безопасности. В этом контексте, в частности, можно давать оценки эффективности институциональной среды, ее способности удовлетворить потребности человека, создавать необходимые для этого необходимые отношения, дать описание, например, социальных, материальных, духовных условий институциональной среды [4].

П.Н. Беспаленко отмечает, что следует иметь ввиду роль и функциональное значение духовной безопасности в системе

безопасности национальной, поэтому всегда важна оценка ее не только институциональных, но и политических аспектов. В своем диссертационном исследовании он доказал тождество процесса институционализации духовной безопасности в российском обществе и восстановления института национальной идеологии. Согласно его работам, рискогенный потенциал для процесса институционализации имеет распространение влияния нетрадиционных для России религиозных организаций, религиозного фундаментализма, массовой культуры на менталитет и мировоззрение населения, а стабилизирующими факторами институционализации выступают позитивизация образа государства, развитие гражданского общества, укрепление традиционных конфессий, недопущение сращения религиозных институтов с государственными структурами.

Целью данной статьи является представление результатов экспертной оценки институциональных условий развития духовной безопасности в четырех приграничных регионах России.

Статистическая основа и методология исследования

Представленные материалы базируются на данных проведенного в 2022 году экспертного опроса среди представителей религиозных организаций, научной и педагогической общественности регионов, направленного на оценку религиозной идентичности, религиозных практик и духовной безопасности в условиях приграничных регионов России. Опрос осуществлен в четырех приграничных регионах России, опрошено по 30 экспертов из региона (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Новосибирская область; n = 120 чел.).

В рамках оценки институциональных условий функционирования духовной безопасности экспертов - жителей приграничья просили провести оценку эффективности (достаточности) в их регионах проживания (1) социальных условий для сохранения и развития духовной безопасности, где использованы три утверждения: «В регионе имеются условия для удовлетворения духовных потребностей граждан в образовании, самореализации, творчестве, духовном развитии», «Образовательная система региона обеспечивает условия для духовного образования и воспитания молодежи» и «Реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии»; (2) внутри- и межконфессиональных условий, описываемых пятью утверждениями: «Все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами», «Взаимоотношения между религиями и конфессиями строятся на принципах взаимоуважения и

сотрудничества», «Религиозные организации, представляющие различные религии и конфессии, реализуют в регионе значимые социальные и просветительские проекты, проводят общественные мероприятия» и «Между конфессиями и религиями нет конфликтов, противостояния», «Традиционная церковь стремится к формированию, развитию деятельности в киберпространстве, переносит миссионерскую и культовую деятельность из реального социокультурного пространства в киберпространство»; и (3) и социально-политических условий в рамках оценки трех утверждения: «Граждане защищены от негативного влияния запрещенных сект, экстремистских организаций», «Руководство региона ведет открытый и публичный диалог с лидерами религиозных организаций» и «В регионе созданы условия для защиты духовных ценностей верующих, граждане имеют высокий уровень межрелигиозной толерантности».

Каждое из условий оценивалось на основе вопроса: «Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале насколько эффективно в Вашем регионе обеспечиваются условия для духовной безопасности?» и по 10-балльной шкале, где «1» - условие наименее выражено, «10» - условие максимально выражено. Впоследствии для удобства презентации данных ответы были агрегированы в три группы, маркирующие низкую выраженность условий (от 1 до 3 баллов), среднюю выраженность (оценки от 4 до 7 баллов) и высокую выраженность (оценки от 8 до 10 баллов) институциональных условий сохранения и развития духовной безопасности.

Основные результаты

Во всех регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности – каждое из условий экспертами оценено в среднем на уровне выше 6 баллов, обратим внимание, при диапазоне оценок в 9 баллов – от оценки в 1 балл и до 10 баллов, модальное значение оценок выраженности условий очень велико, а в отношении оценки эффективности реализации права на свободу вероисповедания и совести мода равна 10 баллам. Если обратиться к анализу средних оценок, наиболее выраженным является, как уже отмечено, право на реализацию свободы совести и вероисповедания ($m = 8,64$), на второй позиции – выраженные позитивные отношения (бесконфликтные) между представителями разных конфессий в регионе ($m = 8,0$, $M = 9,0$). На третьей позиции по выраженности – маркер межконфессиональных отношений – взаимоуважительные отношения между конфессиями ($m = 7,81$, $M = 9,0$) и позитивные государственно-конфессиональные взаимодействия (диалог государства и

религиозных лидеров) ($m = 7,6$, $M = 8,5$), открытость религиозных организаций ($m = 7,54$, $M = 8,0$) и защищенность духовной сферы жизни и ее ценностей ($m = 7,26$, $M = 8,0$), в блок высоко выраженных условий можно отнести и развитость социально значимой проектной деятельности религиозных организаций ($m = 7,23$, $M = 8,0$).

Несколько менее выраженными, но, вместе с тем, выше среднего, стали такие условия как: совокупность региональных условий для удовлетворения духовных потребностей граждан в образовании, самореализации, творчестве, духовном развитии ($m = 6,98$, $M = 8,0$), защищенность населения от деструктивного влияния религиозно мотивированных личностей и организаций ($m = 6,43$, $M = 7,0$), деятельность традиционной церкви в киберпространстве ($m = 6,32$, $M = 6,0$) и способность образовательной системы региона обеспечивать условия для духовного образования и воспитания молодежи ($m = 6,1$, $M = 6,0$).

Рассмотрим более подробно выраженность этих трех групп условий в оценках экспертов. Так, наибольшая доля высоких оценок экспертов (от 8 до 10 баллов) – 78% присвоена возможности граждан реализовать свое право на свободу совести и вероисповедания, включая отказ от религии, только 1,2% экспертов присвоили данному параметру оценки в диапазоне от 1 до 3 баллов., мнения в отношении наличия возможности удовлетворять духовные потребности в образовании, творчестве и самореализации скорее распределились между средними и высокими оценками – первые присвоили 39,8% экспертов, вторые – 49,4%, а десятая часть экспертов дали низкие оценки. Что касается таких возможностей в рамках образовательной системы, то здесь зафиксирована почти пятая часть низких оценок – 19,8%, большинство оценок сместились в средние диапазоны – 44,4%, а 35,8% давали высокие оценки.

Что касается выраженности условий пространства межконфессионального диалога и деятельности религиозных организаций, то наименьшая доля высоких оценок получена в отношении развития деятельности традиционных церквей в виртуальном пространстве (35,8%), в данном случае преобладают средние оценки (49,4%) и самая высокая доля низких оценок – 14,8%. В большинстве случаев высоко оценено отсутствие межконфессиональных конфликтов (70,7%) и наличие взаимоуважительного диалога и сотрудничества конфессий (66,7%), а несколько реже высоко оценивались такие условия как открытость деятельности церквей (54,9%) и развитость их социально значимой

деятельности (51,2%), хотя и в данном случае оценки смешены к полюсу высоких значений.

Что касается параметров, в большей степени отражающих защищенности духовной жизни населения, то в реже прочих высоко оценивалась защищенность населения от деструктивного влияния сект, экстремистских течений и идей, здесь преобладают средние оценки – 46,3% и довольно высока доля оценок низкого диапазона – 14,6%. В целом же сформированные в приграничье условия для защиты духовных ценностей и оценка диалога государства и религиозных лидеров, по мнению экспертов, довольно очевидно выражены в четырех приграничных регионах.

Можно отметить следующее: в Новосибирской области оценка защищенности населения от экстремистских и деструктивных идей не получила ни одной оценки эксперта, равной 10 баллам, тогда как по многим параметрам оценки эксперты не смещали свои мнения в низкие диапазоны. Например, минимальной оценкой для открытости деятельности религиозных организаций в Алтайском крае и Республике Тыва стала 5 баллов (в Новосибирской области – 4 балла), реализации права на свободу совести и вероисповедания – в Алтайском крае – 7 баллов, Новосибирской области и Республике Тыва – 5 баллов. В Республике Тыва очень высоки оценки диалога между государством и религиозными лидерами (минимальная оценка – 4 балла) и социальных проектов религиозных организаций (минимальная оценка 5 баллов).

В разрезе условий духовной безопасности:

«В регионе имеются условия для удовлетворения духовных потребностей граждан в образовании, самореализации, творчестве, духовном развитии» - максимальные оценки экспертов получены в Республике - 7,13 балла, минимальные – в Республике Тыва – 6,56 балла;

«Образовательная система региона обеспечивает условия для духовного образования и воспитания молодежи» - максимальные в Республике Тыва ($m = 6,88$), минимальные в Алтайском крае ($m = 5,53$);

«Реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии»: в Алтайском крае средняя оценка составила 9,53 балла, а в Республике Алтай - 7,61 балла;

оценки условия «Все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами» варьируют от 8,13 баллов в Республике Тыва до 6,75 баллов в Республике Алтай;

«Взаимоотношения между религиями и конфессиями строятся на принципах взаимоуважения и сотрудничества» - от средней оценки

8,38 в Республике Тыва до 7,59 в Новосибирской области и Республике Алтай;

«Религиозные организации, представляющие различные религии и конфессии, реализуют в регионе значимые социальные и просветительские проекты, проводят общественные мероприятия» - от 7,88 баллов в Республике Тывы до 6,79 баллов в Алтайском крае;

«Между конфессиями и религиями нет конфликтов, противостояния» - от 8,31 балла в Республике Тыва до 7,57 балла в Республике Алтай;

«Традиционная церковь стремится к формированию, развитию деятельности в киберпространстве, переносит миссионерскую и культовую деятельность из реального социокультурного пространства в киберпространство» - от средней оценки в 7,07 балла в Республике Тывы до 5,82 балла в Республике Алтай;

«Граждане защищены от негативного влияния запрещенных сект, экстремистских организаций» - от 7,63 балла в Республике Тыва до 6,0 в Новосибирской области;

«Руководство региона ведет открытый и публичный диалог с лидерами религиозных организаций» - от 8,31 балла в Республике Тыва до 6,59 в Алтайском крае;

«В регионе созданы условия для защиты духовных ценностей верующих, граждане имеют высокий уровень межрелигиозной толерантности» от 7,56 балла в Республике Тыва до 7,05 балла в Алтайском крае.

При в целом благоприятной обстановке в сфере духовной безопасности всех приграничных регионов, наиболее высокие оценки выраженности этих условий получены в Республике Тыва, большинство смещённых к полюсу низких оценок зафиксировано в Республике Алтай, тогда как, по мнению экспертов, население Новосибирской области в большей степени подвержено рискам увлечения экстремистскими и деструктивными религиозными идеями, а в Алтайском крае следует обратить внимание не недостатки диалога между религиозными лидерами и государственными структурами.

Лучше понять содержание региональных моделей институционализации духовной безопасности поможет поиск латентных структур, определяющих оценки условий для развития и сохранения духовно-нравственной сферы жизни общества, индивидов и их групп. С этой целью на региональных выборках были реализованы процедуры факторного анализа, причем отметим, что структура смыслов институциональных условий для развития духовной безопасности в Республике Алтай монолитна, в ней все выделенные

переменные оказались высококоррелирующими друг с другом. Для трех приграничных регионов выделены значимые факторы, причем для Алтайского края сформированы три фактора, для Новосибирской области и Республики Тыва – по два фактора, сформированных группами переменных.

Факторная матрица для Алтайского края описывает в совокупности 82,1% общей дисперсии переменных. Первый фактор ($\lambda = 5,3, 48\%$) в большей степени и с высокими факторными нагрузками описывает существующие параметры межконфессионального диалога и государственно-конфессиональных отношений, второй фактор – ($\lambda = 1,6 14,8\%$) – описывает условия, в которых реализует право на свободу духовного выбора и открытость религиозных организаций для общества, в третий фактор ($\lambda = 1,3, 12,2\%$) сформирован единственной переменной, описывающей риски деструктивного влияния на сферу духовной жизни. Для Новосибирской области (матрица описывает 80,6% дисперсии) смысл первого фактора ($\lambda = 6,5, 59,5\%$) определяется практически всей совокупностью взаимоувязанных условий за исключением открытости религиозных организаций и защищенности права на свободный духовный выбор, которые вошли в структуру второго фактора ($\lambda = 1,4, 12,3\%$). В Республике Тыва (матрица описывает 80,5% дисперсии переменных) схожа структура сформированных латентных факторов, однако факторные нагрузки вошедших в первый фактор переменных выше ($\lambda = 6,5, 59,1\%$), а во второй фактор, помимо открытости деятельности религиозных организаций, вошли ($\lambda = 1,4 12,3\%$) созданные в регионе условия свободной самореализации и духовного творчества.

Таким образом, на основе предварительного анализа полученных данных, мы увидели, что в четырех приграничных регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности – каждое из условий экспертами оценено в среднем на уровне выше 6 баллов. Наиболее выраженной является свобода граждан - совести и вероисповедания, в целом благоприятный градус межконфессиональных отношений, а также вполне гармоничные взаимодействия между государством и религиозными объединениями.

Что касается духовной безопасности как таковой, то ее ресурсы и источники вполне защищены, однако факты деструктивного влияния новых религиозных течений и экстремистских идей осознаются и фиксируются экспертами, причем признается подверженность и слабая защищенность населения именно в данном контексте. Особенно выраженными такие угрозы являются в Новосибирской области.

Отметим, что сегодня церковь в России вполне открыта и современна, хоть пока недостаточно, но уже ведет диалог с окормляемым населением в виртуальном пространстве, взаимодействует в конструктивном ключе с представителями традиционных конфессий. Государство, в свою очередь, ведет диалог с традиционной церковью.

Литература

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения. Дисс... док. полит, наук. Ростов-на-Дону, 2009. 260 с.
2. Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 8.
3. Зеркалов Д. В. Духовная безопасность: монография. Киев, 2012. -С. 4.
4. Кондратов М. В., Гарипов Р.И. Теоретические подходы к понятию «институциональная среда» // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-9. С. 1908-1911.
5. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. - С. 28.
6. Самыгин С. И., Верещагина А. В. Духовная безопасность России как основа российской государственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 56.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.

Ожиганов А. Н., Барнаул (Россия)

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проект №21-011-44027) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация: В середине 1960-х – середине 1970-х гг. отмечается определенная либерализация государственно-конфессиональных отношений. При этом сохранялся контроль со стороны органов власти за деятельностью религиозных общин, а также проведение атеистической пропаганды. На основе анализа постановлений ЦК КПСС и местных партийных органов, материалов Национального архива Республики Хакасия в работе рассматриваются некоторые аспекты проведения атеистической пропаганды в Хакасской автономной области Красноярского края. В Хакасии, как и в целом в СССР, в атеистической пропаганде большую роль играли пропагандистские мероприятия, в которых делался акцент на распространение научных знаний. Важное место в организации и проведении атеистической работы в регионе сыграла Хакасская областная организации Всесоюзного общества «Знание». Несмотря на проведенные мероприятия, которые имели не только сугубо атеистическую, но еще и просветительскую задачу, полностью искоренить религиозные взгляды в регионе не удалось.

Ключевые слова: атеистическая пропаганда, Хакасия, советский период, общество «Знание»

TO THE PROBLEM OF STUDYING SOME DIRECTIONS OF ATHEISTIC
PROPAGANDA IN KHAKASSIA IN THE MID 1960S - THE FIRST HALF OF THE
1970S

Ozhiganov A. N., Barnaul (Russia)

Abstract: In the mid 1960-s – mid 1970-s. there was a certain liberalization of state-confessional relations. At the same time, authorities maintained control over the activities of religious communities, as well as conducted atheistic propaganda. Based on the analysis of the resolutions of the Central Committee of the CPSU and local party bodies, materials of the National Archives of the Republic of Khakassia, the paper discusses some aspects of atheistic propaganda in the Khakas Autonomous Region of the Krasnoyarsk Territory. In Khakassia, as well as in the USSR as a whole, atheistic propaganda played an important role in propaganda activities, in which the emphasis was placed on the dissemination of scientific knowledge. An important place in the organization and conduct of atheistic work in the

region was played by the Khakass regional organization of the All-Union Society "Knowledge". Despite the measures taken, which had not only a purely atheistic, but also an educational task, it was not possible to completely eradicate religious views in the region.

Keywords: *atheistic propaganda, Khakassia, Soviet period, Znanie society*

Атеистическая пропаганда в СССР являлась важной составной частью государственно-конфессиональной политики. При этом на протяжении существования советской власти характер атеистической работы мог изменяться с учетом трансформации генеральной линии политики государства в вопросах свободы совести от принципов воинствующего атеизма до смещения акцента в сторону усиления пропаганды научных знаний. Общесоюзные тенденции реализации атеистической (антирелигиозной) пропаганды рассматривали В. А. Алексеев [1], А. И. Чаусов [17] и другие ученые. Частично данная тема затрагивалась и в отношении Сибири [16], что исследовали А. В. Горбатов [2], П. К. Дашковский, Н. С. Дворянчикова [3] и др. В то же время вопросы организации атеистической пропаганды в рассматриваемый период в автономиях Южной Сибири, в т. ч. в Хакасской автономной области, остались практически не изученными.

Одним из инструментов атеистической пропаганды и просвещения на научной основе в СССР с 1947 г. под контролем ЦК КПСС стало Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. Всесоюзное общество «Знание»), имевшее свои отделения в регионах. В Хакасии осуществляла деятельность Красноярская краевая организация Всесоюзного общества «Знание» [15, с. 93]. Наряду с краевой организацией атеистическую пропаганду проводила Хакасская областная организация общества «Знание». В ее задачи входили предотвращение распространения религиозных воззрений среди населения, в особенности среди детей, утверждение научно-материалистического, коммунистического мировоззрения, содействие перевоспитанию верующих и приобщению их к полезной деятельности [11, л. 13]. Одной из распространенных форм атеистической работы этой организации была лекция. Число проведения лекционных мероприятий постоянно варьировалось. Так, в 1966 г. лекторы Хакасской областной организации общества «Знание» прочитали 1012 лекций по атеизму. В 1967 г. было проведено 1052 научно-атеистических лекций [5, л. 54]. Однако в 1970 г. число таких лекций заметно снизилось до 898 [10, л. 21]. Помимо снижения активности атеистической пропаганды за счет уменьшения числа лекционных мероприятий, в Хакасии наблюдалось менее пристальное

внимание к ее результатам. Так, в 1970 г. на заседании Хакасской областной организации общества «Знание» не нашлось времени на обсуждение вопроса состояния пропаганды естественно-научных и атеистических знаний [11, л. 13]. Важно отметить, что в результате антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. в обществе не только усилился негатив в отношении верующих, но и появились апатичные настроения из-за насыщенной антирелигиозной деятельности [14, с. 223].

Для активизации антирелигиозной пропаганды принимались постановления, которые на какое-то время ее оживляли [16, с. 190]. Так, на II пленуме Красноярской краевой организации общества «Знание» от 19 мая 1970 г. было принято постановление «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды среди трудящихся Хакасской автономной области и г. Канска». Кроме того, в 1971 г. вышло постановление ЦК КПСС и бюро крайкома партии «Об усилении атеистического воспитания населения» [9, л. 197]. В Хакасии реализация этих постановлений вызвала оживление атеистической работы. В 1971 г. количество лекций по атеизму Хакасской областной организации общества «Знание» выросло до 911 [10, л. 1]. В последующие годы число научно-атеистических и естественно-научных лекций также росло – 1973 г. – 1135, 1974 г. – 1159 [12, л. 50]. В 1975 г. было прочитано 1205 таких лекций [13, л. 27]. Кроме того, в соответствии с этим постановлением был разработан областной план улучшения атеистической работы. Районные и городские исполкомы запланировали конкретные мероприятия по ее реализации [11, л. 9].

Хакасский областной комитет КПСС в организации атеистической работы учитывал состав агитаторов-атеистов, методику работы с верующими, формы учебы агитаторов, проведение массовых атеистических мероприятий (новые гражданские обряды, атеистические вечера, вечера вопросов и ответов, лекции и беседы и др.). Горкомы отчитывались о результативности работы, динамике роста или сокращения числа верующих и обрядности, приводили примеры людей, отошедших от религии, сообщали о расколе религиозных групп и потере авторитета проповедников [9, л. 174].

Нарастание интенсивности атеистической работы в первой половине 1970-х гг. наблюдалось не только в городах, но и в районах Хакасской автономной области. Так, в Усть-Абаканском районе в рамках работы по научному атеизму за 1971 г. общество «Знание» организовало 57 лекций. Наиболее активные лекторы проводили беседы в школах района и лекции в клубах [8, л. 16]. В 1975 г. в этом же районе в коллективах школ, детских садов, районом отделе

образования, отделе культуры и сельском профессионально-техническом училище № 8 работали 33 теоретических семинара по философским проблемам «Формирование материалистического мировоззрения и пути преодоления религиозных пережитков», обучилось 645 человек. В районе работало 35 лекторов-атеистов, которые прочитали 84 лекции по научному атеизму, из них 25 – по химии, 11 – по физике, 16 – по медицине, 10 – по биологии, 22 по астрономии и географии [8]. К середине 1970-х гг. атеистическую лекционную пропаганду в Хакасии отличал научный подход, в основном с опорой на естественно-научные знания, тогда как критика религиозной психологии в лекциях практически отсутствовала [12, л. 61].

Для обобщения опыта работы атеистов в Хакасии проводились теоретические и методические конференции. Например, за 1972–1973 гг. было проведено пять таких мероприятий. Для более квалифицированной подготовки лекторов-атеистов области совместно с краевой организацией общества «Знание» в 1970 г. было проведено два областных семинара [11, л. 13]. 27 января 1972 г. Абаканский горком КПСС провел городскую научно-практическую конференцию «XXIV съезд КПСС об усилении атеистического воспитания трудящихся». На эту конференцию были приглашены агитаторы, партийные, советские, комсомольские, профсоюзные работники, руководители атеистических кружков, клубов, народных университетов, работники учреждений культуры [7, л. 41]. В 1975 г. с 20 февраля по 13 марта отдел пропаганды и агитации Хакасского обкома КПСС и областная организация общества «Знание» проводили семинары агитаторов, лекторов-атеистов, организаторов по всем городам и районам области [4, л. 16]. Ежегодно проходили семинары для учителей-атеистов, завучей по воспитательной работе и секретарей школьных партийных организаций [6, л. 15].

Местные организации общества «Знание» создавали дополнительные группы, которые также занимались атеистической работой. Так, при областном ДК был создан клуб атеистов [5, л. 45]. В начале 1970-х гг. в г. Черногорске по предложению городской организации общества «Знание» был утверждён городской Совет атеистов в составе 26 человек [11, л. 9]. Указанный совет направлял работу по атеизму в г. Черногорске, проверял состояние атеистического воспитания на предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях. При Совете атеистов работали три секции. Одна из них специализировалась на работе с так называемыми сектантами, к которым относились все верующие, кроме православных. Другая

секция Совета атеистов занималась профилактической работа среди трудящихся, направленной против влияния православной церкви. Третья секция Совета атеистов внедряла новые советские и гражданские праздники, традиции и обряды. Одним из направлений работы городского Совета атеистов в г. Черногорске была популяризация журнала «Наука и религия». Совместная работа с городской организацией общества «Знание» в этом направлении привела к росту подписки на журнал «Наука и религия». Так, в 1969 г. был выписан 81 экземпляр журнала, в 1970 – 150, а в 1971 – 188 [6, л. 12].

Таким образом, во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. в Хакасской автономной области Красноярского края, как и в целом в СССР, в атеистической пропаганде большую роль играли пропагандистские мероприятия, ставился акцент на распространение научных знаний. Важное место в организации и проведение атеистической работы в регионе сыграла Хакасская областная организации Всесоюзного общества «Знание».

Литература

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы: Взаимоотношения советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
2. *Горбатов А. В.* Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник КемГУ. 2014. №3 (59). С. 157–160.
3. *Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 153 с.
4. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 82.
5. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 9.
6. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17.
7. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29.
8. НАРХ. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 16.
9. НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4.
10. НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 4.
11. НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5.
12. НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 20.
13. НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 26.
14. *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.

15. Селезнев А. В. Формы и масштаб просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 91–114.

16. Сосковец Л. И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. №288. С. 189–199.

17. Чаусов А. И. Эволюция советской атеистической пропаганды в середине 50-х по начало 80-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 27 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЯН В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Барнаул (Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация: Интеллектуальный потенциал населения России в актуальных социально-экономических условиях является результатом долгосрочных трендов, формирующихся на основе социальных реформ, нацеленных на занятие и удержание высоких позиции на мировой арене научных достижений и технологий. На основе статистических данных и результатов социологических мониторинговых исследований (данные волн РМЭЗ за 25 лет) авторы описывают основные тенденции в изменении научного и образовательного потенциала населения, выявляют роль пространственных и демографических факторов, приводящих к неравномерному распределению интеллектуального потенциала в российском обществе.

Ключевые слова: человеческий капитал, наукоемкие технологии, человеческий потенциал, интеллектуальный потенциал, развитие науки, образованность населения

TRANSFORMATIONS OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF RUSSIANS UNDER NEW SOCIOECONOMIC AND MIGRATORY CONDITIONS

Omelchenko D. A., Noyanzina O.E., Maximova S. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *The intellectual potential of Russia's population in the current socio-economic conditions is the result of long-term trends formed on the basis of social reforms aimed at taking and maintaining high positions on the world stage of scientific achievements and technologies. Based on statistical data and the results of sociological monitoring studies (RLMS data for 25 years), the authors describe the main trends in changes in the scientific and educational potential of the population, identify the role of spatial and demographic factors that lead to an uneven distribution of intellectual potential in Russian society.*

Keywords: *human capital, knowledge-intensive technology, human potential, intellectual potential, development of science, educated population*

Современные исследования проблем общественного развития в условиях, которые сегодня часто обозначаются акронимом BANI (термин антрополога и футуролога Д. Кашио, обозначающий «хрупкий, тревожный, нелинейный и непостижимый мир»), в значительной степени ориентированы на признание человеческого капитала, науки и технологий в качестве ведущих драйверов экономического роста, культурных и политических изменений. В свою очередь, теоретические дискуссии вокруг человеческого капитала, чье концептуальное обоснование активно проводилось во второй половине XX века (прежде всего в работах Г. Беккера, Т. Шульца, С. Кузнеця и др.), все более начинают развиваться в сторону понимания того, что наличие определенных знаний, умений, способностей, общекультурного и специального профессионального опыта, личностных характеристик, мотивационных и ценностных качеств, через которые этот капитал обычно определяется (особенно в расширительных трактовках), не всегда однозначно предполагает их конвертацию в экономическую выгоду, что принципы максимизации полезности и рациональности экономического поведения далеко небезупречны, и что речь идет лишь о некоторых возможностях, «потенциях», которые при благоприятных условиях (институциональных, внутриорганизационных, межличностных) будут способствовать такой конвертации. С одной стороны, рассуждения о том, что человеческие знания и опыт могут быть «капитализированы», переведены в какие-то стоимостные оценки, что человек сам по себе является «богатством», особенно в эпоху постиндустриального общества, стали уже «общим местом». С другой стороны, обращение к категориям «потенциала» взамен

«капитала» позволяет сосредоточиться не только на накопленных объемах человеческого капитала, но и на еще не реализованных возможностях использования имеющихся и будущих достижений, акцентирует внимание на его динамических характеристиках, указывает на то, что все эти составляющие активно формируются и развиваются в течение всей жизни [9]. Таким образом, концепция человеческого потенциала взамен человеческого капитала в большей степени ориентирована на ценностях самореализации и саморазвития, улучшении общественного благополучия, учитывает «самоценность жизни человека и среды его существования» и неэкономические факторы [3], однако между двумя концепциями нет непреодолимых противоречий.

Во многих исследованиях человеческий потенциал трактуется как совокупность духовных, интеллектуальных, инновационных, социокультурных и биолого-физических свойств, способностей и ресурсов отдельной личности, социальной группы или общества в целом, которые уже сформированы или формируются, но еще не реализованы в практической деятельности. В.А. Лапшин при этом справедливо отмечает, что все компоненты образуют систему, совокупный эффект элементов которой превосходит простую сумму, как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общества в целом [6]. Интеллектуальный потенциал при таком подходе рассматривается как один из элементов человеческого потенциала и, хотя возможны и другие теоретические схемы (например, когда в понятие интеллектуального потенциала включаются отчужденные от создателя элементы, такие как оборудование, новые знания или технологии), в рамках данной статьи мы будем придерживаться именно этой стратегии.

Интеллектуальный потенциал определяется материальной и духовной культурой общества [7], и для его измерения используются разнообразные индексы и системы расчета, аккумулирующие данные о наличествующих у населения знаниях и общественных институтах, способных это знание производить и использовать во благо общественного развития (показатели оценки результатов НИОКР, включая инновационные разработки, создание объектов интеллектуальной собственности и др.).

В большинстве случаев в структуре интеллектуального потенциала выделяются образовательный, научный, культурный, и инновационный компоненты [1; 2], однако, наиболее разработанными и методически обоснованными, отраженными в конкретных исследованиях и расчетах, являются первые два. Так, например,

В. К. Левашов в своих исследованиях концентрируется на измерении первых двух элементов и предлагает измерять образовательный потенциал на основе уровня общей образованности взрослого населения, удельного веса студенчества и доли расходов на образование в ВВП, а роль науки – через удельный вес персонала, занятого в сфере науки и научного обслуживания в общей численности экономически активного населения, и удельный вес затрат на науку [7], похожего подхода придерживается А. Б. Докторович [4].

О том, как меняется структура интеллектуального потенциала, оцениваемого сквозь призму показателей науки, по крайней мере в последнее десятилетие, можно судить через статистику, собираемую Министерством образования и науки в сотрудничестве с Росстатом и Высшей школой экономики в рамках проекта «Индикаторы науки». Можно выделить несколько разнонаправленных тенденций. С одной стороны, ощутимо увеличивается финансирование науки, если считать затраты в действующих или постоянных ценах (с 523,4 млрд руб. в 2010 г. до 1134,8 млрд руб. в 2019 г.), особенно – в расчете на одну организацию (149,9 млрд руб. в 2010 г. до 280,1 млрд руб. в 2019 г.) или одного исследователя (1418,7 тыс. руб. в 2010 г. до 3258,8 тыс. руб. в 2019 г.). Растет количество научно-исследовательских организаций, осуществляющих исследования и разработки в сфере высшего образования (в 2000 г. их было 390, в 2019 стало 951, увеличение в 2,4 раза), в сфере промышленного производства (прирост в 1,6 раза – с 284 до 450 организаций за 20 лет), опытных заводов (с 33 до 44 организаций). Постепенно перераспределяются источники финансирования: в науку начинает «вкладываться» бизнес, растут частные инвестиции и, хотя их доля невелика (доля предпринимательского сектора во внутренних затратах увеличилась с 25,5 % в 2010 г. до 30,2 % в 2019 г., тогда как доля государства снизилась с 70,3 до 66,3 %), для России это, несомненно, положительное явление. Улучшается «видимость» российских ученых в мировом информационном пространстве и увеличивается поток потенциальных кадров из-за рубежа (количество иностранных аспирантов в России за 2014–2019 гг. увеличилось на 30,2 %), проявляются и другие позитивные тенденции [5]. Между тем, есть много тревожного, сигнализирующего о сложностях преодоления технологического и инновационного «застоя» в российской науке. Так, несмотря на рост абсолютных значений, затраты на науку по-прежнему едва превышают 1 % от ВВП (для сравнения, в Южной Корее этот показатель составляет 4,6 %, в Израиле – 4,9 %) [10]. Значительно сокращается количество работников, занятых научными исследованиями (с 2006 года

наблюдается сокращение на 127,7 тыс. чел., или на 15,8 %), снижается уровень патентной активности (Россия занимает 12 позицию в мире). В конечном итоге, мы теряем огромные средства на импорт технологий, и результат международного технологического обмена пока происходит далеко не в нашу пользу: сальдо платежей за технологии постоянно растет и, если в 2005 году оно составляло 564,8 млн долларов, то к 2019 году – перевалило за 1,3 млрд (максимально в 2017 г. – 2,12 млрд долларов). Все вкуче указывает на то, что российский научный потенциал испытывает существенные сложности как в количественном, так и в качественном планах.

Что касается образовательного компонента, то одним из наиболее значимых и чаще всего используемых показателей интеллектуального потенциала, наряду с вышеупомянутыми другими, являются данные об уровне образованности, которые в основном операционализируются через подсчет количества лет обучения. Проведенный авторами анализ описательных характеристик количества лет обучения в разрезе волн исследования РМЭЗ (временной период – с 1994 по 2020 годы) показал, что за последние 25 лет население России стало учиться значительно больше, чем в середине 1990-х. Среднее количество лет обучения увеличилось с 9,3 до 12,4 лет в 2020 году, произошло значительное увеличение доли тех, кто учится 15 лет и более (с 8,9 % в 1994 год до 19,9 % в 2020 году, +11 п. п., увеличение более, чем в 2 раза). Доля граждан, имеющих высшее образование, также существенно выросла (в 1994 году доля лиц с высшим образованием в выборке РМЭЗ составляла 20,8 %, в 2020 году она выросла до 35,0 %).

Между тем, специфика миграционных процессов последних десятилетий свидетельствует о том, что миграция не способствует увеличению интеллектуального потенциала населения, напротив, происходит демографический «перелив» интеллектуальных человеческих ресурсов из России: уровень образования эмигрантов, особенно в западные страны, выше, чем у российского населения, при этом только половина из уезжающих рассматривают для себя возможности возвратной миграции [8].

Если рассматривать в рамках РМЭЗ выборку лиц, родившихся в странах СНГ, выступающих основными миграционными «донорами» России, то можно отметить, что на протяжении значительного периода эта группа характеризовалась высоким уровнем образованности, по доле имеющих высшее образование превышавшей население в целом (так, в 1998 году разрыв составил около 5 %). Между тем постепенно различия нивелировались, и в последние годы образованность (если судить по количеству лиц с высшим образованием) выходцев из стран

СНГ находится в целом на том же уровне, что и у населения всей страны. Безусловно, стоит учитывать, что в этой группе респондентов находились лица разного возраста и разных волн миграции в Россию, что привело к такому «смягчению» различий.

Различия в уровне образования в группах респондентов с различным миграционным опытом и происхождением имеют разный характер в зависимости от временного среза миграций. Если сравнивать два потока – тех, кто приехал из стран СНГ до 1991 года и после, то можно выделить несколько важных тенденций: во-первых, существенна разница в долях имеющих высшее образование – в период 2008–2020 годов (имеющиеся данные) в среднем на 9,5 % она была выше среди тех, кто приехал в Россию еще в советские времена, тогда как после 1991 года уровень образованности у приезжающих заметно снизился, особенно если сравнивать с населением в целом (разница по 2020 году составляет 11 п.п.). Таким образом, международная миграция в современный период развивается по пути насыщения рынка труда менее образованной рабочей силой, что негативно сказывается на качестве человеческого капитала и интеллектуального потенциала в российских регионах.

Одними из наиболее существенных факторов, определяющих различия в формировании и накоплении интеллектуального потенциала, являются урбанизация, возрастные и гендерные различия.

Разрыв в уровне социально-экономического развития между городскими и сельскими территориями в России огромен, это большой «узел» серьезных проблем, требующих комплексных решений. Анализ данных РМЭЗ в разрезе поселенческих различий показал, что разрыв в образовательном уровне жителей города и села не только не сокращается, но и напротив, увеличивается: после 2014 года он довольно устойчив и составляет более 14 %, если считать различия в уровне полученного высшего образования, и с 2010 года превышает 9 % в количестве лиц с длительностью обучения более 15 лет. Между тем, это не веяние последнего времени, а долгосрочный тренд, начавшийся задолго до первых волн РМЭЗ: уже в 1994 году разрыв в уровне получения высшего образования превышал 10 %, однако, в условиях модернизации экономики и ее перевода на «цифровые рельсы», способные увеличить производительность труда и обеспечить развитие села, этот разрыв критически увеличивается.

Анализ поколенческих трендов в получении образования различного уровня показал их устойчивость, за исключением последних двух лет – 2019 и 2020 годов, что несомненно связано с влиянием эпидемиологической ситуации, значительно пошатнувшей

всю систему образования, что особенно сказалось на поколении молодежи.

Различие в пропорциях лиц с высшим образованием до 2007 года было не в пользу молодого поколения: да, молодые люди имели лучшее образование, чем старшее поколение (60 лет и старше – в среднем на 3 % больше в данный период), однако заметно проигрывали среднему поколению 36–59 лет, среди которого высокообразованных людей было больше (максимальный разрыв – в 2000 году – на 7,4 %). Однако после 2008 года доля высокообразованной молодежи существенно увеличивалась, и с 2010 года доля молодежи с университетскими дипломами в среднем на 4 % стала превышать соответствующий показатель средней и на 7,4 % – старшей группы. При этом различия между средним и старшим поколениями нелинейны и подвержены колебаниям: в период 2006–2010 гг. старшее поколение было существенно более образованным, чем среднее (по количеству лет обучения) – разница составила в среднем 12 %, тогда как в последующие годы, – особенно с 2016 года, – наблюдается рост количества лиц со значительным количеством лет обучения в средней группе, тогда как в старшей группе, начиная с 2015 года, происходит падение интереса к увеличению образования, что может быть объяснено как причинами экономического характера – с возрастом отдача на образование снижается, так и в том числе по причине повышения конкуренции квалифицированных трудовых ресурсов. Таким образом, как по доле лиц, получивших высшее образование, так и по количеству лет обучения молодежь демонстрирует довольно существенные различия. Между тем, роль играют не только возрастные факторы, иллюстрирующие смену институциональных условий, но и другие структурные факторы, характеризующие сдвиги и диспропорции в распределении интеллектуального потенциала.

Так, одним наиболее «видимых» структурных факторов, характеризующих особенности накопления, распределения и использования интеллектуального потенциала социальных групп, является гендер. Данные РМЭЗ показывают, что, хотя тенденции повышения доступности высшего образования и увеличения количества лет обучения являются общими, между группами существуют статистически достоверные различия в образовательных уровнях и долях с лиц с большим количеством лет обучения. Так, до начала 2000-х годов, доля имеющих высшее образование мужчин была выше, чем женщин, которые значительно чаще получали среднее специальное образование (различия в 1994–1995 гг. составили более 5 %). Женщины учились меньше или, по меньшей мере, столько же,

сколько мужчины, однако, начиная с 2003 года происходит большая вовлеченность женщин в образовательный процесс: они чаще получают университетское образование и в целом тратят больше времени на получение знаний и повышение квалификации: разрыв с мужчинами по данным за 2020 год составил более 6 % по уровню полученного высшего образования и более 5 % – по количеству лиц, обучавшихся в течение жизни более 15 лет. Однако, большая образованность женщин не сопровождается существенным увеличением их доходов, а скорее приводит к росту переобученности (несоответствия места работы и выполняемых обязанностей уровню образования), семейным образовательным «мезальянсам» и смене семейных ролей. Представляется, что дальнейший гендерный разрыв по пути «интеллектуализации» женщин и снижения образовательного уровня мужчин может привести не только к внутрисемейным, но и более масштабным социальным конфликтам и напряженности.

Таким образом, последние десятилетия демонстрируют значимые изменения в интеллектуальном потенциале населения и в возможностях его приобретения у различных групп российского общества. Выявленные тенденции указывают на несколько осей дифференциации, сопряженных с увеличением образовательного и научно-инновационного неравенства, – пространственных (между городскими и сельскими поселениями, центральными и экономически более развитыми регионами и периферийными, «дотационными»), социально-демографических (гендерные и возрастные различия), культурных (различия в образе жизни, ценностных ориентациях, миграционном капитале). Международные сравнения и анализ внутренних данных показывают, что трансформация интеллектуального потенциала происходит, во-первых, по «догоняющей», а не опережающей траектории, а, во-вторых, по пути усиления поляризации различий в стартовых возможностях и возможностях дальнейшего развития у различных слоев населения, что не вполне согласуется с национальными целями и приоритетами.

Литература

1. *Альхименко О. Н.* Интеллектуальный потенциал: анализ составляющих компонентов и их количественная оценка //Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. 2013. № 3 (57). С. 75–83.

2. *Боровикова Т. В., Филинов В. А.* Региональный интеллектуальный потенциал: методика оценки //Региональные исследования. 2014. № 3. С. 38–41.

3. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.

4. Докторович А. Б. Социологический анализ и методика оценки развития интеллектуального потенциала // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 143–154.

5. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. НИУ ВШЭ, 2021.

6. Лапшин В. А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 259–263.

7. Левашов В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 17–30.

8. Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 2. С. 60–63.

9. Юдин Б. Г. Человеческий потенциал России: состояние и перспективы // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: ИФРАН. 2007.

10. Gross domestic spending on R&D. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 1.06.2022).

ЭТНОИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пустовалова Е. В., Барнаул (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема построения устойчивого межэтнического взаимодействия в условиях тотальной глобализации. Отмечается наличие достаточно традиционных инструментов, способствующих единению общества, и имеющаяся потребность их совершенствования. Заявлена необходимость в поиске новых решений в аспекте консолидации постоянно возникающих и видоизменяющихся современных крупных социальных групп, а также представлен ряд достоинств процесса этноинтеграции для укрепления всех уровней общественных отношений. Представлен краткий обзор направлений научного поиска в решении проблем, связанных с возникновением и развитием межэтнических противоречий. Обозначен ряд предложений современных российских ученых по их разрешению. Уделяется

внимание наличию следующих проблем, препятствующих интеграционным процессам в этнически неоднородных обществах: существованию крайних форм экономического неравенства; отсутствию оптимальных механизмов урегулирования межконфессиональных противоречий; политической нестабильности в современном многополярном мире.

Ключевые слова: этноинтеграция, глобализация, этнокультурное взаимодействие, интеграционные процессы, межэтническое взаимодействие

ETHNOINTEGRATION AS A FACTOR OF SOCIETY CONSOLIDATION

Pustovalova E. V., Barnaul (Russia)

Abstract. *This article deals with the problem of building sustainable interethnic interaction in the conditions of total globalization. It is noted that there are enough traditional tools that contribute to the unity of society and the need to improve them. The necessity of searching for new solutions in the aspect of consolidation of constantly emerging and changing modern large social groups is stated, and a number of advantages of the process of ethnointegration for strengthening all levels of social relations are presented. A brief overview of the directions of scientific research in solving problems related to the emergence and development of interethnic contradictions is presented. A number of proposals of modern Russian scientists on their resolution are outlined. Attention is paid to the presence of the following problems that hinder integration processes in ethnically heterogeneous societies: the existence of extreme forms of economic inequality; the lack of optimal mechanisms for the settlement of interfaith conflicts.*

Keywords: *ethnointegration, globalization, ethno-cultural interaction, integration processes, interethnic interaction*

Общество в разные периоды своего существования сформировало большое количество механизмов, способствующих консолидации. Они, как правило, соотносились с теми проблемами, которые были способны спровоцировать кризис целостности системы социальных связей и отношений. Вместе с тем, можно говорить и о некоторых уже существующих аспектах, способствующих укреплению общества. Это, прежде всего, созданные социально-политические, экономические, духовно-нравственные и иные союзы и объединения, а также постоянно трансформирующиеся нравственные ценности, направленные на достижение взаимопонимания в сложноорганизованных обществах.

Современное пространство глобальных общественных взаимодействий характеризуется не только стремлением к

достижению блага в общезначимом смысле, но и в контексте потребностей отдельных этнокультурных образований. Такие потребности и цели могут быть разнонаправлены, стремление к их достижению становится противоречием, способным спровоцировать конфликты и актуализировать разобщенность социума. То, что любое современное общество представляет собой совокупность различных этносов, предполагает высокую вероятность возникновения социальной напряженности по различным вопросам. Это заставляет обратиться как к опыту человечества по оптимизации этнокультурного взаимодействия, так и поиску новых механизмов этноинтеграции.

Научные исследования в этой области представляют собой несколько направлений. Прежде всего это анализ практики формирования личности с навыками успешного межкультурного взаимодействия. Так, Е. Ю. Варламова и А. Н. Марина в своей работе «Социокультурное развитие личности в процессе ее подготовки к межкультурной коммуникации» в качестве важного аспекта успешного взаимодействия представителей разных этнокультурных образований выделяют необходимость национально-этнической самоидентификации личности как одной из базовых компетенций. Важнейшую роль в этом должен играть образовательный процесс [1]. Т. Н. Сидоркина и Е. Н. Ламшина обращают внимание на важную роль доминирующей в социуме этнокультуры в развитии национального самосознания обучающегося и сохранения традиций, способствующих укреплению внутрикультурных связей и отношений. Они считают, что университетское сообщество должно стать важной частью этого процесса [4].

Значительное место занимают исследования вопросов, связанных с осмыслением этнокультурных проблем и противоречий в условиях тотальной глобализации. И. В. Медынская и Н. Н. Сперанская обращают внимание на неоднозначность оценки тех тенденций в общественном развитии, которые можно наблюдать. Наряду с интеграционными процессами, способствующими укреплению межкультурных, в том числе и межэтнических, отношений и созданием институтов, способных регулировать возникающие противоречия, наблюдаются процессы унификации ценностей и утраты этнической самобытности. Авторы заявляют о необходимости поиска новых решений, которые бы позволили сохранять целостность общества без потери этнонационального самосознания народов [2].

В научном дискурсе идет поиск новых решений, связанных с необходимостью консолидации общества с сохранением этнической самобытности. Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев, анализируя последствия

социокультурных трансформаций, предлагают уделить особое внимание практике этнокультурного неотрадиционализма. По мнению авторов, «неотрадиция» представляет собой совокупность сохранных в исторической памяти ценностей, обрядов и т. д., а также новых, возникающих в результате взаимодействия различных культур. Именно она способна создать новую этническую идентичность, отвечающую требованиям современности [3]. Современная аналитика демонстрирует хорошую осведомленность о существующих проблемах в сфере межэтнических взаимодействий и активный поиск путей их устранения, разработки новых концептуальных стратегий по разрешению актуальных противоречий.

Очевидно, что одной из ведущих тенденций общественного развития является интеграция многообразных социальных общностей в единое целое. Она предполагает возникновение целого ряда преимуществ для обеспечения устойчивых связей и отношений в мире. Важным ракурсом здесь является достижение устойчивого согласия в межэтническом контексте, развитие так называемой этноинтеграции. Не вызывает сомнений тот факт, что этническая и этнокультурная самобытность предполагает наличие уникальных отличий народов не только в языке, но и в традициях, обычаях, ментальности в целом. При взаимодействии представителей различных этнокультурных групп возникает необходимость толерантного отношения к этнокультурным ценностям друг друга. Этноинтеграция призвана объединить всю их совокупность и в результате сформировать новые этнокультурные стандарты, удовлетворяющие потребностям новой общности.

Нельзя не отметить ряд трудностей, которые осложняют интеграционные процессы. Прежде всего это необходимость преодоления экономической разнородности. Во все времена даже в рамках единого этноса экономическое неравенство приводило к разладу и противоречиям. Преодолению данных затруднений в процессе этноинтеграции, видимо, может способствовать совершенствование правового пространства, с помощью которого возможно разработать механизмы, оптимально уравнивающие в правах представителей разных этносов. Еще одной проблемой является наличие конфессиональных различий. Проблемы, связанные с верой и духовными практиками, пока не нашли своего оптимального решения или четких, эффективных технологий по урегулированию данных противоречий. Поэтому конструктивным на данный момент является воспитание толерантного отношения в этом аспекте социального взаимодействия. Важную роль играет также преодоление политических разногласий. Современный многополярный мир в

политическом смысле достаточно динамичен. Существующие тенденции к созданию крупных политических союзов предполагают своей целью обеспечение стабильности в мире. Вероятно, преодоление политических противоречий можно считать одной из первоочередных задач, способных усилить этноинтеграцию.

Таким образом, можно говорить о важности процесса этнической интеграции, как одного из важнейших факторов, способствующих консолидации общества через устранение противоречий, связанных с различием этнокультурных ценностей и возникновением новых межэтнических связей и отношений. Для этого необходимо исследовать возникающие затруднения и проблемы в экономическом, политическом и духовном аспектах системы межэтнических отношений современного общества.

Литература

1. *Варламова Е. Ю., Марина А. Н.* Социокультурное развитие личности в процессе её подготовки к межкультурной коммуникации // ЦИТИСЭ. 2019. №1 (18). С. 8–16.
2. *Медынская И. В., Сперанская Н. Н.* Трансформация социальных и культурных форм идентичностей в условиях глобализации / Трансформация идентичностей: опыт Европы и России: сборник научных статей. СПб.: СПбГУ. 2021. С. 167–177.
3. *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Этнокультурный неотрадиционализм как ресурс формирования идентичности в современных социокультурных трансформациях // Siberian Socium. 2019. № 3(9). С. 53–64.
4. *Сидоркина Т. Н., Ламшина Е. Н.* Доминанты этнокультуры в формировании национального самосознания в условиях глобализации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 36–41.

ОБ УНИФИКАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОВЕДЕНИЮ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Румянцева Е. Е., Москва (Россия)

Аннотация. Данная статья обобщает накопленный ее автором многолетний опыт работы в качестве независимого эксперта по обоснованию эффективности инвестиционных проектов по линии Москомзайма и других организаций, в том числе международных, оценке эффективности федеральных целевых программ и деятельности научных организаций по линии ФАНО, проведения сравнительного анализа качества учебников по линии журнала «Университетская книга» и российско-германского издательства «Директ-Медиа», выпускных квалификационных работ (тоже по линии «Директ-Медиа»), финалиста всероссийского конкурса менеджеров в 1990-м году и всероссийского конкурса преподавателей РАНХиГС (2013–2014 гг.), также эксперта в течение ряда лет Счетной палаты Российской Федерации и НИУ Высшая школа экономики, и формулирует требования к проведению качественных научных исследований и независимой экспертизы научно-исследовательских работ.

Ключевые слова: научные исследования, независимая экспертиза, качество, требования, список литературы, методология

ON THE UNIFICATION OF THE SUBSTANTIVE REQUIREMENTS FOR THE SCIENTIFIC RESEARCH AND THEIR INDEPENDENT EXAMINATION

Rumyantseva E. E., Moscow (Russia)

Abstract. This article summarizes the long-term experience accumulated by its author as an independent expert in substantiating the effectiveness of investment projects through the Moskomzaym and other organizations, including international ones, evaluating the effectiveness of federal targeted programs and the activities of scientific organizations through the FASO, conducting a comparative analysis of the quality of textbooks in the line the University Book magazine and the Russian-German publishing house Direct-Media, graduation qualification works (also through Direct-Media), a finalist in the All-Russian competition of managers in 1990 and the All-Russian competition of teachers of the RANEPa (2013–2014), also an expert for a number of years of the Accounts Chamber of Russian Federation and the National Research University Higher School of Economics, and formulates the requirements for conducting high-quality scientific research and independent examination of research papers.

Keywords: scientific research, independent expertise, quality, requirements, bibliography, methodology

Оценка качества проведения научных исследований – одно из актуальных самостоятельных направлений развития современной российской и зарубежной науки [1, 3, 5 и публикации многих других авторов]. Одним из системообразующих методов обеспечения качества проведения научных исследований (в большей степени за рубежом) является проведение их независимой экспертизы.

Целесообразность проведения экспертизы научных работ с целью не только повышения их качества, но и препятствия распространению псевдонаучных заблуждений блестяще обосновал Н. Д. Кондратьев, приведя в качестве примера опубликованный в 1926 г. перспективный план развития сельского хозяйства Сибири (то есть не просто чье-то индивидуальное научное исследование как заблуждение, а работу коллектива местного государственного органа). Он пишет: в первом томе «Материалы к перспективному плану» была дана довольно ценная систематизация статистических материалов по сельскому хозяйству региона. Во втором томе – «Перспективный план» – Сибкрайземуправление как разработчик пыталось обрисовать перспективы развития сельского хозяйства в течение 25-летнего периода, где главная цель реформирования состояла в переходе от залежной и парозалежной системы к травопольной, что должно было повлечь за собой и соответствующую реорганизацию отраслей животноводства. Отталкиваясь от этого предположения, были построены схемы травопольного хозяйства для восьми районов края. Для каждого типа будущих хозяйств даны в точной количественной форме данные по росту урожайности, кормовым нормам и продуктивности животных, организации транспорта, размерам валовой продукции, товарности хозяйства, расходам, доходности и т. д. Несмотря на то, что была проделана большая работа, она не имела никакого смысла, поскольку данные расчеты не доказывали, что намеченная реорганизация хозяйства нужна и будет осуществлена, что продукция нашла бы свой рынок сбыта и т. д. Экспертиза перспективного плана, подготовленного Сибрайземуправлением, в Земплане НКЗ РСФСР, показала, что по технологическим соображениям задача всеобщего перехода сибирского сельского хозяйства к травополью нереальна.

Таким образом, несмотря на концентрацию ценных фактических материалов и головоломную работу управления, значительная часть этой работы не оправдалась [2, с. 110–111].

В диссертационном исследовании «Разработка приоритетов аграрной политики России» описано несколько методик разработки приоритетов, по сути, любого направления политики с помощью

определенной организации работы профессиональных экспертов. В данной работе отмечено, что впервые система ПАТТЕРН (PATTERN – Planning Assistance Through Technical Evaluation Relevance Number – помощь планированию посредством относительных показателей технической оценки) была применена американской фирмой «Хониуэлл Инк», которой необходимо было определить приоритетные направления проведения научно-технических разработок в области ВПК США на долгосрочный период. Была создана рабочая группа, которая построила первоначальный вариант «дерева целей» военно-промышленной политики США. Затем были приглашены эксперты. Работа по выбору приоритетных направлений исследований у этой фирмы заняла более шести месяцев [4, с. 107]. На этом примере можно увидеть, что организация экспертизы – это достаточно сложный наукоемкий проект, затраты на который оправдываются выпуском зрелых научных работ на максимально возможном высоком качественном уровне, что отсутствие экспертизы нередко оборачивается имитацией, фальсификацией и даже мошенничеством в сфере проведения научных исследований [6, 7 и многие другие публикации].

В развитие темы значимости проведения экспертизы, можно привести также пример развития теории и практики реализации инвестиционных проектов и целевых программ, что теория за много лет сложилась, и научные исследования в этой области сводятся уже не к развитию теории, а к систематизации многочисленных ошибок, которые допускаются при реализации инвестиционных проектов и программ, в основном, в связи с недостатками применения теоретических разработок на практике. Но если бы была задействована качественная независимая экспертиза, то в нашей стране и в других странах мира было бы сэкономлено огромное количество инвестиционных ресурсов.

Важнейшей составляющей обеспечения качества проведения научных исследований, удостоверяемого в ходе проведения независимой экспертизы, являются требования, которые пока находятся в российском научном сообществе в стадии обсуждения и существенно разнятся по научным и учебным организациям, государственным органам, организующим выполнение НИР, и научным журналам.

Определение актуальной и значимой, точно сформулированной темы – это исходный этап успешности проведения любого научного исследования. В современной же науке, увы, много исследований проводится по неактуальным темам.

Другим важным критерием оценки качества научного исследования является анализ списка литературы. Для журнальных статей объемом до 24 страниц список литературы, включаемый в этот объем, уже давно установлен многими авторитетными журналами на уровне 30–50 источников. Для научных работ объемом свыше ста страниц количество источников, как правило, превышает 150. Но бывают и работы, где чувствуется, что их авторы – талантливые люди, могли бы представить работу гораздо солиднее, но пренебрегли изучением достаточного количества источников литературы, потому что при сдаче их научной работы данное требование им не предъявлялось. Поэтому вместо объективных результатов они получают недостаточно зрелые выводы. В связи с этим можно было бы не в экспертной рецензии, а на стадии технического приема конкурсных научно-исследовательских работ проверять, соответствует ли критериям количества источников работа. А на стадии экспертизы уже оценивать, соответствуют ли источники теме исследования, насколько глубоко они проработаны (иногда бывает, что работа сама по себе, а источники – как бы формальное приложение к ней). И также следует предложить почетче сформулировать необходимость проработки не только зарубежных или только российских, а и зарубежных, и российских источников.

Качество научных исследований определяется в ходе проведения их экспертизы с опорой на методологию. К сожалению, современные исследователи все чаще представляют работы, имеющие промежуточный характер, как учебный для самих исследователей процесс, без каких-то конечных результатов или с неопределенными выводами, которые в их отчетах никак не подтверждены. В качестве важного требования к проведению исследований целесообразно предложить опираться на системный подход (структурирование любой проблемы, объекта исследования, представление объекта исследования в виде целого, состоящего из определенных частей, – то есть в работе должна быть представлена схема), метод причинно-следственных связей (проблема – как следствие определенных причин, которые в ряде работ, увы, не выявляются), логику и фактические данные, полученные из достоверных источников. По работам, представляющим всевозможные количественные модели в общественных науках, следует применять требование представлять не только модели, но и результаты их просчета, чтобы было понятно, что модели работают и проверены самими авторами.

Еще одно требование (уже непосредственно к проведению независимой экспертизы) – это реализация обезличенной модели ее

проведения, где принимается во внимание и конфликт интересов, и соблюдение этических норм. Не только исследователи могут допускать ориентацию на проведение бездоказательных исследований как процесса, а не как получения конкретного научно значимого результата, но и эксперты, привлекаемые в экспертизу, могут делать ее неконкретной и неэтичной по отношению к исследователям. Четкие и одновременно краткие требования к экспертным заключениям (а до этого - к научным исследованиям) фокусируют внимание именно на позитиве – на ценности исследований, которые исследователи могут и доработать по замечаниям экспертов, и на уважении к труду исследователей.

А чтобы исследователи заранее знали о вопросах экспертных заключений и ориентировались на их качественное соблюдение, следует делать резюме-самообследование научного отчета, т.е. в табличной форме предлагать самим исследователям оценивать выполнение требований к качеству их работ. А уже в ходе экспертизы выявлять несоответствия самооценки тому, что есть на самом деле. Это бесплатно и эффективно существенно повысило бы качество исследований, потому что исследователи заранее бы задавали бы сами себе вопросы по проверке исследования на качество и заранее бы отвечали на них.

Литература

1. *Иванова Е. И., Шилиев П. И.* Оценка качества результатов научных исследований // Вестник АКСОР. 2009. № 1 (7). С. 68–72.
2. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. - М.: Экономика, 1989.
3. *Растова Ю. И.* Роль саморегулируемых профессиональных организаций в формировании экспертного сообщества в России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2009. № 1. С. 126–129.
4. *Румянцева (Жоголева) Е. Е.* Разработка приоритетов аграрной политики России. Дисс. на соиск. уч. степени доктора экономических наук. М.: ВНИИЭСХ, 1997.
5. *Свиридова Е. А.* Критерии и методы оценки качества научного исследования в зарубежных странах: правовой аспект // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 591–595
6. *Скульская Л. В.* Критерии научности информационного обеспечения цифровой экономики // В сборнике: Теория и практика управления государственными функциями и

- услугами. Тарифное регулирование. сборник научных трудов по итогам IV национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 158–162.
7. Скульская Л. В. Противодействие коррупции в сфере учета публикационной деятельности российских исследователей // В сборнике: Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: тематическое направление «Гражданское общество против коррупции». Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 217–226.

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ)

Салахутдинов А. А., Чепарева И. В., Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. Процесс интеграции является одним из направлений миграционной политики государства. Статья посвящена рассмотрению интеграционной политики мигрантов. Приведены основные теоретические положения, сравнительный анализ интеграционной политики Российской Федерации и Германии как наиболее успешно реализующих политику включения мигрантов в инокультурную среду.

Ключевые слова: интеграция, иммиграция, мультикультурализм, миграционная политика, мигрант

POLICY OF IMMIGRANTS' ITEGRATION IN COMPARATIVE PERSPECTIVE (RUSSIA – GERMANY)

Salakhutdinov A. A., Chepareva I. V., Saint-Petersburg (Russia)

Abstract. The integration process is one of the directions of the migration policy of the state. The article is devoted to the consideration of the integration policy of migrants. The main theoretical provisions, a comparative analysis of the integration policy of the Russian Federation and Germany, as the most successfully implementing the policy of including migrants in a foreign cultural environment, are presented.

Keywords: integration, immigration, multiculturalism, migration policy, migrant

В условиях динамичных миграционных процессов, обусловленных совокупностью факторов, актуализируется тема интеграции мигрантов, политики управления / регулирования интеграционными процессами в социокультурные условия региона проживания (инокультурной среде).

В последние годы переход латентных конфликтов между мигрантами и местным населением на уровень открытых позволяет говорить о несостоятельности миграционной политики, основанной на модели мультикультурализма, присущей до недавнего времени странам Западной и Северной Европы, Австралии, США и Канаде.

В России сложились свои особенности миграционной политики. После распада СССР на территории Российской Федерации возникла евразийская миграционная система, в которой страна приобрела статус активно принимающей мигрантов стороны. Пребывающие на территории России мигранты по своему составу неоднородны. Если для одних категорий достаточно первичной адаптации (как правило, это рожденные в период СССР), то в отношении других (прежде всего молодежи) – необходима максимальная интеграция. Именно эта особенность определила содержание политики мультикультурализма в России: дифференцированный подход по отношению к различным категориям мигрантов.

Современную политику мультикультурализма Л. Г. Русских рассматривает как политику интеграции иммигрантов в национальное государство. Назначение этой политики она видит в содействии включению «личности в социальную систему независимо от расового и культурного признаков» при условии полноправного гражданства государства. [8, с. 88].

Следует отметить, что в России политика мультикультурализма, проводимая в течение нескольких столетий, принесла успех, позволила интегрироваться более ста национальностям и длительное время проживать народам вместе, несмотря на серьезные социальные потрясения в прошлом веке.

Интеграция, буквально описывающая взаимозависимость частей целого, в принципе, является «функционированием» обществ. Логически интеграция представляет собой противоположность «дезинтеграции» и «сегрегации». «Интеграция мигрантов» в первом из данных контекстов означает такое включение новоприбывшего населения в существующее общество, которое не нарушает целостности последнего. Во втором из контекстов «интеграция мигрантов» предполагает, что принимающей стране удастся избежать разделения общества – пространственно-географического, коммуникационного и культурно-символического – на изолированные друг от друга сообщества (или, выражаясь в других терминах, замыкания мигрантского населения в изолированных от местных жителей анклавах, в пресловутых мигрантских гетто). [7, с. 15]

На практике существуют различные виды вхождения индивида в принимающее сообщество, основу которых составляют следующие формы интеграции [3]:

1. Структурная интеграция – процесс, в ходе которого мигранты находят свое место в принимающем сообществе: приобретают гражданские права, выходят на рынок труда, становятся представителями местного сообщества.

2. Коммуникационная интеграция – процесс формирования отношений и сетей социальной поддержки. Он содержит формирование дружеских, рабочих или романтических отношений, вступление в брак. Суть коммуникационной интеграции – общение между местными жителями и мигрантами.

3. Интеграция принадлежности – процесс, вследствие которого мигранты начинают идентифицировать себя с принимающим сообществом. В результате такой интеграции мигранты прекращают чувствовать себя исключенными, чужими.

Мигрант, успешно интегрированный в принимающее сообщество, ориентируется в местной культуре и свободно говорит на местном языке, занимает адекватную своему образованию и культурному уровню позицию на рынке труда, общается с местным населением и ощущает эмоциональную привязанность к стране, где он живет.

Выделяют и модели интеграции [1]:

модель интеграционных стратегий (интеграции) – взаимное принятие культурных ценностей как мигрантов, так и принимающего населения;

модель ассимиляции – потеря культурных ценностей;

модели изоляции или сегрегации – мигрант сам себе выбирает группу, где ему комфортно (стратегии роста культурного уровня);

мигрант не заинтересован в принятии культуры коренных народов, (маргинализация мигранта).

К указанным моделям Т. Н. Балашова добавляет модель мультикультурализма [5, с. 79–85]. Она представляет форму компактного проживания иммигрантов на территориях вселения с сохранением традиций, обычаев и иных культурных норм, принсенных из общества исхода, при этом взаимодействующих с местным населением, признающих официальные нормы принимающего их сообщества. При данной интеграционной модели иммигранты имеют равный доступ во всех сферах общества при сохранении ими собственного этнокультурного своеобразия (языка, социального поведения, языка).

Проблема интеграции мигрантов многомерна. С одной стороны, мигранты выступают в качестве объекта управления, а их интеграция – в качестве результата усилий специально занятых этим институтами. Это административный аспект. С другой стороны, мигранты – субъект социального взаимодействия. Различные индивиды и группы из числа новоприбывшего населения вступают в контакт с индивидами и группами из числа старожильского населения [7, с. 18].

Анализ взаимодействия этих индивидов и групп выводит нас к политическому аспекту интеграции мигрантов и конкретно политике иммиграции.

Профессор Т. Н. Юдина в рамках модели мультикультурализма выводит два варианта государственной миграционной политики.

Политика невмешательства, на примере США трактуемая как допуск культурного и религиозного разнообразия, но на уровне государственной политики не осуществляющая поддержку этнических культур.

Политика мультикультурализма, определяемая как «готовность большинства общества принять культурное различие и в соответствии с этим изменять соответственно социальное поведение в обществе и даже его социальные структуры» [9, с. 35].

Выделенные модели интеграции в рамках миграционной политики государства способствуют теоретическому осмыслению достоинств и недостатков существующих вариантов адаптации мигрантов, в том числе детей-инофонов, в принимающее сообщество и выбору наиболее эффективной стратегии по отношению к мигрантам в рамках интеграционной политики страны в будущем.

Наиболее целостное видение политики интеграции мигрантов представлено в работах В. А. Ачкасова. Ученый выделяет четыре основных направления интеграционной политики:

инструментальная интеграция, т.е. знание языка страны, социальной инфраструктуры;

экономическая интеграция, которая осуществляется через доступ к рынку труда, системе повышения квалификации или переквалификации и образованию в целом;

культурная интеграция, т.е. приобщение и восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего общества;

социальная интеграция – разрушение барьеров между группами мигрантов и социальными группами принимающего общества, налаживание контактов между представителями различных социальных групп. [4, с. 4]

Интеграционная политика как отдельное направление в целом остается в России недооцененным. По мнению В. Ионцева и И. Ивахнюк, для того, чтобы интеграция мигрантов была эффективной, необходимо четкое понимание того, что такое интеграция, какими инструментами она может осуществляться в отношении разных групп мигрантов, какова численность и специфика этих групп, их социальное, экономическое и демографическое поведение и т.д. Иными словами, политика интеграции должна опираться на надежную информационную и концептуальную основу, которой в России пока нет [6].

На основании анализа современного государственного регулирования миграции в Российской Федерации следует, что Россия только приступила к формированию всесторонней, научно обоснованной системы регулирования миграционных процессов на основе концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.

Однако, сама концепция не лишена издержек – отсутствует понятие интеграционной политики; нет какого-либо упоминания о детях мигрантов. Отсутствие нормативного акта об интеграции мигрантов, в котором были бы прописаны правовые, социальные, организационные и экономические основы адаптации мигрантов в Российской Федерации и включение детей мигрантов в социокультурное пространство российского общества, мы объясняем сложившейся практикой, направленной на адаптацию мигрантов.

Направленностью миграционной политики на адаптацию был оправдан на период приезда в Россию бывших граждан СССР (ныне стран СНГ). Выросшие и сформированные в Советском Союзе, владеющие русским языком мигранты, легко адаптировались и интегрировались к социокультурной среде России. Иная ситуация складывалась и сохраняется до сих пор с молодыми мигрантами, выросшими в национальных государствах. Их отличает слабое владение русским языком, незнание истории, культуры территории пребывания, законов, общих норм поведения. К тому же, страхи, обусловленные незнанием особенностей территории их нового места жительства, людей, возможно, наличие и некоторой негативной информации, – нередко порождают неадекватное поведение.

Таким образом, работа с мигрантами в России обуславливает необходимость целостного подхода, особой интеграционной политики с учетом страны пребывания, культурных, возрастных особенностей и тех проблем, которые им приходится решать в повседневной жизни.

Что касается Германии, то здесь накоплен значительный опыт работы с мигрантами, приезжающими на постоянное место жительства в страну.

Согласно определению Толкового словаря организации BMI, «Интеграция» рассматривается как долгосрочный процесс, направленный на включение в общество всех людей, постоянно и на законных основаниях проживающих в Германии. Целью государственной политики интеграции является предоставление иммигрантам в долгосрочной перспективе таких же возможностей для участия в экономической, социальной и политической сферах, как и у местного населения. Иммигранты обязаны изучать немецкий язык, а также знать, уважать и соблюдать конституцию и законы. В то же время иммигрантам должен быть предоставлен равный доступ ко всем слоям общества, насколько это возможно.

Согласно цели интеграционной политики ФРГ, разработан специальный «Интеграционный курс», который состоит из 700 учебных модулей [2]. Он разделен на базовый и продвинутый языковые курсы, а также ориентационный курс; занятия проводятся на немецком языке.

При необходимости для лиц, имеющих право на участие, могут быть созданы интеграционные курсы для специальных целевых групп:

Курс грамотности: для тех, кто не умеет или не может в достаточной степени читать или писать.

Интеграционный курс для:

- изучающих вторичный алфавит – кто научился читать и писать в нелатинской системе письма;

- молодежи – кто уже не должен посещать школу и еще не достиг 27-летнего возраста.

Курсы для родителей и женщин: кто не может посещать общие интеграционные курсы по семейным или культурным причинам.

Лечебный курс для тех, кто имеет особые языковые образовательные потребности.

Интенсивный курс для тех, чей результат тестирования свидетельствует об успешном прохождении обучения в рамках учебного объема 400 учебных единиц языкового курса и 30 учебных единиц ориентационного курса.

Лечебный курс для людей с ограниченными возможностями.

Успешное участие в интеграционном курсе подтверждается Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев «Сертификатом интеграционного курса».

Федеральное правительство поощряет меры по социальной интеграции иммигрантов со статусом постоянного проживания. Сюда входят проекты, ориентированные на сообщества, целями которых являются интеграция в местное сообщество, равное участие в общественной жизни, усиление навыков, приобретенных **мигрантами**, предотвращение насилия, а также улучшение взаимного принятия и сосуществования между местными жителями и иммигрантами.

Важное значение в интеграционной политике ФРГ играет понимание роли особой политики в отношении детей мигрантов. Так, например, созданы специальные центры, способствующие более легкой адаптации и интеграции юных мигрантов к новым территориальным условиям. Например, Центр интеграции (Kommunales Integrationszentrum) в Lüdenscheid, который оказывает образовательную поддержку детям-мигрантам и их родителям. Они предлагают консультирование по вопросам образования, уход за детьми и реализацию проектов, таких как места для межкультурных встреч и образование, языковые курсы, финансируемые из фонда интеграции земель.

Благодаря активному участию субъектов гражданского общества на региональном и местном уровнях действуют более инклюзивные политические процессы, которые позволяют мигрантам на этих уровнях участвовать и быть реально включенными в процесс интеграции. Общение и сотрудничество между гражданским обществом, общественными организациями и органами местного самоуправления в сфере интегрирования мигрантов является основным фактором выработки менее политизированных, более прагматичных и целенаправленных подходов к интеграции на субнациональных уровнях управления.

Особую окраску проблема интеграции приобретает в контексте исследования детей мигрантов. Здесь ключевым становится понятие «дети». Тем самым расширяется диапазон интеграционной политики в отношении детей мигрантов. С учетом особенностей детской возрастной группы, расширяется и усложняется сама политика интеграции введением новых аспектов: социализации, социокультурной, информационной, образовательной среды социализации; коммуникативные технологии и др., не учтенные в миграционной политике. Интеграция детей мигрантов в рамках современной политики ограничена образовательным учреждением.

Интеграция мигрантов (детей) представляется собой двухсторонний направленный процесс, затрагивающий без исключения интересы всех членов принимающего общества. Однако

часто интеграционный процесс характеризуется качественно одной стороной характеристикой вхождения индивида в местное сообщество.

В Германии интеграция – это процесс, осуществляемый вертикальными и горизонтальными усилиями множества институтов и социальных акторов, работающих вместе. Сюда входят органы власти на национальном, региональном и местном уровнях, а также различные агентства, организации, волонтеры и члены сообщества. Несмотря на то, что местные власти не обладают такими обширными юридическими полномочиями как федеральное правительство, они играют важную роль в локальной интеграции, часто работая с организациями гражданского общества для предоставления услуг иммигрантам с акцентом на индивидуальный подход к каждому.

Национальный уровень более политизирован и зависим от политической конъюнктуры, чем региональные власти, что позволяет ему проводить более целенаправленную политику, способствующую интеграции.

Что касается России, необходима самостоятельная интеграционная политика с учетом всей совокупности факторов, определяющих успешность интеграции, в рамках которой отдельным направлением должно быть разработана интеграция детей-мигрантов.

Литература

1. *Berry J.* Acculturation and Adaptation in New Society//International Migration. Vol.30. 1992. URL: https://www.bmi.bund.de/DE/service/lexikon/functions/bmi-lexikon.html?cms_lv3=9398118&cms_lv2=9391108#doc9398118 (дата обращения: 10.05.2022).
2. Integrationskursverordnung (IntV), § 10. URL: <https://www.buzer.de/gesetz/1561/a22150.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
3. *Powers M. G.* Assimilation, integration, and incorporation. The Encyclopedia of Global Human Migration. 2013// URL: <http://miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (дата обращения 01.06.2021).
4. *Ачкасов В. А.* Интеграция трудовых мигрантов в принимающее сообщество: роль СМИ // Политэкс. 2011. № 4 Том 7. С. 41–51.
5. *Балашова Т. Н.* Конституционно правовые проблемы формирования миграционной политики. СПб, 2011.
6. *Ионцев В., Ивахнюк И.* Модели интеграции мигрантов в современной России, CARIM-EastRR 2013/12, Robert Schuman

- Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.
7. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2015.
 8. Русских Л. Г. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 2, т. 14, 2014. С. 85–89.
 9. Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004.

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Сарыглар С. А., Щеглова Д. К., Барнаул (Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация. Приграничные регионы являются одними из центров миграционных потоков, где сосредоточена внешняя, внутренняя и транзитная миграция населения. Миграция в данных регионах играет значимую роль в развитии региона. Актуальным остается вопрос не только привлечения мигрантов в приграничные регионы, но и вопрос сохранения и увеличения численности местного населения. В статье представлен теоретический и эмпирический анализ миграционного потенциала населения приграничных регионов России. Представлены результаты социологических исследований, проведенных среди населения приграничных регионов России в 2020–2021 гг. (n = 3 457, Алтайский край, Республика Бурятия, Белгородская область, Воронежская область, Челябинская область, Хабаровский край). Отмечается средний уровень миграционного потенциала населения приграничных регионов. Выделены группы населения с внутренним, внешним и неопределенным миграционным потенциалом.

Ключевые слова: миграция, миграционный потенциал, приграничные регионы, человеческий капитал, факторы миграции

MIGRATION POTENTIAL OF THE POPULATION OF THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Saryglar S. A., Shcheglova D. K., Barnaul (Russia)

Abstract. Border regions are one of the centers of migration flows, where external, internal and transit migration of the population is concentrated. Migration in these regions plays a significant role in the development of the

region. The issue of both attracting migrants to these regions and preserving and increasing the number of local population remains relevant. This article presents a theoretical and empirical analysis of the migration potential of the population of the border regions of Russia. The results of sociological studies conducted among the population of the border regions of Russia in 2020–2021s are presented (n = 3457, Altai krai, Republic of Buryatia, Belgorod oblast, Voronezh oblast, Chelyabinsk oblast, and Khabarovsk krai). The average level of migration potential of the population of the border regions is noted. Population groups with internal, external and indefinite migration potential are identified.

Keywords: migration, migration potential, border regions, human capital, migration factors

Предпосылки и цели исследования. После распада СССР многие регионы России стали приграничными и соседствуют, в частности, со многими странами СНГ. Для этих регионов характерны регулярные миграционные потоки – внешние, внутренние, приток и отток мигрантов. Лишь небольшая часть прибывающих в страну мигрантов остаются в приграничных регионах, большинство по истечении определенного времени возвращаются на родину или мигрируют в другие регионы, страны.

Миграция играет значимую роль в демографическом развитии приграничных регионов. Актуальным является не только вопрос роста населения за счет прибывающих мигрантов, но и сохранение и увеличение численности местного населения. Поэтому необходимо изучение и измерение миграционного потенциала населения данных регионов.

Миграционный потенциал личности представляет собой «состояние готовности к переезду» [1, с. 49], а под миграционным потенциалом региона мы понимаем долю жителей в общей численности региона, желающей сменить свое место жительства. В. И. Мукомель миграционный потенциал населения определяет как возможную численность населения, которое может эмигрировать из страны проживания [2, с. 341].

В большинстве случаев данный термин используется в отношении внешней миграции населения и подразумевает готовность населения к эмиграции из своей страны. Изучение миграционного потенциала стало особенно актуальным после распада СССР. Тогда исследовательский акцент делался на миграционном потенциале соотечественников – возможности их возвращения в Россию [3, с. 1].

В данной работе мы рассматриваем миграционный потенциал населения приграничных регионов России, и ответим на вопросы:

«Каков миграционный потенциал населения приграничных регионов России?», «Какая часть населения рассматривают вариант переезда и почему?». В данном случае под миграционным потенциалом населения мы понимаем готовность не только к внешней миграции (в другую страну), но и внутренней (внутри района, между районами, городами, между регионами).

Статистическая основа и методология исследования. В статье представлены результаты социологических исследований, проведенных среди местного населения приграничных регионов России в 2020–2021 гг. ($n = 3457$, Алтайский край, Республика Бурятия, Белгородская область, Воронежская область, Челябинская область, Хабаровский край). Данные собраны с помощью анкетного опроса. Выборка исследования строилась методом квотного отбора на основе статистических данных о составе населения.

Для выявления миграционного потенциала населения использовались методы частотного, кросстабуляционного анализа. Анализ выполнялся с помощью программы для статистической обработки данных SPSS Statistics 20.0.

Население было разделено на группы с неопределенным, внутренним и внешним миграционным потенциалом. Неопределенный миграционный потенциал характерен для населения, желающего сменить место жительства, но еще не определившегося с возможным направлением и местом переезда. Внутренний миграционный потенциал предполагает желание и/или готовность населения мигрировать внутри страны (между районами, городами внутри одного региона или между разными регионами страны). Под внешним миграционным потенциалом подразумевается желание и/или готовность населения эмигрировать в другие страны.

Основные результаты. Большинство населения приграничных регионов ответили, что не планируют менять свое место жительства (61,2%). Миграционный потенциал наблюдается у 38,8% населения. Наибольший миграционный потенциал характерен для жителей Хабаровского края, где 55,8% населения планируют сменить свое место жительства. Средний уровень миграционного потенциала наблюдается у населения Челябинской области и Республики Бурятия – в этих регионах половина населения рассматривают вариант переезда на другое место жительства (42% и 45,4% соответственно). Низкий уровень миграционного потенциала населения отмечается прежде всего в Воронежской, Белгородской областях и Алтайском крае, где меньше трети населения хотели бы сменить свое место жительства (20,5%, 21,9% и 28,2% соответственно).

Для населения приграничных регионов прежде всего характерен внутренний миграционный потенциал (18,8%). Из них 13,5% планируют переехать в другие регионы России, лишь небольшая часть населения планируют переезд внутри своего района (2,7%) или в другой район своего региона (2,6%).

Наибольший внутренний миграционный потенциал наблюдается у населения Хабаровского края (35,0%), Республики Бурятия (26,9%) и Челябинской области (21,0%). Треть населения Хабаровского края ответили, что планируют переехать в другой регион России (28,0%).

Значительная часть населения ответили, что планируют куда-нибудь уехать, но еще не знают, куда именно (14,4%). Неопределенный миграционный потенциал чаще всего отмечается у населения Челябинской области (19,5%), Хабаровского края (19,4%) и Республики Бурятия (16,3%).

Внешний миграционный потенциал наблюдается только у 5,6% населения. Среди стран для возможного переезда чаще всего упоминаются Канада, Германия, США. Лидером по внешнему миграционному потенциалу населения стала Челябинская область, где 7,4% жителей планируют переехать в другие страны. Также потенциал внешней миграции характерен для 6,3% населения Хабаровского края, 5,3% населения Республики Бурятия и Белгородской области, 4,6% жителей Воронежской области и 4,0% населения Алтайского края.

Основной причиной переезда для большинства населения приграничных регионов является улучшение качества жизни в целом (23,8%), обеспечение будущего детей (15,9%), улучшение благосостояния, жилищных условий (14,6%) и улучшение экологических, климатических условий жизни (14,5%).

Анализ причин в зависимости от региона показывает практически идентичные данные. По сравнению с другими регионами, население Челябинской области и Хабаровского края, планирующее переехать, чаще отмечает, что планирует переехать из-за экологических, климатических условий (46,5% и 33,5% соответственно).

Миграция – постоянный и непрерывный процесс, влияющий на все стороны общественной жизни. Каждый день по всему миру из-за экономических, экологических, социально-политических и других проблем мигрируют сотни, миллионы людей. Как показывают результаты исследования, для населения приграничных регионов России характерен средний уровень миграционного потенциала – чуть больше трети населения планируют сменить свое место жительства. У большинства населения наблюдается внутренний и неопределенный миграционный потенциал. Основными причинами и факторами

возможного переезда населения являются прежде всего социально-экономические условия жизни и их улучшение.

Литература

1. Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Миграционный потенциал: теоретические аспекты // Народонаселение, 2016. № 1–1 (71–1). С. 42–51.
2. Миграция населения: теория и практика: уч. пос. / Москов. псих.-соц. ун-т; [под ред. Воробьевой О. Д., Топилина А. В.]. М.: Экономическое образование, 2012. 364 с.
3. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 29–36.

САМОДИЙСКО-ТЮРКСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНЕ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Сидорова Т. А., Томск (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается такой элемент материальной культуры северных алтайцев и южных селькупов как национальная кухня. В качестве индикаторов для сравнения были выдвинуты мясные и рыбные блюда, растительная пища, молочные продукты, напитки, а также способы их приготовления. С помощью поставленных индикаторов был проведен сравнительный анализ, целью которого являлось выявление самодийского субстрата в культуре северных алтайцев. Выявление общего и особенного в традиционной культуре необходимо для решения проблемы происхождения этих народов. Проведенный анализ показал, что в некоторых элементах национальной кухни наблюдаются сходства, которые нельзя объяснить общим хозяйственно-культурным типом или природными условиями, что позволяет сделать предположение о наличии общего этнического субстрата, принявшего участие в формировании этих народов.

Ключевые слова: северные алтайцы, южные селькупы, традиционная культура, хозяйственно-культурные типы, этногенез, этническая история, национальная кухня

SAMOYI-TURKIC PARALLELS IN THE NATIONAL CUISINE OF NORTHERN ALTAIANS

Sidorova T. A., Tomsk (Russia)

Abstract. The article analyzes national cuisine as an element of material culture of the northern Altai and southern Selkup. Meat and fish dishes, vegetable food, dairy products, beverages, as well as ways of their

preparation were proposed as indicators for comparison. With the help of the indicators, a comparative analysis was carried out, the purpose of which was to identify the self-made substrate in the culture of the Northern Altaians. The identification of the common and particular features of traditional culture is necessary to address the problem of the origin of these peoples. The analysis showed that there were similarities in some elements of the national cuisine that could not be explained by the general economic and cultural type or natural conditions, suggesting that there was a common ethnic substrate, He was the leader of these peoples.

Keywords: *northern Altai, southern Selkup, traditional culture, economic and cultural types, ethnogenesis, ethnic history, national cuisine*

Южная гипотеза происхождения селькупов была сформулирована в XIX веке, когда финский лингвист, исследователь финно-угорских и самодийских народов, М. А. Кастрен высказал убеждение: «Что самоеды вышли с Алтая – это не подлежит никакому сомнению, потому что так много ветвей этого племени открыто и часть откроется еще близ этого горного хребта» [1, с. 245]. То, что для Кастрена было решенным вопросом, породило множественные споры в среде ученых. На сегодняшний день проблема этногенеза селькупов стоит перед научным сообществом. Для того, чтобы согласиться с этой гипотезой или опровергнуть ее, необходимо провести компонентный анализ культуры этих народов. В настоящей статье внимание сфокусировано на сравнении национальной кухни изучаемых народов.

С середины XIX века в рацион северных алтайцев и селькупов вошли покупные продукты, а в XX веке – продукты скотоводства и земледелия были привнесены в культуру селькупов, однако в рамках данной статьи интересно установить особенности традиционных культур этих народов, не принимая во внимание русское влияние на национальную культуру, поэтому на этих продуктах внимание не сконцентрировано.

Известно, что главным занятием южных селькупов было рыболовство, поэтому логично, что рыбные блюда преобладали в национальной кухне. До 1930-х гг. селькупы не знали некоторых технологий заготовки рыбы (соления, копчения), поэтому употребляли в пищу вареную рыбу, рыбный суп, *чансу* – обжаривали рыбу на палочке-вертеле на костре, чтобы заготовить впрок – вялили и сушили, перемалывали на рыбную муку (*порсу*), которую потом добавляли в бульон или же ели как закуску к чаю [2, с. 98]. Рыбу ели «чушем», стерлядь летом ели «живой», то есть только что пойманную рыбу распарывали, подсаливали и ели в таком виде. Из рыбного филе делали фарш, которым затем начиняли шкуру щуки. Внутренности некоторых

рыб использовали в приготовлении рыбного супа, так, к примеру, печень (максу) налима растирали и добавляли в уху, так же использовали молоки, рыбный пузырь, иногда икру [3, с. 169–171]. Из разных видов рыб пекли пироги, однако обязательным условием было отсутствие других ингредиентов, позже в рыбные пироги стали класть картофель [3, с. 174].

Из злаковых растений предпочтение отдавали ячменю, из него варили каши и пекли лепешки [4, с. 188].

Продукты охоты занимали свое место в рационе питания: в основном это было мясо лося, иногда – зайчатина, мясо белок варили или обжаривали на костре. Боровую дичь вялили для долгой сохранности или же варили для потребления.

Черемша (колба), дикий лук употреблялись в качестве приправы к мясу [2, с. 198]. Также некоторые селькупы собирали и сушили дикий хрен, использовали его в качестве приправы к мясу и рыбе [3, с. 176].

Известно, что в качестве чая нарымские селькупы использовали смесь из толченной чаги, сушеных смородиновых и малиновых листьев и сушенной малины. Иногда в заварку добавляли иван-чай, дикий тмин, мяту, сушеные ягоды черемухи. Помимо отвара из чаги пили также отвар из шиповника.

Среди хозяйственных занятий народов Северного Алтая первенство принадлежало собирательству и земледелию, поэтому растительные продукты преобладали в рационе народа. Ягоды, кедровый орех, дикий лук и чеснок употребляли в сыром виде, черемшу заготавливали на зиму, добавляли в качестве приправы при приготовлении супов и других блюд, употребляли в сыром виде [5, с. 123]. Челканцы из луковиц кандыка и сараны готовили жидкую похлебку – *тире* [6, с. 476]. Выращенные злаки (просо, пшеница, рожь, ячмень) северные алтайцы использовали как в качестве круп, так и перемалывали в муку, из которой готовили пельмени, лапшу, выпечку. Одним из самых любимых блюд у кумандинцев было толокно (талкан/талган) – обжаренные, а затем перемолотые зерна ячменя, талкан шел на приготовление каш. Мука, полученная из сырых зерен, использовалась при приготовлении теста, из которого кумандинцы изготавливали лапшу, хлеб и лепешки для *казан тертика* (блюдо, похожее на бешбармак) [7, с. 355].

Мясная пища у северных алтайцев была представлена мясом диких и домашних животных. Помимо мяса кумандинцы использовали в пищу внутренности домашних животных, а именно легкие, почки, сердце и кишки, также в кухне использовались исключительно животные жиры [7, с. 355]. Внутренности домашних животных использовались в

качестве ингредиентов разных блюд, так известна кровяная колбаса с крупой и луком, где в качестве оболочки используется прямая кишка. Кроме того, известно, что широкое распространение у кумандинцев получила колбаса из конины с салом – *каазы* [7]. Блюдо *шургел* готовилось из внутренностей животных (овечьё сердце, печень, легкие, диафрагма, желудок и внутреннее сало, кишки), блюдо *пыжым* (толстая кишка табаранга, набитая кровью, осердием, печенью и салом), *казыльбельмене* – блюдо, похожее на пельмени (конский жир, лук, тесто), *карын* (из коровьей требухи, лука, овечьего жира). Внутренности диких животных употребляли в пищу лишь в сыром виде [8, с. 54]. Однако имеются сведения о приготовлении блюд из желудка сурка. В качестве ингредиентов использовались внутренности диких животных (легкие, сердце, почки, печень), которые нарезались и забивались в желудок сурка, затем желудок завязывали с обеих сторон, варили в кипящей воде, после чего подавали на стол в нарезанном виде. Традиционно, во время забоя животного готовили блюдо *баш эт* – «мясо головы» – это вареное мясо головы с добавлением шейной мякоти и ребер. Для заготовки мяса на зиму его вялили или сушили. Собственно, из мяса готовили мясные бульоны (*мун*), мясные щи (*аскан ургажи*). Вареное мясо подавали отдельно от гарнира, то есть его отваривали в котлах, потом выкладывали в отдельную посуду, а в бульон закидывали лапшу [7, с. 357–358].

Рыба также занимала свое место в традиционной кухне кумандинцев. Известно, что кумандинцы не ели жареную рыбу, зато готовили уху с мучной болтушкой, пекли пироги, иногда запекали в собственном соку на сковороде [5, с. 126]. Мелкую рыбу (гальян) сушили, измельчали и добавляли к лапше. Перемолотый порошок «урак» добавляли в бульоны, омлеты, кипяченое молоко. Рыбу солили, вялили, сушили для долгой сохранности [7, с. 358].

Известно, что молочные продукты северные алтайцы употребляли в пищу. Из свежего молока (*сум*) они варили каши, заправляли им талкан. С отстоявшегося молока они ложкой снимали сливки, которые загустевали в отдельной посуде, становясь сметаной (*каймак*), которую, в свою очередь, взбивали в масло (*сарью*). Масло перетапливалось на медленном огне и хранилось в берестяных туесках или крынках. Из прокисшего молока (*пастык*) делали творог (*арчи*). Из творога готовили сыр (*курут*) [7, с. 358].

Из напитков северные алтайцы предпочитали травяной чай из листьев смородины, земляники, малины. Тубалары добавляли в чай молоко. Из сквашенного молока гнали молочную водку (*ара*) [9, с. 503].

Из приведенного выше текста следует, что у северных алтайцев и селькупов в пище наблюдаются и сходные, и различные черты. У селькупов, по сравнению с северными алтайцами, большее разнообразие в рыбном рационе. В первую очередь это объясняется более развитой речной системой. С другой стороны, на северных алтайцев на момент XIX – первой трети XX веков большое влияние оказала тюркская культура, в основе которой лежит скотоводство, а не рыболовство. Так, алтай-кижи в изучаемый период вообще не употребляли рыбную пищу. Однако, тем не менее, общие рыбные блюда все же существуют, и если рыбные пироги, печеная, вяленая, сушеная рыба и уха не вызывают вопросов, потому как характерны для многих других народов, то наличие такого продукта как рыбная мука уже интересно. Известно, что рыбная мука «*порса*» была характерной особенностью традиционной кухни селькупов, однако при изучении пищи северных алтайцев встретилось упоминание о бытовании у них «*урака*», который по способу приготовления является аналогией селькупской «*порсы*». Таким образом, общие рыбные блюда у селькупов и северных алтайцев существовали, однако именно наличие «рыбной муки» может служить свидетельством общего прошлого у этих народов.

Мясная и молочная пища не может служить индикатором для определения этногенетических связей у изучаемых народов. Скотоводство не было ведущей отраслью хозяйственных занятий селькупов, вследствие чего мясной рацион у них был более скуден. В сравнении с ними у северных алтайцев существовало большое разнообразие мясных блюд, очевидно, что на этом сказалось тюркское влияние.

Пища растительного происхождения у обоих народов представлена сходными продуктами. Так, особое место в традиционной кухне занимала черемша (колба), известно, что и южные селькупы, и северные алтайцы ели ее и в сыром виде, пекли пироги с ней, заготавливали на зиму, использовали в качестве приправы. То же можно сказать относительно дикого лука и чеснока. Сохранились сведения, что злаковые употреблялись в обеих культурах, у селькупов, как и у челканцев, на первом месте был ячмень. Одни и те же ягоды употребляли в пищу представители этих этносов, как и травяной чай готовился из листьев этих ягодных кустов. Из спиртных напитков у селькупов была известна брага, у северных алтайцев о ней нет упоминаний, однако существуют свидетельства об изготовлении северными алтайцами молочной водки, которая не была

распространена среди селькупов в силу отсутствия у последних молочных продуктов.

Сравнительный анализ национальной кухни показал, что существуют значительные сходства. Интересным представляется наличие такого нехарактерного для алтайцев продукта как рыбная мука. В изучаемый период большое влияние на северных алтайцев оказывала тюркская культура, в которой не предусмотрено использование рыбной пищи. Таким образом, выявленная особенность может служить доказательством сохранения северными алтайцами самодийских традиций.

Литература

1. *Кастрен А. М.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. 495 с.
2. *Тучков А. Г.* Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X–XX вв.): монография / А. И. Боброва, М. П. Рыкун, А. Г. Тучков, И. В. Чернова. Томск: Изд-во ТГПУ, 2016. С. 165–205.
3. *Сайнакова Н. В.* Обские шешкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук/ Н. В. Сайнакова. Томск, 2018. 270 с.
4. *Ким А. А.* О традиционной пище нарымских селькупов / А. А. Ким, Д. А. Кудряшева. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 186–190.
5. *Сатлаев Ф. А.* Кумандинцы: Историко-этнографический очерк /Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1974. 199 с.
6. *Бельгибаев Е. А.* Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН. М.: Наука, 2006. С. 472–480.
7. *Назаров И. И.* Кумандинцы // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; ИЭиА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 324–376.
8. *Потанов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. 442 с.

9. Сарбашева С. Б. Тубалары. Хозяйственные занятия и материальная культура / С. Б. Сарбашева, Д. В. Маслов / Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН. М.: Наука, 2006. С. 498–505.

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА УРОВНЯ БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

Спирина А. С., Барнаул (Россия)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-311-90040 «Социальное доверие и коррупция: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях регионального социума» (2019-2021).

Аннотация. Необходимость исследования бытовой коррупции в приграничном регионе определяется высокой значимостью негативного воздействия коррупции на государственную и общественную безопасность страны. В Алтайском крае, как и в других регионах России, коррупция является угрозой безопасности личности, общества и государства, и решение этой проблемы является важным вызовом для региона. Основной целью данной статьи является определение уровня коррупции в Алтайском крае и анализ динамических характеристик практик бытовой коррупции на основе социологических исследований, проведенных в 2018 и 2019 годах в Алтайском крае. Анализ позволил оценить масштабы коррупции в Алтайском крае. Была установлена взаимосвязь между географическим положением и масштабами коррупции, изменением уровня коррупции и методами решения проблемы коррупции. Были определены и разделены понятия распространенности, спроса и риска коррупции. Показатели коррупции были проанализированы через частотный анализ по респондентам и отдельным ситуациям. Подробный анализ ситуаций повседневной жизни, в которых проявлялась коррупция, позволил выявить наиболее коррумпированные сферы.

Ключевые слова: бытовая коррупция, распространенность бытовой коррупции, динамика, приграничный регион, спрос на коррупцию, риск коррупции

STATUS AND DYNAMICS OF THE LEVEL OF DOMESTIC CORRUPTION IN THE BORDER REGION OF RUSSIA

Spirina A. S., Barnaul (Russia)

The reported study was funded by RFBR, project number 19-31-27001: "Social trust and corruption: problems of interdependence and transformation in contemporary conditions of regional society" (2019-2021).

Abstract. *The necessity of carrying out investigations into domestic corruption in the border region are determined by the high significance of the negative impact of corruption on the state and public security of the country. In the Altai krai, as in other regions of Russia, corruption is a threat to the security of individuals, society and the state and addressing it is an important challenge for the region. The main purpose of this article is to determine the level of practices of domestic corruption in the Altai krai and to analyze the dynamic characteristics of practices of domestic corruption on the base of sociological surveys conducted in 2018 and 2019 in the Altai krai. The analysis made it possible to assess the extent of the corruption situation in the Altai krai. The relationship has been identified between territorial location and the coverage of corruption, the change in the level of corruption and the way in which the corruption situation is addressed. Concept of pervasiveness, demand and risk of corruption was defined and separated. Indicators of corruption were examined by the overall population of respondents and by different situations. The study of indicators from different situations has made it possible to identify the most corrupt areas.*

Keywords: *domestic corruption, pervasiveness of domestic corruption, dynamics, border region, demand for corruption, risk of corruption*

Introduction

The concept of corruption is a very contradictory and ambiguous phenomenon. Point of corruption can be differ among representatives of different social groups depending on the context of their perception. Identification of the subjects of corruption is important for sociological analysis. To date, the opinions disagree about the origin of the subjects of corruption. Corruption can be considered a form of social relations because as a rule several actors take part in it. The actors of corruption are acting an official (group of officials) and a private person (group of persons). The violation of formal rules of conduct by the public person in exchange for remuneration in the transaction is an act of corruption. There are two possible reasons for illegal transaction. In the first case - a private person applies for a benefit which belong to him. But he faces challenges in the process of documentation and decides to give a bribe to accelerate the process. In the second case individual give a bribe in order to get what is break the law [2]. Considering this definition, it can be seen that in the first and second cases the result of the interaction is the receipt of benefits by the two

parties, with a variation of the objective. It may seem that such an interaction brings a positive result. However, the involvement of participants in corrupt practices is in most cases considered a negative phenomenon. From the moral point of view, corruption is interpreted as a cynical substitution of laws and misunderstanding of norms and principles of social life such as honesty, decency and modesty. The result is one - the illegal enrichment of some at the expense of others, the discrediting of official power and strengthening the power of corrupt officials, weakening healthy moral principles and the establishment of immoral norms [3].

Although at the individual level corruption can in some cases be presented in a positive way, in fact «everything is bad», not only at the individual level, but also at the social level, the level of individual communities and groups.

The negative impact of corruption can be exacerbated by social inequality, the difficulty in receiving free public services (educational, medical, etc.), which are important indicators of a person's standard of living. In addition, corruption worsens the quality of services provided and turns free services granted by the state into paid by citizens, leads to tax evasion, non-efficiency of social programs and the discrediting of social institutions that are created specifically for them. Corruption transfers resources from the masses of society to the elites and mainly from the poor to the rich. The roots of corruption are laid in the unequal distribution of resources in society and in the future tend to acquire institutional characteristics [1].

The formation of a corrupt experience has passed a rather long period of time. Currently, there is a mutual influence of corruption and the prevailing culture, structure of organizational and managerial activities, economic and political development, poverty, value orientations of population, "loopholes" in laws and their effectiveness, judicial and investigative practice, mechanisms of control and counteraction, etc. [4].

Materials and Methods

The empirical basis for the analysis of corrupt practices among population is the results of sociological surveys among urban and rural population of the Altai krai aged 18-90 years conducted in 2018 (n = 1110) and 2019 (n = 1259). The subject of the study is the state and dynamics of the level of corruption in the Altai krai. The purpose of this work is to characterize the level of corruption practices in the Altai krai over time.

The analysis of the state and dynamics of the level of corruption in the Altai Region was carried out on the base of the following indicators:

- Pervasiveness of domestic corruption in the Altai krai;
- the degree of personal participation of the population in corrupt practices;
- involvement of the population in domestic corruption.

Corruption practices were analyzed through thirteen different situations of interaction of population with municipal authorities:

- receiving free medical care services in a clinic or hospital;
- preschool institutions - day care provision for young children или provision of day-care services;

- secondary school: enter the desired school and successfully graduate from it, training;

- university: enter, transfer from one university to another, pass exams and tests, etc.;

- pensions: registration, recounting, etc.;

- social payments: registration of rights, recounting, etc.;

- solving problems in connection with avoid mandatory military service or solve issues related to it;

- get a job or promotion;

- issues with a land plot: acquisition and (or) registration of the right to it;

- obtaining, registering or privatizing residential space;

- settle the matter in court;

- police (request for help and protection);

- traffic police (obtaining rights, violation of the rules, etc.).

The quantitative data were processed by means of the statistical software SPSS Statistics 23.0. Including frequency analysis and tests of independence for contingency tables.

Results

Pervasiveness of corruption was measured using the question: "In general, have you ever found yourself in a situation where you knew, expected or felt that an informal reward, a bribe, was necessary to solve a problem - whether you gave it or not?". The value of this indicator in 2019 amounted to 16.2%, which is almost two times lower than in 2018, which represented to 30.1% for that period. It should be noted that the proportion of those who found it difficult to answer this question remains at the level of 10% (10.1% and 11.3%, respectively). A statistically significant relationship was found between the level of corruption pervasiveness and place of residence ($\chi^2 = 0.193$, $p \leq 0.001$): corruption pervasiveness among the urban population in 2018 was higher (33.5%) than among the rural population (24.6%). In 2019 the pervasiveness of corruption between urban and rural populations was almost at the same level (13.2% and 17.5%, respectively), which can be explained by the specifics of the 2019 sample, where the percentage of the rural population prevailed over the urban population (71, 9% to 28.1%).

In the framework of the research the respondents were also asked to evaluate changes in the level of corruption over the past two years at the federal, regional and local levels. Table 1 presents the data obtained.

Table 1. Assessment by the population of changes in corruption, %

	Increased		Remained unchanged		Decreased		Difficult to answer	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019
In the city, village	22,7	17,2	42,4	45,0	12,7	10,0	22,2	27,8
In the region	32,0	21,3	38,6	39,2	9,2	9,1	20,2	30,5
In Russia	49,3	33,5	27,8	35,9	8,9	8,0	13,9	22,6

Source: (Compiled by the authors).

Evaluations of changes in the level of corruption at the country level in 2018 showed that the population noticed an increase in corruption over the previous two years (49.3%). At the same time, almost a quarter of the population (27.8%) noted referred to the absence of changes. In 2019 the opinion of the population was divided between the options "no change" and "increased of corruption" (35.9% and 33.5%, respectively). Comparing the dynamics of the perceptions of the population of the Altai region about changes in the level of corruption at the federal level, was noted a decrease in the share of the population who believed that the level of corruption growing and increased in the share of the population who noted the absence of changes.

At the regional level in 2019 there also was a decrease in the share of the population, who have noticed an increase in the level of corruption in the Altai krai over the previous two years. The proportion of the population reporting a lack of change remained at the same level. However, there is a trend of increasing in the proportion of those who believe that corruption is on the rise, increasingly at the local level. Though this trend is more prevalent in rural citizens of the Altai region, while among urban national are more likely to express their opinion of increased corruption.

There is a statistically reliable difference between opinion about changes in the level of corruption at the local level differs among the urban and rural population ($\chi^2 = 0.231$, $\chi^2 = 0.128$, $p \leq 0.001$): the urban population tends to look at the situation from a more negative point of view than the rural population according to both years. Among the urban citizen, almost a quarter of the population (25.1% and 27.3%) report about an increase in corruption in their city (18.9% and 22% among the rural). Only 7.2% - 7% of the urban national notes a decrease in corruption, in contrast to 22% - 16.6% among the rural citizen.

The study determined the level of demand for corruption which is considered to be the proportion of cases when the population gives a bribe in a corruption situation. This indicator shows the willingness of the population to resort to corruption as a means of solving their problems or as an inability to resist to corruption pressure from officials. The total sample demand for corruption in 2018 was 30.8%. In other words, among those who had ever found themselves in a corrupt situation, almost one of the three eventually decided to give a bribe. In 2019 the percentage of the population who gave the bribe amounted to 21%, that allow to note reduction in demand for corruption.

Then, the level of demand for domestic corruption was analyzed in the context of thirteen possible situations where population solve their daily problems. The demand for corruption among the population of the Altai krai was evaluated over the past two years. In 2018 the maximum value of demand for domestic corruption amounted to 13.2% when citizen had contact with traffic police. In 2019 there is a decrease in the value of the maximum indicator to 5.8%. Traffic police ranks first in the situation in the level of demand for domestic corruption despite the declining index. Table 2 presents the data obtained.

Table1. Demand for corruption, %

The situation	2018	2019
Preschools	5,1	4,7
Social payments	3,0	2,4
Job	2,3	2,0
Getting free medical care	4,5	3,8
School	7,4	4,0
University	5,7	1,0
Solving problems related to conscription	6,8	1,7
Land plot	3,4	1,0
Housing area	4,4	1,5
Court	7,8	2,3
Traffic police	13,2	5,8
Pensions	1,5	2,8
Police	2,4	3,2

Source: (Compiled by the authors).

In addition, we can talk about the general trend of "narrowing" the demand for corruption among the national of the Altai Region. The results of the 2019 obtained made it possible to identify six areas in which more than 5% of the citizen paid bribes in the previous two years. These are the court, primary and secondary education, military service, University, preschool and

traffic police. Traffic police, one of the six areas, retained its top positions in 2018.

For some situations, statistically significant differences were revealed between urban and rural populations in ways to solve the corruption situation. In the case of medical care services ($\chi^2 = 0.132$, $p \leq 0.001$) the demand for corruption is higher among the urban citizens in contrast to the rural population. In the case of traffic police ($\chi^2 = 0.206$, $p \leq 0.001$) the demand for corruption is on the same level. This means that urban and rural nationals are equally inclined to bribe when solving a problem with the traffic police. But at the same time, it can be noted that the urban population in contrast to the rural population is more inclined not to give a bribe in a corrupt situation.

Another considered indicator in the study was the risk of corruption which represents the proportion of cases when the population got into a corruption situation when interacting with a public authority. The table 3 presents the obtained data.

Table 2. Risk of corruption, %

The situation	2018	2019
Preschools	24,5	27,1
Social payments	15,0	20,4
Job	20,5	18,5
Getting free medical care	19,0	18,7
School	21,2	18,0
University	27,4	14,6
Solving problems related to conscription	23,9	16,5
Land plot	21,8	15,3
Housing area	21,8	26,3
Court	27,6	21,0
Traffic police	40,8	29,3
Pensions	14,2	26,1
Police	14,0	24,5

Source: (Compiled by the authors).

To analyze the dynamic of level of risk of domestic corruption fixed a "narrowing" of the spread of the index. In 2018 the level of domestic corruption risk was in the range of 14.0% – 40.8%. In 2019 the risk of corruption is in the range of 14.6% - 29.3%. Traffic police are back in the lead position with a slight decrease in values. There was a decrease in the risk of corruption in areas such as work, school, university, military draft, land and the court. The risk of corruption increased in areas such as pre-school institutions, social benefits, housing, pensions and the police. The medical

care service is one of the situation when the risk of corruption stable at the same level.

Comparison of changes in the level of demand for corruption and the risk of corruption enabled to divide all areas into two subgroups. The first subgroup was described as a “weakening” group which has included areas for applying to the school, court, military service, land and University - the level of demand for corruption and the level of risk of corruption decreased in these areas. The second subgroup - the “risk group” – has included the police and pension issues. Areas of this group are characterized by increased demand for corruption and increased risk of corruption.

Discussion

Pervasiveness of corruption is seen as the proportion of citizens who have fallen into the corruption situation at least once in their life regardless of the outcome: have they paid a bribe or not. The pervasiveness of corruption in the Altai krai in 2018 and 2019 can be described as “relatively low”. It is possible to note «decreases» in the scope of corruption in the Altai krai by 2019. Also, was revealed that the level of corruption pervasiveness among the urban population is higher than among the rural population according to 2018. There has been a decline of the level of preparedness for corruption action among the national of the Altai region.

Data on perceived of corruption at the federal, regional and local levels have shown that the greatest increase in corruption has been perceived among population at the federal level. However, the citizen has no change of the level of corruption in both years at the regional and local levels. But important to note the continued negative point of view of the urban national on the deterioration of the situation with corruption at the city level. Traffic police were the most corrupt area among urban and rural citizen. In this situation in addition to high values statistically significant differences between urban and rural populations in ways of solving the corruption situation were also revealed.

Conclusion

The latent nature of domestic corruption has a direct impact on the difficulty of determining the level of corruption. General ideas about the level of domestic corruption are based on various indicators. In this study the state and dynamics of domestic corruption was carried out by determining the pervasiveness of domestic corruption in the Altai Region, the degree of personal participation of the population in corrupt practices and the inclusion of the population in domestic corruption. Differences were identified in the population’s assessment of the level of corruption changes at the federal, regional and local levels. Also, according to some values

statistically significant differences were revealed depending on the territorial residence of the population.

References

Ardelyanova Ya. A. Corruption, trust and inequality in modern societies. Moscow state university bulletin. Series 18. Sociology and political science. 2014. No. 2. P. 212–219.

Khan M. Corruption and governance. Prognosis. 2008.No. 1. P. 125.

Okhotskiy E. V. Socio-legal nature and the main signs of corruption.State audit. Law. Economics. 2009. No. 3. P. 25–36.

Shakhtakhanov E. L., Dmitrieva E. N. Corruption as a social phenomenon and directions for improving the fight against corruption in the public service system. Stolitsa nauki. 2019. No. 6(11). P. 158–167.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ)

Спирина А. С., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. *Сегодня теория, практика и исследования в области человеческого капитала становятся все более актуальными. Однако в научной литературе нет единого мнения о том, что такое человеческий капитал, какова его структура и какие элементы объективно должны входить в его состав. Это сложное понятие, обусловленное многогранностью и многомерностью самого человека как носителя, воспроизводителя и источника этого капитала. Согласно одному из подходов трудовые ресурсы и человеческий капитал связаны общим базовым содержанием: реализация человеческого капитала и в какой-то мере его накопление происходят непосредственно в процессе труда, а трудовые ресурсы являются формой его проявления. В связи с этим для оценки общего состояния человеческого капитала важно проанализировать ключевые компоненты трудовых ресурсов. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в одном из приграничных регионов России. Опрос проводился среди городского населения в возрасте 18 лет и старше (N = 712). Целью данной работы является анализ характеристик трудового ресурса как составляющей человеческого капитала. В рамках работы дана*

характеристика трудовых ресурсов населения Челябинской области, определена самооценка населением уровня своей профессиональной подготовки, уровень трудовой мобильности и социально-демографические факторы, влияющие на степень ее проявления (пол, возраст, готовность к переезду).

Ключевые слова: трудовые ресурсы, человеческий капитал, приграничный регион

LABOR RESOURCES AS A HUMAN CAPITAL COMPONENT (RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE BORDER REGION OF RUSSIA)

Spirina A. S., Barnaul (Russia)

Abstract. *Current theory, practice, and research in human capital are becoming increasingly relevant. However, there is no consensus in the scientific literature on human capital, its structure, and what elements should be objectively included in its composition. This concept is complex due to the versatility and multidimensionality of a person as a carrier, reproducer, and source of this capital. According to one of the approaches, labor resources and human capital are linked by common basic content. The implementations of human capital and, to some extent, its accumulation occurs directly in the labor process, and labor resources are a form of its manifestation. Therefore, to assess the general state of human capital, one should analyze the crucial components of labor resources. The paper presents the results of sociological research conducted in one of the border regions of Russia. The survey is conducted among the urban population aged 18 and over (N=712). The research goal is to analyze the characteristics of the labor resource as a human capital component. As part of the research, a characteristic of the labor resources of the population of the Chelyabinsk Region is given. The population's self-assessment of their level of professional training, the level of labor mobility, and socio-demographic factors affecting the degree of its manifestation (gender, age, readiness to migrate) have been identified.*

Keywords: *Labor resources, human capital, border region.*

Introduction

The quality of human capital is one of the priority directions of forming the socio-economic policy of the Russian Federation. To date, a significant amount of theoretical, methodological, and applied research on human capital has been accumulated, in which its various assessments are presented. It is primarily due to the complex nature of the concept itself, in the structure of which many elements stand out. The primary ones are education, health, motivation, work, value orientations, etc.

In developing the socio-economic theory, the concept of human capital has undergone significant changes. Initially, the subject of research was innate and acquired human abilities. The roles of these abilities were seen as an important element of activities aimed at the benefit of individuals and society. The acquired human resource was considered in knowledge, skills, and abilities that can provide a person with an income. The number of resources included in the structure of human capital was greatly expanded during the transformation of the theory, and it began to include all intangible resources that a person possesses to generate income [5]. The spread of the theory of human capital has contributed to the fact that the qualifications and education of workers have begun to be considered elements of the economic and production process [6].

Human capital is predominantly socio-economic and individual in nature. In the realities of a market economy, this category is more identified with the presence of developed professional qualities that can bring a person more income. The more one invests in the capital, the more income one gets from using it. It is evident that the state of human potential is associated with the quality of labor potential, various transformations of which in all spheres of society depend on the efficiency of production at the enterprise to the economic effect for the economy [8]. Labor resources comprise a workforce, skills, and knowledge, which are indispensable for economic growth. Human capital has two components. Quantitative human capital is related to the size of a population of a country, including all skilled and unskilled people.

In contrast, quality human capital is associated with a skilled and trained workforce [2]. In modern conditions, in social development, the quality of labor is increasing. A competitive economy dictates the need to provide high-quality human resources, and the complexity of production processes requires serious investments in the professional training of professionals. Achieving high-quality work is impossible without effective stimulation [7]. The general aspect of human capital consists of comprehensive employee training, which allows them to work in different profiles in many enterprises. The second aspect forms primarily due to the accumulation of special experience reflecting the time during which an employee performs their duties in one organization [3].

The concept of human capital can be applied not only to education and training but also to activities that improve the quality and productivity of the workforce. Labor resources, in this case, become a form of human capital manifestation.

Therefore, human capital is a combination of practical skills, knowledge, and experience of members of society. Labor resources are one of its components, including material and non-material characteristics. The value

of labor resources consists in agility. Improving skills, knowledge of employees, and level of education and professionalism determines the personal success of an employee and the economic success of the enterprise and the nation.

Methodology

The empirical basis is a sociological survey of the population of the border regions of Russia (the 2020–2021 period) carried out by the Altai State University team. To analyze the topic under study, the results of a sociological survey of the population of the Chelyabinsk region have been taken (N=712). The survey has been conducted among the urban population aged 18 and over. The overwhelming majority of respondents (79.8%) are employees of a budgetary organization.

This work aims to analyze the characteristics of the labor resources of the population of the Chelyabinsk Region as one of the components of the human capital of the population. Among the objectives of the study, the authors highlight the following: characterizing the labor activity of the population of the Chelyabinsk Region and identifying socio-demographic factors affecting its severity of manifestation.

The population's labor resources have been assessed using the following indicators: provision of additional social guarantees at work, the likelihood of finding an equivalent job in the event of a job loss, and changes in professional positions in recent years. Gender, age of respondents and willingness to change residence have been identified as influencing factors.

The quantitative data have been processed using the SPSS Statistics 23.0 program for statistical data processing. To confirm the logic of statistical inferences, a frequency analysis of the data and analysis of contingency tables have been carried out using the χ^2 criterion.

Results and Discussion

Currently, the organization of labor activity, including providing decent working conditions for the employee, is one of the most important tasks. Improving the quality of working conditions bases on creating favorable conditions for the development of the labor potential of an individual. An analysis of the working conditions of the working population of the Chelyabinsk Region demonstrates that the provision of additional working conditions is absent in most of the proposed characteristics. The overwhelming majority of the population notes the lack of payment for rented housing (97.9%), free meals/payment for meals (96.4%), subsidies for transport/payment for travel cards (95.7%), lack of loans for housing construction (95.6%), payments for mobile communication/Internet (95.4%), company car (93.4%), and free maintenance of children in departmental preschool institutions (92%). Additionally, employees are not

provided with full or partial payment for vouchers to sanatoriums, holiday homes, tourist centers, children's camps (70.8%), as well as free treatment in departmental medical institutions and full or partial payment for treatment in other medical institutions (58.5%).

Among all the proposed options for working conditions, slightly more than half of the population (55.1%) notes only training at the expense of an enterprise. Among 94.8% of the population, training and refresher courses have been conducted. Of these, slightly less than half (48.3%) have been conducted more than three times. More than half of the population has participated in the training, seminars on specific topics, business, and production processes (66.5%) and has received awards, distinctions for their professional activities, and achievements (55.1%).

Nevertheless, the implementation of improving professional qualities among employees of budgetary organizations is at a reasonably low level. More than half of the population (56.4%) has not participated in experience exchange events and internships in other organizations and companies. The majority has not fulfilled the duties of their superiors (70.1%), has not participated in professional skill and leadership contests (67.2%), and has not considered a candidate for promotion (63.4%).

Analysis of changes in professional positions over the past three years illustrates that 11.5% of the population has changed their field of activity and has begun to work in a different field. Only 8.7% of the population has changed their place of work for an equivalent in the type of activity and remuneration. The share of the population who has changed jobs to more prestigious, inspiring, and highly paid jobs is almost twice as high (15.8%). The level of professional labor has decreased by 6.9% (those who have switched to less paid but more inspiring jobs).

Positive changes in their workplace are noted by 22.3% of the population. They have been promoted, obtained a higher position. Furthermore, 13.5% of the population has changed the structural unit, department, and shop within their working organization, and 5.7% has switched to a lower position.

The professionalism of an individual is actualized through the development of the necessary skills for work, the quality of the performance of assigned tasks, and gaining experience in the field of leading activities. The professionalism level is determined by personal social parameters concerning work tasks and has different levels. The population has been asked to assess their skill level in the profession on a nine-point scale. The obtained scores have been, grouped and three professional skill levels have been acquired: low, medium, and high. Slightly more than half of the population notes that they have a high level of professional skills (55.7%).

The average level is noted by 38.1%, and the low level – by 6.2%. Assessment of the level of their professional skills in subgroups has demonstrated that a high level is primarily noted by the population not ready to change their place of residence ($\chi^2=0.218$, $p<0.001$) and the older population ($\chi^2=0.533$, $p<0.001$). The average level is typical for young people and the middle-aged population.

The authors have also found that the higher the level of professional skill among the population, the higher the proportion of the population who have not changed their place of work in the last three years ($\chi^2=0.088$, $p<0.01$) and their field of activity ($\chi^2=0.182$, $p<0.001$).

The opinion of the population regarding their ability to find an equivalent job in case of losing the existing one has been divided approximately equally: 47.8% believe that it is possible, 43.9% believe that it will not be possible to find an equivalent job, and 8.3% have found it difficult to answer. Differences have been revealed in assessing the possibility of changing jobs to an equivalent one among the population ready to move and the population not ready ($\chi^2=0.146$, $p<0.01$). Less than half of the representatives of the second subgroup believe that they can find an equivalent job (43.6%). Among the population ready to leave, the share of finding an equivalent job is higher (54.9%). The older population is more pessimistic regarding their ability to find an equivalent job ($\chi^2=0.331$, $p<0.001$).

Knowledge and skills that a person possesses tend to become obsolete, and it reduces the efficiency of their use up to their complete uselessness and encourages the staff and the employer to take measures aimed at retraining to bring human capital to the required level [1]. Motivation to work is an integral element of individual human capital, and it is expressed in incentives for self-development and improvement of individual human capital, based on the expected amount of remuneration for their work in the future. In other words, the employee's desire appears to potentially receive a higher level of income by increasing their quality level.

The authors note the presence of a relationship between an individual's age, the number of necessary costs for the formation of human capital and the profit from its implementation. The greatest expenditure of resources on forming their capital is carried out at a young age when the profit from capital is insignificant. With increasing age, a person's investment decreases, and the profit from the utilized human capital increases. As a result of significant accumulation and use of human capital carried out earlier, a person can expect to receive more income from its use with age [4].

The analysis results show that among the various options for additional social guarantees for employees, only the development of the educational

process is implemented: training at the expense of the enterprise, refresher courses, and participation in training and seminars. Simultaneously, the emphasis is on the side of less expensive options. Besides, there is no competitive principle of development of the labor resource: the majority of the population does not participate in competitions of professional skill, leadership and are not considered candidates for promotion.

Conclusion

Therefore, having analyzed the labor resources of the population of the Chelyabinsk Region as a component of human capital, the following conclusions can be drawn. The provision of additional working conditions, characterized by a material component, for employees of budgetary organizations of the Chelyabinsk Region is absent in most of the proposed characteristics. Much attention is paid to intangible incentives in awards and distinctions for professional activities. The population assesses their professional skills at a high and medium level. The high level is primarily noted by the older population and those who are not ready to change their place of residence. The average level is typical for young people and the middle-aged population.

The level of “positive” labor mobility (change of place of work for a more paid one) of the population is at the level of 15.8%–22.3%. The “negative” labor mobility (changing jobs to less paid ones) is 5.7%–6.9%. At the same time, the authors reveal that a higher level of professional skill among employees contributes to preserving their workplace and the lack of desire to change it.

Assessing their strengths and capabilities regarding the search for an equivalent job in the event of its loss, the population has expressed doubt. A positive outlook for finding a job has been noted among the population willing to move, and the older population is more pessimistic regarding this issue.

References

1. *Avdeev E. V., Ternovyykh K. S.* Reproduction of social human capital. Moscow Journal. 2020. No. 5. P. 844-852.
2. *Eijaz A. R.* Significance of human capital for economic growth. British Journal of Humanities and Social Sciences. 2012. No. 7(2). P. 1–8.
3. *Gavrikova A. V.* Labor resources as a form of human capital. Theory and Practice of Social Development. 2018. No. 7. P. 62-65.
4. *Glukhova Z. V., Kuklina E. S.* Human capital and human potential: Approaches to assessment. The Russian Automobile and Highway Industry Journal. 2013. No. 2(30), pp. 95-100.

5. *Grigoryev K. N.* Transformation of the concept "Human capital." *Sociology*. 2020. No. 3. P. 83–89.
6. *Mokronosov A. G., Krutin Y. V.* Human capital or human potential. *Ideas and Ideals*. 2017. No. 2(32). P. 80–89.
7. *Raznodezhina E. N.* Human resources: The process of synthesis of the categories "labour force" and "human capital." *Creative Economy*. 2010. No. 11. P. 52–57.
8. *Stofarandova V. V., Omarov M. O.* On the issue of socio-economic aspects human capital development in Russia. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2019. No. 10(108). P. 154–163.

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТЫ В ЧТЕНИИ И ПОНИМАНИИ ТЕКСТА

Сулайманова Г. Ж., Ош (Кыргызстан)

Аннотация. Чтение – это самый важный фундаментальный навык, который может приобрести человек. Однако изучение английского языка, особенно навыков чтения, кажется большой проблемой для учащихся, потому что большинству из них чтение текстов, которые включают национальные и региональные компоненты, по-английски кажется трудным, и при этом отсутствует мотивация. Целью этого исследования было изучение развития понимания прочитанного на английском языке с использованием концептуальных карт, а также изучение отношения студентов к изучению понимания прочитанного на английском языке с использованием концептуальных карт. Исследователь демонстрирует несколько примеров из интервью, в ходе которых анкетировали студентов третьего курса факультета мировых языков и культур Ошского государственного университета, Кыргызстан. Кроме того, в этой статье представлен обзор основных направлений мысли, которые привели к интересу к картированию понятий как учебному инструменту, способствующему развитию навыков чтения, критического мышления, понимания и запоминания новых языковых слов у изучающих английский язык, идеи и факты.

Ключевые слова: концептуальное картирование, иностранный язык, обучение, чтение, учащиеся вуза

THE ROLE OF THE CONCEPTUAL MAP IN READING AND UNDERSTANDING THE TEXT

Sulaymanova G. J., Osh (Kyrgyzstan)

Abstract. Reading is the most important fundamental skill that a person can acquire. However, learning English, especially reading skills, seems to be a big problem for students, because for most of them, reading texts that include national and regional components in English seems difficult and lacks

motivation. The purpose of this study was to study the development of reading comprehension in English using concept maps, as well as to study the attitudes of students towards learning reading comprehension in English using concept maps. The researcher demonstrates several examples from interviews that surveyed third-year students of the Faculty of World Languages and Cultures, the Osh State University, Kyrgyzstan. In addition, this article provides an overview of the main lines of thought that have led to interest in concept mapping as an educational tool to promote reading skills, critical thinking, comprehension and retention of new language words, ideas and facts in English learners.

Keywords: *concept mapping, foreign language, learning, reading, university students*

Введение. Сегодня английский важен во всех странах, потому что это язык мира. Люди во всем мире используют английский язык для общения друг с другом. В изучении иностранного языка используются все четыре основных навыка: аудирование, говорение, чтение и письмо. Важно все, включая умение читать. Чтение важно по целому ряду причин. Например, это жизненно важный навык для поиска хорошей работы, обогащает мысли, расширяет кругозор и расширяет знания. Тем не менее, одна из фундаментальных проблем, с которой сталкиваются многие учителя английского языка, заключается в улучшении навыков чтения учащихся на уроках английского языка как иностранного и сохранении их интерес к чтению. Большинство изучающих английский как иностранный язык испытывают определенные трудности при чтении на английском языке, потому что они не знают эффективных способов чтения и понимания текста, что может вызвать неприязнь. Понимание прочитанного относится к способности понимать информацию, представленную в письменной форме. В то время как этот процесс обычно влечет за собой понимание задания из учебника, навыки понимания прочитанного также могут повлиять на интерпретацию указаний на экзамене, выполнение домашних заданий и заполнение заявлений о приеме на работу или анкет. Многие учащиеся все еще имеют проблемы с пониманием прочитанного, потому что они не могут точно понять письменные материалы. То есть они не могут интерпретировать прочитанное и установить связь между прочитанным и тем, что им уже известно.

Согласно исследованию, концептуальное картирование является эффективным способом обучения и изучения новой информации и общих концепций. Идея картирования понятий была первоначально получена из когнитивной теории, которая возникла из теории ассимиляции Аузубеля [1]. Согласно Дюрстелеру [4] происхождение

концептуальных карт лежит в теориях психологии обучения Аузубеля [2], который отстаивал идею о том, что предметные знания человека мысленно представлены в виде иерархии понятий. Кроме того, Дюрстелер [4] предполагает, что концептуальные карты являются простыми и практичными инструментами представления знаний, которые позволяют передавать сложные концептуальные сообщения ясным и понятным способом. Они представлены естественным образом в виде графиков.

Концептуальные карты структурированы иерархически, где наиболее общие понятия лежат в корне дерева, а по мере спуска по структуре мы находим более конкретные. Концептуальные карты представляют отношения между понятиями в форме предложений. Понятия заключены в прямоугольники или круги, тогда как отношения между ними эксплицированы с помощью линий, соединяющих соответствующие квадраты. В строках есть связанные слова, описывающие характер отношения, связывающего понятия [4]. Более того, Taricani [5] указывает, что концептуальные карты стали внешними представлениями, которые представляют внутренние процессы информации в структурированных графах. Концептуальные карты также представляют приложения измерений концептуальных процессов на разных уровнях содержания.

Узлы и связи представляют отношения между понятиями и демонстрируют глубину обработки знаний. Именно понятия не существуют изолированно. Каждое понятие зависит от одного или нескольких отношений с другими. Dansereau [3] классифицирует концептуальные карты на три типа. Во-первых, информационные карты, которые представляют собой полные карты узловых связей. Эксперт обычно их производит для общения на тему. Эти карты могут заменить другие форматы презентаций, которые обычно предоставляются учащимся в качестве учебных пособий. Во-вторых, карты-путеводители представляют собой графические инструменты: «заполните пустые места», которые можно использовать для содействия обучению. Эксперт или учитель обеспечивает структуру карты и вопросы в узлах, а учащиеся в картах этого типа вставляют ответы. В-третьих, карты фристайла, которые создаются учащимися для преобразования материала, представленного в устной форме или для выражения личных знаний. Этот тип отображения является формой визуализации знаний. Эти три типа отображения важны для демонстрации отношений между идеями, действиями или объектами [3].

Концептуальные карты для изучения языка. Концептуальная карта – это инструмент для изучения новых вещей, таких как словарный запас слов и выражений. На самом деле концептуальные карты настолько практичны; они часто используются на уроках английского как иностранного (EFL) для организации идей. По сути, концептуальные карты работают так же, как работает наш мозг, поскольку мы лучше запоминаем вещи, когда они находятся в группах связанных вещей.

Концептуальные карты облегчают как обучение, так и преподавание. Это полезные инструменты, которые помогают учащимся узнать о том, как они структурируют знания, поддерживая процесс построения знаний или «метазнаний». Другими словами, концептуальные карты помогают учащимся научиться «метаобучению». Taricani [5] предполагает, что концептуальные карты успешно используются для содействия обучению. Осмысленное обучение происходит, когда учащиеся пытаются интегрировать новые знания с уже существующими. Напротив, механическое заучивание происходит, когда учащиеся просто запоминают информацию, не пытаясь связать ее со своими предыдущими знаниями. Таким образом, Taricani [5] утверждает, что у механического обучения будет менее обширная сеть, чем у осмысленного учащегося, и меньше путей поиска между концепциями знаний. Согласно теории значимого обучения, учащиеся создают смысл каждый раз, когда они устанавливают существенные, а не произвольные отношения между учебными материалами и существующими знаниями. Таким образом, как инструмент обучения студентов, концептуальные карты улучшают осмысленное обучение, побуждая студентов создавать свои собственные связи между концепциями. Чем больше значимых связей учащийся может показать на карте, тем лучше он усвоит материал. Следовательно, процесс составления карты зависит от предшествующих знаний, контекста и сконструированного понимания [5].

Методология. В течение пятого семестра студенты третьего курса учили использовать концептуальные карты как неотъемлемую часть на элективных курсах по дисциплине «Критическое мышление». Учащиеся разработали концептуальные карты, чтобы отразить понимание материала по национальным и региональным компонентам, спланировать курсовые проекты, а также сравнить и сопоставить информацию из обсуждений курса. Двадцать шесть студентов этих курсов были выбраны случайным образом и приглашены для участия в этом исследовании. В конце первого модуля

с участниками были проведены интервью об использовании ими концептуального картирования. В ходе интервью студентам были даны следующие вопросы: 1. «Как Вы использовали концептуальные карты в качестве стратегии обучения?»; 2. «Чему Вы научились, создавая концептуальные карты?»; 3. «Где еще вы использовали карты после окончания курса (если вообще)?»; 4. «Чем карты отличались от других стратегий обучения, которые Вы использовали ранее?»; 5. «Что Вам больше всего/или меньше всего понравилось в использовании концептуальных карт?»; 6. «Какие изменения, если таковые имеются, Вы заметили в своих мыслительных способностях после использования концептуальных карт?»; 7. «Что из этого курса Вы запомнили больше всего?»; 8. «Если бы Вы собирались описать концептуальное картирование другому студенту, что бы Вы сказали?»; 9. «Как Вы видите использование/неиспользование этой стратегии обучения в будущем?»; 10. «Улучшились ли Ваши навыки понимания прочитанного на английском языке? Если да, то как? Если нет, укажите причины».

За участниками исследования следили в течение второго модуля. Концептуальные карты, созданные студентами в конце второго модуля, оценивались. В конце пятого семестра участники исследования были опрошены во второй раз, чтобы определить, продолжают ли они использовать концептуальные карты в качестве стратегии обучения, и как эта стратегия повлияла на их мышление и обучение.

Результаты. Результаты этого исследования показывают, что использование концептуальных карт влияет на обучение студентов. Студенты наблюдались в течение шестого семестра исследования, чтобы определить, продолжали ли они использовать картографирование в качестве стратегии обучения и, если они сделали, как концептуальные карты повлияли по сравнению с пятым семестром. Данные показывают, что 57% студентов в этом исследовании продолжали использовать картирование в шестом семестре. Участники также были опрошены в двух точках в ходе этого исследования, в конце пятого и шестого семестров. Во время интервью участников просили описать свой опыт картирования как стратегии обучения и проанализировать, как изменилось, или не изменилось их мышление в результате использования картирования. Ответы участников были разделены на две категории для представления результатов: обучение с картами и использование карт при последующем наблюдении.

Обучение с помощью карт. Участники исследования указали, что для эффективного обучения с помощью карт им сначала необходимо развить навыки построения карт и понять механизм

картографирования. Кроме того, участники сообщили, что часто их первоначальная реакция на картирование менялась и развивалась с течением времени, когда они использовали картирование. Участники заявили, что часть того, что им понравилось в процессе картографирования, заключалась в сосредоточенности на организации, анализе и понимании. Участники указали, что в процессе организации и анализа у них сложилась более целостная картина того, что они изучают. Один участник заявил: «Вы чувствуете накопление знаний. Вы просто чувствуете, что видите вещи иначе, чем до того, как начали это делать. Я теперь знаю больше информации о снежном барсе. Тем не менее, некоторые участники указали на три трудности при разработке карт: найти время для завершения карт, решить, какой уровень детализации следует включить, и преодолеть отсутствие желания изменить способ обучения. Участники указали, что картирование как стратегия обучения слишком требовательно и требует слишком много времени: «...это просто еще одна задача, которую нужно делать, когда вы чувствуете себя подавленным. Это занимает больше времени, чем просто чтение текста», «...Я думаю, что это имеет гораздо большую ценность, чем то, что вы делаете в данный момент, я могу описать кыргызскую национальную юрту туристам». Участники также рассказали, как трудно было изменить стратегии обучения, которые они использовали в прошлом. Изменение старых привычек отнимало много времени и было трудным для большинства участников этого исследования. Один участник указал: «Но, наверное, больше всего я ненавижу то, что мне пришлось изменить свой образ мышления. Это до того, как я просто читаю эту информацию и выбираю то, что я вижу в тексте, или то, что писатель пытается представить. Думаю, мне просто не нравилась идея менять старые привычки и делать что-то по-другому.».

Понимание собственного обучения. Основным выводом этого исследования было то, что картирование понятий помогло студентам понять свой собственный процесс обучения. Кроме того, они смогли объяснить, что развили свой процесс обучения за счет использования стратегий обучения, таких как связывание, развитие взаимосвязей, создание смысловых схем и конструирование знаний. Участники сообщили, что карты помогли им понять, как они думают, мыслить шире, находить сложные взаимосвязи и систематизировать информацию, чтобы они запоминали ее в гораздо более полной форме. Например: «я много узнал о кыргызском национальном инструменте комуз, основываясь на том, как я составил концептуальную карту. Я

пытался выбрать для концептуальной карты вещи, которые я не понимал, чтобы потом понять их. Так что для меня это большое дело.».

Стратегии обучения. Участников этого исследования попросили описать, какой самый важный урок они извлекли из элективных курсов, на которые они были зачислены в течение пятого семестра. Большой процент участников заявили, что, научиться связывать концепции было для них новой стратегией обучения и крупным открытием в их собственном обучении. Участники указали, что раньше они просто не задумывались об отношениях между концепциями, пока не столкнулись со стратегией обучения, которая требовала от них установить эти связи. Когда его спросили о важных стратегиях обучения, один участник ответил: «Связывание». Другой участник рассказал, как после того, как он научился устанавливать связи, процесс развития взаимосвязей помог ему критически оценить собственное мышление, выделив ложные связи, которые он установил ранее. В результате он почувствовал, что поиск связей – это способ перепроверить свое понимание нового материала. После того, как я сделал пару карт, я понял, что это были те вещи, которые я пытался делать мысленно. Большинство участников описали эти схемы как способ организации и структурирования информации. Кроме того, участники указали, что в процессе создания схем информации их способность вспоминать информацию улучшилась. Что ж, составление концептуальной карты формирует схемы обучения. Строительство знаний. Наконец, участники указали, что в процессе разработки концептуальной карты они узнали, что связывание, развитие взаимосвязей и создание ментальных схем помогают им развить способность создавать базу знаний для себя.

Изменения в мышлении. В конце пятого семестра этого исследования участников спросили, изменилось ли их мышление в результате использования концептуальных карт и, если да, то как. Участники описали, чем эта стратегия отличалась от других стратегий обучения, и что их мышление действительно изменилось. Участники рассказали, как они анализировали концепции более глубоко и чувствовали, что у них есть возможность устанавливать связи между несколькими объемами знаний. Например, один участник заявил: «Это отличается от любой другой стратегии: делать заметки, составлять формальный план, одно за другим. Принимая во внимание, что концептуальная карта заставляет вас мыслить нестандартно. Это заставляет вас видеть, как вещи соотносятся, а не как одна вещь разбита. Так что это был другой подход к чему-то, другой взгляд на обучение, подумал я, что меня освежило.».

Последующие действия в шестом семестре. Один из основных вопросов, который рассматривался в этом исследовании, заключался в том, продолжают ли студенты использовать картографирование понятий в качестве стратегии обучения даже когда они проходят курсы, которые не требуют от них этого. В этом исследовании 57% студентов сообщили, что они продолжают использовать эту стратегию. Те участники, которые сообщили, что продолжают использовать картирование, объяснили, что они делали это по ряду причин. Похоже, они использовали карты для понимания материала курса на последующих курсах для выпускников. Они также полагались на карты как на способ понять особенно сложный материал.

Многие участники сообщали, что, когда они чувствовали «проблемы» с курсом или «не понимали его», они пытались наметить материал, чтобы развить свое понимание. Однако самым большим препятствием для создания карт для этой группы было время. Интересно, что в этом исследовании как учащиеся, которые использовали концептуальные карты в последующих семестрах, так и те, кто еще не сообщил об изменениях в своем мышлении через год наблюдения. Например, учащиеся, использовавшие картирование, как правило, сообщали, что карты улучшили их внимание, понимание отношений и мыслительные процессы. Следующая цитата принадлежит учащемуся, который использовал карты в последующем семестре: Я стал более сознательным, особенно в классе, который у меня только что был, я осознавал, как взаимосвязаны эти разные понятия. Какие связи я устанавливаю в своем уме? Потому что мой разум что-то делал, но я хотел записать это на бумаге, чтобы посмотреть на это. С другой стороны, учащиеся, решившие не использовать концептуальные карты в последующих семестрах, все равно сообщали об изменениях в своем мышлении. Эти учащиеся сообщали, что могут выявлять взаимосвязи, систематизировать информацию и разрабатывать ментальные схемы для чтения.

Обсуждение. Результаты этого исследования показывают, что студенты научились разрабатывать концептуальные карты, и в процессе использования этой конструктивистской стратегии обучения они развили свои мыслительные способности и научились понимать свои собственные процессы обучения. Интересно, что 57% студентов продолжали использовать эту стратегию в течение одного года наблюдения, даже когда они были зачислены на курсы, где это не требовалось. В ходе этого исследования возник ряд вопросов. Во-первых, было удивительно, что многие студенты, участвовавшие в этом исследовании, начинали с очень плохого понимания собственного

процесса обучения. Во-вторых, было очевидно, насколько сопротивлялись некоторые студенты изменению своего учебного процесса, даже когда они не были уверены в природе этих учебных процессов. Многим студентам, участвовавшим в этом исследовании, потребовалось немало усилий, чтобы найти желание попробовать эту стратегию обучения и научиться использовать концептуальные карты. Наконец, было интересно отметить, что, как только участники исследования поняли свое собственное обучение, они продолжали двигаться вперед в развитии своих мыслительных способностей, даже если они явно не использовали концептуальную карту.

Выводы. С помощью данных интервью было обнаружено, что студенты полностью ответили на вопросы интервьюеров о том, что их понимание прочитанного улучшилось, поскольку они научились строить концептуальные карты. Они чувствовали, что могут найти отношения между словами, предложениями и абзацами, ведущие к пониманию текстов, особенно основных идей текстов. Кроме того, они хотели больше учиться и практиковаться в чтении с концептуальной картой. Они думали, что продолжительности каждого занятия недостаточно. Иногда им нужно было больше времени, чтобы подумать, попрактиковаться и понять тексты, если они были достаточно сложными или не имели отношения к тому, что они знали или пережили. Более того, после того, как они познакомятся с использованием концептуальной карты при чтении, они хотели бы изучить другие методы чтения, чтобы улучшить понимание прочитанного. Предложения по управлению опытом обучения при понимании прочитанного заключались в том, что, прежде чем обучать, учитель должен иметь представление о концептуальной карте, способах построения концептуальных карт с четкими методами обучения. Сначала, чтобы познакомить учащихся с концепт-картой, учитель должен заставить учащихся работать в группе или в паре, а затем индивидуально. Кроме того, учитель должен давать учащимся немного более сложные тексты в каждой группе, чтобы тексты побуждали их использовать свои способности мыслить и практиковать при поддержке учителя. В заключение, между пониманием прочитанного и концептуальными картами существует взаимосвязь, и их можно применять в управлении обучением для целостного и творческого улучшения навыков чтения на английском языке.

Литература

1. *Novak J. D., Gowin D. B.* Learning how to learn. New York, NY: Cambridge University Press, 1984.
2. *Novak J. D., Cañas A. J.* The theory underlying concept maps and how to construct and use them. Technical support IHMC Cmap tools 2006–1 Rev01–2008, Florida institute for human and machine cognition. URL: <http://www.cmaps.ihmc.us/publications/research>.
3. *Dansereau D.* Node-link mapping principles for Visualizing knowledge and information. In: S. O. Tergan & T. Keller (Eds.), Knowledge and Information Visualization (pp.61–81). Springer: Berlin, Heidelberg, 2005.
4. *Dursteler J.* Conceptual maps. The digital Magazine of InfoVis.net, 2004.
5. *Taricani E.* Influences of concept mapping and learning style on learning. Development Papers Presented at the National Convention of the Association for Educational Communications and Technology. 2000. No. 1–2. P. 208–215.

ЛОКУС КОНТРОЛЯ КАК КОМПОНЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Суртаева О. В., Максимов М. Б., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. Локус контроля рассматривается как многомерная характеристика, отражающая степень готовности индивида брать на себя ответственность за происходящее с ним в разных жизненных сферах. В настоящее время получено много свидетельств в пользу того, что между локусом контроля и человеческим капиталом существует тесная взаимосвязь. В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2020 году в Алтайском крае, целью которого выступал анализ характеристик локуса контроля как компонента человеческого капитала населения. Для оценки локуса контроля населения использовалась методика «Уровень субъективного контроля», при помощи которой оценивалась выраженность интернальности и экстернальности населения Алтайского края как в целом, так и в зависимости от социально-демографических факторов (пол, возраст, место проживания). В результате исследования было обнаружено, что население Алтайского края характеризуется достаточно высоким уровнем

интернальности в целом. Интернальный локус контроля преобладает в сфере достижений, производственных отношений и неудач, а экстернальный – в сфере семейных и межличностных отношений, а также в сфере здоровья и болезни. По части параметров более высокая интернальность выявлена у женщин, городских жителей и старших возрастных подгрупп. Полученные результаты помогают выделить группы населения, нуждающиеся в укреплении и развитии человеческого капитала.

Ключевые слова: интернальность, экстернальность, человеческий капитал, локус контроля, регион

LOCUS OF CONTROL AS A COMPONENT OF THE HUMAN CAPITAL OF THE ALTAI KRAI POPULATION

Surtaeva O. V., Maximov M. B., Barnaul (Russia)

Abstract. *The locus of control is a multidimensional concept that reflects the degree of readiness of an individual to take responsibility for what is happening to them in different spheres of life. Currently, there is much evidence in favor of the fact that there is a close relationship between the locus of control and the human capital. The paper presents the 2020 research results of Altai Krai research, the goal of which has been to analyze the characteristics of the locus of control as a component of the human capital of the population. To assess the locus of control of the population, the method of "level of subjective control" has been used, with the help of which the severity of internality and externality of the Altai Krai population has been assessed both as a whole and depending on socio-demographic factors (gender, age, place of residence). As a research result, the authors find that the Altai Krai population possesses a reasonably high level of internality in general. The internal locus of control prevails in the sphere of achievements, industrial relations, and failures, and the external locus – in the sphere of family and interpersonal relations and the sphere of health and illness. Higher internality has been detected in women, urban residents, and older age subgroups in terms of parameters. The obtained results help identify the population groups that need to strengthen and develop human capital.*

Keywords: *internality, externality, human capital, locus of control, region*

Introduction. The locus of control concept was proposed by J. Rotter in 1954 as part of the development of the theory of social learning [7], after which he developed the internality-externality scale [8], based on which the "Level of subjective control" methodology was developed at the St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute [2]. If J. Rotter considered the locus of control as an integral indicator reflecting the degree of readiness of a person to take responsibility for what happened with them

or around them, then the creators of the “Level of subjective control” methodology presented the locus of control as a multidimensional feature, the severity of which could vary depending on the sphere of life. Therefore, in addition to general internality, the method allows one to measure internality in the context of achievements and failures, family, working, interpersonal relations, and health and illness. By internality, which is also called the internal locus of control, the authors understand a person’s tendency to attribute everything that happens to them to internal factors (own efforts and abilities). Externality, also called the external locus of control, is the desire of an individual to explain everything that happens to them by external factors (a combination of circumstances, luck, fate, and actions of other individuals).

One should note that studies of the relationship between human capital and the locus of control are currently being conducted. For example, the studies find that internals have a higher salary than externals [4]. The locus of control is also an essential factor when choosing a job search strategy. Internals search for a job for a more extended period because they do not agree to the first offers. In other words, they are more scrupulous when choosing vacancies than externals [3]. On the other hand, internality is not always an advantage since internals are less conformal and susceptible to influence and persuasion, which can play a negative role in the process of activity in some professions [1]. As V. B. Zvonovsky notes, there is a close connection between the locus of control and an individual’s financial situation [9]. More internals assess their financial situation as exceptionally favorable, and more externals who assess it as exceptionally unfavorable. S. L. Knyazev states that a strong relationship has been found between the locus of control and the quality of an individual’s life. Internals are more often characterized by a high level of satisfaction with the quality of their life, which, undoubtedly, is a factor in the formation of human capital [6].

Methodology. The research goal is to analyze the locus of control characteristics as one of the components of the human capital of the Altai Krai population. The authors identify the following research tasks: measuring and analyzing the features of the locus of control of the Altai Krai population and identifying the socio-demographic factors that affect the severity of internality and externality of the Altai Krai population.

For this purpose, a sociological survey was conducted in 2020 in Altai Krai, in which 573 respondents participated. The locus of control was assessed using a modified “Level of subjective control” methodology (Bazhin et al., 1984). The methodology contained seven scales: (1) general internality (from zero to 44 points), (2) internality in the sphere of achievements (from zero to 12 points), (3) internality in the sphere of failures (from zero to 12

points), (4) internality in family relations (from zero to 10 points), (5) internality in the sphere of working relations (from zero to 8 points), (6) internality in the sphere of interpersonal relations (from zero to four points), and (7) internality regarding health and illness (from zero to four points).

According to the authors' assumption, could influence the severity of internality/externality, the authors identified gender, place of residence (urban or rural area), and age of the respondents among the factors that could influence the severity of internality/externality.

Statistical processing of the obtained data was carried out using the IBM SPSS Statistics 22 package. It included an analysis of measures of the significant trend according to the questionnaire scales listed above, frequency analysis, and analysis of conjugacy tables using the criterion χ^2 .

Results and Discussion. The authors analyze the measures of the significant trend of the questionnaire scales for the sample. The level of the general internality of the Altai Krai population averages 25.38 points out of 44 possible, and one-half of the respondents score less than 25 points on this scale. The other half scores more than 25 points, indicating that the population of Altai Krai has an internal rather than external locus of control.

The average level of internality in the sphere of achievements among the Altai Krai population is 7.06 points out of 12 possible. The median value is seven points, indicating that the Altai Krai residents are inclined to believe that all good things they have achieved in their lives are the result of their activities and not a combination of circumstances.

The average level of internality in the sphere of failures is 6.62 points out of 12 possible. The median value is seven points. Comparing this indicator with the measurement results on the scale of internality in the sphere of achievements, one can state that the Altai Krai population is less inclined to attribute their failures to themselves than to achievements. However, the author cannot state that this difference is critical. In general, the subjective locus of control concerning negative situations and events in their lives among the Altai Krai population is not internal but also not external. People attribute their failures with equal probability to both external and internal circumstances.

The average level of internality in the sphere of family relations among the Altai Krai population is 5.37 points out of ten possible. The median value is five points. Just as in the previous case, this factor suggests that the Altai Krai population considers both themselves and external circumstances equally responsible for what happens in their family.

The average level of internality in the sphere of industrial relations among the Altai Krai population is 4.37 points out of eight possible. The median value is five points. In this case, one can note that the Altai Krai

population is characterized instead by an internal locus of control in working relations and is inclined to attach importance to internal circumstances (their abilities, professionalism) rather than external circumstances (for example, the influence of colleagues or management, luck or bad luck) when assessing their promotion (or non-promotion) through the career ladder.

The average level of internality in the sphere of interpersonal relations among the Altai Krai population is 2.32 points out of four possible. The median value is two points. One can observe that the Altai Krai population considers both themselves and external circumstances equally responsible for the successful or unsuccessful development of interpersonal relations.

Finally, the average level of internality concerning health and illness in the Altai Krai population is 2.17 points out of four possible. The median value is two points. This factor suggests that the Altai Krai population considers both themselves and external circumstances (for example, the competence of doctors) equally responsible for their health.

To assess which part of the Altai Krai population has internal and external loci of control in different spheres of life, one has converted the test scales into binary ones in such a way that the indicators below the mathematical expectation on the scale have been attributed to the external locus of control, and the indicators above the mathematical expectation – to the internal locus.

If one assesses the overall level of the internality of the Altai Krai population, almost three-quarters of respondents are characterized by an internal locus of control (72.1%), while just over a quarter of respondents (27.9%) demonstrate an external locus of control. In general, this factor suggests that the Altai Krai population is reasonably ready to take responsibility for their lives and manage the situation in which they find themselves.

A similar ratio has been found for the internality of the Altai Krai population in the sphere of achievements. Furthermore, 60.2% of the Altai Krai population attribute their achievements to themselves and not to the influence of external circumstances, while 39.8% are characterized by the opposite viewpoint and believe that what they have achieved is not entirely their merit but rather the result of external factors.

One can observe a similar pattern in the sphere of working relations: 57.8% of the Altai Krai population tend to consider their career successes or failures as a result of their activities, and 42.7% of the population- as a result of external influences.

The locus of control in the sphere of failures is located in the Altai Krai population, approximately in the middle. Therefore, 53.6% of the Altai Krai population blame themselves for their failures, and 46.4% blame -external

circumstances. Besides, one should note that an extremely high degree of development of the internal locus of control in this sphere can lead a person to neurotic behavior; external circumstances can actually cause inadequate reactions to failures since some share of failures. Therefore, in addition to the developed internal locus of control, a person must have adequate self-esteem, which will not allow them to “slide” into self-blame instead of continuing productive activities.

Externals prevail among the Altai Krai population in the sphere of family, interpersonal relations, and health and illness. Therefore, 46.6% of the Altai Krai population consider themselves responsible for events occurring in family life, and 53.4% of the population consider external circumstances to be responsible. One should note that when assessing one’s responsibility for any relationship with other people, including family relationships, another party is also an independent actor. Therefore, too high an internality level in this sphere can lead to pathological manifestations in family relations, for example, the formation of codependent relationships.

The level of internality in interpersonal relations among the Altai Krai population is approximately the same as in family relations. Thus, 54.8% of the Altai Krai population is characterized by an external locus of control in this sphere, and 45.2% is internal. Additionally, one should note that too high internality level in interpersonal relationships can lead to the same results as in family relationships.

Furthermore, finally, the highest externality was found in the Altai Krai population concerning health and illness. One can observe that 63.0% of the Altai Krai population do not consider themselves fully responsible for their health. They tend to shift this responsibility to others, for example, doctors. Conversely, 37.0% of the Altai Krai population believe that both the illness and recovery primarily depend on themselves and their actions, and external factors affect them to a lesser extent.

To analyze the relationship of the locus of control with the gender, age, and place of residence, the authors analyze the conjugacy tables using the criterion χ^2 to assess the significance of the obtained differences.

The research finds that the level of the internality of the Altai Krai population in the sphere of failures significantly varies (χ^2 , $p \leq 0.05$) depending on the gender of the respondents. According to the research results, women (57.6%) are more likely than men (48.2%) to be characterized by an internal locus of control when assessing their failures. However, men (51.8%) are significantly more likely than women (42.4%) to have an external locus of control, explaining their failures by the action of external factors.

Significant differences (χ^2 , $p \leq 0.05$) are also found in the level of the internality of the Altai Krai population in the sphere of family relations, depending on whether the respondent lives in a village or a city. The research identifies that urban resident (49.6%) are more likely than rural residents (34.8%) to be characterized by an internal locus of control in the sphere of family relations. Rural residents (65.2%) are significantly more likely than urban residents (50.4%) to have an external locus of control, explaining both their failures and successes in family life by the action of external factors.

The age differences obtained as a result of the research are in the sphere of industrial relations. The research finds that the level of the internality of the Altai Krai population in the sphere of working relations varies significantly (χ^2 , $p \leq 0.05$) depending on the respondent's belonging to a particular age group. The external locus of control in the sphere of working relations is more often characterized by the young population under the age of 29 (46.2%) than the older (31.3%) and middle (30.0%) age subgroups. On the other hand, the internal locus of control in the sphere of working relations is more common in the middle (70.0%) and older (68.8%) age subgroups than in the youth (53.8%).

The locus of control of an individual can change both during an individual's life and in entire societies due to the transformation processes occurring in them. Therefore, V. E. Gimpelson, A. A. Zudina, and R. I. Kapelyushnikov note that Russian society acquires increasingly more features of internality. Therefore, in 2020, 72.1% of respondents in Altai Krai demonstrated an internal locus of control. If in 2000 less than one-third of women and less than half of men had internality, by 2011, these indicators had significantly increased in all gender and age groups [5]. The authors' research is relatively consistent with the data obtained in the context of the discussion in terms of the increasing share of internals in Russian society.

One should note that high internality is less typical for societies that are in unstable socio-economic conditions. It is due to the fact that in such societies, not so much depends on the actions of a particular individual, and external forces exert the primary influence on human life. It can partially explain the results obtained during the research.

Conclusions. Therefore, having analyzed the locus of control of the Altai Krai population as a component of human capital, one can make the following conclusions.

The general level of the internality of the Altai Krai population is reasonably high, which suggests that the Altai Krai residents, for the most part, take responsibility for what happens to them. If one considers individual spheres, the internal locus of control is most evidently manifesting itself in the sphere of achievements, working relations, and failures. In other words,

the Altai Krai population takes responsibility for what happens to them in these spheres and does not consider the occurring events due to external influence. Nonetheless, in family, interpersonal relations, and in the sphere of health and illness, the Altai Krai population has an external locus of control. They assign responsibility for what happens in these spheres to external factors. This issue is especially evident in the sphere of health and illness, which creates a risk of loss of human capital in Altai Krai.

Additionally, women of Altai Krai are characterized by a higher internality in the sphere of failures, urban residents – a higher internality in the sphere of family relations, and the population aged 30 years and older – in the sphere of working relations, which indicates a more significant concentration of human capital in these subgroups.

The practical significance of the conducted research is the fact that, based on its results, one can identify the population groups that need to strengthen and develop human capital. In the future, as a development of the research topic, it is planned to conduct interregional comparisons of the level of severity of the locus of control and determine the socio-demographic factors affecting the level of its severity in the regions of the research.

References

1. *Avtgis T. A.* Locus of control and persuasion, social influence, and conformity: A meta-analytic review. *Psychological Reports*. 1998. No. 83(3). P. 899–903.
2. *Bazhin E. F., Golyunkina E. A., Etkind A. M.* The method of studying the level of subjective control. *Psychological Journal*. 1984. No. 5(3). P. 152–162.
3. *Caliendo M., Cobb-Clark D. A., Uhlenborff A.* Locus of control and job search strategies. *Review of Economics and Statistics*. 2015. No. 97(1). P. 88–103.
4. *Coleman M., DeLeire T.* An economic model of locus of control and the human capital investment decision. *The Journal of Human Resources*. 2003. No. 38(3). P. 701–721.
5. *Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapelyushnikov R. I.* Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data. *Issues of Economics. Voprosy Ekonomiki*. 2020. No. 11. P. 5–31.
6. *Knyazev S. L.* Influence of the locus of control on the personal emotional state. Penza, Russia: Nauka i Prosveshchenie, 2020.
7. *Rotter J. B.* Social learning and clinical psychology. New York, NY: Prentice-Hall, 1954.

8. *Rotter J. B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied.* 1966. No. 80(1). P. 1–28.
9. *Zvonovsky V. B.* Locus of responsibility as everyday life. *Logos et Praxis.* 2011. No. 3. P. 37–42.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У КЫРГЫЗСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Сыдыкова Г. М., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. Толерантность – это ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех граждан быть различными, она выражает способность установить и сохранить единство с людьми, отличающимися от нас в каком-либо отношении. Цель исследования заключалась в изучении профессиональной, религиозной и возрастной толерантности у кыргызских старшеклассников, обучающихся в одной из гимназий Бишкека ($n = 48$), и определении возможностей развития толерантности с помощью психологического тренинга.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, толерантность к профессиям, толерантность к религиям, толерантность к возрасту

STUDY ON TOLERANCE AMONG KYRGYZ SCHOOLCHILDREN

Sydykova G. M., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. Tolerance is the value and social norm of civil society, manifested in the right of all citizens to be different, it expresses the ability to establish and maintain unity with people who are different from us in any way. The aim of the study was to study professional, religious and age tolerance among Kyrgyz students at one of Bishkek's gymnasiums ($n = 48$), and to identify opportunities to develop tolerance through psychological training.

Keywords: tolerance, tolerance to professions, tolerance to religions, tolerance to age

Появление в научной литературе нового термина «толерантность», относящегося к сфере человеческих взаимоотношений, всегда отражает очень серьезные процессы, происходящие в обществе. Толерантность подготавливает изменения в системе межличностных отношений, способствует позитивному взаимодействию, обогащению личности юного человека новым и иным культурным достояниям, новому социальному опыту. Толерантность – это ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех граждан быть различными; обеспечении

устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, возрасту, языку, убеждениям, обычаям и верованиям [2].

Основой толерантности является признание права на отличие. Она проявляется в принятии другого человека таким, каков он есть, уважении другой точки зрения, сдержанности к тому, что не разделяешь, понимании и принятии традиций, ценности и культуры представителей другой национальности и веры.

Но даже в такой сфере, где в качестве нормы выступает допущение нетерпимости, необходимо сохранять осторожность, чтобы простое отклонение от традиции не принималось за измену фундаментальным ценностям свободы и толерантности [5]. Толерантность выражает способность установить и сохранить единство с людьми, отличающимися от нас в каком-либо отношении. Конечно же, при этом надо иметь в виду, что существуют рамки терпимого отношения, т.е. присутствие определенных моральных пределов, которые позволяют не смешивать толерантные отношения с вседозволенностью и равнодушием к ценностям, убеждениям других [3].

Цель исследования: изучить профессиональную, религиозную и возрастную толерантность у кыргызских старшеклассников, также развитие качества толерантности посредством психологического тренинга толерантности. В исследовании приняли участие 48 учеников 9–11 классов гимназии № 33 г. Бишкека в возрасте от 15 до 18 лет. Из них 22 юношей и 26 девушек.

Итак, рассмотрим изучаемые виды толерантности.

Профессиональная толерантность

Профессиональная толерантность – это вид взаимодействия личности с различными профессиональными группами общества на основе партнерства, которое направлено на защиту прав и интересов человека в составе различных профессиональных групп, на достижение равновесия в обществе [1; 4]. Поэтому она является важной проблемой для изучения. Нами были получены следующие результаты (Таблица 1.).

Таблица 1. Толерантное или интолерантное отношение к разным профессиям.

<i>Варианты</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Учитель средней школы	1	1
Посудомойщик в кафе	1	2
Милиционер	5	4
Торговец на рынке	3	3
Директор фирмы	10	9
Бизнесмен	10	9
Дворник	1	1
Певец	5	10
ИТОГО	36	39

Данные, полученные в результате анкетирования, показывают высокую профессиональную толерантность респондентов к профессиям директора, бизнесмена, певицы. Негативную оценку вызвали учитель, посудомойщик, дворник.

Религиозная толерантность

Принцип религиозной толерантности состоит из признания права личности на свободу религиозного самоопределения, уважительное восприятие культурно-религиозного плюрализма общества, обязанность каждого гражданина способствовать соблюдению религиозных прав человека; признание каждым гражданином права за другими придерживаться своих религиозных и атеистических убеждений; уважительное отношение органов государственной власти к религиозным убеждениям и чувствам верующих [2].

Индикаторами религиозной толерантности выступают степень лояльности к лицам иного вероисповедания, адекватная трактовка роли и места религии в жизни общества и человека, понимание соотношения религии и науки, осознанное допущение религиозного плюрализма [1]. Нами были получены следующие данные при проведении исследования учеников (Таблица 2).

Таблица 2. Толерантное или интолерантное отношение к представителям различных религий.

<i>Варианты</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Православный верующий	5	6
Мусульманин	6	6
Католик	2	3
Буддист	1	3
Баптист	1	1
ИТОГО	15	19

Проанализировав данные анкетирования, полученные в результате исследования, можно сделать вывод о том, что интолерантное отношение в религиозной сфере преобладает; надо развивать толерантность у старшеклассников практически ко всем религиозным конфессиям. В данном виде толерантности испытуемые отмечали, что не испытывали интереса и лояльности к представителям других религиозных групп.

Возрастная толерантность

Возрастная толерантность – уважительное и положительное отношение к людям разных возрастных групп (например, между детьми и взрослыми, молодежью и пожилыми людьми и т.д.) [1]. Результаты исследования возрастной толерантности приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Толерантное или интолерантное отношение к лицам разного возраста.

<i>Варианты</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Ребенок	4	9
Подросток	2	2
Молодой парень	4	6
Женщина	5	7
Старик	6	6
Пожилая женщина	7	8
ИТОГО	27	38

Данные исследования показывают удовлетворительное толерантное отношение к возрастным категориям. Ученики не обращают особого внимания на возраст людей, окружающих их, что в определенной степени говорит об отсутствии противоречия в общении «отцов и детей». Необходимо обратить внимание на совершенно

противоположное отношение респондентов к подросткам. Проанализировав данные исследования, можно сделать вывод о том, что проблема толерантности возникает в вопросах профессионального и конфессионального характера. Если проанализировать толерантность учащихся с гендерной точки зрения, то более нетерпимое отношение выразили юноши.

С целью развития качества толерантности мы провели психологический тренинг «Скажем нетерпимости «нет!» со старшеклассниками в количестве 26 человек. Программа тренинга содержала знакомство с понятием «толерантность», игры, проблемные ситуации и упражнения на развитие данного качества. Основной упор в тренинге был сделан на развитие профессиональной, возрастной и религиозной толерантности.

До проведения тренинга толерантности средний балл у юношей был 21, у девушек – 25. После проведения тренинга повторное измерение показало положительную динамику: у юношей среднее значение стало 38 баллов, а у девушек повысилось до 46 баллов.

Попытки привития толерантности через школьное образование будут успешными, когда они будут направлены на все возрастные группы и станут обязательными дома, в школе, в обучении и даже при проведении досуга. Основа толерантности – формирование гуманных отношений между людьми независимо от их профессии, вероисповедания и возраста.

Литература

1. *Абдулкаримов Г. Г.* Этнические стереотипы школьников: проблема формирования толерантного сознания. М.: Высшая школа, 2006. 144 с.
2. *Асмолов А. Г.* Мы обречены на толерантность // Семья и школа. 2001. №5. С. 23–25.
3. Как воспитывать толерантность в школе // Педагогический вестник. 2000. №2. С. 43–47.
4. *Степанов П.* Как воспитать толерантность? // Народное образование. 2001. №9. С. 31–35.
5. Толерантный человек: как его воспитать? // Народное образование. 2001. №6. С. 16–19.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУР И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**Табакова З. П., Горбатова Е. А., Ротар Е. В., Петропавловск
(Казахстан)**

Аннотация. На современном этапе исторического развития актуальной является проблема активизации духовных, моральных, творческих сил граждан для национальной консолидации и общественной солидарности. В мире идет процесс переосмысления объективно-исторического развития человечества. Уходят в небытие теории, делившие людей на «варваров» и просвещенных, делившие языки на «правильные» и примитивные. На смену им приходит идея самобытности культуры каждого народа, права на существование и развитие языков всех этносов. В статье рассматриваются формы организации развития духовности молодежи через самореализацию и социализацию.

Ключевые слова: социальная интеграция, волонтеры, культура, творчество, патриотизм

TOLERANCE IN THE DEVELOPMENT OF ETHNOCULTURES AND SOCIAL INTEGRATION

**Tabakova Z. P., Gorbatoва E. A., Rotar E. V., Petropavlovsk
(Kazakhstan)**

Abstract: At the present stage of historical development, the problem of activating the spiritual, moral, creative forces of citizens for national consolidation and social solidarity is relevant. The world is undergoing a process of rethinking the objective historical development of mankind. Theories that divided people into «barbarians» and enlightened, dividing languages into «correct» and primitive, go into oblivion. They are replaced by the idea of the identity of the culture of each people, the right to exist and develop the languages of all ethnic groups. The article discusses the forms of organizing the development of youth spirituality through self-realization and socialization.

Keywords: social integration, volunteers, culture, creativity, patriotism

Все государства, входящие в ООН (их 183), принимают законы по толерантности. Однако отсутствие дискриминации на законодательном уровне не всегда означает соблюдение их в ежедневной практике. Не все, уехавшие из Казахстана в другие страны, чувствуют себя счастливыми людьми, ностальгия по малой родине побеждает, и люди возвращаются в родные края. Ярким примером тому может послужить судьба Давида Давидовича Даутфеста. Прожив в Германии 16 лет, семь лет назад он вернулся в родное село и как прежде

стал работать в КГУ «Новоишимская средняя школа № 2», района им. Г. Мусрепова, СКО учителем математики. Он любитель поэзии, сам пишет стихи, в которых после возвращения снова зазвучали нотки спокойной радости жизни и счастья:

Приехав, поклоняюсь речке,
К холодным скалам я прильну,
Полям рукой махну, где гречка,
И вряд ли вечером усну.
А утром поднимусь, *счастливый*,
Свободен, словно от оков, –
Услышав говор торопливый
Красивых белых голубков. [2, с. 99].

Русскоязычные поэты Северного Казахстана в своих пейзажных зарисовках воспевают не только русскую березку и просторы русского поля, но признаются и в любви к неприхотливому ковылю, горчащим запахам полыни, открытому пространству бескрайной степи.

Казахстан всегда был и остается страной, где в мире и согласии на протяжении многих лет проживают представители более 130 этносов. Каждый из них имеет право блюсти свои традиции, Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева особое внимание уделяет укреплению дружбы и взаимопонимания как студентов нашего города и области, так и иностранных студентов. Этому процессу способствуют многочисленные молодежные организации, направленные на социализацию молодых людей.

Так, клуб авторской песни «Союз – Автор» был образован в 1990 году под руководством Ткаченко Юрия Владимировича в селе Новокаменка Бишкульского района. В 2007 году клуб переживал очень сложные времена, коллектив распался из-за отсутствия руководства. Однако в 2008 году удалось снова возобновить работу объединения. Получив поддержку Городского дома культуры, «Союз – Автор» переехал в Городской дом культуры, где находится до сих пор и на протяжении 32 лет объединяет активных молодых людей.

Объединение «Союз – Автор» – добровольное, самоуправляемое формирование, объединившее «свои таланты» для подготовки творческих личностей города и области. С первых занятий участник клуба начинает обучаться основам игры и пению под гитару, он берет обязательство выступать на концертах не менее одного раза в учебную четверть, показывая свои результаты работы. В конце учебного года на традиционном посвящении все, кто проучился год, официально принимаются в «Союз – Автор». Объединение как объект социальной интеграции существует благодаря совпадению целей и интересов

членов коллектива, социальной сплоченности и партнерства, благодаря труду каждого участника коллектив клуба функционирует и успешно выступает в городах России и Казахстана: Новосибирске; Златоусте, Кургане, Кольцово, Экибастузе, Караганде. С большим успехом коллектив выступал на фестивалях: «Сибирское Рождество» (Томск), «Зеленая карета» (Москва), Международный фестиваль авторской песни (Астана), Молодежный фестиваль (Омск). «Союз – Автор» с фестивалями привозит много призов и дипломов, а главное – приобретает новых друзей разных профессий и национальностей, с которыми продолжает ежегодно встречаться. Объединение – пример неординарного «коллективного таланта» – руководитель Туртаева Аида Жанатовна окончила Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева по специальности бакалавр техники и технологии строительства, ее ученики принимают активное участие в науке, спорте и культурной жизни области и города.

Объектом социальной интеграции становится молодежное волонтерство. Волонтерская деятельность в современном обществе представляет уникальную платформу для решения острых социальных проблем, что открывает большие возможности для любого человека внести свою лепту в решение важных проблем общества и почувствовать себя добровольцем, выполняющим добрую волю. Волонтерские объединения в Петропавловске имеют несколько направлений: социальное, образовательное, спортивное и медийное. Каждый день около тысячи волонтеров оказывают помощь в решении повседневных проблем нуждающихся, одиноко проживающих пенсионеров и инвалидов. Зимой и в начале весны регулярно проводится акция «Делай добро», отряды волонтеров оказывают помощь в уборке дома, чистке снега, в физической работе. Весной по всей области проводится субботник – акция «Чистая планета». Волонтеры-доноры сдают регулярно кровь, оказывают помощь полицейским в проведении профилактических и рейдовых мероприятий, участвуют в поиске пропавших людей, волонтеры-медики выезжают вместе с бригадами скорой помощи, волонтеры-зоозащитники помогают приютам и зооприютам. Исходя из совокупности всех этих факторов волонтерскую деятельность можно без сомнений назвать самым нравственным процессом социальной интеграции.

Первичная профсоюзная организация студентов СКУ им. М. Козыбаева является еще одной организацией, занимающейся защитой социально-экономических прав граждан. Как и волонтерское, это добровольное объединение, оно выражает волю студентов и

граждан города. Студенческий профсоюз занимается плановой социальной работой в области и Петропавловске, оказывая благотворительную помощь студентам СКУ. В сотрудничестве с Комитетом по делам молодежи СКУ им. М. Козыбаева выделяет стипендию от профсоюза студентов из социально уязвимых слоев. Проводит благотворительные акции через Молодежную информационную службу Казахстана, общественный фонд «Солнечный дом» и другие структуры, занимающиеся благотворительностью.

Объединение ставит перед своими членами задачу утверждения идей толерантности, социального партнерства и концепции диалога и культур. вследствие непрерывного социального взаимодействия. Общими силами членов объединения проводятся мероприятия, соответствующие стилистике того или иного этноса: «Аниме-party», «Козы Корпеш и Баян Сулу», «Зарница», «Угадай мелодию», «JustDance» и т. п. Таким образом, социальное взаимодействие можно назвать предметом углубленной социальной интеграции.

С этой целью кафедрой «Ассамблея народа Казахстана» в вузе ежегодно проводятся различные мероприятия, среди которых литературные гостиные, мастер-классы национальных кухонь, лекции о культуре и истории разных этносов на трех языках в рамках образовательного лектория «Халыктану», Дни польской, азербайджанской и других культур. На празднике Масленицы наряду с блюдами русской национальной кухни среди угощений были индийские напитки, приготовленные обучающимися в вузе индийцами и, конечно, песни и танцы удивительной и таинственной Индии.

Надолго запомнилась встреча в литературной гостиной на тему «Родина в произведениях поэтов Северо-Казахстанской области». Не забудется Наурыз, праздник, на котором представители каждого этноса получили возможность продемонстрировать свои традиции, обычаи, рассказать об истории и культуре, поздравить всех на родном языке и угостить национальными блюдами и узнать много интересного о других народах.

Смешалась речь за дастарханом.

Пришелся праздник по душе.

В пиалы щедро разливают

Традиционное коже [1, с. 149].

Именно в такие моменты приходит понимание, насколько дорога Родина и близки соотечественники. Люди, университет, песни, мелодии домбры и кобыза, танцы прибывших из Индии студентов – все внезапно начинает казаться столь родным, что приходит осознание невозможности счастья где-то в другом месте, тем более – в другой

стране. Родной наш вуз – это место укрепления связей между студентами университета, гражданами Петропавловска, гостями из других стран на принципах доброжелательного отношения и толерантности.

В наш «бумажный» век, когда эффективность работы школы и всех учебных заведений определяется не результатами обучения и воспитания, а бесконечными отчетами и рейтингами, на воспитание нравственности обучающихся просто не остается времени: успеть бы программу *пробежать*, которая разработана сверху, ведь там виднее, чему учить, как и когда. Тотальная проверка учеников и преподавателей заставляет тех и других *крутиться, как белка в колесе*. Отсюда срывы и учителей (кто-то уверен, что надо больше ругать обучающихся, а кто-то пускается в рукоприкладство), и учеников, что не только «мешают вести урок», но и грубят учителю и тоже иногда дают сдачи. Дошло уже до того, что на государственном уровне разрабатываются законы о защите учителей от УЧЕНИКОВ! Но *заставить уважать* невозможно. Еще Александр Сергеевич Пушкин в «Евгении Онегине» с иронией писал о дядюшке: «Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Можно заставить человека, особенно находящегося в зависимости, бояться и подчиняться, но *заставить уважать* невозможно. Учащиеся без всякой палки будут уважать преподавателя, хорошо знающего свой предмет, искренне заинтересованного в их успехах, интересного и *доброе* человека. Уверены, таких преподавателей большинство. Нам трудно даже представить, чтобы учитель мог поднять на ученика руку. Если где-то произошло подобное – это должно рассматриваться как *грубейшее нарушение профессиональной этики*. Учитель должен быть немедленно уволен (если сам не догадается уйти), без дискуссий и коллективной защиты. Иначе мордобой в школе может стать нормой

Вся наша надежда на детей, которых еще можно воспитать здоровыми телом и душой. Для активизации краеведческой работы в воспитательном процессе школьников мы работаем над проектом «Филологическое краеведение в школах Северо-Казахстанской области».

Цель проекта: собрать и сохранить творчество поэтов Северо-Казахстанской области. Вовлечь в поисковую работу студентов, магистрантов, учителей и учащихся школ. За 20-летний период целенаправленной работы мы издали несколько альманахов: «Поэты Приишимья», «Поэзия добра и красоты», «Поэты Северо-Казахстанской области», Степные напевы, на русском и казахском языке, сборник «Переводная поэзия». Вышло из печати несколько учебно-

методических пособий для учителей, таких как «Этнопоэтический анализ творчества местных поэтов». Каждый год мы открываем новые имена молодых и немолодых поэтов. Планируем подготовить к изданию Антологию «Поэты Северо-Казахстанской области».

Задачи проекта: использовать собранный материал для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Активизировать в обществе интерес к чтению, к проблемам культуры.

Результаты проекта: изучение родного края, знакомство с интересными людьми своего края, развитие творческих способностей молодежи, воспитание уважительного отношения к людям своего края и любви к Отечеству. Формирование высоких нравственных качеств, духовности и толерантного отношения к представителям разных этносов. Поисками талантливых поэтов занимаются студенты, магистранты, учителя школ.

Филологическое краеведение занимает важное место в системе патриотического воспитания, мы работаем по трем направлениям:

- изучение обычаев и традиций родного края;
- исследование литературного наследия своей области;
- изучение биографий и творчества поэтов района и области.

К важным результатам этого проекта можно отнести то, что в районе СКО им. Г. Мусрепова вышел первый поэтический сборник творчества жителей района.

Казахстанская земля богата талантами. Мы верим в красоту и силу художественного слова, верим в то, что работа по изучению поэтического творчества, увлечение искусством с детских лет не покинет наших юных литераторов и оставит в их сердцах глубокий след.

Литература

1. *Галицкая Л.* // Табакова З. П., Муканова Г. М. Переводная поэзия Северо-Казахстанской области. Петропавловск, 2020. 160 с.
2. *Даутфест Д. Д.* // Табакова З. П. Поэзия добра и красоты. Петропавловск, 2020. 158 с.

ПОДГОТОВКА К УЧАСТИЮ В МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Титова М. В., Барнаул (Россия)

Аннотация: Включение в образовательный процесс внеязыковой составляющей, в частности использование на занятиях русского как иностранного лингвострановедческого материала ведется давно, но именно сейчас выходит на первый план социальная интеграция и совместное погружение в культуру народа изучаемого языка. Такое взаимодействие языка и культуры возможно при участии студентов в массовых мероприятиях. В данной статье рассматриваются особенности подготовки студентов из разных стран к полноценному участию в комплексных мероприятиях на примере сценария «Весенняя капель».

Ключевые слова: русский как иностранный, лингвокультурология, русская культура, лингвострановедение

PREPARATION FOR PARTICIPATION IN MASS EVENTS FOR STUDENTS LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Titova M. V., Barnaul (Russia)

Abstract: The inclusion of an extralinguistic component in the educational process, in particular, the use of Russian as a foreign linguistic and cultural material in the classroom has been going on for a long time, but right now social integration and joint immersion in the culture of the people of the language being studied are coming to the fore. Such interaction of language and culture is possible with the participation of students in public events. This article discusses the features of preparing students from different countries for full participation in complex events on the example of the "Spring drops"

Keywords: Russian as a foreign language, linguoculturology, Russian culture, linguistics regional studies

Современные тенденции в обучении русскому языку как иностранному давно вывели образовательный процесс за рамки программы учебного курса. Одним из факторов успешного освоения материала является представление любого сегмента языковой картины мира в лингвокультурологическом аспекте, где интегрируются лексические и внеязыковые сведения. Одним из таких примеров взаимодействия языка и культуры являются внеучебные мероприятия в поликультурных группах. В данной статье мы представим анализ сценария мероприятия для иностранных студентов в дистанционном формате «Весенняя капель» с точки зрения

подготовки иностранных студентов к активному и осознанному участию в проекте.

В курсе «Практика речи» на начальном этапе изучения русского языка как иностранного большое внимание уделяется теме «Приветствие». Традиционно рассматриваются разные формы приветствия в зависимости от статуса и возраста собеседника, а также от цели речевого взаимодействия. С. Е. Григоренко, изучая концептосферу «Встреча-приветствие», подчеркивает, что коммуникативно-когнитивное обучение позволяет не только определить языковую форму как отображение когнитивных структур (концептов), но и рассмотреть язык как семиотическую систему, подчиненную определенным правилам взаимодействия в структуре языковых уровней и функционирующую в процессе речемыслительной деятельности человека. Так, автор отмечает, что при коммуникативно-когнитивном анализе единиц языка системообразующей единицей является понятие «поле». Лексико-фразовое поле позволяет выявить системные связи между единицами разных уровней языка, репрезентирующих концепты «встреча», «приветствие», «прощание», «расставание», и определить системные связи между отдельными элементами концептосферы «встреча» / «прощание», представив данный ментальный объект наиболее полно, что способствует совершенствованию профессионально-коммуникативных знаний, практических навыков и умений иностранных студентов-филологов [1, с. 23–24].

Репрезентантами концептосферы «встреча-приветствие» в организации мероприятий на официальном уровне могут быть различные формы, поэтому знакомство с большинством из распространённых вариантов необходимо. Так, в данное лексико-фразовое поле включаются фразы: **«Здравствуйте!», «Добрый день/утро/вечер!», «Мы рады приветствовать вас!», «Привет!»** и др. Для изучения и полного понимания больше всего подходит следующая методика – создание по материалам СМИ и сети интернет подборки приветствий участников разных мероприятий на русском языке в видеоформате. Просматривая такой материал, студенты-филологи, изучающие русский язык как иностранный, легко создают собственные конструкции, правильно применяемые в зависимости от социальной ситуации. В анализируемом сценарии мероприятия в дистанционном формате «Весенняя капель» модератор проекта приветствует всех участников следующим образом: **«Здравствуйте, дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас в этот замечательный день! Слово предоставляется ...»**. После проведенной

подготовительной работы по изучению лексики, входящей в поле «Приветствие», студенты понимают этот организационный фрагмент сценария с процентом выполнения – 100 (по результатам обязательного тестирования).

После приветствия организаторов и гостей проекта, в сценарии данного мероприятия запланирована страноведческая информация. В курсе «Лингвострановедение» (направление «Лингвистика», профиль «Русский язык как иностранный») Алтаю посвящен большой раздел, включающий историю региона, достопримечательности, культурные и природные особенности. Понятия, представленные в данном разделе: **«столица Алтайского края», «родной город», «виртуальная прогулка», «достопримечательности»**. Модератор объявляет: «Знакомьтесь – мы с Алтая! Алтайский край расположен на юго-востоке Западной Сибири. Столица Алтайского края – город Барнаул. Сейчас мы посмотрим клип «Мой Барнаул», клип о любви к родному городу. С этого видеомикса (трек 1) мы начнем нашу виртуальную прогулку, вы познакомитесь со всеми достопримечательностями нашего города».

Далее представляется презентация региона (в мероприятии в дистанционном формате принимали участие студенты 5 государств, многие из которых только благодаря специальной подготовительной работе при организации данного проекта понимали содержание слайдов 2-4): «Алтайский край очень большой, чтобы проехать по нему, понадобится целый день. Часто говорят, что Алтай – сердце России».

Содержание слайда 2 становится доступным для понимания при усвоении формы словосочетаний с подчинительной связью (преимущественно согласование). Для моделирования подобных сочетаний используется форма вопрос-ответ: «Мед какой? **Вкусный, полезный, сладкий, липовый, прозрачный** и т. д. Природа какая? **Родная, красивая, удивительная** и т. д. Весна какая? **Теплая, ранняя, поздняя, солнечная, яркая** и т. д. Лето какое? **Теплое, жаркое, дожджиданное** и т. д. Осень какая? **Теплая, холодная, дождливая, красивая, золотая** и т. д. Зима какая? **Холодная, снежная, длинная** и т. д.» Слайд 2: Здесь самый вкусный сыр (230 сортов) и самый полезный мед, травы, дарящие здоровье и силы. На Алтае удивительная природа, лес, горы, яркая весна, жаркое лето, золотая осень и снежная зима.

Слайд 3: Хороша русская зима! Но солнце пригревает с каждым днем все сильнее, тает снег, возвращаются с юга птицы, и начинается весенняя капель! Давайте мы с вами вместе прогуляемся по весеннему лесу и посмотрим на цветы, которые появляются весной.

Для понимания содержания следующего слайда (4) при подготовке аудитории (на занятиях по «Практике речи») изучается лексическое субполе «Цветы». Слайд 4: «Ребята, какие весенние цветы вы знаете? *Подснежник, ландыш, тюльпан, мимоза, одуванчик, верба, яблоня*».

Модератор продолжает: «Мы с вами вместе продолжим нашу прогулку. Мы вышли из леса, и перед нами большая и сильная река Обь. Ледоход на Оби – это одно из самых запоминающихся зрелищ, привлекающее внимание барнаульцев. Посмотрим, как несколько дней назад прошел ледоход – 2022! (трек 3 – видео «Ледоход»). Для понимания данного фрагмента подготовительная работа проводится на двух уровнях – лексическом (сложное слово – *ледоход*, «*лед идет*», «*лед – это ...*» и т. д.) и страноведческом (*Барнаул – барнаульцы, река Обь, ледоход на Оби*).

В следующем фрагменте представлены стихи о весне знаменитых русских поэтов А. Блока, Ф. Тютчева, А. Пушкина, А. Фета, С. Есенина и др. Работа с данными текстами проводится традиционно в рамках курса «Чтение художественных текстов», поэтому содержание стихотворений и интерпретация использованных в текстах средств художественной выразительности студентам известны. При планировании массовых мероприятий с привлечением художественных текстов предпочтение отдается программным произведениям. Модератор: «Мы очень хорошо погуляли по весеннему лесу. Весна – прекрасное время года! Поэты во все времена воспевали весну. И мы, обращаясь к известным поэтическим строчкам о весне, испытываем ту же радость, надежду, светлую грусть, ожидание любви и чуда, как и лирические герои в этих стихотворениях». После просмотра презентации «Стихи о весне» модератор задает вопрос: Ребята, а какие вы знаете стихотворения о весне? Прочитайте, пожалуйста, свои любимые весенние стихи (студенты читают приготовленные стихотворения).

Таким образом, в рамках подготовки к участию в мероприятии каждый студент-филолог, изучающий РКИ (направление «Лингвистика», профиль «Русский язык как иностранный») осваивает не менее шести лексических групп («*Приветствие*», «*Город*», «*Достопримечательности*», «*Поэзия*», «*Весна*» (включая субполе «*Цветы*»), «*Живопись*») и не менее 240 новых слов и словосочетаний. Лингвокультурологический подход при подготовке участников массовых мероприятий позволяет не только овладеть данным материалом на уровне синхронного перевода и полного понимания, но и «погрузить» всех участников в русскую культуру.

Литература

1. Григоренко С. Е. Коммуникативно-когнитивное обучение речевому общению иностранных студентов-филологов (концептосфера «Встреча-приветствие» / «Прощание - расставание»). Автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2010.

МИГРАЦИЯ – МОСТ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУ СТРАНАМИ СНГ

Ульмасов Р. У., Душанбе (Таджикистан)

Аннотация: В наше время миграция трансформируется, отношение к трудовым мигрантам изменяется в лучшую сторону. Появляются новые тренды в миграционном поле. Положение и условия труда трудовых мигрантов в России невозможно рассматривать в отрыве от общего положения работников – граждан России. На данный момент необходимо выступать не столько за расширение перечня прав и гарантий для трудовых мигрантов, сколько, в первую очередь, бороться с неудовлетворительными условиями труда. Такая работа является особенно значимой как для граждан страны, так и для трудовых мигрантов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: миграция, демография, информационное пространство, русский язык, депортация, гражданство, рабочая сила

MIGRATION – A BRIDGE BETWEEN THE CIS COUNTRIES

Ulmasov R. U., Dushanbe (Tajikistan)

Abstract: Nowadays migration is being transformed, the attitude towards labor migrants is changing for the better. New trends are emerging in the migration field. The situation and working conditions of migrant workers in Russia cannot be considered in isolation from the general situation of workers – citizens of Russia. At the moment, it is necessary to advocate not so much for expanding the list of rights and guarantees for migrant workers, but, first of all, to combat unsatisfactory working conditions. Such work is especially important as for citizens as for labor migrants in long terms.

Keywords: migration, demography, information space, Russian language, deportation, citizenship, labor force

**Все развитые страны нуждаются в притоке мигрантов,
Россия не исключение**

Для мигрантов и стран – экспортеров рабочей силы это большой и большой вопрос. «Россия нуждается в притоке новых граждан.

Совершенно очевидно, что с развитием экономики в России нам уже не хватает, а скоро будет очень заметно не хватать рабочих рук, и это становится реальным, объективным ограничителем экономического роста в стране», – сказал Владимир Путин [1]. Путин отметил, что тема миграции важна и с экономической точки зрения. Многие страны Европы в ближайшие годы будут принимать срочные и экстренные меры для пополнения рынка труда. Мигрант – это здоровый молодой человек. Поэтому заявление В.Путина – сигнал рынку труда, работодателям и чиновникам. Все страны Европы, где демографическая ситуация находится в критической ситуации, принимают меры по привлечению трудовых мигрантов. Например, Германия и Великобритания. Немцы в ближайшее время примут новый Закон о миграции, а британцы уже принимают трудовых мигрантов из Центральной Азии. В том числе из Таджикистана – в количестве 500 человек. Сейчас миграция находится на историческом перекрестке.

В данной статье представлен не только повод к размышлениям, но, возможно, и к практическим шагам по разработке креативной Программы миграционной стратегии. Мне думается, наша позиция разумна. Миграция переживает в эти трудные времена один из решающих в истории человечества моментов (Таджикистан не исключение) и имеет огромное количество противоречивых версий будущего. Миграция – это не только экономическая мотивация, в настоящее время она трансформируется. Миграция 1990-х годов и миграция на данном этапе имеют коренные различия. Если понятие «интеграция» для трудовых мигрантов в России отсутствовало, то теперь, изучая мировой опыт, особенно Германии, Правительство России рассматривает интеграцию и адаптацию трудовых мигрантов в российское общество как одну из ключевых перспектив рынка труда. Например, среди таджикских мигрантов появляются новые факторы и мотиваторы, меняется структура миграционного потока и жизненные планы самих мигрантов. Миграция из хаотичной постепенно превращается в регулирующую.

Мигранты получают новую квалификацию, поступают в российские лицеи, колледжи, университеты, меняют свои позиции в тех местах, где раньше работали. Многие из рядовых рабочих перешли на руководящие позиции. Наблюдение показывает, что многие трудовые мигранты приглашают своих работодателей, хозяев домов, где они живут, соседей, новых друзей в Таджикистан. Такого мы раньше не замечали. И – другой новый тренд: молодые таджикские мигранты в России создают семьи. Ежегодно до 12 000 таджиков женятся на

россиянках. Они приезжают с детьми, женами, родственниками в Таджикистан. Некоторые остаются, многие уезжают обратно.

В начале XX века в наш регион приезжали учителя, врачи, инженеры, партработники. Они помогали строить заводы, фабрики, школы, больницы. Многие из них, их дети остались до сегодняшних дней. Некоторые историки пишут о том, что на христианских кладбищах захоронены более миллиона человек. После приезда в Таджикистан у многих меняется мнение, они видят своими глазами реальную таджикскую жизнь. У многих о проблемах миграции не только недостаточное знание, они следуют политической конъюнктуре и, как сказано в Коране (53.28): «лишь предположением, хотя предположение не может заменить истину».

Грубое отношение к трудовым мигрантам ведет к девальвации ценностей, с которыми завоевывалась победа в годы ВОВ. Отношение к мигрантам сказывается на политическом горизонте межгосударственных отношений. Пока все это остается непереосмысленным. Сейчас миграция в мире, в том числе и в Таджикистане, на переломном этапе по воздействию на эволюцию архитектуры международной системы. В 2018 году так называемая «учтенная миграция» из Центральной Азии в Россию превысила 3,4 млн человек. «На сегодняшний день в части регионов мы видим острую нехватку миграционных притоков для реализации тех задач, которые сейчас существуют в субъектах», – заметил министр труда и социальной защиты Российской Федерации А. Котяков [2]. Приведу пример по другим направлениям. «Ritta Romani» – производитель и поставщик детской одежды белья города из Новосибирска приглашает швей из Таджикистана на стабильную работу с достойной зарплатой от 25 000 до 40 000 рублей. Соответствующая заявка в адрес представительства Минтруда поступила и от руководства ООО «ПЭК», которому на склады в городах Москве и Королеве требуются грузчики. Поступило предложение от Республики Башкортостан: требуются специалисты по погрузочно-разгрузочным работам (грузчики). В заявке отмечено, что оплата работы сдельная – от 24 000 рублей. Организация предоставляет бесплатное общежитие. Расходы на оформление патента также компенсируются работодателем с последующим вычетом в течение 3 месяцев. В случае работы в организации не менее 11 месяцев расходы на оформление патента будут возвращены работнику. Таких примеров достаточно много. Однако, как отметил В. Путин, «дефицит работников становится реальным ограничителем экономического роста России, страна нуждается в притоке мигрантов, в особенности тех, кто является носителем русской культуры».

Миграционное ноу - хау

Сейчас ответственные за миграцию обсуждают изменение принципов миграционной политики. И сейчас произошел титанический сдвиг в этом вопросе. Изменение идет молниеносно. Глобальная миграция сейчас находится в тревожном путешествии к неопределенному месту назначения для работы, положение трудовых мигрантов во время украинского кризиса тревожно.

В нынешнем году Германия приняла закон, упрощающий трудоустройство квалифицированной рабочей силы. Наверняка по такому пути пойдут и другие страны. Это означает, что в ближайшие годы мы получим новую волну «утечки мозгов». Интеллектуальная рабочая сила уезжала и раньше, просто ранее были более сложные условия. Скажем так: определенная часть людей поедут, но отнюдь не все. Чтобы уехать, надо пожертвовать своим социальным капиталом, решиться на коренное изменение жизни. Все не так просто, как кажется. Далеко не все люди на это способны. В начале 2000-х наши соотечественники уезжали в основном в Россию, а сейчас география расширяется – это Польша, Украина, Белоруссия, Германия, США, Финляндия, Латинская Америка, Великобритания, Канада и др. Трудно прогнозировать – какая страна окажется в приоритете в дальнейшем? Многие семьи стараются отправить своих детей учиться за границу. На первом месте Российская Федерация – 32 000 студентов, на втором месте Китай, где приняли в вузы 4 075 таджикских студентов. Далее в списке по убыванию располагаются страны СНГ: Беларусь (1 151), Казахстан (959) и Кыргызстан (698). Популярны у таджикских студентов и другие зарубежные вузы: США (321), Польши (293), Турции (283), Украины (220), Германии (172) и Индии (147) [3].

Российская Федерация на 2022 учебный год выделила 1 000 бюджетных мест для таджикской молодежи. Студенты, как и мигранты, открывают Россию в образовательном пространстве. Но какой процент потом возвращаются в Таджикистан? Возвращаются ли те, кто выехал по квоте? Остальные устраиваются по месту учебы. Таджикские абитуриенты чаще поступают не в престижные университеты Польши, Германии, Испании, США, а в небольшие вузы в маленьких городках, хотя такие же знания можно получить в Таджикистане. Их привлекает возможность получения европейского диплома. Это говорит о том, что надо бороться за абитуриента, чтобы наши университеты отвечали требованиям и запросам сегодняшней молодежи. Нам надо вернуться к таджикскому советскому опыту направления на учебу в ПТУ (колледж или лицей). Например, российские, белорусские, украинские ПТУ не престижны для молодежи этих стран. В то же время молодые люди

охотно едут получать среднее профессиональное образование в Польшу. Для нашей молодежи учиться в ПТУ Украины, Белоруссии и Российской Федерации очень престижно и перспективно. Уделяя серьезное внимание профтехучилищам, российский рынок труда при минимальной затрате мог бы получать готовые кадры для конкретной отрасли. Ежегодно представители российских вузов приезжают в Таджикистан и набирают студентов. Таким же способом могут приезжать и представители профтехучилищ Российской Федерации. Давно мы поднимаем вопрос об открытии российской биржи труда для мигрантов. Этот вопрос назрел.

«Жизнь мигранта что-то значит»

МВД России разработало новый план развития миграционной политики – в том числе предлагается создание единой базы данных прибывающих в страну. В России приняты поправки к закону по оптимизации механизмов миграционного учета иностранных граждан. Принятые в миграционной сфере меры «цементируют» сильную и суверенную Россию. Это следствие того, что Россия чувствует себя более уверенно и самостоятельно. Это, по мнению ведомства, поможет лучше управлять миграционными процессами в стране [4]. Думается, это положительный момент, так как мигранты живут в «желтом цвете» – за эти годы приобрели «определенный иммунитет с активными антителами» в информационном пространстве. Мигранты сделали невозможное возможным.

Будет разработано современное приложение для мигрантов, чтобы пользоваться разными госуслугами в онлайн-режиме. Кроме того, и это основное: человек, который собрался в Россию из Узбекистана или Таджикистана должен иметь возможность заходить в это приложение, находясь у себя на родине. Будущий мигрант сможет авторизоваться в системе, его данные автоматически уходят в МВД России, он может в онлайн-режиме начать оформлять трудовой патент. И он поймет, что через эту платформу сможет получить необходимые услуги, не стоя в очереди, не попадая в руки мошенников-посредников (кстати, среди посредников немало наших земляков). С другой стороны, родителям, семьям, родным и близким будет легче узнавать, где находится и где работает мигрант; и, что важно с точки зрения безопасности, – где проживает. В целом, тенденция такова, что и работодатели, и сами мигранты сегодня стараются максимально узаконить свою деятельность. Количество оформленных патентов на работу для иностранных граждан за два месяца 2022 года более чем в два раза превышает показатели аналогичного периода 2021 года. За январь-февраль 2022 года оформлено патентов иностранным

гражданам и лицам без гражданства – 271 573. При этом за аналогичный период прошлого года данный показатель составил 112 329 [5]. Думается, надо идти дальше. Было бы целесообразно создать единый банк данных как в России, так и в Таджикистане. Другой долгожданный закон для трудовых мигрантов позволяет иностранцам подавать заявление на вступление в российское гражданство без обращений об отказе от имеющегося [6]. Интересный факт. В 2021 году число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации, составило 735 385. При этом за аналогичный период позапрошлого года это число составляло 656 347. Желание приобрести российское гражданство проявляют в первую очередь граждане, живущие на юго-востоке Украины, – порядка 50 % от общего числа заявок на получение паспорта Российской Федерации. В 2020 году российское гражданство получили 144,2 тыс. граждан центральноазиатских республик. Из них доля граждан Таджикистана составляет почти 44 %, затем идут граждане Казахстана – 30 %, Узбекистана – 16 %, Кыргызстана – 8,2 % и Туркменистана – 1,7 %.

По данным МВД, с января 2022 года российское гражданство получили 137 700 выходцев из стран бывшего СССР. Украинцев среди них оказалось 39,6 %. За ними следуют уроженцы Таджикистана, которые заняли второе место после Украины по числу получивших гражданство России за первое полугодие 2022 года. За шесть месяцев 2022 года 74 162 выходца из Таджикистана приняли гражданство Российской Федерации. А это почти по 410 человек в день [7]. Между тем, по данным МВД России, увеличилось число вставших на миграционный учет иностранцев. За первые шесть месяцев этот показатель вырос почти на 3 миллиона по сравнению с прошлым годом и составил свыше 8 миллионов человек. В том числе, 2 156 025 граждан Таджикистана на сегодняшний день встали на миграционный учет в Российской Федерации, из них 1 774 034 человека приехали в Россию в поисках работы. За 6 месяцев 2022 года 24 698 граждан Таджикистана получили разрешение на временное проживание, а вид на жительство (первично) – 51 463 человека. По данным МВД России, в 2021 году российское гражданство получил 103 681 таджикистанец.

Как свидетельствует эти цифры, с каждым годом граждан Таджикистана, желающих получить российское гражданство, становится все больше. Это обусловлено прежде всего тем, что Таджикистан – единственная страна СНГ, с которой у России есть соглашение о двойном гражданстве. Большая часть таджикистанцев – это участники российской программы переселения соотечественников.

На гражданство часто подают трудовые мигранты, работающие в России, ведь российский паспорт – это практически единственный способ спокойно работать и жить. Получение российского паспорта среди граждан Таджикистана традиционно востребовано, и число желающих растет ежегодно. В США мы наблюдаем обратную картину. Граждане США поставили за первую половину 2020 года антирекорд – от американского гражданства отказались 5 816 жителей Соединенных Штатов. За весь 2019 год таких было только 2 072 американца [8].

Миграция и демография как сиамские близнецы

В 2022 году численность населения Таджикистана оценочно увеличится на 210 тыс. человек, в июле 2022 года зарегистрированы 10 000 000 человек. Естественный прирост населения будет положительным и составит 237 496 человек. В 1950 году в Советской Социалистической Таджикской Республике проживали всего около 1,5 млн человек. За последние 50 лет население сократилось только в 2000 году, во все остальные годы оно росло. Численность населения Таджикистана в прошлом году увеличилась на 2,1 % и на начало января 2021 года составила 9 316,8 тыс. человек [9].

Такая демографическая ситуация несет очень серьезную социальную нагрузку для таджикского общества. Это означает, что каждый работающий человек в Таджикистане должен обеспечить более чем в 1,5 раза большее количество товаров и услуг, чем было бы необходимо для него самого. За последние 23 года население Душанбе увеличилось на 33 %. Однако среди таджикских мигрантов мы наблюдаем новую тенденцию. Теперь в поисках более высоких заработков уезжают в ЕС, Южную Корею, Турцию. У России появились конкуренты – это Казахстан, Белоруссия, Афганистан и Узбекистан. И это – «лопатный труд», низкоквалифицированный, его доля, как минимум, не снижается. За последние 20 лет она выросла, как ни странно, на 10 % [10].

По мнению Ю.Крупнова, в демографии ситуация не лучше. Мигранты, получающие гражданство и перенимающие культурные ценности россиян, становятся такими же «малорожающими». Население России растет за счет иммиграции и, очевидно, что фокус интеграционной политики смещается в сторону тех, кто проживает в стране менее пяти лет, поскольку иммиграция превышает эмиграцию и отрицательный прирост населения. Есть еще одна тревожная статистика. Россия входит в первую тройку государств с самыми высокими показателями самоубийств на душу населения, а по числу суицидов среди мужчин и вовсе является мировым лидером. Во многом потому, что россияне-мужчины убивают себя почти в семь раз чаще, чем

женщины. В общей сложности в 2016 году в Российской Федерации покончили с собой 44 673 человека. В пересчете это примерно 122 самоубийства в день, или по пять – каждый час. Таким образом, один житель России сводит счеты с жизнью в среднем каждые 12 минут [11]. Все это влияет на демографическую ситуацию. Таким образом, катастрофическая демографическая ситуация в Российской Федерации принуждает привлечь трудовых мигрантов. Если Таджикистан и Россия разработают эффективный целенаправленный механизм привлечения трудовых мигрантов во благо экономик и благосостояния народов двух стран, это будет мудрейший и дальновидный в стратегическом плане государственный подход. Россия и Таджикистан нуждаются друг в друге.

Предложения

Пандемия открыла совершенно новую проблему. Профессия врача стала престижной. Поэтому большое количество врачей покинули страну и работают в разных уголках не только России, но и Европы, США и других стран. За последние шесть месяцев 2022 года сферу здравоохранения Таджикистана покинули и отправились в трудовую миграцию 674 врача и 1 350 медсестер [12]. Если мы не остановим миграцию врачей, учителей мы столкнемся с новыми проблемами в здравоохранении и образовании. Я не понимаю, почему врач-хирург должен получать мизерную заработанную плату, а генерал, прокурор, получает больше, чем врач или учитель. Необходимо реформировать систему здравоохранения, принять государственную программу возвращения врачей, исследовать тенденции взаимоотношений между местным населением и трудовыми мигрантами. Пандемия раскрыла три глобальные проблемы: демографию, старение и миграцию. Хотя это и одно целое, но каждое направление – это вызов миру.

Миграция станет более глобальной, потому как развитые, так и развивающиеся страны будут страдать от нехватки рабочей силы.

В Таджикистане необходимо срочно начать подготовку и переподготовку работающих граждан, чтобы расширить профессиональные навыки или получить новую профессию. Цель: переобучить работников, т. к. спрос на рынке труда изменился.

Необходимо реформировать экономику, а затем коренным образом реформировать таджикское образование. Возродить профессиональное обучение в Таджикистане. На государственном уровне принять специальную программу «Возрождения ПТУ».

Миграция – слабое звено в информационном пространстве, которое находится в архаичном состоянии. Миграционные мысли должны опережать эпоху. Мы должны предугадывать, предвидеть на

десять шагов вперед. Мода на «новые лица» в миграционном менеджменте прошла, теперь время «управленцев с опытом».

Литература

1. «Нужны стране»: Путин пригласил мигрантов в Россию. 3 июля 2020 года Газета. Ру.
2. О ситуации с мигрантами в Российской Федерации рассказал министр труда и социальной защиты Антон Котяков. – ИА Sputnik. – 02.06.20.
3. ИА Sputnik. В Минобразования рассказали, сколько таджикских студентов учится за рубежом. 17.07.2020.
4. РБК:
<https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5eff3c9c9a79473b9ab20a07>.
5. В России за два месяца года оформили в два раза больше патентов на работу для мигрантов. ТАСС. 2 апреля 2022 года.
6. Мигрантов ждет информатизация. МВД подготовит единую базу данных их учета. «Коммерсантъ». 04.06.2020.
7. Известия. 25 января 2022 года.
8. Ежедневно 410 таджикистанцев получают российское гражданство. ИА Азия плюс. 26 июля
9. <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220726/ezh-ednevno-410-tadzhikistantsev-poluchayut-rossiiskoe-grazhdanstvo?ysclid=l6a66pjihq45959387>.
10. Пресс-служба Президента России. 26 апреля 2020 года.
11. Численность населения Таджикистана приблизилось к 9,4 млн. ИА Авеста. 11 июля 2020 года.
12. Стало известно, сколько таджикистанцев получили гражданство Российской Федерации в 2019 году. ИА Sputnik. 14.01.2020.
13. ГИБДД раскрыла число жертв ДТП на дорогах России в 2019 году. РБК:
<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e57fdc19a7947d9ab7f5adc>.
14. Интервью Дмитрия Медведева: о работе, поправках, мигрантах и Путине. Радио Комсомольская правда. 9 июля 2020 года.
15. МВД России заявило о резком снижении преступлений мигрантов. ИА Азия плюс. 13.06.20.
16. От гражданства США отказалось рекордное число американцев. РИА Новости. 10 августа 2020 года
17. Численность населения Таджикистана приблизилось к 9,4 млн. ИА Авеста. 11 июля 2020 года.

18. «Мы все больше зависим от мигрантов»: В Институте демографии оценили влияние миграции на экономику. Комсомольская правда. 19 июня 2020 года.
19. «Проект»: Росстат в шесть раз занижает число уехавших из России. Радио Свобода. 16 января 2019.
20. «Левада-центр»: 53% молодых россиян хотят уехать из страны. Ведомости. 26 ноября 2019 года.
21. Стало известно число получивших гражданство Российской Федерации в 2019 году иностранцев. Известия. 28 января 2020 года.
22. Новости Демоскоп Weekly 863-864. Охват населения мира услугами здравоохранения. «Демоскоп Weekly».
23. Муҳочирон, хуш омадед: Русия дар талоши ҳалли бӯҳрони демографӣ аз роҳи ҷалби муҳочирон аст? Кристина Фолтинова. Радио Озоди. 26 июня 2020 года.

ТЕХНОЛОГИЯ «РАВНЫЙ-РАВНОМУ» В РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ИЗ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, В Г. БИЙСКЕ

Урбановская А. И., Бийск (Россия)

Аннотация. В статье автор исследует условия преодоления деструктивного поведения несовершеннолетних из семей, находящихся в социально опасном положении, в сфере социального обслуживания населения в г. Бийске. В статье представлены результаты проведенной автором исследования психодиагностики несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения города Бийска». Автор делает вывод о том, что для преодоления деструктивного поведения несовершеннолетних из семей, находящихся в социально опасном положении, необходимо использовать комплексную интерактивную программу с привлечением несовершеннолетних волонтеров-наставников по технологии «равный-равному».

Ключевые слова: технология «равный-равному», несовершеннолетние, социально опасное положение, деструктивное поведение, семья

THE PEER-TO-PEER TRAINING METHOD IN WORK WITH TEENAGERS FROM FAMILIES BEING IN THE SOCIALLY VULNERABLE SITUATIONS IN BIYSK

Urbanovskaya A. I., Biysk (Russia)

Abstract: *In the article the author examines the conditions for overcoming the destructive behavior of teenagers from families being in the socially vulnerable situations in the field of social services in the city of Biysk. The author concludes that in order to overcome the destructive behavior of teenagers from families being in the socially vulnerable situations, it is necessary to use a comprehensive interactive program involving teenager volunteer mentors using the peer-to-peer training method.*

Keywords: *the peer-to-peer training method, teenagers, socially vulnerable situation, destructive behavior, families*

Согласно Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Семья является первым социальным институтом в жизни каждого человека и важным фактором его успешной социализации в будущем. Поэтому современная социальная политика ориентирована на работу с семьями, которые оказались в группе риска, с целью сохранения семей.

Семья, находящаяся в социально опасном положении, представляет в первую очередь угрозу для жизни и здоровья детей, оказывает ослабляющее влияние на них вследствие невыполнения своих функциональных обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних. В настоящее время проблема беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних является актуальной.

Дети из таких «трудных» семей раз за разом переживают хронические неудачи, это негативно сказывается на развитии ребенка в целом, на его социальной ситуации, отношении к себе. Вместо позитивного развития, которое способствовало бы успешному преодолению проблемной ситуации, усиливаются различные негативные процессы: недоверие, агрессивность, стремление к манипуляции и нарушению личных границ.

В нормативно-правовых документах Российской Федерации основное внимание в контексте психосоциальной работы с несовершеннолетними из семей, находящихся в социально опасном положении, направлено на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Основными задачами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних являются: предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении [1].

Количество выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в Российской Федерации в 2021 году составило около 100 тысяч человек по данным государственной статистики ЕМИС [6]. По данным разных источников беспризорников в России от 2 до 5 млн человек. Большую часть правонарушителей среди несовершеннолетних составляют беспризорные, безнадзорные дети и подростки-сироты.

В Алтайском крае на 2021 год насчитывалось около 700 беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, что по сравнению с 2019 годом на 100 несовершеннолетних больше.

По данным социологических исследований среди главных причин детской беспризорности выделяются наиболее острые: бегство из неблагополучных семей (76%); бедственное материальное положение семей (74%); уход из семьи в связи с семейно-бытовыми конфликтами (68%); алкоголизм в семье (67%); плохое отношение к детям в приютах (60%); наличие психических заболеваний у членов семьи (61%) [5].

Целями технологии «равный равному» являются: профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних из семей, находящихся в социально опасном положении; эффективное решение проблем детской безнадзорности; повышение социального уровня семей с детьми, находящихся в социально опасном положении; уменьшение численности семей с детьми, находящихся в социально опасном положении.

В проведенном автором исследовании приняли участие 98 несовершеннолетних из семей, находящихся в социально опасном положении, состоящих на индивидуально-профилактическом учете в КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения города Бийска» в возрастной группе от 12 до 17 лет. Данная целевая группа была включена в комплексную интерактивную программу с привлечением несовершеннолетних волонтеров-наставников по технологии «равный равному».

С несовершеннолетними была проведена психологическая диагностика на входе и выходе интерактивной программы с целью

диагностирования уровня самооценки, тревожности, агрессивности, жизнестойкости, оценки реального «Я» (межличностные отношения).

По данным психодиагностического анализа у 72,1% подростков был выявлен низкий уровень самооценки, у 67,3% – высокий уровень тревожности и агрессивности, у 63% – низкий уровень коммуникативных навыков общения.

После проведенного психодиагностического исследования с целевой группой на протяжении шести месяцев проводилась психосоциальная работа с привлечением несовершеннолетних волонтеров-наставников в рамках технологии «равный равному». С ребятами была организована социально значимая деятельность, направленная на формирование жизнестойкости подростков через укрепление детско-родительских отношений, самоактуализацию личностных констант: силы воли, созидательной жизненной позиции, нравственно-духовных ценностей, выдержки, чувства собственного достоинства, способности брать ответственность за свою жизнь и поступки.

В результате использования комплексной интерактивной программы с применением технологии «равный равному» у несовершеннолетних целевой группы было отмечено расширение творческого потенциала; переориентация жизненных ценностей семьи; формирование личностных, познавательных, коммуникативных умений, навыков профессиональной деятельности, межличностного общения и сотрудничества. Несовершеннолетние перестали демонстрировать социально-одобряемое поведение, давать внешне положительные ответы, так как по-настоящему стали доверять специалистам.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ [Электронный ресурс]. URL <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 20.05.2022).
2. О парламентских слушаниях «Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России»: Постановление Совета Федерации Федер. Собрания РФ от 05.12.2001 № 389-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., № 51, ст. 4870. С. 5–7.

3. Горожанова М. В., Федорова Г. Г. Проблема беспризорности на современном этапе // Вестник ТОГИРРО. 2013. № 1. С. 209–211.
4. Залыгина Н. А. Использование технологии «равный обучает равного» в воспитательной работе со старшеклассниками // Диалог. 2013. № 7. С. 3–7.
5. Пишулин Н. П., Исследование состояния, динамики и профилактики детской безнадзорности//МК. – 2004.– № 3.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.05.2022).

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Фролова В. С., Барнаул (Россия)

Аннотация. Значимость работы заключается в необходимости исследовать готовность молодежи к цифровизации общества, выявить уровень цифровой компетентности молодежи Сибирского федерального округа. На основе результатов опроса о профессиональных ориентациях и жизненном самоопределении молодежи в регионах Сибирского федерального округа, отмечается отсутствие высокого уровня цифровой компетентности молодежи. Указанная тенденция может отражать как дисфункции онлайн-образования, так и деструктивные проявления цифровизации российского общества.

Ключевые слова: цифровая компетентность, молодежь, регионы Сибири

DIGITAL COMPETENCE OF THE YOUTH OF SIBERIAN REGIONS: MAIN CHARACTERISTICS AND DETERMINANTS

Frolova V. S., Barnaul (Russia)

Abstract. The significance of the work lies in the need to investigate the readiness of young people to digitalize society, to identify the level of digital competence of the youth of the Siberian Federal District. Based on the results of a survey on professional orientations and life self-determination of young people in the regions of the Siberian Federal District, there is a lack of a high level of digital competence of young people. This trend may reflect both the dysfunctions of online education and the destructive manifestations of the digitalization of Russian society.

Keywords: digital competence, youth, Siberian regions

Труды российских исследователей внесли серьезный вклад в отношении изучения цифровой грамотности. Первые работы, трактующие одностипные знания и умения (И. В. Соколова, В. Н. Михайловский, А. П. Ершов, и др.), определяли их как «информационную грамотность», то есть понимание человеком основных идей информатики, представление о роли информационных технологий в жизни общества, умение работать с информационными потоками [4]. Позже методика сбора данных сводилась к Интернет аудитории с полным исключением граждан, не имеющих доступа к сети Интернет.

Современный этап развития общества характеризуется увеличением влияния цифровизации на все сферы жизни. Она заключается в переносе и представлении большого объема информации в цифровом виде, что приводит к повышению экономической эффективности как внутри страны, так и во всем мире [3, с. 46–63].

Переход к цифровой экономике в свою очередь предполагает существенные изменения на рынке труда и в корне меняет требования, предъявляемые работодателями [2, с. 18–23]. Большинство исследователей отмечают, что в обозримом будущем требования, предъявляемые к специалистам, переживут полную трансформацию. Это объясняется тем, что многие функции, не затронутые предыдущими волнами внедрения цифровых технологий, в той или иной степени будут автоматизированы [2, с. 18–23].

В современном мире все большей востребованностью пользуются не существовавшие ранее профессии и компетенции, связанные с применением технических средств, интегрирующих продукты информационного и предметного мира. Современный рынок нуждается в гибких и быстро адаптирующихся к новой реальности кадрах, способных использовать новейшие технологии в профессиональной деятельности [1].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что изучение цифровой компетентности приобретает особую актуальность. Целью нашего исследования является выявление уровня цифровой компетентности у молодежи Сибирского федерального округа.

Базой данных, на основании которых был проведен анализ, выступили результаты опроса о профессиональных ориентациях и жизненном самоопределении молодежи в регионах Сибирского федерального округа. В исследовании приняли участие 5 092 человека. Среди опрошенных 46,8% женщин (2 385 человек) и 24,2% мужчин (1 231 человек), 29% (1 476 человек) не ответили на данный вопрос.

Средний возраст респондентов составил 19,35 лет, минимальный – 13 лет, а максимальный – 35 лет.

В данном опросе приняли участие респонденты из различных регионов Сибирского федерального округа (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область и Томская область).

Согласно проведенным измерениям цифровой компетентности (использовалось 9 индикаторов), результат 1–4 балла означал низкий уровень, 5–7 баллов средний, 8–9 – высокий. Анализируя уровень цифровой компетентности молодежи, мы выяснили, что среднее значение составляет 4.55 – между низким и средним уровнями.

Наиболее распространенными являются показатели от 4 (низкий уровень) до 6 баллов (средний уровень). Высокий уровень цифровой компетентности выявлен у незначительного количества респондентов (у 3,3% выявлено 8 баллов и у 0,3% – 9 баллов).

При двумерном анализе зависимости уровня цифровой компетентности от пола респондентов, было выявлено, что на низком уровне (4 балла) чаще встречаются женщины, в то время как на высоком уровне (8–9 баллов) лидируют мужчины.

При рассмотрении зависимости уровня цифровой грамотности от возраста анкетируемых, можно сделать вывод, что низкий уровень (1–4 балла) больше свойственен лицам в возрасте 14–17 лет. Наиболее высокие значения (9 баллов) чаще показывали опрошенные в возрасте 25–35 лет.

Анализируя взаимосвязь уровня цифровой компетентности от места проживания респондентов (город/село), нами был сделан вывод о наличии значимых различий у горожан и сельчан. В диапазоне значений от 1 до 4 (низкий уровень) процент сельских жителей превосходит процент горожан. И, наоборот, начиная с 5-бального значения (средний уровень) и выше превосходящим процентом преобладают жители города.

В данном анализе мы использовали метод логистической регрессии. Для этого мы привели категорию «цифровая компетентность» к бинарному виду, перекодировав метки значений, где 1 – высокий уровень цифровой компетентности, 0 – отсутствие высокого уровня цифровой компетентности.

В качестве независимых переменных у нас выступали социально-демографические характеристики, а именно: пол, возраст, место проживания, уровень образования респондентов и их родителей, а

также профессиональная группа и сфера профессиональной деятельности.

Полученная модель корректно предсказывает 90,7% принадлежности к разным уровням цифровой компетентности.

Проанализировав результаты регрессионного анализа, можно увидеть, что значимую взаимосвязь уровня цифровой компетентности существует только со сферой профессиональной деятельности респондентов.

Таким образом, методом бинарной логистической регрессии мы построили и проанализировали модель, которая с вероятностью 90,7% предсказывает попадание респондентов в ту или иную группу (высокого уровня цифровой компетентности или его отсутствия).

Кроме того, была выявлена взаимосвязь между уровнем цифровой компетентности и социально-демографическими характеристиками, а именно: сферой профессиональной деятельности индивидов.

Наше исследование было проведено на базе данных результатов опроса о профессиональных ориентациях и жизненном самоопределении молодежи в регионах Сибирского федерального округа. В нем приняли участие 5 092 человека из различных регионов округа.

В результате проведения одномерного анализа нам удалось выявить уровень цифровой компетентности молодежи Сибирского федерального округа. Кроме того, были рассмотрены основные факторы, оказывающие влияние на выбор профессии, и проанализирован уровень ожидаемой оплаты труда в первый год работы после окончания учебного заведения.

Двумерный анализ позволил нам выявить значимые различия уровней цифровой компетентности от социально-демографических характеристик респондентов, а именно: места проживания, пола и возраста.

В результате многомерного анализа, проведенного методом бинарной логистической регрессии, была построена модель, предсказывающая вероятность попадания респондентов в ту или иную группу в зависимости от уровня цифровой компетентности, а также выявлены взаимосвязи между уровнем цифровой компетентности и социально-демографическими характеристиками.

Литература

1. *Гайсина С. В.* Технологии оценки и повышения цифровой компетентности обучающихся ПОУ. Режим доступа:

https://spbappo.ru/wpcontent/uploads/2019/0Гайсина_ПОУ_ЦГ-1.pdf (дата обращения 01.07.2022).

2. Гусев А. А. Цифровизация трудовых отношений и ее влияние на производительность труда и стоимость компаний // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 4. С. 18–23.
3. Khalin V. G., Chernova, G. V. (2018). Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. Management consulting, № 10, pp. 46–63. DOI: 10.22394/1726–1139–2018–10–46–63.
4. Ершов А. П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 82–92.

SMART-ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ПРЕДИКТОР ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ

Халина Н. В., Чуканова Т. В., Бакланова В. В., Барнаул (Россия)

Аннотация. Цифровизация и смартизация жизненных процессов общества определяют актуальность рассмотрения проблемы цифровой инклюзии, которая проявляется в различных градациях интеграции с информационно-технологическими процедурами, поддерживающими жизнедеятельность социума. Одной из подобных информационно-технологических градаций интеграции признается Smart-осведомленность. В статье представлены результаты опроса, направленного на выявление уровня Smart-осведомленности жителей Алтайского края. Результаты опроса показали, что знание населения о существовании территориальных «умных» технологий не преобразуется в потребность использования этих технологий в повседневной жизни.

Ключевые слова: социальная инклюзия, информационная инклюзия, Smart-осведомленность, Алтайский край, цифровизация, смартизация деятельности

SMART AWARENESS OF ALTAI KRAI RESIDENTS AS A PREDICTOR OF DIGITAL INCLUSION

Khalina N. V., Chukanova T. V., Baklanova V. V., Barnaul (Russia)

Abstract. Digitalization and smartization of the life processes of society determines the relevance of considering the problem of digital inclusion, which manifests itself in various gradations of integration with information technology procedures that support the vital activity of society. Smart awareness is recognized as one of such information technology gradations of

integration. The article presents the results of a survey aimed at identifying the level of Smart awareness of residents of the Altai krai. The survey results showed that the knowledge of the population about the existence of territorial «smart» technologies does not transformed into the need to use these technologies in everyday life.

Keywords: *social inclusion, information inclusion, Smart awareness, Altai krai, digitalization, smartization of activity*

Цифровизация социума и социальных отношений связывается исследователями с проблемами цифровой инклюзии и цифровой эксклюзии. Цифровая инклюзия обозначает социально выгодную позицию, достигнутую вследствие успешного освоения цифровых технологий на основе воздействия механизмов социальной инклюзии, которая способствует расширению сети коммуникативных отношений, и, как следствие, расширению участия в жизни общества. Общность оценки социальной значимости цифровых технологий состоит в признании того, что эти технологии влияют на устранение недостатков в социальной коммуникации уязвимых групп населения, расширяя возможности участия в жизни общества и ориентируя на конечную цель построения инклюзивного общества [6].

Цифровая инклюзия связывается с дискурсом социальный инклюзии, заменившим другие дискурсы в виду его многомерности и расширившим актуальную социальную проблематику через включение в «повестку дня» вопросов трудоустройства, права голоса, гендерного равенства, доступа к образованию, доступа к услугам, в том числе, цифрового характера, и пр. [5, 7]. К. Мори определяет три подхода к дискурсам и практикам цифровой инклюзии: 1) понимание политики цифровой инклюзии в качестве направления политики цифровой экономики; 2) е-инклюзия – инструмент социальной инклюзии; 3) цифровая инклюзия – ресурс многопланового развития [4]. В качестве ключевых цифровых предикторов э-инклюзии определяются доступ, цифровые навыки, мотивация, социальная поддержка, опыт, автономность использования, самоэффективность (доверие) [2]. Мы полагаем возможным выделять в качестве предиктора цифровой инклюзии выделять Smart-осведомленность.

Н. В. Плотицкина отмечает, что инициативы политики цифровой инклюзии направлены на предложение каждому социальному субъекту инструментария, необходимого для успешного трудоустройства, непрерывного обучения, гражданского и культурного участия и доступа к основным услугам, создание условий,

позволяющих пользователям преобразовывать доступ к технологиям в информацию и ресурсы [1].

Элен Хелспер считает, что исследования цифровой интеграции приводят к выводу о необходимости концептуализации градаций интеграции, отражающих различные способы взаимодействия с технологиями ввиду существования различных типов и уровней вовлеченности [3]. Разграничивают базовый, промежуточный и широкий уровень взаимодействия с технологиями. Выявление уровня взаимодействия с цифровыми технологиями разновидности Smart-технологии стало целью проведения опроса жителей Алтайского края.

В опросе жителей Алтайского края участвовали 30 человек из Барнаула в возрасте 17–23 лет (88,9%) и старше 23 лет (11,1%), преимущественно студенты.

Для определения Smart-осведомленности в целом был задан открытый вопрос: «Что такое Smart-технологии?». Самый популярный ответ – «умные технологии» (31%). Другие ответы связаны с будущим, техникой, искусственным интеллектом и упрощением жизни людей. В целом, понятие «Smart-технологии» воспринимается верно. И только 3% не знают, что это такое.

Следующий вопрос был задан для понимания того, часто ли используют жители Алтайского края новые технологии в повседневной жизни. Никто из опрошиваемых не ответил «нет» или «затрудняюсь ответить». В основном новыми технологиями пользуются не очень часто (60%), пользуются редко (30%) и пользуются очень часто только 10%.

Были заданы два вопроса, касающиеся Smart-осведомленности о деятельности Алтайского края в сфере цифровизации.

В первом вопросе этого блока нужно было выбрать из предложенных описание, более подходящее для Алтайского края. Можно было выбрать несколько вариантов. Следуя отчетам Правительства Алтайского края, были добавлены ответы, которые выражают суть утвержденных программ цифровизации: «край с цифровой инфраструктурой», «на пути к смартизации всей деятельности края», «быстрыми темпами внедряются Smart-технологии». А также был добавлен ответ, который не имеет конкретизации: «регион с большим потенциалом для внедрения «умных» технологий». За обобщенный ответ проголосовали большинство респондентов (36,4%). Наименее популярные ответы – это: «на пути к смартизации всех сфер деятельности края» (18,2%) и «быстрыми темпами внедряются Smart-технологии» (9,1%), а одно из главных направлений деятельности Алтайского края – «цифровая

инфраструктура» – осталось без внимания (0%). Весомая часть опрашиваемых затрудняется ответить (18,2%) или считает, что ничего из этого не подходит (18,2%).

Второй вопрос из этого блока, в котором можно было выбрать несколько ответов: «Какие направления в цифровизации существуют в Алтайском крае на данный момент?». Варианты ответов были взяты из программы Алтайского края до 2024 года. Только один ответ не фигурирует в данной программе: «внедрение Smart-культуры в бизнес-процессы», он поможет оценить осведомленность жителей Алтайского края. Практически все выбрали правильные направления, только 4,5% опрашиваемых выбрали неподходящий ответ, и 9,1% затрудняются ответить.

Следующий блок раскрывает то, что респонденты могут отметить из Smart-технологий в Алтайском крае.

Для начала нужно узнать, встречались ли опрашиваемым новые технологии в Алтайском крае. Результаты опроса, который проведен в 2021 году, изменились.

На данный момент 70% респондентов сталкивались с «умными» технологиями в Алтайском крае, а в 2021 году «да» ответили только 16,7%. Все также остались люди, которые затрудняются ответить, в 2022 году сократился показатель до 30%, это на 11,7% меньше, чем в 2021 году. В прошлом году 41,7% респондентов ответили, что не сталкиваются с новыми технологиями, а в 2022 году этот показатель снизился до 0%.

Вопрос: «какими Smart-технологиями Вы пользовались в Алтайском крае?» в этом блоке был открытым. Большинство ответили: «не знаю». Были и такие ответы как: «онлайн возможности» (Госуслуги, Wi-Fi, онлайн-услуги для заказа еды, голосовой помощник), «умные» кассы, QR-коды, техника (ПК).

Последнее, что нужно было выяснить, – это то, насколько хорошо респонденты умеют пользоваться новыми технологиями. Были задействованы только ответы: «пользуюсь без проблем» и «умею пользоваться некоторыми технологиями» и «в основном интуитивно» (30%).

По результатам опроса можно сделать следующие выводы: жители Алтайского края имеют представление о том, что такое «Smart-технологии»;

опрашиваемые примерно понимают, что представляет из себя деятельность края в сфере технологичности, но не характеризуют ее так, как представляет правительство региона;

большинство жителей края знают о существовании «умных» технологий в месте, где они живут, но мало чем пользуются в повседневной жизни или не знают о действующих технологиях;

респонденты имеют хороший уровень пользования Smart-технологиями.

Все нововведения, следуя всероссийской национальной программе цифровизации, в Алтайском крае направлены в основном на внутреннюю цифровизацию, которая мало заметна людям. Онлайн-услуги, в том числе Госуслуги, могут олицетворять технологичность любого города России. А технологиями края, которые существуют, пользуются не все, так как вовсе о них не знают. Поэтому стоит создать популярную общую платформу для информирования населения о деятельности правительства региона и в рамках принятой программы, и в рамках отдельных нововведений. Для большей наглядности Smart-развития края рекомендуется проработать элементы упрощения жизни людей.

Из анализа внедрения Smart-технологий и опросов следует выделить такие общие проблемы, как:

малая информированность жителей Алтайского края о нововведениях,

небольшое количество Smart-технологий, которые «видны» людям,

нет представлений об Алтайском крае как о технологичном регионе.

Каналом коммуникации с жителями Алтайского края стоит выбрать Интернет, так как, по проведенным опросам, это самый популярный источник информации.

Лучшее решение в данной ситуации – это использовать такой интернет ресурс как веб-сайт, который будет содержать в себе всю актуальную и необходимую информацию о всех стратегиях региона, а также будет в простой форме людей знакомить с идеологией «Smart». Стоит сопроводить создание общей платформы работой социальных сетей при поддержке PR и рекламы, чтобы люди пользовались им его как одним из основных источников информации. Это предложение разработано в курсовой работе «Способы продвижения идеологии Smart City в российских регионах: Алтайский край как Smart Region».

Для продвижения идеологии Smart Region должен использоваться удобный, современный и понятный в восприятии сайт.

Для современного оформления сайта можно использовать проверенные приемы, такие как: однотонные цвета (максимум 3 цвета), использование одного и того же шрифта, лаконичный

текстовый контент (только заголовки на главной странице сайта), больше визуального наполнения, оптимизация под разные экраны. Также важно понимать, что сайт не должен быть нагроможден ненужными блоками, должны использоваться только короткие и понятные простому обывателю заголовки. А также стоит внедрить возможность перевода на английский язык.

Текстовое наполнение сайта должно быть лаконичным и простым для восприятия. Основная часть текста будет показана при переходе по главным блокам. Блоки сайта:

«О проекте» – о проекте и команде разработчиков;

«SmartTech» – в этом блоке может размещаться информация о нововведениях, инструкция по применению и, при необходимости, карта размещения;

«Новости» – этот блок для актуальных новостей о существующих и внедряющихся технологиях.

Для сопровождения сайта стоит использовать социальные сети и СМИ. Выбор площадок может быть обусловлен результатами исследования 2020 года, который осуществили Mediascope с учетом разной возрастной категории для оповещения большого количества людей.

Обязательным условием успешной интеллектуальной стратегии является вывод инноваций за пределы городских центров. Содействие одним крупным регионам обеспечит прогрессивное цифровое развитие общества.

Smart-уклад проникает во все сферы жизнедеятельности человечества: задолго до появления первой «умной» вещи внедрялись технологии, которые привели к созданию smart-общества, smart-страны, smart-культуры.

Россия так же, как другие страны, нацеленные на инновационное развитие, вводит smart-идеологию во все главные отрасли развития страны. На данный момент велась и ведется большая работа в сфере цифровой экономики, цифровизация бизнеса, промышленности, производства, здравоохранения, образования, транспорта, науки, цифровизация в сфере финансов и информационных систем, существуют smart-города и smart-университеты.

Алтайский край поддерживает Smart-концепцию и развивается в направлениях: цифровые технологии, цифровой контур здравоохранения, цифровая экономика, цифровое государственное управление, цифровые технологии, цифровая образовательная среда. Есть предпосылки для становления Барнаула как Smart-city.

Литература

1. *Плотичкина Н. В.* Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 58 С.216–226.
2. *Digital inclusion: an international comparative analysis. Communication, globalization, and cultural identity / ed. by M. Ragnedda, B. Mutsvairo.* Lanham, Maryland : Lexington Books, 2018. 244 p.
3. *Helsper E. J.* A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion // *Communication theory.* 2012. Vol. 22, № 4. Pp. 403–426.
4. *Mori C. K.* Digital inclusion: are we all talking about the same thing? // *ICTs and sustainable solutions for the digital divide: theory and perspectives / ed. by J. Steyn, G. Johanson.* New York : Information Science Reference, 2011. Pp. 45–64.
5. *Njoki M., Wabwoba F.* The Role of ICT in Social Inclusion: A Review of Literature,” *International Journal of Science and Research (IJSR),* 4 (12). 2015. P.380–387.
6. *Pradhan R.* Understanding Social Exclusion and Social Inclusion // *The Nepalese Context: Some Preliminary Remarks. Understanding Social Inclusion and Exclusion: Theories Methodologies and Data.* 2006. Pp. 1–17.
7. *Sinclair S., Bramley G., Dobbie L. and Gillespie M.* Social Inclusion and Communications: A Review of the Literature, London: Ofcom Consumer Panel. 2007.

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКАНДИНАВСКОГО ЭПОСА «ЭДДА»

Харитонов А. М., Владивосток (Россия)

Аннотация. Современная историческая наука убеждена, что скандинавские саги сложились на территории современной Скандинавии и иначе быть не может. Однако лингвистические исследования по выделению ареала индоевропейской прародины в районе Ближнего Востока способны поставить подобное мнение для ранних саг под сомнение. Автору данной работы удалось найти достаточно убедительные данные, в т. ч. географические, чтобы подкрепить эту точку зрения. А ведь у современных историков двойственное отношение по поводу достоверности сведений скандинавских саг. Наиболее поздние из них считаются абсолютно верными, пока не начинают противоречить геополитическим построениям исторической науки. Столкнувшись с подобными

внутренними противоречиями, историки сразу же вспоминают о фантастическом характере многих из саг и норовят объявить их «лживыми», что выглядит достаточно странно для непредвзятого исследователя.

Ключевые слова: асы, ваны, Исаурия, Киликия, Скифия

TO THE HISTORY OF THE ORIGIN OF THE SCANDINAVIAN EPIC «EDDA»

Kharitonov A. M., Vladivostok (Russia)

Abstract. *Modern historical science is convinced that the Scandinavian sagas were formed on the territory of modern Scandinavia and it cannot be otherwise. However, linguistic studies on the allocation of the area of the Indo-European ancestral homeland in the Middle East region are able to cast doubt on such an opinion for the early sagas. The author of this work managed to find sufficiently convincing data, including geographical data, to support this point of view.*

But modern historians have an ambivalent attitude about the reliability of the information of the Scandinavian sagas. The most recent of them are considered absolutely correct until they begin to contradict the geopolitical constructions of historical science. Faced with such internal contradictions, historians immediately recall the fantastic nature of many of the sagas and strive to declare them "false", which looks strange enough for an unbiased researcher.

Keywords: *Aesir, Vanir, Isauria, Cilicia, Scythia*

Историческая наука категорически не приемлет сведений «Младшей Эдды» [9] о происхождении норманнов с территории Скифии (северное Причерноморье). Однако достаточно перевести этноним норманны («северные люди») с германского на русский язык, как перед нами появляется летописный народ северян. При этом выяснить, что летописные северяне обитали там же, где исторические предания норманнов размещают их предков, не очень сложно. Однако подобное так и не пришло в голову проверить ни одному историку или связанному с ними филологу. Ведь норманны-русы могли выйти только из Скандинавии по их представлениям!

Вот с этим суждением историков у нас уже давно возникали разногласия. Дело в том, что народ германиев был известен еще Геродоту. Да и сам Геродот причислял его как раз к скифам. Правда, размещал «отец истории» данный народ где-то в районе Месопотамии. Современные топонимы Керманшах и Керман в Иране, наличие диалекта курманджи среди курдских племен вполне вписываются в это свидетельство первого греческого историка. Да и само имя эпоса «Эдда» в пору сравнивать с «Ведами», чем с названием хутора, где когда-то жил

записавший дошедшие до нас тексты скальд. Но можно ли так значительно удревнить время происхождения самого скандинавского эпоса, которое относят обычно к средневековью?

В примерно этом же регионе на Армянском нагорье предполагали наличие индоевропейской прародины лингвисты В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе [4]. По их представлениям отсюда и должны были начаться движение на современные места обитания предки германских и иных индоевропейских народов.

Исходя из наших собственных географических представлений о местонахождении прародины индоевропейцев [11], первоначально мы обратили внимание на наличие на западе Сирии реки Эль-Аси, которая вполне бы могла отражать имя легендарных асов скандинавских сказаний. Если учесть, что на этой реке находятся некие громадные колеса нории для полива, то поневоле вспоминаются норны саг, поливающие Мировое древо. Следует также учесть, что нориями называют колеса для орошения и в современном Ираке [6, с. 161–162]. Они приводятся в действие силой падающей воды и имеют размеры до 12 м в высоту. Сагами же здесь называют земли, орошаемые при помощи каналов и арыков.

Вот только все эти данные в лучшем случае надо бы считать заносными. Ведь именно в этом регионе Ближнего Востока находился своеобразный «плавильный котел» разных народов, в т. ч. с индоевропейскими корнями, которые вполне могли бы оставить здесь несвойственные, по мнению исторической науки, региону в целом следы.

С другой стороны, территория собственно Скандинавии чрезвычайно поздно появляется на географической орбите. Ее первая карта создается не ранее первой четверти XV (!) века [1].

Мы же обратили внимание, что народ северяне имел своими предшественниками народ савиров-суваров, чье происхождение достаточно туманно. Самых же северян обычно считают ославянившимися потомками тюрок или угро-финнов. В тоже время народ сарматов (савроматов) уверенно причисляют к иранским, хотя «маа» вполне можно было бы перевести как «земля», исходя как раз из уральских языков.

Подобную цепочку народов можно продолжить, если вспомнить наличие в центре Малой Азии народа исавров, давшего название одной из династий императоров Византии. Связь исавры – савиры очень уверенно прослеживается уже на фонетическом уровне. Именно это подвигло автора обратить внимание на историю данного народа в анналах Рима.

И здесь нас ожидала неожиданная удача! Дело в том, что в III веке горцы Исаурии в горах Тавра слились с пиратами прибрежной Киликии. Но ведь подобный сюжет известен еще «Старшей Эдде» [см. 2]! Именно там некие боги асы принимают в свою среду ванов-мореходов во главе с Ньердом, т. е. Северянином.

Но если все сюжеты саг «Эдды» в той или иной степени формируются вокруг Причерноморских территорий, то где же они объединились в единый эпос? Вероятно, там же. Наиболее предпочтительным выглядит его формирование при дворе византийских императоров.

Нет, самих византийцев варварские забавы в литературе не интересовали (иначе мы бы о них знали). А вот скучавших от повседневной воинской рутины гвардейцев императора подобные сюжеты о жизни их далеких предков интересовать вполне могли. Достаточно нескольких затесавшихся в их среду неординарных скальдов, происходивших из разных народов, но с заметными германскими следами в их происхождении, чтобы разрозненные саги сформировались затем в общегерманский эпос. Из Византии же возвращающиеся на родину воины могли завезти схожие сюжеты, хотя вряд ли и сами скальды надолго задерживались на одном месте.

Следует заметить, что именно климатическая привязка индоевропейских мифов, ориентированных на средиземноморский тип климата с засушливым летом и прохладной и дождливой зимой, заставила автора стать на точку зрения ведущих отечественных лингвистов по вопросу об индоевропейской прародине.

Нас также первоначально смущали некоторые несоответствия в теории лингвистов данным истории и археологии, на которые упирал оппонент языковедов недавно умерший ведущий отечественный специалист по истории Древнего мира И.М. Дьяконов [7]. Он правильно обратил внимание на очень уж сложные маршруты распространения индоевропейцев. Получалось, что скандинавы должны были прийти в Скандинавию с Ближнего Востока через Среднюю Азию и Урал, т.к. в их языке много древних заимствований из языка народов уральской языковой семьи (финно-угорской + самодийской группы языков), и т.п. неурядицы, которых в новой теории хватало. Большинство этих возражений лингвисты предпочли просто не заметить, тем более что спор шел на «чужой (исторической) территории», а они преследовали чисто языковедческие цели.

Но если исходить из найденных нами мест, то очень легко можно истолковать имена двух волков, которых кормит Один – глава богов-асов, Гери и Фреки. Несомненно, это греки и фракийцы (фригийцы?). С

другой стороны похоже, что правильно предание о проживании Ньерда и Скади по шесть месяцев на родине каждого, тогда девять дней, которые они проводили, якобы чередуясь по другому варианту, вполне вписывается в протяженность пути от Средиземного моря до Исавии. Впрочем, сегодня того же пункта можно достичь за несколько часов езды на автомобиле.

Довольно интересен с географической точки зрения поход трех асов - Одина, Локи и Хенира (Ньерда другой версии). Маленькая деталь - мясо, которое никак не желало жариться, свидетельствует о горном характере их похода. Ведь хорошо известно, что в горах мясо варится значительно дольше, чем на равнине из-за более низкого атмосферного давления. Последнее способствует закипанию воды при более низкой температуре. А вот некий Тъяцци, может быть, представитель народа палайцев, названный так по имени палайского бога солнца (Тияц).

Интересно также второе название великанов етунов – турсы (есть и хримтурсы – горные турсы). Автор относит это к названию одного из «народов моря» – туршам – этрускам, которые по сообщениям античных историков обитали в древности первоначально именно в Малой Азии. Сами «народы моря» – грабители XIII-XII веков до н.э., сеявшие страх среди народов Древнего Востока, разрушители древних ближневосточных государств, таких как Хеттское царство, и разгромленные в конце концов египтянами.

Можно также заметить, что Один и другие асы могут превращаться в разных животных, но весьма похоже, что эти животные в сагах - намек на конкретные личности. Вполне возможно, что из подобных «оборотней» в дальнейшем стал развиваться и жанр басни. Можно, кстати, предположить, что волк Хати, преследующий луну, есть обозначение народа хеттов (маловероятно, что это народ хатти - протохетты). Волк же Сколь, который гонится за солнцем, менее ясен. Может быть, это перемещение с востока на запад (вслед за солнцем) скифов (или киммерийцев?), тем более что самоназвание скифов может быть сколоты.

Автор отождествил также «страну мертвых» Нифльхель с Древним Египтом, т.к. рабы в Египте именовались именно «живыми мертвыми». Тогда сразу становится ясным странный цвет великанши Хель, которая является наполовину красной, а наполовину синей. Красный цвет ее - выжженные земли пустыни, тогда как иссиня-черная часть представляет собой плодородные нильские земли.

Ас же Хермод при путешествии в Нифльхель за Бальдром и его женой видимо предлагал выкуп за заложников (рабов?). Более того, древнееврейское «холь» означает песок [10], что очень подходит Хель,

учитывая роль песка в образовании пустынь. Кроме того, немецкое *Gelb* – означает «желтый». На Египет же указывает дева Модгуд, вероятно, крепость Мегиддо на границах Египта.

Реку Гьелль автор первоначально пытался сопоставить с единственной рекой Египта Нилом, но ведь реки в сагах называют небесами. Поэтому в конечном итоге было решено остановиться на толковании реки Гьелль как области Галилея (Галаад, Гилеад?, возвышенность Гелвуй?), которая являлась когда-то также границей Древнего Египта. Впрочем, это могла бы быть даже Сирийская пустыня.

Главным оазисом на центральной равнине Синая является город Накхль (от имени шумерской богини Нингаль, в семитской форме – Никхаль). Этот современный город раньше назывался Эль-Паран. Похоже, что это искомый Нагльфар скандинавской мифологии, т.к. переход звука *p* в *f* очень характерен для правил лингвистики! Отсюда Локи или великан Хрюм будут вести «корабль мертвецов» в конце мира.

А вот столкнувшая ладью с мертвым Бальдром великанша Хюррокин может быть царем Шаррукемом, т.е. Саргоном Древним. Он действительно первым прорвался к берегам Средиземного моря в древности. Можно допустить также, что высосанная драконом Нидхеггом из Бальдра и Нанны кровь символизирует мумифицирование.

Любопытно, что современные ареалы тисса и ясеня – двух упоминаемых сагами деревьев захватывают сегодня только Малую Азию, а Ближний Восток лишь в незначительной его части на севере Сирии, но легко предположить, что ранее эти ареалы были более обширными.

Вряд ли случайным является мотив, связанный с переодеванием Тора во Фрейю после похищения у него молота великаном Трюмом. Само название Ас Тор наводит на ассоциации с именем Астарта (мужская ипостась – Астар), которая по своему значению близка греческой Афродите (и другой ближневосточной богине-воительнице Иштар). Может быть, Астар и есть Тор? Во всяком случае как рабочую гипотезу это вполне возможно принять.

Римляне в древние времена носили, по этрусскому обычаю, железные кольца и употребляли их вместо печаток; тогда как носить золотые кольца имели право только сенаторы и всадники. Можно сравнить эти описания с кольцом Драупнир, выкованном цвергами, которое каждую девятую ночь роняет восемь капель золота, при этом каждая капля превращается в кольцо такого же веса. Заменяв восемь новых колец восемью оттисками печати кольца-печатки, мы вполне сможем утверждать, что разгадали первоначальный смысл саги.

Бальдр отдает кольцо Драупнир Хермоду в сущности для подтверждения их встречи. То же делает и его жена Нанна, передавая перстень богине Фулле. Значение же переданного платка пока не ясно. Впрочем, О. Г. Герасимов [5, с.13] обратил внимание, что зимой, когда в Багдаде идут дожди, бедняки стараются поплотнее закутать голову в теплый платок.

Еще одна цитата [Геродот 1:194]: «Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи». «По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и (плетеный) остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращают в Армению». Очень интересно сравнить это описание с кораблем Скидбландир в сагах, который легко складывался!

В сагах «Эдды» есть много и других любопытных моментов. Так, здесь не встречается упоминаний о деньгах. Это наводит на мысль, что первые саги были известны уже раньше появления денег на исторической арене, т. е. ранее VII века до н. э., когда в данном регионе появились первые монеты.

Даже сам облик Одина навевает определенные ассоциации. Его синий любимый плащ, вероятно, был сделан из волчьих шкур, как и плащи у древних германцев. Потому-то, похоже, и не кусали его собаки.

Кстати, большинство наших сопоставлений могли бы быть сделаны еще очень давно, т. к. мы брали эти сведения из сравнительно не так давно переизданной классической монографии Г. Вейса [3]. Достаточно всего лишь было поменять район исследований и многие неясности «Эдды» довольно легко поддаются историко-географической «дешифровке».

Однако почему же некоторые названия саг прижились на далеком севере и были приняты за первоначальные? Перенос географических названий по мере перемещения племен на новые места проживания обычный процесс в истории и географии. Именно ему мы обязаны многочисленными порой толкованиями места действия отдельных героев разнообразных мифов и легенд. На практике подобное доказал своими исследованиями В. А. Курбатов [8] с его ареально-векторными исследованиями происхождения и распространения отдельных топонимов на примере славянских и отчасти тюркских языков, тем не менее подобное перемещение топонимов несомненно характерно и для иных языков.

Полагаем, что специалисты по истории Древнего мира, которые попытаются последовать по нашим следам, найдут еще большее число соответствий в «Эдде» с реалиями древности.

Литература

1. *Багров Л.* История картографии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 320 с.
2. *Беовульф. Старшая Эдда. Песня о Нибелунгах.* М.: Художественная литература, 1975.
3. *Вейс Герман.* История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: иллюстрированная энциклопедия в 3х тт. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. Т.1. Классическая древность (до IV в.). 752 с. Т.2. «Темные века» и Средневековье (IV - XIV вв.).
4. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М.: Ладомир, 1997. С. 591-614. (ВДИ. 1980. N3).
5. *Герасимов О. Г.* Ирак. М.: Мысль, 1984.
6. *Данциг Б. М.* Ирак в прошлом и настоящем. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.
7. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М.: Ладомир, 1997. С. 449-490. (ВДИ. 1982. N3-4).
8. *Курбатов В. А.* Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 382 с.
9. *Младшая Эдда.* Л.: Наука, 1970.
10. *Нюстрем Эрик.* Библийский словарь. Спб.: Библия для всех, 1998. 523 с.
11. *Харитонов А. М.* О климате индоевропейской прародины и первоначальном распространении индоевропейцев // Вестник ДВГАЭУ. 2002. №2. С.99-110.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Черепанова М. И., Максимова С. Г., Сарыглар С. А., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. Научная значимость исследования определяется актуальностью уровня воспроизводства человеческого капитала.

Специфика воспроизводства определяет демографическую безопасность региона и страны. Исследование направлено на описание социальных механизмов воспроизводства демографических показателей Алтайского Края, динамики рождаемости и специфики репродуктивного поведения молодежи региона. Анализ демографических и социальных показателей предполагает междисциплинарный подход. Проанализированы социальные теории риска и безопасности, благополучия и резерва самосохранения населения. Эти теории являются основой для оценки и прогнозирования депопуляции в России на региональном уровне. Более того, в исследовании использовалась концепция интегративной социальной уязвимости. Предложенную концепцию можно использовать для оптимизации социального государственного управления политикой безопасности. В исследовании представлены научно обоснованные данные об экономических, институциональных, социальных, психологических и поведенческих детерминантах, которые определяют мотивацию различных социальных и возрастных групп населения региона, увеличивающих продолжительность активного и здорового образа жизни. Кроме того, исследование описывает механизм социально-демографического взаимодействия, в том числе системного функционирования в контексте социальной безопасности. Интегративная концепция социальной уязвимости определяет новизну полученных результатов. В статье обобщены взаимодействие социальных макропроцессов и личностных черт, нарушающих защитный механизм социального субъекта используя объективную статистическую информацию. Поэтому был проведен ретроспективный анализ, чтобы представить субъективные оценки жизненно важных ценностей населения региона. Оригинальность исследования заключается в синтезе объективных тенденций глобализации и региональной специфики российского приграничного региона.

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство человеческого капитала, инвестиции в человеческий капитал

REPRODUCTION OF HUMAN CAPITAL IN THE ALTAI TERRITORY

Cherepanova M. I., Maximova S. G., Saryglar S. A., Barnaul (Russia)

Abstract. The scientific significance of the study is determined by the relevance of the level of reproduction of human capital. The specificity of reproduction determines the demographic security of the region and the country. The study aims to describe the social mechanisms of reproduction of demographic indicators of the Altai Territory, the dynamics of the birth rate, and the specificity of the reproductive behavior of young people in the region. The analysis of demographic and social indicators involves an

interdisciplinary approach. We analyzed social theories of risk and safety, well-being, and the self-preservation reserve of the population. These theories are the basis for assessing and forecasting the depopulation in Russia at the regional level. Moreover, we used the concept of integrative social vulnerability. One can employ the proposed concept in optimizing social state control of the security policy. The study presents scientifically grounded data on economic, institutional, social, psychological, and behavioral determinants that identify the motivation of different social and age groups of the region's population, increasing the duration of an active and healthy lifestyle. Furthermore, we described the mechanism of socio-demographic interaction, including the systemic functioning in the context of social security. The integrative concept of social vulnerability determines the novelty of the results obtained. In addition, we summarized the interaction of social macro processes and personality traits that violate the protective mechanism of a social subject using objective statistical information. Therefore, we carried out a retrospective analysis to present subjective assessments of vital values of the region's population. The study's originality lies in synthesizing the objective globalization trends and regional specifics of the Russian border region.

Keywords: *human capital, reproduction of human capital, investment in human capital*

Introduction. Current scientific knowledge provides a diverse understanding of human capital. However, T. Schultz emphasized human capital as a separate institution for scientific analysis. Furthermore, G. Becker identified the basic theoretical premises of human capital. According to G. Becker, human capital is a set of knowledge, skills, and competencies of a social subject. Investments in human capital include education, professional experience, and the protection of people's health and life, promoting social and educational mobility, including the search for new information. These investments are aimed at improving the quality of human capital and increasing financial and in-kind income.

In the context of G. Becker's research, human capital includes specific and common components. The specific component is relevant for a particular enterprise. The common component is essential for various enterprises of this level. The essence of this concept is that a specific component of human capital is beneficial in the economic system in which it was acquired. In contrast, the common component of human capital can generate income in other economic systems of a similar level [3].

According to S. Fischer's approach, human capital means the ability of a person to generate income. Human capital in this context is a combination of innate abilities, talent, education, and acquired qualifications. A similar concept to human potential is the term "human resources." This term

underlies a new resource approach, forming company, region, and country success [4]. The essence of this approach is that the optimal management of human potential allows us to turn employees' competencies into tools for the growth and development of the organization, strengthening their assets. The quantitative evaluation of human capital was first undertaken by the English researcher W. Petty. By human capital, he understood the subject and their abilities, significant competencies, and the cost of educational services to diagnose and support gifted people. At the same time, W. Petty called for an increase in government spending on education for socially unprotected segments of the population. The representative of economic theory, A. Smith, considered the human potential to be the essential part of total wealth [5]. The scientists indicated the only employable population of the country. According to Kapelyushnikov's approach, human capital includes physical and mental potential [12].

Braudel identified limitations to the functioning of human potential, including a low level of initial physical potential [4]. According to D. Didenko's approach, the stability and growth of the economies of developing countries are primarily determined by the optimal functioning of the country's human potential [6]. The post-industrial development of society has accelerated the scientific formalization of various theoretical approaches to the phenomenon of human capital. The differentiated components of human capital were considered by E. Denison, F. Machlup, J. Mintser, and other scientists. The basic foundations in the form of an individual's innate abilities are the fundamental issue for evaluating human capital, the potential of which can be increased through targeted investment. Therefore, we agreed with national scientists, identifying human capital as a complex of innate abilities, including health, motives, interests, and increased cultural potential due to investments and determining the growth of a particular enterprise [7]. However, ideas about the structure and types of human capital presented in current scientific discourse are controversial. The available classifications of human capital differ in the incomplete description of individual and national human capital. However, researchers distinguish individual, collective, and social or national human capital. Individual human capital includes the following components: education, intelligence, health, labor activity, readiness for entrepreneurship, cultural and moral level of the individual's development. Collective human capital combines organizational, structural, client, and social components. Social (national) human capital includes the health of the nation, the viability of the nation, the level of national education, personnel-value, moral, innovation, ideological, and intellectual components. The primary types of human capital are health, education, and work. The interdependence of human capital is manifested in the decreased effectiveness of individual

human capital, leading to a decrease in the value of structural and organizational client capital. Nevertheless, one should emphasize that the functionality of national human capital cannot result from a simple combination of collective and individual human capital. Social human capital is a natural result of complex and systemic interaction and functioning of human capital at the individual and collective levels. In addition, with the most effective implementation of these types of capital, one can observe significant synergy for the entire nation, including individual subjects of the country's economy. The ambiguity of the complex assessment of human capital is due to the interdependence of human capital units and knowledge, skills, and abilities that cannot act outside the employee of the enterprise. Despite a significant number of methodological approaches to assess human capital, we cannot emphasize a universal and comprehensive system of indicators. The reliability of human capital estimation regarding an enterprise and a country or nation is of particular scientific significance. However, human capital indicators contain quantitative and qualitative aspects, including the investment in human capital. The quantitative aspect is determined by the average number of enterprise employees, depending on the age of personnel, educational structure, and average work experience in the specialty. In addition, this indicator can vary depending on the staff turnover and truancy due to the professional and qualification structure. Investments in human capital will include major investments in staff in the form of salaries and other retention costs. Significant investment components are training, retraining, and motivating costs, including scientific consultants' involvement and stimulating innovation. The growth of enterprise costs for healthcare is a primary indirect component of investing in collective human capital, including the following features: a medical examination of staff, effective implementation of labor safety, motivation of staff to a healthy lifestyle, and increasing the efficiency of self-preserving behavior [1]. Nowadays, the socially significant characteristics of the Russian human capital are the country's population, the quantitative and qualitative indicators of the working-age population, the specifics of the professional and qualification structure, the educational level, and the quality of citizens' life. Despite the relevance of the human capital issues, highlighting the intellectual component for the development of knowledge-intensive industries, the implementation of these priorities in current Russian society is being declared. One should use new theoretical approaches based on analyzing human capital within global trends related to production intellectualization in modern practice [11]. Modern national economists have identified the dominant role of human capital for the relevant development of the socioeconomic structure of Russian society.

Methodology. The research methodology is based on analyzing the peculiarities of the mutual influence of demographic and social population indicators in modern regional Russian society. We implemented an interdisciplinary approach using current demography, sociology, and psychology knowledge. Moreover, we presented social theories of risk and safety, well-being, self-preservation reserve of the population. In addition, we involved the “Concept of integrative social vulnerability.” This concept allowed us to assess and predict the process of population depopulation at the regional level. During the research, we used the following methods: modeling, extrapolation, retrospective analysis, social forecasting, sociological survey, psychological diagnostics, and statistical analysis. The study sample consisted of 500 people.

Results and Discussion. The Altai Territory has been in the midst of a demographic crisis for a long time. This situation is characterized by a rapid depopulation of the population. Furthermore, we revealed the prevalence of mortality over birth in the region and identified a significant migration outflow of the population. One of the crucial issues in the region is a pronounced predominance of the elderly and old population in the general structure of the region. The specificity of the demographic situation in the region determines the insufficient level of demographic security. In current Russian society, demographic issues are among the significant features and include the nation’s extinction due to the excess of death rate over the birth rate, as in the countries of demographic “winter” (e.g., Germany). The problem is complex. One can determine a demographic catastrophe and a civilizational challenge to the peoples of Russia and the very future of the country. Since 2010, the annual natural loss in Russia has exceeded 1,000,000 people, and by 2025 this indicator can double. The described tendencies are intensifying in regional societies with a low socio-economic level of development. The Altai Territory is a region with reduced indicators. The primary demographic issue of the Altai Territory is the natural decline in the population, the excess of death rate over the birth rate. Mortality rates in 2018 exceeded the birth rate by 9,752 people. In 2019, the death rate exceeded the birth rate by 11,667 people. The birth rate in 2019 decreased by 2374 people. In 2018, the number of births in the Altai Territory was the lowest in the Siberian Federal District. The presence of social determinants characterizes these trends. The significance of objective processes of reducing the region’s residents’ quality of life and health is high. However, the subjective components of self-preserving behavior play a significant role. The specific attitude towards essential values is critical. However, it is crucial to study the mechanisms of the exceeded population mortality from socially dangerous, autoaggressive, and suicidal forms of behavior. According to

statistics, in 2019, mortality from unnatural external causes (homicide, suicide, poisoning, auticides) took third place in the structure of the region's population.

Analysis of statistical data revealed that from 2002–2010, the region's population reduced by more than 7%. This indicator exceeded the indicators of subjects of the Siberian Federal District [9]. The discrepancy between the population indicators according to the current registration and the results of the population census was 64 thousand people. At the same time, the migration loss from the region is one of the highest indicators in the country. Nowadays, the identified trends continue to intensify. Thus, we present a hypothetical integrative model of social determinants of demographic processes in a regional society based on a comprehensive analysis of human capital in the Altai Territory. The model includes the primary factors and conditions for the spread of negative life practices of behavior.

One of the fundamental aspects of the reproduction of human capital is the birth rate in the region. We analyzed the dynamics of the birth rate in the Altai Territory in 2000–2017. In the Altai Territory, from 2000 to 2012, there was a positive trend in the birth rate growth. However, from 2012 to the present, there has been a systematic decrease in the number of births in the region, according to statistics for the first eight months. In 2020, 13,222 newborns were born in the region, which is 1,280 people less than in the same period in 2019. Consequently, one can identify the tendency of a large-scale decline in the birth rate in the region. According to experts, despite the negative trends, several positive qualitative changes have been recorded in the region due to the implementation of the national project "Demography." In the fertility structure, the number of children born first, as well as third and subsequent ones, has increased. A negative trend was the decline in the proportion of second-born children. At the present stage of developing demographic and social sciences, fertility is one of the primary determinants of reproduction in any regional society. Nevertheless, a systematic analysis of the structure, level, and dynamics of fertility will allow us to identify and predict the specifics of endogenous demographic conditions for changes in the age and gender structure of the Altai Territory. A characteristic trend for Russia and the Altai Territory is the process of declining birth rates. However, a retrospective analysis indicates complex and ambiguous dynamics. According to demographic records, in 1990, about 34,000 children were born in the region, which was a historical maximum for the last 30 years of study. The last decades have been designated by "a rapid drop in the birth rate of children, regardless of any military actions" [9]. According to the rating of the constituent entities of the Russian Federation in terms of the total fertility rate, in 2017, the Altai Territory took the 52nd place with an indicator of 10.8

children born per 1000 people per year. The study of theoretical sources and secondary analysis of previous studies allowed us to formulate conclusions about negative forecast trends. Currently, one can indicate the delayed family formation by modern youth. However, this feature leads to a reduction in the childbearing period. Therefore, we identified a decrease in the possibility of having subsequent children. For example, in 2019, a decrease in having a second child in families was recorded. Moreover, we revealed a high level of abortion prevalence, which is traditional for Russia. The country ranked 4th in the world in 2017 in terms of the number of abortions. Subsequently, we revealed the tendencies of postponing the birth of children in the future. The deterioration of the reproductive health of future parents and problems with the ability to have children were recorded. The phenomenon of “childfree” people is spreading in the region. In addition, the increasing imbalance between the female and male population will reduce the number of childbearing in the province.

However, this imbalance will increase. An increased number of women who have overcome the reproductive age has been recorded in the region. The identified trends are the primary peculiarities of modern times and are registered in most economically developed and developing countries, indicating objective global trends. The forecast of the birth rate depends on the analysis of the reproductive attitudes of young people. According to modern Russian sociological research, most male and female young people are set up for a two-child family model. This aspect does not contribute to the growth of the Russian population. The additional aspects of the reproductive behavior of young people are associated with the early onset of sexual activity, a high frequency of changing sexual partners, and the choice of alternative forms of partner relationships. These aspects worsen the state of young people's reproductive health and do not optimize the region's birth rate growth. The social conditionality of abortions increases lies in the low socio-economic standard of living and the young age of potential parents. The analysis of the interrelations of social factors with reproductive attitudes allowed us to determine the most relevant aspects: the marital status of a young person ($p=0.05$); the type of family in which a young person lives ($p=0.001$); the level of material life ($p=0.001$); the level of personal security ($p=0.05$). Most of the young people aimed at having one child in their future family. However, there must be more than three children in the family for the reproduction of Russian society. About half of the surveyed young people evaluate their reproductive health as average. However, it is crucial to emphasize the advantages and disadvantages of this aspect. The high readiness of young people to realize life risks has a negative impact on the reproductive attitudes of young people. A tolerant attitude to sexual

relationships outside of marriage has been revealed. A quarter of young respondents have a tolerant attitude to divorce. Every tenth young person admits the probability of abortions. These aspects have a negative impact on the reproductive health of young people. The age of first sexual intercourse is an essential indicator of reproductive attitudes. Thus, in the Altai Territory, more than half of the surveyed young people (54%) had sexual relations before the age of 18, which can adversely affect the reproductive health of young people in the future. One of the critical components of reproductive attitudes (reproductive health) is the use of contraceptives. Only a quarter of young people implement safe sexual behavior. Most young people tend to have sexual risk, deteriorating their future reproductive health. The willingness of young people to have sex with a casual partner increases reproductive disorders, an insufficient level of readiness to use contraceptives. These trends increase the reproductive risks of young people. In addition, material income primarily determines a person's desire to have children in the future. Future financial opportunities will determine the well-being of the family. Strategic improvement of the reproductive health of young people in the Altai Territory should be based on the implementation of programs for the formation of responsible reproductive behavior. Therefore, it is necessary to expand medical and social advisory services for the region's younger generation.

However, we identified social activity and performance due to the social context of human capital development. Within the sociological approach, the phenomenon of "human potential" is compared with the concept of social capital. Therefore, we emphasized human capital as a broad concept. This term includes a variety of structural components of society reproduction [8].

In the context of the sociological theories of M. Weber, G. Simmel, T. Parsons, and E. Durkheim, the concept of human capital is defined through the value of social life. Researchers consider morals, culture, beliefs, responsibility, and initiative in working conditions to be components of human capital [2]. The functionalist theory explains the phenomenon of human capital due to the growing social and economic stratification of society [5].

The social mechanism of human capital operates according to a dual model. The first model is an individual and includes the person's physical, socio-cultural, intellectual, and educational potential [5].

The second model is institutional. The proposed model describes the role of the primary social institutions in the development of human capital. This level provides the overall quality of the process. Several factors determine the specificity of human capital. We identified the common values in society and their ratings, the process of continuous professional

improvement of personnel, the degree of prestige and accessibility of higher education, the demand for higher education and highly qualified specialists. The specifics and conditions of upbringing, socialization, career activity, and individual motivation play a significant reproductive role. According to national researchers of human capital in Russia over the past decade, inequality in the primary spheres of life of the population has significantly worsened the dynamics of social development.

Furthermore, we revealed a negative correlation between the population's educational level and life expectancy in conditions of increasing socio-economic inequality [10]. These trends are being implemented in the Altai Territory.

Conclusions. The analysis of the study results, a secondary analysis of the study of human capital development in modern Russian society, allowed us to conclude that a stable trend of population decline has been observed in most territorial entities over the past decades of Russian society. We revealed the prevalence of mortality over birth rate. Moreover, we recorded a high percentage of preventable deaths and indicated the prevalence of socially related diseases. Furthermore, we revealed a significant level of unevenness and shortage of personnel, particularly in the knowledge-intensive sectors of the country's economy. However, these aspects indicate the crisis state of human capital in the region.

Experts noticed contradictions between the needs of the labor market and the supply formed by secondary and higher professional education. The lack of qualified staff with an excess of unclaimed specialists, university graduates is a characteristic feature of the Russian labor market. According to official statistics, 16 % of the adult population of the country has higher education. At the same time, the functioning of an effective knowledge-based economy requires workers with a higher education level of more than 60 %. A significant factor in the development and improvement of human capital efficiency is the high standard of living of citizens, the numerical expression of the coefficient of the population's viability. This coefficient reflects the potential for preserving the nation's gene pool and possible intellectual development. According to researchers, in Russia, since 1992, this indicator was less than one, which defines the nation as unviable [13]. Therefore, one of the most popular and socially significant goals of the strategic development of Russian society should be conservation and effective nation reproduction.

The study was conducted within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZMW-2020-0001 "Human capital, migration, and security: Transformation in the new migration conditions in Central Asia."

References

1. *Alter D.* Demographic transition and human capital. Cambridge Economic History of Modern and Modern Europe. 2013. No. 1. P. 1700-1870.
2. *Bassanini A.* Workplace training in Europe. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007.
3. *Becker G. S.* Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory. Moscow, Russia: Higher School of Economics, 2013.
4. *Braudel F.* Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries. Moscow, Russia: The Whole World, 2007.
5. *Bruking E.* *Intellectual capital*. Saint Petersburg, Russia: Piter, 2011.
6. *Didenko D. V.* New trends in educational lending in Russia and possible prospects for its development. Financial Analytics: Problems and Solutions. 2015. No. 32. P. 42-50.
7. *Didenko D. V.* Foreign experience in the use of financial instruments to stimulate the education system. Money and Credit. 2014. No. 4. P. 67-73.
8. *Emelyanov Y. S.* Human capital in the modernization of Russia: Institutional and corporate aspects. Moscow, Russia: The Whole World, 2011.
9. *Eremin A. A.* The dynamics of mortality in the Altai Krai at the present stage. Moscow, Russia: Editorial URSS. 2019.
10. *Glaziev S. Yu.* A new technological order in the modern world economy. International Economy. 2010. No. 5. P. 5-27.
11. *Gorshkov M. K.* Continuing education in the context of modernization. Moscow: IS RAN, 2011.
12. *Kapelyushnikov R. I.* How much is the human capital of Russia? Economic Issues. 2013. No. 1. P. 27-47.
13. *Maksimova S., Surtaeva O., Cherepanova M.* *Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia. Proceedings from: International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions.* Ekaterinburg, Russia: Atlantis Press, 2019.

СПЕЦИФИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Черепанова М. И., Сарыглар С. А., Щеглова Д. К., Барнаул (Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация. Проблема изучения человеческого капитала в дифференцированных территориях современного российского общества актуализируется тем, что инновационность развития российской экономики и производства выдвигают новые требования к качеству человеческого капитала. Все более значимыми являются такие квалификационные характеристики как готовность и мотивированность к постоянному получению новых знаний и инновационных компетенций. Решить подобные задачи могли бы государственные программы воспроизводства человеческого капитала на федеральном и региональном уровнях, основная цель которых – создание эффективных механизмов воспроизводства человеческого капитала. Спецификой данных программ должна стать научно обоснованная мотивация работодателей создавать эффективные условия подготовки кадров, востребованных бизнесом и производством. В статье представлено описание противоречий человеческого капитала в российском обществе, а также представлены краткие результаты эмпирического исследования описанных трендов.

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство человеческого капитала, образовательная модернизация, демодернизация, инвестиции в человеческий капитал

THE SPECIFICS OF THE HUMAN CAPITAL OF THE RUSSIAN BORDERLAND

Cherepanova M. I., Saryglar S. A., Scheglova D. K., Barnaul (Russia)

Abstract. The problem of studying human capital in the differentiated territories of modern Russian society is actualized by the fact that the innovative development of the Russian economy and production put forward new requirements for the quality of human capital. Such qualification characteristics as readiness and motivation to constantly acquire new knowledge and innovative competencies are becoming increasingly important. The state programs for the reproduction of human capital at federal and regional levels, the main purpose of whose is to create effective mechanisms for the reproduction of human capital, could solve such problems. The specifics of such programs should be the motivation of employers to create effective conditions for training personnel in demand by

business and production. The article presents a description of the contradictions of human capital in Russian society, as well as brief results of an empirical study of the described trends.

Keywords: *human capital, reproduction of human capital, educational modernization, demodernization, investment in human capital*

Предпосылки и цели исследования

По мнению отечественных и зарубежных авторов, современное российское общество характеризуется разнонаправленностью тенденций развития человеческого капитала. Ряд авторов считают, что в обществе фиксируется постиндустриальная образовательная модернизация [1, с. 8]. Другие настаивают на этапе демодернизации нашего общества [2, с. 9]. Первая позиция основана на высоких значениях статистических показателей образовательного уровня населения, значительном инновационном потенциале страны. С 2000 годов в стране наблюдался значительный рост инвестиций в интеллектуальный компонент человеческого капитала. К данным тенденциям можно отнести, в частности, рост дополнительных модернизированных образовательных практик для нужд интеллектуальноемкой индустрии. Одним из ярких показателей модернизации российского общества стала «цифровая революция», отражением которой является повсеместная компьютерная грамотность молодого поколения страны.

Среди демодернизационных тенденций российского общества необходимо отметить наличие определенных ограничений и барьеров оптимального использования потенциала постиндустриального этапа общества.

Одним из таких барьеров является количественный (почти всеобщая грамотность) уровень образования населения в стране. Однако, качественный уровень образования, его соответствие мировым стандартам требует оптимизации.

Эксперты в области образования полагают, что интернализация российского профессионального образования, несмотря на вхождение России в «Болонский процесс», идентифицируется как недостаточная [3, с. 11; 4, с. 3].

Другим фактором, препятствующим интеллектуализации страны, являются диспропорции на рынке труда и образовательных услуг. Отсутствуют оптимальные обратные связи между данными важными кластерами. С одной стороны, российское общество характеризуется высоким уровнем невостребованности полученного образования. С

другой стороны, в стране преобладает дефицит высококвалифицированных кадров.

Демодернизационный характер развития человеческого капитала российского общества, усиливает падение уровня мотивации населения к дополнительному профессиональному образованию, что? по мнению экспертов, более не характерно для быстро развивающихся стран со средними доходами на душу населения [5, с. 15; 7, с. 5].

Целью представленной статьи является описание основных противоречий функционирования человеческого капитала в приграничных регионах России, а также краткий эмпирический анализ проблем, влияющих на оптимальность модернизационных процессов в стране.

Статистическая основа и методология исследования

Методологическая основа исследования базируется на анализе особенностей взаимообусловленности демографических и социальных показателей населения в современном региональном российском социуме. Реализован междисциплинарный подход (демография, социология, психология); полипарадигмальный подход, основанный на синтезе социально-экономических теорий человеческого капитала и безопасности, благополучия, образовательного потенциала населения, отражающих специфику современной социальной реальности [6, с. 18].

Исследование человеческого капитала в системе сохранения социально-демографической безопасности и миграции проводилось в шести приграничных регионах России (2021–2022 г.г.), многоступенчатая стратифицированная выборка, $n = 600$ в каждом регионе, возраст опрошенных – 18–70 лет. Специфика функционирования интеллектуального капитала измерялась на основе анализа актуальной региональной статистики и вопросов анкеты, экспертного опроса. В статье представлен первичный анализ описательных статистик.

Анкетирование позволило изучить современные условия и факторы мотивации населения российского приграничья к росту своего образовательного уровня и получению новых компетенций.

Основные результаты

Представим региональные особенности функционирования человеческого капитала в шести территориях российского общества, знание которых позволит оптимизировать социальное управление данными процессами. Рассмотрим субъективные оценки населением востребованности своего труда, одного из базовых компонентов человеческого капитала.

Региональная дифференциация ответов населения о в том, насколько они уверены в своей востребованности после потери работы, незначительна. Ее структура совпадает с совокупными ответами граждан по шести территориям. Наиболее неуверенные в получении равноценной работы – в Хабаровском крае (28,5%), Воронежской области (23,3%), что свидетельствует об особом дефиците высоко престижных видов труда на данных региональных рынках.

Наиболее уверенно в получении равноценной работы население в Алтайском крае (26,7%), Челябинской области (18,2%).

Рассмотрим распределения ответов населения исследуемых регионов на вопрос: «Как Вы думаете, если Вы потеряете работу (по разным причинам), насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?», в зависимости от типа поселения.

По результатам исследования, существуют статистически значимые различия в оценках населения своей возможности найти новую престижную работу в случае потери своей прежней работы, в зависимости от типа поселения. Жители города, в значительно большей степени (22,9%) против жителей села (6,9%) полностью уверены в своих профессиональных возможностях, позволяющих им найти новую работу.

Подобная тенденция характерна и для ответа «скорее уверены», где жители города ответили 22,7%, а жителей села – всего лишь 6,2%.

Данные результаты подтверждают объективную ситуацию, связанную с глубоким системным кризисом жизнедеятельности, характерным для сельской местности. Кроме того, это является не только региональной, но и общероссийской, а также мировой тенденций, связанной с объективным процессом урбанизации и постепенным сокращением численности жителей сел, снижением количественных и качественных показателей функционирования человеческого капитала в сельском социуме.

Литература

1. *Алтер Дж., Кларк Г. Демографический переход и человеческий капитал // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 75–115.*
2. *Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.*

3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. Ф. Бродель. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2007. Т. 3.
4. *Горшков М. К., Ключарев Г. А.* Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГУП ЦСИ, 2011.
5. *Черепанова М. И.* Региональные аспекты национальной безопасности: оценка межэтнической напряженности в приграничных территориях России // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 3. С. 369–380.
6. *A'Hearn B., Baten J., Crayen D.* Quantifying Quantitative Literacy: Age Heaping and the History of Human Capital // Journal of Economic History. 2009. P. 217–235.
7. *Barro R. J., Lee J.-W.* A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010 // Journal of Development Economics. 2013. No. 104. P. 184–198.

ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Шахова Е. В., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. В статье рассматривается положение мигрантов на рынке труда в приграничных регионах России. Проанализированы следующие показатели: род занятий мигрантов в настоящее время; удовлетворенность местом работы; смена сферы профессиональной деятельности, должность после переезда в Россию; способы поиска работы; трудности, с которыми сталкиваются мигранты при переезде. Представлены результаты анализа данных, полученных в ходе социологического исследования в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Псковская область, Саратовская область, Новосибирская область, Приморский край, Забайкальский край), в рамках которого был проведен опрос мигрантов в возрасте от 15 до 80 лет. Данные, полученные в ходе исследования, были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных (статистический пакет SPSS 23.0).

Ключевые слова: миграция, приграничные регионы, рынок труда, трудовой капитал, мигранты

THE SITUATION OF MIGRANTS IN THE LABOR MARKET IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Shakhova E. V., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article examines the situation of migrants in the labor market in the border regions of Russia. The following indicators were analyzed: current occupation of migrants, satisfaction with the place of work, change in the field of professional activity, positions after moving to Russia, ways to find work, difficulties that migrants face when moving. The results of the analysis of data obtained in the course of a sociological study in six border regions of Russia (Altai krai, Pskov oblast, Saratov oblast, Novosibirsk oblast, Primorsky krai, and Trans-Baikal krai), a survey of migrants aged 15 to 80 years was conducted. The data obtained during the study were analyzed using the methods of mathematical and statistical data processing (SPSS 23.0 statistical package).*

Keywords: *migration, border regions, labor market, labor capital, migrants*

Миграция населения представляет собой сложное явление, затрагивающее многие сферы жизнедеятельности общества, имеющее противоречивый характер: положительные стороны заключаются в возможности решения социально-демографических и экономических проблем, отрицательные – в возможных негативных последствиях [4].

Российская Федерация является одной из стран, лидирующих по количеству мигрантов. В 2020 году Россия занимала четвертое место в мире по их количеству [6]. Число прибывших мигрантов в 2020 году составляло 4 120 743 человека. В 2021 году в Россию прибыл 4 277 442 мигранта (667 922 – из других стран). Основные потоки международных мигрантов в Россию формируют мигранты из стран бывших советских республик (из 667 922 международных мигрантов в 2021 году 606 190 человек приехали из стран СНГ) [3].

Серьезное влияние на социально-экономическое развитие страны оказывают процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество [1]. Интеграция мигрантов в укоренившийся и определившийся социум подразумевает включение в культуру, систему норм, ценностей и традиций принимающей страны, обозначение направления взаимодействия и поиск компромисса по всем основным вопросам жизнедеятельности с институтами гражданского общества [5]. Значимое влияние на адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающей стране оказывает их положение на рынке труда.

Цель данной работы заключается в изучении положения мигрантов на рынке труда в приграничных регионах России. В статье

представлены результаты анализа данных, полученных в рамках исследования «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии». В анкетировании принимали участие мигранты, проживающие на территории приграничных регионов России (Алтайский край, Псковская область, Саратовская область, Новосибирская область, Приморский край, Забайкальский край) в возрасте от 15 до 80 лет. Данные, полученные в ходе исследования, были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных (статистический пакет SPSS 23.0): частотный анализ, таблицы сопряженности с применением статистических критериев.

В тройку самых популярных причин при выборе региона в качестве места жительства входит возможность найти подходящую работу (на это указали мигранты в 27,1% наблюдений). Среди других важных причин: проживание родственников, друзей, знакомых (56,8% наблюдений), комфортные климатические и экологические условия, географическое расположение (24,4% наблюдений).

Почти четверть опрошенных мигрантов (23,3%) работают специалистами (на должности, требующей высшего образования), 14,1% – заняты в сфере обслуживания или торговли, 8,9% – служащие (на должности, не требующей высшего образования) (таблица 1). Удовлетворены своим местом работы 75,0% мигрантов (44,5% – скорее удовлетворены, 30,5% – полностью удовлетворены), не удовлетворены – 25,0% (14,5% – скорее не удовлетворены, 10,5% – полностью не удовлетворены).

Таблица 1 – Род занятий мигрантов, %.

Род занятий в настоящее время	
Предприниматель (собственный бизнес), фермер	6,5
Руководитель, зам. руководителя предприятия, учреждения, фирмы	2,7
Руководитель подразделения	3,8
Специалист (должность требует высшего образования)	23,3
Служащий (должность не требует высшего образования)	8,9
Военнослужащий	0,6
Работник сферы обслуживания или торговли	14,1
Рабочий в сельском хозяйстве	0,8
Квалифицированный рабочий любой отрасли промышленности	5,9

Неквалифицированный рабочий (уборщик, сортировщик, дворник и др.)	2,1
Студент очной формы обучения (не работаю)	5,1
Занимаюсь домашним хозяйством (не работаю)	8,2
Неработающий пенсионер	9,0
Не имею работы	9,0

На то, что после переезда в Россию пришлось сменить сферу профессиональной деятельности, указали 45,2% мигрантов. Почти половина, приехав в Россию, изменили профессиональную позицию, должность по сравнению с той, которая была в стране убытия (48,2%): 24,3% из них занимают в России должность выше по статусу, 23,9% – более низкую должность. Повышение по должности чаще отмечают мужчины (31,5%), чем женщины (16,8%), а также молодые люди (до 30 лет, 38,9%). На понижение, наоборот, чаще указывают женщины (27,3%), чем мужчины (14,1%) и люди старшего возраста (46–60 лет, 33,3%).

Среди трудностей, с которыми мигрантам пришлось столкнуться при переезде, они чаще всего отмечают финансовые проблемы (35,5% наблюдений) и трудности с поиском работы (28,6% наблюдений). Мигранты указывают на то, что для поддержания материального положения им приходилось искать дополнительную работу (сменную, в вечернее, ночное время) (43,9% наблюдений), а также работать без официального трудоустройства (40,9% наблюдений).

Для того, чтобы устроиться на работу в России, проходили обучение 39,1% мигрантов. В 22,2% наблюдений мигранты указали на то, что в результате переезда в Россию повысился их профессиональный уровень.

Наиболее популярным способом поиска работы у мигрантов являются следующие: объявления на специализированных интернет-порталах, в социальных сетях (31,3%), помощь родных, друзей и знакомых (22,6%), обращение самостоятельно непосредственно к работодателю (21,5%). Стоит отметить, что еще пять лет назад мигранты искали работу преимущественно используя личные контакты. В исследовании, направленном на изучение положения мигрантов на региональных рынках труда, проведенном в 2017–2018 годах учеными Алтайского государственного университета, было отмечено, что самым распространенным способом поиска работы в России являются частные связи – друзья и знакомые – именно так

нашли работу 35,9% мигрантов, возможности сети интернет использовал для поиска работы в России только один из опрошенных [2].

Почти половина мигрантов считают, что в их населенном пункте устроиться на хорошую работу имеют равные шансы как люди разных национальностей (47,1%), так и местное и приезжее население (47,3%).

В заключение отметим, что вопросы, направленные на изучение положения мигрантов на рынке труда, их адаптации и интеграции имеют актуальный характер, требуют дальнейшего подробного изучения.

Литература

1. Кононов Л., Леденева В. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. т. 65. № 4. С. 103–112. DOI:10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112.
2. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Мигранты на рынке труда приграничных регионов России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. №2 (8) С. 87–96.
3. Общие итоги миграции населения Российской Федерации. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 02.07.2022).
4. Прохода В. А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2. С. 62 - 82. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472.
5. Шахова Е. В., Щеглова Д. К. Динамика отношения жителей Алтайского края к миграционной ситуации и межэтническим отношениям в регионе // Society and Security Insights. 2020. № 3(3), 134–145.
6. International Migration 2020 // United Nation. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/news/international-migration-2020> (дата обращения: 23.05.2022).

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ МУСУЛЬМАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Шершнева Е. А., Барнаул (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке грантов РФФИ №21-011-44027 и Фонда Президента Российской Федерации по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация: Во второй половине XIX в. в Российской империи наблюдается процесс реформирования судебной системы, который не мог не затронуть мусульманское население страны, имеющее собственную конфессиональную правовую традицию. Активное вмешательство в жизнь мусульманских народов Западной Сибири привели к ущемлению религиозных прав в рамках светского судопроизводства. Ограничения, накладываемые на приходских мулл, а также отсутствие возможности самостоятельно решать спорные дела общины по мусульманскому закону снижали их авторитет. Мусульманское духовенство было лишено возможности активно отстаивания религиозных прав своих единоверцев в судебных органах. К тому же, во второй половине XIX – начале XX в. были случаи проведения судебных процессов, участниками которых становились сами духовные лица. Таким образом, был установлен контроль за деятельностью мусульманского духовенства даже в области требоисполнения. Нарушение ведения культовой практики стало также делом государственной важности и могло повлечь за собой привлечение муллы к судебной ответственности.

Ключевые слова: шарият, суд, мусульмане, мулла, Оренбургское магометанское духовное собрание, Западная Сибирь

INTERVENTION OF STATE AUTHORITIES IN THE JUDICIAL SYSTEM OF MUSLIMS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

Shershneva E. A., Barnaul (Russia)

Abstract. In the second half of the XIX century in the Russian Empire, there was a process of reforming the judicial system, which could not but affect the Muslim population of the country, which has its own confessional legal tradition. Active interference in the life of the Muslim peoples of the Western Siberia led to the infringement of religious rights in the framework of secular legal proceedings. The restrictions imposed on the parish mullahs, as well as the lack of the ability to resolve controversial issues of the community according to Muslim law independently, that reduced their authority. The Muslim clergy were deprived of the opportunity to actively defend the religious rights of their fellow believers in the judiciary. In addition, in the

second half of the 19th - early 20th centuries, there were cases of trials, in which the clergy themselves became participants. Thus, control over the activities of the Muslim clergy was established, even in the field of execution of demands. Violation of religious practice also becomes a matter of state importance and could entail bringing the mullah to justice.

Keywords: Sharia, court, Muslims, mullah, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Western Siberia

Во второй половине XIX в. в Российской империи начинается период реформ, которые должны были затронуть все сферы жизни российского общества. Преобразования, происходившие в это время в стране, не могли не коснуться и мусульманского населения. С момента вхождения мусульманских народов в состав российского государства устанавливается контроль за духовной жизнью мусульман. В 1788 г. создается Оренбургское магометанское духовное собрание как государственный орган, задачей которого был контроль за деятельностью мусульманского духовенства. С 1810 г. Оренбургское магометанское духовное собрание переходит в подчинение Министерства внутренних дел, что еще больше закрепило его позиции как органа государственной власти [1, с. 29].

Особое внимание со стороны правительства начинает уделяться судебной системе российских мусульман. Религиозное право контролировалось государственным чиновником в лице муфтия [2, с. 872]. В мусульманской традиции приходские муллы должны были выполнять судебные функции. Однако, мусульманское духовенство было ограничено в гражданских судебных делах. К тому же, само мусульманское духовенство привлекалось к гражданскому суду, если в его действиях усматривалось преступление против государства. Духовный суд в лице Оренбургского магометанского духовного собрания решал вопросы, связанные с нарушением духовных обязанностей священнослужителя [3, с. 174; 4, с. 222–224].

Оренбургское магометанское духовное собрание было судебным органом второй инстанции, куда могли обращаться прихожане, недовольные действиями муллы, чтобы получить удостоверение для суда, основанное на нормах шариата [5, с. 104]. Сюда также обращались и сами священнослужители для решения каких-либо спорных моментов в своей деятельности. Так, например, ахун Семипалатинской казенной мечети просил разъяснить Оренбургское магометанское духовное собрание, какое он должен наложить наказание за незаконное сожительство – по шариату или нет. Свои затруднения он объяснял особой жестокостью мусульманского закона за такое преступление [6,

л. 141–142]. К тому же с 1837 г. за совершение акта прелюбодеяния вводилось светское наказание в виде ареста на срок от 3 до 14 дней [7, с. 38]. Мусульманское духовенство, пользующееся авторитетом среди прихожан и принимающее активное участие во всех делах общины, являлось судом первой инстанции. Муллы привлекались светскими властями для решения судебных тяжб и разбирательств преимущественно в вопросах семейного и наследственного права [8].

Необходимо отметить, что такая роль мусульманского духовенства не устраивала имперские власти, и они стремились ограничить влияние духовных лиц на судебные процессы. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь верховным органом по контролю за мусульманским духовенством, принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом [9, с. 9]. В первую очередь им запрещалось наказывать мусульман телесно. Нарушение данных предписаний священнослужителем свидетельствовало о привлечении его к гражданскому суду. Данный факт подтверждается делом о жалобе на муллу Каинского округа Томской губернии, поданной в 1893 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание [10]. Оренбургским магометанским духовным собранием как государственным органом в 1875 г. было издано постановление, согласно которому муллам запрещалось исполнять обязанности судей [11, с. 167].

Кроме введения ограничений для мусульманского духовенства при решении судебных вопросов, в отношении мусульманского населения были отмечены притеснения по религиозному признаку со стороны государственных органов. При этом духовенство никак не могло повлиять на проводимую государством политику. О притеснениях подобного рода можно судить, опираясь на архивные данные судебных процессов над мусульманским населением в Западной Сибири.

Наиболее ярким примером такого межконфессионального конфликта и степени участия в нем государственной власти являлась жалоба Бийского приказчика мусульманского вероисповедания на купеческого сына Гилева за оскорбление его вероисповедания в полицейском участке [12]. Органы губернского и полицейского управления всячески стремились прекратить ведение данного дела либо затягивали по нему расследование, хотя законодательно было

закреплено то, что «губернаторы, местная полиция должны предупреждать и пресекать всякие действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере» [13, с. 97]. В обязанности уездного полицейского правления входила охрана свободы терпимых в государстве вероисповеданий. Однако данное законодательное предписание было проигнорировано, как и привлечение местного духовенства при рассмотрении дел подобного рода [14, с. 90–91].

Кроме судебных дел, связанных с личными оскорблениями представителей других конфессий, правительство привлекало к уголовной ответственности и за «непокорность» царскому правительству. Судебные процессы, связанные с упоминанием царского имени при богослужении в мечети, были продолжительны и неоднозначны [15]. Внимательно следили за исполнением подобных предписаний и представители самой общины. В 1883 г. купцом второй гильдии, проживающим в д. Теплореченской Томской губернии, была подана жалоба на имама деревенской мечети об уклонении им от молитвы за здоровье императора. Несмотря на то, что жалоба была подана в Оренбургское магометанское духовное собрание, оно касалась политической неблагонадежности духовного лица, поэтому дело было передано в волостное правление с целью проведения расследования по данному вопросу [16]. В связи с тем, что законодательно не было закреплено упоминание царских особ при мусульманском богослужении, в 1869 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий был направлен в Оренбургское магометанское духовное собрание на татарском языке запрос о форме упоминания царской фамилии при богослужении [17]. Подобного рода судебные тяжбы осложнялись враждебными отношениями внутри мусульманской общины, тем самым затягивая ведение расследования на длительный срок. Так, например, следствие о политической неблагонадежности имама Томской мечети Хамитова длилось в течение 14 лет [18].

Правительство всячески стремилось контролировать деятельность священнослужителей даже в отношении требоисполнения. В полицейское управление передавались расписки имамов о Циркулярном уведомлении выплат за брак и внесения в метрические книги [19]. В 1873 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий просил Оренбургское магометанское духовное собрание предоставить подробное изложение постановлений ислама относительно заключения браков и совершения обрядов бракосочетания. Департамент так же интересовала степень родства вступающих в брак, а также, кто и где должен совершать обряд [20].

С проведением реформ в сфере административного устройства в конце XIX в. возросла роль волостного старшины, обязанности которого были обширны. В частности, он отвечал за выполнение общинниками повинностей, готовил созыв схода и председательствовал на нем. Кроме того, волостные старшины наделялись судебными полномочиями [21, с. 160–161]. В областях, где действовало «Временное положение о крестьянских начальниках», вводились волостные суды, в компетенцию которых входило рассмотрение маловажных дел. Данный суд избирался на волостном сходе по одному судье от каждого сельского общества. Судью предлагалось избирать из инородцев. При этом кандидат должен был пользоваться уважением и быть не моложе 40 лет. Предусматривалось также создание посреднического суда для рассмотрения дел между жителями разных волостей. На посредника в данном случае налагались определенные ограничения. Так, в частности, запрещалось выступать в качестве посредника татарам, башкирам, евреям и служителям инородческих культов. Решение посреднического суда обжалованию уже не подлежало и считалось окончательным [22, с. 110].

Отдельное место в судебной практике Российской империи занимали суды над мусульманами, ведущими проповедническую деятельность среди своих соплеменников. Судопроизводство по данным вопросам было прописано Министерством внутренних дел и свидетельствовало о строгом наказании за отступничество. При этом представители духовенства Русской православной церкви должны были активно принимать участие в таких судебных процессах и предоставлять сведения об увещевании желающего перейти в ислам [23]. Примером этому может служить случай, изложенный в рапорте Алтайскому горному правлению священником Змеиногорской Преображенской церкви, о том, что некий татарин Мухамет Закир Файзов бранил новокрещенных киргизцев (казахов), призывал их оставить православие и вернуться назад в мусульманскую веру. В итоге татарин Мухамет Закир Файзов был взят под стражу и отдан под суд [24].

Таким образом, имперские власти стремились к контролю за судебными процессами над мусульманским населением Российской империи. Несмотря на сложившуюся в мусульманской традиции судебную практику, священнослужителям этой конфессии со второй половины XIX в. запрещалось осуществлять судебную деятельность в своих приходах. В результате муллы сами оказались в подчинении светских судебных органов. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь судебным органом второй инстанции, имело право

только на предоставление разъяснений рассматриваемых дел, касающихся мусульман, по нормам Шариата.

Литература

1. *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
2. Полный свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXI.
3. *Тихонов А. К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2008.
4. *Шершнев Е. А.* Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2012, №4(76). С. 222–224.
5. *Наганова Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 101–128.
6. ЦГИА РБ. Ф.259. Оп.3. Д.5746.
7. *Бакиева Г. Т.* Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2009, №9. С. 130–140.
8. *Бакиева Г. Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2003.
9. *Загидуллин И. К.* Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: мат. одноименного науч. семинара, посвящ.220-летию учреждения религиозного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2011. С. 3–11.
10. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.600.
11. *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIXв. Уфа: Гилем, 1999.
12. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.3. Д.6230.
13. Свод законов Российской Империи. СПб.: Деятель, 1912. Т. 14.
14. Свод законов Российской империи. СПб.: Деятель, 1912. Т. т. 2.
15. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.309.
16. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп.3. Д.10821.

17. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.130.
18. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.8. Д.871.
19. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.528.
20. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.3. Д.7594.
21. Бакиева Г. Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2010, № 1(12). С. 156–164.
22. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – XX вв.). Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986.
23. ИАОО. Ф. 3 Оп. 13. Д. 17959.
24. ГААК. Ф.164. Оп.1 Д.3-в.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Широкова Т. К., Москва (Россия)

Аннотация. В статье на основе применения проблемно ориентированного и системного подходов рассматриваются значимые проблемы ухудшения состояния нравственности современного российского общества, начиная с 1997 г. Цель исследования – определить уровень раскрытия понятий «нравственность человека», «общественная нравственность», «нравственность государства» в современной науке, образовании, законодательстве, государственном управлении, судебной системе и сформулировать на этой основе значимые перспективы развития данной проблематики. Автор обращает внимание на аргументацию зарубежных исследователей, подчеркивающих отсутствие единства ценностных ориентиров разных культур, и приходит к существенному выводу необходимости углубления научно-теоретических подходов, перехода от начального этапа дискуссий к результатам значимой интеллектуальной работы, использованию междисциплинарного подхода на стыке философии, юриспруденции, социологии, экономики, психологии и ряда других наук.

Ключевые слова: нравственность, общество, государство, человек, управление, законодательство

MORALITY AS A SIGNIFICANT DIRECTION IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SCIENCE, EDUCATION, LEGISLATION AND PUBLIC ADMINISTRATION

Shirokova T. K., Moscow (Russia)

Abstract. *The article, based on the application of the problem-oriented and systemic approaches, considers the significant problems of the deterioration of the state of the morality of the modern Russian society, starting from 1997. The purpose of the study is to determine the level of the disclosure of the concepts of the «human morality», «public morality», «morality of the state» in the modern science, education, legislation, public administration, the judiciary, and formulate on this basis the significant prospects for the development of this issue. The author draws attention to the arguments of the foreign researchers who emphasize the lack of the unity of the value orientations of the different cultures, and comes to a significant conclusion that it is necessary to deepen the scientific and theoretical approaches, move from the initial stage of the discussions to the results of the significant intellectual work, use an interdisciplinary approach at the intersection of the philosophy, jurisprudence, sociology, economics, psychology and a number of the other sciences.*

Keywords: *morality, society, state, person, management, legislation*

Современный этап развития российского общества характеризуется многими негативными явлениями, которые оказывают влияние на уровень жизни в стране, но пока, к сожалению, не могут быть урегулированы законодательством, характеризующимся не только противоречивостью, но и значимыми пробелами. К таким явлениям относятся: разрушение накопленных веками представлений о позитивных и негативных нравственных качествах человека, нежелание людей помогать друг другу; популяризация уважения к людям в зависимости от их занимаемой должности и достатка, связанного с ней; отсутствие мотивации становиться лучше; размытость смысла жизни у многих людей; криминализация системы управления и многое другое. Эти негативные изменения, составляющие одну из главных проблем развития современной России, во многом отражены в результатах социологических опросов.

В соответствии с опросами ВЦИОМ, проведенными в 2005 г. и 2007 г., большинство опрошенных (79% в 2005 г. и 61% в 2007 г.) полагают, что нравственный облик российского общества за последние 10–15 лет изменился в худшую сторону. Оценки безнравственных поступков россиянами разных возрастов довольно мало различаются, что свидетельствует об относительной однородности общественного

восприятия нравственности. К наиболее безнравственным поступкам и действиям в 2005 г. были отнесены курение, алкоголизм и наркомания (36% опрошенных). На втором месте – безразличие людей друг к другу (26%); ложь, лицемерие, подлость (25%). Третье место в рейтинге аморальных поступков занимает бытовое хамство и «матерщина» (17%). Существенно реже называют безнравственным безразличие власти к людям, коррупцию (8%), разврат, пошлость (8%), зависть, злобу (6%); агрессию, жестокость, издевательство над людьми (5%) и неуважение к старшим (5%). Кроме того, в список безнравственных поступков вошли жадность, неуважение к Родине, бескультурье, аморальное поведение, унижение, безверие, безнравственность СМИ (не более 3%). 93% респондентов считают, что забота об уровне морали и нравственности в обществе должна быть одной из важных задач правительства [1]. В ходе опроса 2007 г. были сделаны следующие выводы: за последние 10–15 лет россияне стали более циничными (полагают 54% опрошенных против 14%) и образованными (43% против 34%); но менее честными (66% против 9%), душевными (62% против 10%), доброжелательными (63% против 11%), искренними (63% против 9%), бескорыстными (67% против 8%), патриотичными (60% против 17%). Скорее ослабли и такие качества как взаимное доверие (65% против 9%), верность товарищам (49% против 12%), способность к сотрудничеству (35% против 27%), трудолюбие (43% против 30%) [4]. В то же время в ходе опроса государственных служащих России в 2012 г. главным негативным нравственным качеством было выделено «недобросовестное исполнение своих обязанностей» [2, с.110]. По результатам опросов Института социологии РАН, проведенных в 1997–2011 гг., население в России обеспокоено деморализацией государственного управления и на протяжении многих лет выражает потребность в воспитании и поддержании в обществе морально-нравственных устоев – функцию, которую государство в России отказалось выполнять [10].

Результаты опросов социологов отражают негативные процессы в морально-нравственном климате (как он назван ВЦИОМ), обеспоеченность населения этой значимой в настоящее время проблемой, но в большей степени опираются преимущественно на негласно действующие «бытовые» представления, сформировавшиеся, в основном, из обсуждений с учителями школьной программы по литературе, но не на формулировках норм права, которые просто отсутствуют.

Д.э.н., профессор Е.Е.Румянцева проанализировав состояние современных исследований и образовательных программ для

школьников в области нравственности, сформулировав нравственные законы экономики [8], пришла к выводам, что нравственность является одним из критериев оценки деятельности государства, позволяющем проводить межрегиональные и межстрановые сравнения [7], что общественная нравственность является значимым направлением в развитии современной науки и образования, и что [8] воспитание принципам нравственности целесообразно проводить со школьной скамьи не только на уроках литературы и русского языка, но в рамках изучения экономики [6]. Л. В. Скульская обращает в своей статье на целесообразность применения оценочных нравственных категорий и в отраслевом экономическом анализе [11].

В 2018 г. на VI Рождественских парламентских встречах, проходивших в Совете Федерации в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений на тему «Нравственные ценности и будущее человечества», развернулась дискуссия об ответственности за состояние общественной нравственности. Так, по мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «пока законодательство государства сохраняет фундаментальную приверженность традиционной нравственности, оно служит ограничению зла. Но если нравственное измерение из законодательства будет изгнано, то закон способен будет превратиться в опасное орудие дегуманизации общества» [3, с. 7]. Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации П. О. Толстой полагает, что нравственные ориентиры «невозможно прописать ни в каких законах» [3, с. 11]. По мнению собравшихся на Круглом столе «Роль духовно-нравственных ценностей в формировании личности в системе образования», большая роль в формировании общественной нравственности должна принадлежать современному российскому образованию. Ректор Российского университета дружбы народов, председатель Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации В. М. Филиппов считает, что «настало время обществу совместно с Министерством образования и науки обсудить подходы к разработке концепции духовно-нравственного образования, а не только духовно-нравственного воспитания» [5, с. 23]. Данные выступления свидетельствуют о необходимости углубления научно-теоретических подходов, перехода от начального этапа дискуссий к результатам значимой интеллектуальной работы.

В то же время установлено, что «бытовые» представления о нравственности отличаются по странам мира. Например, исследования, проведенные в девяти городах Турции и США, подчеркнули важность

проведения межгосударственных сравнений и проявления толерантности к разным культурам, продемонстрировав, что турецкие и американские учителя по-разному подходят к трактовке морали, приоритетов нравственного воспитания и морального развития школьников [12]. Этот же вывод подтвердили и опросы студентов из 33-х стран мира, имеющих различные ценностные нравственные ориентиры, во многом связанные с их религией [13].

Результаты проведенных в недавнее время исследований и публичных обсуждений проблем нравственности свидетельствуют об актуальности и значимости наиболее полного и одновременно конкретного раскрытия понятий «нравственность человека», «общественная нравственность», «нравственность государства» в современной науке, образовании и законодательстве, в котором нормы нравственности до сих пор никак не конкретизированы, что, по нашему мнению, является одной из причин коррупции в российской судебной системе.

Литература

1. В обществе в целом – «моральный кризис». А в кругу повседневного общения – без перемен... ВЦИОМ, Пресс-выпуск от 24 мая 2005 г. [On December 3 it is celebrated the International Day of Persons with Disabilities (In Russ.)] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3525> (accessed: 21.05.22).

2. Магомедов К. О. Проблема нравственности государственных гражданских служащих в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 8. С. 108–113.

3. Нравственные ценности и будущее человечества. VI Рождественские парламентские встречи // Вестник Совета Федерации. 2018. № 2. С. 2–19.

4. Образованных больше, честных – меньше? ВЦИОМ, Пресс-выпуск от 27 февраля 2007 г. [On December 3 it is celebrated the International Day of Persons with Disabilities (In Russ.)] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2586> (accessed: 21.05.2022).

5. Роль духовно-нравственных ценностей в формировании личности в системе образования // Вестник Совета Федерации. 2018. №2. С. 20–47.

6. Румянцева Е. Е. Нравственная экономика: учебник для развития у школьников гибкого экономического мышления и финансовой грамотности. М.: Директ-Медиа, 2022.

7. Румянцева Е. Е. Нравственность как критерий оценки деятельности государства и перспектива совершенствования законодательства // В сборнике: Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси. Материалы Международной научной конференции в трех томах. Национальная академия наук Беларуси Институт философии НАН Беларуси. 2021. С. 130–133.

8. Румянцева Е. Е. Нравственные законы экономики. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015.

9. Румянцева Е. Е. Общественная нравственность как значимое направление в развитии науки и образования // Экономика. Психология. Сервис: интеграция теории и практики. 2020. № 28. С. 31–38.

10. Седова Н. Н. Россия – общество морального транзита? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2011. № 6. С. 25–41.

11. Скульская Л. В. Мифы о сельском хозяйстве России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 155–161.

12. Le Page P., Akar H., Temli Y., Şen D., Hasser N., Ivins I. Comparing teachers' views on morality and moral education, a comparative study in Turkey and the United States, Teaching and Teacher Education. Volume 27, Issue 2, 2011. – P. 366–375.

13. Stankov L., Lee J. Nastiness, Morality and Religiosity in 33 nations, Personality and Individual Differences, Volume 99. 2016. – P. 56–66.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Щеглова Д. К., Шахова Е. В., Борисова О. В., Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Аннотация. В статье представлен анализ социально-экономического положения Псковской области. Проблемы приграничных регионов для нашей страны имеют особую актуальность. Это связано с большим количеством приграничных регионов среди субъектов Российской Федерации, протяженностью государственной границы более 60000 километров, наличием множества стран-соседей. Более, чем у половины регионов, одна из границ совпадает с межгосударственной. В условиях глобализации

появляется возможность активизировать трансграничное сотрудничество также и для улучшения социально-экономического развития региона. Однако в сложившихся непростых отношениях нашей страны с некоторыми другими странами, приграничные регионы становятся заложниками этих отношений и на себе испытывают сдерживающие факторы развития экономического и социального характера. В 2020 году научным коллективом Алтайского государственного университета было реализовано исследование, в рамках которого проводился анализ социально-экономического положения Псковской области, отобранного в соответствии с целями социологического исследования. Целью является анализ социально-экономического развития данного приграничного региона. Оценка состояния региона позволяет выявить слабые и сильные стороны выбранного субъекта для осуществления эффективной региональной политики. Ключевыми факторами, сдерживающими развитие региона, являются слабо диверсифицированная экономика, низкий уровень инвестиционной привлекательности, отсутствие прибыльных видов полезных ископаемых, сокращение численности населения, низкая заработная плата. В статье отражены значимые характеристики Псковской области, позволяющие сделать выводы о социально-экономическом развитии региона, основных проблемах. Результаты исследования подтверждают сложившиеся представления о приграничных регионах, как об отстающих в социально-экономическом развитии. С другой стороны, именно их приграничное географическое положение может стать дополнительным ресурсом развития региона. Хотя исследованию социально-экономического положения приграничных регионов России посвящено значительное количество работ, представленные результаты исследования позволяют детально проанализировать отдельно взятый субъект – Псковскую область.

Ключевые слова: регион, приграничный регион, социально-экономическое развитие, региональная политика, Россия

SPECIFICS OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF A BORDER REGION

Scheglova D. K., Shahova E. V., Borisova O. V., Barnaul (Russia)

Abstract. *The paper presents an analysis of the socio-economic situation of the Pskov Region. The issues of the border regions are of particular relevance for Russia. This factor is due to the substantial number of border regions among the constituent entities of the Russian Federation, the length of the state border of more than 60,000 kilometers, and many neighboring countries. More than half of the regions have one of the borders that coincide with the cross-border one. In the context of globalization, one can intensify cross-border cooperation to improve the socio-economic development of the*

region. However, in the current complex relations between Russia and some other countries, the border regions are becoming “hostages” of these relations and are experiencing economic and social development constraints. In 2020, the research team of the Altai State University implemented research within the framework of which an analysis of the socio-economic situation of the Pskov region was carried out, selected in accordance with the sociological research goals. The research goal is to analyze the socio-economic development of the Pskov Region. The region state assessment makes it possible to identify the weaknesses and strengths of the selected constituent entity to implement an effective regional policy. The critical factors hindering the development of the region are a (1) poorly diversified economy, (2) low level of investment attractiveness, (3) lack of profitable types of natural resources, (4) reduction in the population, and (5) low wages. The research reflects the significant characteristics of the Pskov Region, which allow the authors to conclude on the socio-economic development of the region and its primary issues. The research results confirm the existing ideas that consider the border regions lagging behind in socio-economic development. However, their border geographical position can become an additional resource for the development of the region. Although many works have been devoted to studying the socio-economic situation of Russian border regions, the presented research results allow the authors to analyze in detail one constituent entity – the Pskov Region.

Keywords: *region, border region, socio-economic development, regional policy, Russia*

Introduction. According to the definition of the Cross-Border Cooperation Concept in the Russian Federation, the border region includes the territories of the border constituent entities of the Russian Federation, municipalities of the border constituent entities of the Russian Federation, and other territories of the Russian Federation defined by international treaties of the Russian Federation [13]. The importance of such territories for the country consists in their role in strengthening transnational ties, establishing a constructive dialog between the subjects of cross-border cooperation of Russia and the constituent entities of cross-border cooperation of neighboring countries. Such interaction between the countries aims at strengthening friendly relations with neighboring countries, strengthening national security, and mutually beneficial cooperation. Nonetheless, most border regions lag behind in socio-economic development from the central regions.

Analyzing the socio-economic differences between Russian regions, O. V. Tolstoguzov identifies the center (there may be more than one in one country; the region that makes decisions concerning the entire country or a

macroregion), core regions (regions with a high level of socio-economic development), and provincial regions [21].

The remoteness of the border regions negatively affects the state of their economies. These regions are among the most low-income Russian regions. There is a high proportion of people with incomes below the subsistence minimum. As a result, there is a stable natural decline in population – an outflow of working-age people. Currently, the belt of border regions represents a structural barrier that prevents Russia from penetrating the global economy [4].

The assessment of the socio-economic development of the region is of substantial interest to scientists. Many works on analyzing the specifics of border regions, their primary issues, and ways to solve them have been published. S. V. Kupriyanov and A. S. Troshin note natural and climatic conditions, geographical location, national and cultural differences, and confessional peculiarities as the primary reasons for the unfavorable socio-economic situation of border regions [9]. One should create unique support and development programs for such regions. On the one hand, strategic objects of the military-industrial complex that ensure national security should not be located on these territories. On the other hand, it is necessary to place objects that allow one to conduct defensive and offensive operations [9].

Currently, scientific sources contain many typologies of border regions. They make it possible to identify their qualitative differences. A typology that differentiates regions by the connections between border regions located on both sides of the border has become very popular. Its authors distinguish the following border regions: remote, coexisting, interdependent, and integrated [22].

Studying the issues of border regions and the relations of the center and the province, J. Friedmann formulates a specific theory of economic relationships between central and border regions. Friedmann identifies four types of economic areas, which are the following:

- Core regions;

- Growing regions (neighbors of the core regions);

- Regions of new development;

- Depressed regions [6].

Paying particular attention to the influence of geographical location on the level and pace of socio-economic development, V. S. Korneevets distinguishes two groups of border regions – “land border” and “sea border” [8].

Russian researchers propose to divide the border regions according to the following characteristics: geographical location, the origin of neighboring

countries, concerning various political wings, by the variety of industry specialization, by the industry structure of the economy, by the level of participation in financially supported international programs and projects, and by innovation attractiveness and receptivity [15].

Another approach to allocating border zones is the division depending on the countries with which they border. In accordance with this factor, the following border zones are distinguished: European, Ukrainian-Belarusian, Caucasian, East Siberian, Far Eastern, and Kazakh [1]. Most regions belonging to the European border zone possess a high level of socio-economic development. However, the Pskov Region, which belongs to this zone, has low indicators of economic development, which may indicate an irrational use of the regional resources and inefficient regional policy. Therefore, the authors conduct a detailed analysis of the socio-economic situation of the Pskov Region in order to identify the primary problematic areas of this region [17].

Methodology. The research is to analyze the specifics of the socio-economic situation of the Pskov Region. The authors identify the following tasks: characterizing the socio-economic situation of the region, identifying the strengths and weaknesses of the development of the constituent entity, and considering some possible measures to improve the level of socio-economic development of the region. The complex research methodology is based on the data of the “Social Atlas of Russian Regions,” developed in 2003 by scientists of the Independent Institute for Social Policy. It includes the classification of indicators for analyzing the socio-economic situation in the constituent entities of the Russian Federation used in compiling the “Ranking of the socio-economic situation of the constituent entities of the Russian Federation” [12]. The assessment of the regions has been carried out according to such groups of indicators as the (1) scale of the economy, (2) economic efficiency, (3) public sector, (4) social sphere, and (5) demography and ethnic composition of the population. Each of these groups of indicators characterizes different aspects of the socio-economic situation in the regions of the Russian Federation [7].

The data of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Pskov Region and the Federal State Statistics Service for 2020 are used for the analysis.

Results and Discussion. The Pskov Region is part of the North-Western Federal District, bordering the Leningrad, Novgorod, Tver, Smolensk Regions,

Belarus, Latvia, and Estonia. Pskov is the capital of the region. According to the Ranking of the socio-economic situation of the constituent entities of the Russian Federation at the end of 2020, the Pskov region ranks 68th (National Rating Agency, nd). The region consistently demonstrates low positions in this ranking. Over the past five years, according to the National Rating Agency, the Pskov Region has not ranked higher than 68th in terms of socio-economic development (2015 – 74th place, 2016 – 76th place, 2017 – 73rd place, 2018 – 71st place, 2019 – 72nd place)[12].

The foundation of the Pskov Region begins in the 10th century with the foundation of the city of Pskov. The rich legacy is a significant characteristic of the region. The Pskov Region is one of the least populated Russian regions. According to the 2020 data, 626.1 thousand people live in the region, including urban population – 443.8 thousand people (70.9%) and rural population – 182.4 thousand people (29.1%). The most populated cities are Pskov and Velikiye Luki, where more than 80% of the total urban population of the region lives [20]. The Pskov Region is one of the leading regions in terms of the number of rural settlements. Many sparsely populated rural settlements are associated with geographical conditions – small areas of terrain suitable for living and farming alternate with more vast territories occupied by swamps, lakes, forests, and hills. However, currently, the primary reasons for the negative dynamics of the development of rural settlements are the socio-economic disadvantage of the region and demographic issues [2].

The Pskov Region is one of the most demographically disadvantaged regions. From a socio-economic standpoint, the region is not attractive for migrants. Therefore, the region is most often used as a transit region with subsequent resettlement to more prosperous regions (for example, the Leningrad Region). Like most border regions, the Pskov Region has a natural population decline [20]. Such a situation in the region may also be associated with the prolongation of the demographic pitfall effect and the consequences of the pandemic (restrictions on the influx of migrants, increased mortality, and a decline in birth rate) [12].

The region has maintained low birth rates and high mortality rates for many years. In 2019, the birth rate in the region was 8.5 ppm (the average Russian indicator was 10.1 ppm), and the mortality rate was 17 ppm (the average Russian indicator was 12.3 ppm).

As of January 1, 2019, the number of persons under the working age (up to 16 years) was 105,117 people (16.7%) in the region, 333,920 people (53.0%) were non-disabled (men of 16–59 years, women of 16–54 years), 190,614 people (30.3%) are older than the working age. The infant mortality rate was almost equal to the all-Russian value – 5.2 ppm (in the Russian

Federation – 5.5 ppm). In terms of life expectancy – 69.2 years – the region lags behind both the average for the North-Western Federal District (72.2 years) and the average Russian value (73.4 years) [20].

The ethnic composition of the Pskov Region is diverse. The majority of the population of the region are Russians – 95%, Ukrainians – 1.33 %, Belarusians – 1.04%, Romani people – 0.5 %, Armenians – 0.37 %, Azerbaijanis – 0.2%, Tatars – 0.2%, other nationalities – 1.36% [7].

The geographical location of the Pskov Region, bordering Estonia, Latvia, and Belarus, largely determines the features of its socio-economic development and investment attractiveness. According to the investment attractiveness rating, the Pskov Region ranks 65th [12].

Many industries represent the economic structure of the Pskov Region. However, the manufacturing industry (metalworking, woodworking, food processing, etc.) prevails. In general, the industry of the Pskov Region has approximately 160 large and medium-sized enterprises. Recently, there has been a steady increase in the industrial production index [7].

The region experiences immense work in support of cluster initiatives. In 2016, an Industrial Electrotechnical Cluster was created in Velikiye Luki, including several enterprises, the largest of which is Plant of Electrotechnical Equipment CJSC, where high- and low-voltage equipment for the electric power industry, the oil and gas industry, the metro, and agriculture was developed and manufactured. It is essential that the opening of such an enterprise allows the region to provide jobs for more than 5,000 people. Another significant and significant project for the economy in the region is the Moglino project, which has been implemented since 2013. The presence of this special economic zone increases the level of investment attractiveness of the region, as it allows one to implement projects with various types of tax benefits and customs preferences. Currently, 15 residents are registered in the Moglino SEZ, including European countries [14].

Tourism in the Pskov Region is actively developing. Annually, more than 400 thousand tourists come to the region. They are attracted by many historical and architectural monuments, annual theatrical, literary, ethno-cultural festivals, and international military-historical festivals of reconstructions. Tourist routes that include neighboring regions and the Baltic states are prevalent. The historical past of the capital of the region is of particular interest for international tourists, whose share is approximately 10% of the total flow.

The employment rate of the population of the region is 59%, which is at the level of the all-Russian indicator (59.7%). The unemployment rate of 5.2% was recorded in 2019 (the average Russian indicator was 4.6%).

Simultaneously, the unemployment situation in the region is one of the most favorable in the North-Western Federal District [20].

The region has a low level of wages (compared to the national average) and a high level of poverty. On average, the average nominal salary accrued to employees of organizations in Russia is 43,724 rubles. It is 36,447 rubles in the Pskov Region (Federal State Statistics Service, 2020). It is the lowest indicator in the Northwestern Federal District. In the Pskov Region, the share of the population with monetary incomes below the subsistence minimum is high – 16.2% against 12.3% on average in Russia [20].

In the structure of general morbidity, the first three ranked places are occupied by diseases of the respiratory, genitourinary, and musculoskeletal systems. The region has a high rate of availability of hospital beds – 84.6 per 10,000 population (the average Russian level is 88.1 per 10,000 population). The level of preschool education coverage in the region is relatively high and amounts to 70.8 % [20].

There are several prominent higher education institutions in the region. In terms of the number of higher education students per 10,000 population, the Pskov Region demonstrates low indicators (181 per 10,000 population against 248 per 10,000 population on average in Russia) [20].

The Pskov Region demonstrates a favorable situation concerning the housing supply of the population, which is 31.7 square meters per person, which is higher than the average in Russia (in the Russian Federation – 25.8 square meters per person). The share of the dilapidated housing stock is lower than the national average – 0.3 % (0.7% for the country) (Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Pskov Region, 2020). This indicator is particularly essential for assessing the stability of society and the social protection of the population, as it affects not only the demographic situation in the region but also the mobility of the population [18].

Studying the specifics of border regions reveals that the grouping of subjects can take place on various grounds and the use of different criteria for grouping. The region typologization allows the authors to study each subject in more detail and make a “map of issues” to effectively combat the high level of interregional differentiation in the future.). As P. V. Druzhinin notes, the economy of Russian border regions possesses an immense potential for more successful development. However, unstable and unpredictable federal policy and underestimation of the benefits of interaction with the former Soviet republics-neighbors negatively affect the economy of the border regions [3]. The scholar believes that the potential of Russian border regions is not fully actualized. Active work is required concerning the development of these territories [3].

Regions in which the processing industry is the basis of the economy (for example, in the Pskov region) have a more complex situation due to the lack of competitiveness of processing industries. Such regions demand substantial investments [11].

According to A. K. Mamedov, the Pskov Region is a depressed region. Transformational changes in the socio-economic structure of the region – as well as in agriculture – have negatively affected the development of the region. A significant outflow of the rural population, the collapse of prominent agricultural enterprises are the essential factors in the decline of the agricultural sector of the economy of the Pskov Region. One can improve the current situation in the region, for example, by creating favorable organizational and economic conditions for the self-employed population and supporting entrepreneurship in the agricultural sector [10].

Demographic issues are among the sensitive issues of border regions. A significant outflow of the population, a decline in the birth rate, and a high mortality rate characterize the current demographic situation in the Pskov region. For many years, there has been a natural decline in the population in the region. The migration flow does not provide the necessary increase. The younger generation migrates to more prosperous regions in search of a better life. This situation is especially urgent in rural areas, where most people of older age groups currently live.

Despite the favorable location, a competent transport and logistics infrastructure has not been formed in the Pskov Region, and the border areas of the region are not developed. Approximately 30% of goods and cargo for the entire North-West of the country pass through the region. Nevertheless, there are no production facilities for processing the transported goods. It implies significant financial losses for the region, uncreated jobs, and a generally missed opportunity for developing the Pskov Region [16].

To solve the critical issues of the region, Pernikov S. G. and Mikheev A. S. propose to take the following measures:

- Strengthening the economic advantages of the region by creating special economic zones, which will increase the concentration of business in the border area and reduce the outflow of the able-bodied population;

- Creating the processing industries and a transport and logistics structure in the border areas of the region;

- Implementing an active migration policy [16].

These factors are only a small part of what will significantly utilize the potential of the Pskov Region, transforming it from a depressed and economically disadvantaged region into a region with a high level of socio-economic development and investment attractiveness.

Conclusions. The socio-economic situation of the Pskov Region is typical for most of the border regions of Russia. This situation in the region does not provide a clear advantage in its development. On the contrary, it is an obstacle. It is evident that the potential opportunities of the Pskov Region are poorly utilized. There is a lag in development from the majority of the constituent entities of the Russian Federation. According to the obtained socio-economic characteristics of the Pskov Region, the region possesses a low level of economic development.

Analyzing the socio-economic development of the Pskov Region, one can identify the strengths and weaknesses of this region. The strengths include a (1) favorable neighborhood with the Baltic States and Western Europe, (2) relatively favorable climatic conditions that provide the development of the agricultural sector, (3) sufficient water reserves, (4) sufficient forest and land resources, (5) developed transport network, and (6) the availability of recreational resources that provide the development of tourism. Among the weaknesses of the region, one can note a low indicator of the volume of GRP per capita, low investment attractiveness, high level of poverty, and the outflow of the working-age population [19].

Therefore, one should adjust the regional policy for the border regions in such a way as to stimulate the socio-economic development of these territories and increase the investment attractiveness and the standard of living of the population.

References

1. *Badarch Kh. B., Dabiev D. F.* Typological analysis of Russian border regions by the level of socio-economic development (on the example of the Tyva Republic). *Issues of Forecasting*. 2012. No. 2. P. 89-100.
2. *Borisova O. V.* Some features of socio-economic development of the Asian border regions of Russia. *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*. 2019. No. 2. P. 12-25.
3. *Druzhinin P. V.* Development of border regions: The impact of external shocks. 2016. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/Perspekt2016.pdf>
4. *Druzhinin P. V.* Features of development of the near-border regions. In: Savelyev, Yu.V., & Tolstoguzov, O.V. (eds). *Features of Social and Economic Development and Modernization of the Border Region*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2017. pp. 134-175.
5. Federal State Statistics Service (2020). Official website. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

6. *Friedmann J.* Urban and Regional Advisory Program in Chile. Santiago: The Ford Foundation, 1967.
7. Independent Institute for Social Policy (2003). Social atlas of Russian regions. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml
8. *Korneevets V. S.* (2010). Classification of Russian border regions. *Regional Studies*. 2010. No. 1(30). P. 48–53.
9. *Kupriyanov S. V., Troshin A. S.* Demand for a comprehensive study of the development of border territories. 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/225002893.pdf>
10. *Mamedov A. K.* Modern agrarian structure and development tendencies of the depression region. *Journal of the Orenburg State Agrarian University*. 2013. No. 1. P. 177–180.
11. *Moroshkina M. V.* Border situation as a factor of investment activity in the regions of Russia and Finland. *The North and the Market: The Formation of an Economic Order*. 2017. No. 3(54). P. 5–14.
12. National Rating Agency (nd). Official website. URL: <http://www.ra-national.ru>
13. Order No 2577-p. “Cross-Border Cooperation Concept of the Russian Federation” of the Russian Federation (2020, November 7). Retrieved from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793/>
14. Order No 670-p. “Strategy of socio-economic development of the Pskov Region until 2035” of the Pskov Region (2020, December 10). Retrieved from https://www.economy.gov.ru/material/file/5754fadce505fe4be46977d6a2450826/proekt_Psk_obl.pdf
15. *Okuneva A. V., Yakovenko G. V., Ryabov D. V., Yakovenko A. G.* Typological characteristics of frontier regions of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)*. 2012. No. 2(14), P. 248–251.
16. *Pernikov S. G., Mikhhev A. S.* The Influence of the Border Situation of the Pskov Region on Its Socio-Economic Development. Pskov: Pskov State University, 2013.
17. RIA Rating. Official website. 2020. URL: <http://www.ria.ru/research/>
18. *Shakhova E. V., Shcheglova D. K.* Study of return migration processes in the border regions of the Russian Federation. *Society and Security Insights*. 2021. No. 1. P. 40–48.

19. *Sintsov K. V.* The concept of socio-economic development of the Pskov Region. Regional Economics: Theory and Practice. 2007. No. 5(44). P. 113-116.
20. Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Pskov Region (2020). Official website. URL: <https://pskovstat.gks.ru/>
21. *Tolstoguzov O V.* The Strategy of the Provincial Development of the Region in the Conditions of Limited Information: Methodology, Theory, Practice. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences., 2010.
22. *Van der Velde B., Martin R.* So many regions, so many borders. A behavioral approach in the analysis of border effects, 1997. URL: <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/139446/139446.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ КАК МЕТОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Эралиева Ы. С., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. В профессиональном воспитании будущих специалистов используется много интерактивных методов. Об одном из них – имитационной игре как методе профессионального воспитания на примере занятий практического курса русского языка в студенческих группах управленческого профиля – рассказывается в данной статье. Имитационный метод помогает будущим специалистам оттачивать профессиональные навыки, стать востребованными и компетентными специалистами в выбранной профессии.

Ключевые слова: метод, профессия, игра, имитация, специалист, навык, воспитание, компетенция, учебная деятельность, прогресс, роль

IMITATION GAMES AS A METHOD OF PROFESSIONAL EDUCATION

Erlaliyeva Y. S., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. Many interactive methods are used in professional education of future specialists. One of them - an imitation game as a method of professional education on the example of lessons of practical Russian language in student groups management profile - is described in this article. The imitation method enables future professionals to perfect their professional skills, to become popular and competent professionals in the chosen profession.

Keywords: method, profession, game, imitation, specialist, skill, education, competence, educational activity, progress, role

Растущий объем информации, новые требования подготовки компетентных специалистов, реалии быстроменяющегося мира, быстрый темп научно-технического прогресса диктуют внедрение и использование новых подходов в решении образовательных, воспитательных задач. Современная методика нацелена на подготовку специалистов нового «времени», нового «общества», где требуются не только выполнение алгоритма задач в точности и безупречно, но и умение самостоятельно решить возникшие трудности в рабочем процессе, усовершенствовать средства и орудия труда, анализировать и подводить итог. Далее профессиональные навыки зависят от характера специальности и имеют целый ряд требований и особенностей. В реализации целей и задач обучения и подготовки специалистов различных областей современная методика активно вооружается интерактивными методами, которые более демократичны и продуктивны в сравнении с традиционными методами.

В современной высшей школе в подготовке специалистов используются такие интерактивные методы как лекция-диалог (бинарная), вебинар, урок-конференция или видеоконференция, урок-концерт, брифинг, дискуссия, деловая игра, диспут, интервью, имитационная игра, кейс-метод, урок-конкурс, мозговой штурм, спарринг-партнерство, перевернутый класс и т.д. Популярны комбинированные занятия, где сочетаются несколько интерактивных методов, раскрывающих методическую компетенцию преподавателя. Из вышеуказанных методов мы попытаемся подробно раскрыть имитационную игру как один из продуктивных методов в подготовке специалистов, умеющих прагматично и рационально решать профессиональные задачи.

Нам с детства знакома ролевая игра (разыгрывание сценки с заранее распределенными ролями в интересах овладения определенной поведенческой или эмоциональной стороной жизненных ситуаций [2, с. 634]), имитирующая какую-то жизненную ситуацию и раскрывающая взаимодействие людей в разных ситуациях. Природой заложено, что девочки повторяют образ мамы. Девочки, играя с куклами, мягкими игрушками исполняют роль мамы и бабушки: воспитывают детей, убирают дом или готовят еду. Мальчики повторяют отцов: защищают родину от врагов, водят машину, скачут на конях, ловят рыб и т.д. Эти ролевые игры скопированы со старших членов общества и спроецированы в их маленький детский мир. Всем известно, что «играть роль – действовать как кто-нибудь, вести себя каким-нибудь образом» [2, с. 634]. В данном случае дети играют роль

взрослых и показывают их действия и характеры, отраженные в детском мировоззрении. То есть, их игры основаны на жизненном опыте, пусть и маленьком. Здесь важен положительный пример поведения взрослых и воспитательный контекст всех действий, которые совершают дети во время ролевых имитационных игр. Опыт детей разыгрывать увиденные знакомые ситуации успешно используется в учебной деятельности как метод адаптации к реалиям и как метод профессиональной подготовки.

На занятиях практического курса русского языка в рамках профессионально-ориентированного обучения языковая компетенция тесно связана с профессиональной. А. Н. Шукин в статье «Компетенция и компетентность в преподавании русского языка как иностранного» выделяет следующие ее структурные компоненты:

1) готовность участвовать в общении адекватно возникающей ситуации;

2) способность управлять процессом общения в соответствии с условиями общения;

3) понимание значимости условий, предмета и содержания высказывания, что определяет включение человека в общение;

4) владение единицами языка и способами оформления высказывания в соответствии с существующими нормами [3, с. 111].

Указанные компоненты можно использовать в действиях, имитировать какую-то определенную ситуацию, где студентам удастся показать и профессиональные, и языковые компетенции. А что такое «имитировать»? Это – «воспроизводить с возможной точностью, подражать кому-нибудь» [2, с. 228]. Т.е. на занятиях имитируется деятельность какой-либо организации, предприятия или его подразделения. Имитироваться могут события, конкретная деятельность людей (деловое совещание, обсуждение плана) и обстановка, условия, в которых происходит событие или осуществляется деятельность (кабинет начальника цеха, зал заседаний). Сценарий имитационной игры, кроме сюжета события, содержит описание структуры и назначения имитируемых процессов и объектов. В этих играх отрабатывается тактика поведения, действий, выполнение функций и обязанностей конкретного лица. Для проведения игр с исполнением роли разрабатывается модель-пьеса ситуации, между студентами распределяются роли с «обязательным содержанием», характеризующиеся различными интересами; в процессе их взаимодействия должно быть найдено компромиссное решение. В основе разыгрывания ролей всегда лежит конфликтная

ситуация. Студенты, не получившие роли, наблюдают за ходом игры и участвуют в ее заключительном анализе [4].

Например, возьмем имитационную игру в студенческих группах факультета государственного и муниципального управления. На занятиях практического курса русского языка студентам предлагаются ситуации на разные темы: «Предвыборная компания», «Обсуждение новой статьи закона», «Встреча с избирателями», «Встреча главы айыл окмоту с жителями села» и т.д. Совместно со студентами составляется сценарий, распределяются роли и начинается подготовка к разыгрыванию ситуации. В имитационной игре на тему «Предвыборная компания» студенты делятся на несколько малых групп и представляют разные политические партии. Тут задача облегчается тем, что на политический арене Кыргызстана сосуществуют много партий, активно участвующих в выборах гонках. И эта политическая палитра послужит для студентов опорно-примерной ареной для представления своей партии. Студенты, которые профессионально изучают политологию, уверенно ориентируются в выборе и назначении «политических» ролей в имитационных играх, связанных с их профессией. Итак, в игре «Предвыборная компания» выбирается политическая партия, назначается лидер партии, составляется устав и программа партии. Например, политическая партия «Молодые силы» представляет своего лидера Азамата Конокбаева. Он свою речь начинает с обращения «Уважаемы кыргызстанцы!» или «Уважаемые соотечественники!». Далее озвучивается программа партии, в которой освещены уверенность в светлом будущем страны, прорыв в экономике, здравоохранении, образовании, внешней политике, решение приграничных проблем, борьба с коррупцией. Немаловажную роль играет умение убедить электорат в истинности намерений партии, гарантированности осуществления намеченных планов и т.д. Были на практике и такие роли, где студенты представляли реальных политиков Кыргызстана в разные периоды. Во время подготовки имитационной игры преподавателем дается информация о значимости речевого этикета, приемах публичного выступления, ораторском искусстве. Значимую роль играет и терминологическая культура студентов в процессе выступлений как участников действия. Терминологическая культура идет в унисон с языковой культурой и с профессионализмом – «три кита» портрета специалиста управленческого профиля, умеющего ориентироваться в быстроменяющейся конъюнктуре современного общества [1, с. 292]. Во время имитационных игр в речи студентов должны быть слова-

профессионализмы, термины из определенной области. В речи студентов факультета государственного управления прозвучат такие термины как «политика», «партия», «программа», «электорат», «выборы», «правительство», «экономика», «стабильность», «прогресс» и др. Естественно, значение данных терминов студентам известно, они хорошо ими владеют и грамотно используют. Во время имитационной игры речь «лидера» политической партии слушает «народ» – студенты. Они задают вопросы, находят ошибки в речи выступающего и ошибки в программе. Лидер партии отвечает на вопросы, старается показать компетентность и умение владеть ситуацией.

Или: в имитационной игре «Встреча главы айыл окмоту с жителями села» один студент выступает в роли главы, например, Джаны-Пахтинского айыл окмоту. На встречу с жителями села вместе с главой айыл окмоту пришли ответственный секретарь айыл окмоту и староста села. Вместе обсуждают проблему дефицита поливной воды в весенне-летний период. Здесь студенты опираются на реальные проблемы по орошению поливных земель в их собственных селах или на информацию, полученную в СМИ. Конечно, во время подготовки имитируемой сценки студенты собирают информацию, могут взять интервью у специалистов. В данной имитационной игре используются соответствующие термины: «сезон», «вода», «проблема», «программа», «объем», «кубометр», «график», «дефицит», «решение», «договор», «полив», «урожай» и т.д.

Важное значение в подготовке имитационных игр студентов имеют творческий подход и организаторские способности преподавателя (тренера, коуча). От его посыла, инициативы, компетентности зависят действия студентов. И, следовательно, занятия превращаются в площадку профессиональной закалки и раскрытия творческого потенциала будущих специалистов.

Любая имитационная игра заканчивается позитивным финалом (так сказать, классика жанра), устраивающим всех участников действия. Данный вид интерактивного метода играет значимую роль в профессиональном воспитании будущих управленцев. Именно в подобных ролевых играх и ситуациях, приближенных к реальным у студентов, появляется некий «иммунитет» к профессиональным неудачам, неуверенности, боязни публичных выступлений. К помощи приходят и другие методы, приемы, которые учат правильно строить текст, правильно произносить речь, преодолевать внутренние страхи, поднять самооценку, научиться критически мыслить, уметь анализировать объективно, научиться слушать, адекватно принимать критику, вести себя корректно и тактично.

Метод имитационной игры носит комплексный характер, так как показывает профессиональную, языковую, терминологическую, морально-этическую и творческую составляющую портрета специалиста будущего, отвечающего всем требованиям современного цифрового, поликультурного общества глобального мира. Данный метод рекомендуется как один из эффективных методов подготовки специалистов управленческого профиля с высокими профессиональными качествами.

Литература

1. Актуальные проблемы преподавания и изучения языков: Сборник статей «Dil öğretimi ve öğreniminde güncel sorunlar» uluslararası bilimsel konferans bildirisi kitabı / Под общ. ред. Н. А. Ахметовой. Б.: Кырг. нац. ун-та им. Ж.Баласагына, 2021.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2013.
3. Современные технологии в преподавании русского языка: К 60-летию кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета: Материалы международной научно-практической конференции (2–3 октября 2020 года) / Отв. ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко; сост. и ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко, О. Н. Левушкина, О. Е. Дроздова, А. Ю. Устинов. Москва: МПГУ, 2020. 548 с.
4. Интерактивные методы, формы и средства обучения: Методические рекомендации (методические рекомендации). Ростов-на-Дону. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rostov.rpa-mu.ru/Media/rostov/Svedenia_ob_OO/Obrazovanie/metodicheskie_rekomendacii/interaktiv.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ «МОИ СТРАННЫЕ МЫСЛИ» ОРХАНА ПАМУКА

Эралиева Ы. С., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. В данной статье анализируется «образ маленького человека» в романе Орхана Памука, который раскрыл образ своего героя на фоне экономических преобразований Турции во второй половине XX века. Тема «маленького человека» была поднята и ранее в произведениях ярких представителей мировой литературы. Но герой Орхана Памука отличается от них тем, что сознательно закрылся в своем «маленьком» мирке, где нет места никому, даже любящим его близким людям. Орхан Памук написал прекрасную словесную картину предельно честного и простодушного Мевлют Караташа, оставшегося безучастным к резким скачкам быстроменяющегося окружающего мира и не влившегося в бурный поток «материализованного» сознания современного человека.

Ключевые слова: образ, герой, тема, сострадание, несправедливость, труд, люди, общество, мысли, одиночество

THE IMAGE OF THE «LITTLE MAN» IN THE NOVEL «MY STRANGE THOUGHTS» BY ORHAN PAMUK

Erlaliyeva Y. S., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. This article analyzes the «image of the little man» in the novel Orhan Pamuk, who revealed the image of his hero against the background of the economic transformations of Turkey in the second half of the twentieth century. The topic of «small person» was raised earlier in the works of bright representatives of world literature. But the hero of Orhan Pamuk differs from them in that he consciously closed in his «small» world, where there is no place for anyone, even loving his loved ones. Orhan Pamuk wrote a beautiful verbal picture of the most honest and simple Mewlit Karatash, who remained indifferent to the abrupt leaps of the fast-changing world and did not join the stormy flow of the «materialized» consciousness of modern man.

Keywords: image, hero, theme, compassion, injustice, work, people, society, thoughts, loneliness

*Человечество слепо и глухо к тем, на чью голову пал позор;
тот, кто унижен и беззащитен, остается одиноким
и не может рассчитывать на милосердие
Генри Райдер Хаггард*

В мировой литературе особым пластом рассматривается тема «маленького человека», которая обозначает «довольно разнородных героев, объединенных тем, что они занимают одно из низших мест

социальной иерархии, и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение»[3, с. 249]. Эта тема нашла отражение в произведениях таких зарубежных мастеров пера как Дж. Джойс, А. Камю, Ф. Кафка, Э. Золя, А. Доде, Я. Гашек, Г. Эльснер, П. Зюскинд, Ф.-С. Хосе и многих других.

Традиционная для русской литературы тема «маленького человека» была поднята еще Н. Карамзиным в повести «Бедная Лиза», где автор обратил внимание читателей на трагическую судьбу и душевные страдания простой крестьянки. Повесть сумела вызвать чувство сострадания к несправедливо униженной и обманутой жертве дворянина Эраста. Дальше трактовка темы «маленького человека» была продолжена А. Пушкиным в повести «Станционный смотритель». У Самсона Вырина была одна отрада – дочь Дуня, обманным путем увезенная ротмистром Минским. Вырин отправляется в поисках дочери в Петербург, но Минский выпроводил на улицу бедного старика, не дав возможности увидеться с Дуней. Некому защищать смотрителя Вырина от произвола Минского. Герой Пушкина – «маленький человек» в несправедливом обществе – Самсон Вырин стал обобщением бесправия, угнетенности и страдания в русской литературе XIX века. Раскрытие образа «маленького человека» продолжилось в повести «Шинель» Н. Гоголя. Титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачников стал жертвой бездуховного общества, морально унижающего беззащитного и бедного человека. Промерзший телом в старом изношенном капоте и уставшей душой от безразличия, от нищеты Башмачкин умирает в одиночестве.

К образу «маленького человека» обратился А. Чехов в рассказах «Смерть чиновника», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Толстый и тонкий». Антон Чехов поднимает тему маленького человека с раболопским сознанием, который сам себя унижает перед лицом высших чинов.

Дед Момун из «Белого парохода» Ч. Айтматова не смог защитить и себя и маленького внука от самодурства и жестокости Ороскула. Зло взяло верх над добром, оно обмануло услужливого и доброго Момуна, заставив убить оленя – Бугу Эне.

Эту галерею художественных портретов «маленьких людей» продолжает роман «Мои странные мысли» турецкого писателя Орхана Памука. Роман начинается весьма оригинально – с родословного древа братьев Хасана Акташа и Мустафы Караташа, где указаны их дети и внуки. Орхан Памук разделил роман на семь частей с указанием даты событий, тем самым дал временную карту истории жизни героев произведения. Повествование жизни и внутренних переживаний

главного героя Мевлюта сопровождается комментариями других персонажей, каждый из них дополняет или высказывает свою точку зрения тем или иным событиям, описанным в произведении. Это тоже оригинальный подход в раскрытии темы. Напоминает reality show перед телевизионной аудиторией, только без главного героя.

Главным героем романа является торговец бузой и йогуртом Мевлют Караташ – сын Мустафы и Атийе Караташей. Автор романа неспешно рассказывает историю простой турецкой семьи, которая пропустила через себя все преобразования в обществе, все трудности добывания хлеба «насущенного», потери, обман и любовь.

Мевлют Караташ приехал в Стамбул из деревни Дженнет-Пынар провинции Конья вместе с отцом, который приехал на заработки. В конце лета перед приездом в Стамбул Мустафа-эфенди вместе с сыном спилил кривую и длинную ветку старого дуба, опалил все сучки и подсушил будущий шест для разноса корзин с бузой (бозо или буза – род домашнего алкогольного напитка [6, с. 138], варят из проса или из кукурузы) и йогуртом. «Он получится прочный как камень, и мягкий, как бархат. Ну-ка, посмотрим, как он у тебя на плечах?» [5, с. 53] – сказал Мустафа сыну. Положив шест на плечи, Мевлют с дрожью ощутил тепло и твердость шеста – своего рабочего орудия, с которым будет добывать свой «несладкий» хлеб. Довольно скоро он выучился сохранять равновесие, навесив на оба конца корзины с бузой. В течении двадцати пяти лет Мевлют чувствовал тяжесть корзин с двух концов шеста, но эта тяжесть была своя – он привык к ней. Отец учил его всем тонкостям продажи бузы и йогурта, учил быть всегда опрятным и чистым, быть вежливым с клиентами. Первую половину дня Мевлют учился в мужском лицее имени Ататюрка, после полудня дотемна помогал отцу продавать бузу. По улицам ночного Стамбула отец кричал «Йогурт! Кому йогурт!» или громко и протяжно «Буза!», чуть нагибаясь под тяжестью дубового шеста и корзин. Мустафа-эфенди в Стамбуле ничего не добился от торговли бузой, но все еще надеялся, что разбогатеет и будет жить в новом доме вместе с семьей, которая осталось в далекой деревне. Он стал сердитым и сварливым, часто ссорился с братом. По прежнему жил в гендже – конду (лачуге), тогда как его брат уже жил в трехкомнатном чистом и уютном доме. Мустафа-эфенди завидовал брату Хасану, сумевшему даже открыть бакалейную лавку. Мевлюту было жалко отца, но ему этого не говорил. Отец научил его торговле бузой, надеясь, что хоть теперь у них дела пойдут вверх.

Мевлют и после смерти отца продавал бузу. Тот Стамбул, безразлично встретивший двенадцатилетнего Мевлюта много лет назад, теперь стремительно менялся – каменные улицы покрывались

асфальтом, строились высокие красивые дома. Уличных торговцев пловом, бузой, йогуртом и мороженым становилось все меньше и меньше. Открывались магазины и супермаркеты. Жизнь вокруг кипела как горячий источник, унося все старое и ненужное. Только высокий и крепкий Мевлют с шестом на плече ходил по вечерним улицам города, выкрывая и зазывая покупателей. Казалось, что только в нем остановилось время или Мевлют был неподвластен его величеству Времени. В душе он оставался тем же добродушным, терпеливым юношей-простаком, молча тянущим бремя жизни как волжский бурлак тянет свою лямку от барки.

Порою покупатели бузы с нескрываемым любопытством смотрели на него как на «нечто из далекого прошлого» [5, с.35], не вписывающееся в современное жизненное течение. Мевлют в такие моменты чувствовал, что на него смотрят как на нищего. Его робкий взгляд, терпеливая услужливость и уже не модная старого фасона одежда почти «кричала», что он из прошлого, которое от озорства или шутки ради оставило этого торговца бузой для удовлетворения любопытства и услады редких покупателей. Мевлют терпеливо и с достоинством отвечал на назойливые распросы пьяных покупателей, убеждая их, что его буза самое вкусное и сладкое. «Я торгую бузой уже двадцать пять лет» – говорил он любопытным покупателям. «...ты должен быть богат. Разве не так?» – надеялся на положительный ответ пытливый собеседник. Мевлют тихо отвечал: «Мы, к сожалению, так и не разбогатели». «Почему? Почему не повезло?» – не унимался покупатель. «Потому, что я честный, – сказал Мевлют. – Я никогда не лгу, не продаю порченный товар, не совершаю харам» [5, с. 36]. Мевлют честно готовил бузу, честно разносил, по-другому не мог и не хотел.

Душа «маленького человека» в крепком теле удивляла окружающих и вызывала жалость. Мевлют молча переносил обиды и обман даже от близких. Двоюродный брат Сулейман обманул, назвав другое имя девушки, увиденной Мевлютом на свадьбе Коркута. Мевлют писал прекрасной Райихе нежные письма. Но когда он украл Райиху из дома Горбуна Абдуррахмана – эфенди с помощью Сулеймана, Мевлют понял, что он обманут. Ту красавицу звали Самиха – сестра Райихи. Его обманул брат Сулейман, назвав другое имя, так как тоже был очарован красотой Самихи – младшей дочери Абдуррахмана-эфенди. Свою обиду и разочарование он глубоко спрятал в уголке своего доброго сердца. Мевлют стал хорошим мужем и любящим отцом двух дочерей. Он старался разбогатеть и сделать счастливыми жену и малышей. Ничего не получалось, но в глубине сердца он верил и надеялся на просвет в жизни. Дядя Хасан, тетя Сафийе, двоюродные братья, друг Ферхат

старались помогать и поддерживать Мевлюта, хотя он никогда их не просил помочь в решении каких-то проблем.

Мевлют закрывался от жестокой реальности и невозвратной изменчивости жизни своими странными мыслями. Мысли уносили его далеко в мир сомнений, к поискам ответов на нескончаемые вопросы. Он много думал и созерцал окружающий мир молча. Безропотно принимал невосполнимые утраты, унижение и жалость. Он много думал. Думал тогда, когда слушал Святого Наставника, с которым познакомился, продавая бузу. Думал даже тогда, когда в спешке помогал братьям расклеивать антикоммунистические листовки под покровом ночи. Молча уносился в мир своих мыслей от криков той же любимой Самихи, ставшей женой после смерти старшей сестры Райихи. Его терзало сомнение: «Кого же он любит больше?». Верную Райиху, которая получала любовные письма от Мевлюта, непредназначенные ей, или Самиху, которая терзалась, что он писал не ей. Но его любили и Райиха, и Самиха. Значит, судьба сочла Мевлюта достойным любви. И он любил. Вечно недовольного и сварливого отца, жен, дочерей, братьев. Но любил молча, по-своему, стараясь не причинять им боль. А боль и обиду, нанесенные ему, проглатывал как слезу – соленую и невидимую.

Меняющийся мир уносит Мевлюта в круговорот новой жизни. Вместо лачуги в Кюльтепе от строительной компании Вуралов получает благоустроенную квартиру в многоэтажном доме. Он честно делится долей от участка с матерью и сестрами, в итоге и им достается новая квартира. Вот дочери выросли, старшая вышла замуж. Рядом Самиха – та самая, для кого он писал нежные письма. Судьба вознаградила его за страдания и честность. Пришла пора жить спокойно «вытянув ноги, но он не чувствовал уверенности в завтрашнем дне» [5, с. 530.]

Чем отличается современный стамбульский «маленький человек» от пушкинского Самсона Вырина, от гоголевского Акакия Акакиевича, от чеховского Беликова и от многих других, которые не смогли выстоять против несправедливости и произвола?

У Самсона Вырина свой мирок, отгороженный от внешнего мира, где ему комфортно, и этот мир не хочет менять. Он унижается перед Минским, прося вернуть дочь, но получив грубый отказ не может ответить. Его «маленькое Эго» не способно к поступкам и к адаптации новым условиям. Внутренние переживания, унижение и глубокое горе ведут его к гибели. Судьба станционного смотрителя Самсона Вырина – «типическая судьба простого человека, чье благополучие в любой момент может быть разрушено грубым произволом «хозяев жизни», правящим классом» [4, с. 122].

Акакий Акакиевич из «Шинели» за свою долгую службу в департаменте переписчиком бумаг был «удостоен» насмешек молодых работников и безразличия чиновников. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Молодые чиновники сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом [2, с. 3]. Его защитной реакцией была фраза: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»

Над безобидным дедом Момуном из «Белого Парохода» Ч. Айтматова тоже подшучивали, поручали ему то дрова наколоть, то чай подавать, то скот резать. Он никому не отказывал, «делал он быстро и легко, и главное – не отлынивал, как другие» [1, с. 13]. Все поручения зятя Ороскула исполнял безропотно и его унижения переносил молча, как будто на самом деле виноват. Всю жизнь с утра до вечера в работе, в хлопотах прожил Момун, а «заставить уважать себя не научился» [1, с. 13]. Его безропотность и не состоятельность защитить самого себя привели к тому, что он «упал» перед внуком.

Акакий Башмачкин, дед Момун, Самсон Вырин, учитель Беликов пришли к трагическому финалу. Их «маленькие души» не смогли противостоять к жестоким реалиям своих эпох и людского безразличия, и вседозволенности. Они одиноки и незащитны.

Герой романа Орхана Памука «Мои странные мысли» Мевлют Караташ тоже чувствовал собственную неполноценность и «несоответствие неким нормам» [5, с. 530] общества. Но у торговца бузой Мевлюта Караташа более счастливая судьба. Ему есть, к кому обратиться за помощью, за советом. Его окружают любящие его люди. Он получит помощь и поддержку, если только попросит. Но он верен себе. Мевлют уходит в мир своих мыслей, где ему никто не мешает, не обманывает. У него еще есть буза и отцовский шест на плече.

Мевлют опять отправляется в вечерний город продавать бузу, потому что он так хочет. Душа его хочет. Это его стихия, отдушина. И он до сих пор бродит по вечернему Стамбулу, зазывая протяжным добрым криком своих покупателей бузы. Высокий темный силуэт с шестом на плечах как напоминание о былых днях большого города.

Благодаря Н. Карамзину, А. Пушкину, Н. Гоголю, А. Чехову, Ч. Айтматову, О. Памуку и многим другим мастерам пера, написавшим о «маленьком человеке» в мировой литературе, тема «униженных и оскорбленных» знакомит с добрыми, тихими, страдающими героями и позволяет увидеть не только кротость, но и величие их душ и сердец» [7]. Тема «маленького человека», начатая в сентиментализме Н. Карамзиным, нашла благодатную почву в критическом реализме,

создав палитру характеристик и судеб незащищенных, угнетенных людей. Орхан Памук написал словесную картину тихого, задумчивого, «маленького» Мевлют Караташа с большим сердцем и безграничной вселенной внутренних мыслей, оберегавших его от чуждого внешнего мира.

Литература

1. *Айтматов Ч.* Собрание сочинений, т. 2. / Ч. Айтматов. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 6–114.
2. *Гоголь Н. В.* Шинель. Москва: Эксмо, 2006.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001.
4. *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л.: Художественная литература, 1974.
5. *Памук О.* Мои странные мысли: роман; пер. с тур. А. Аврутиной. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2017.
6. Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40000 слов./ Сост. К. К. Юдахин. Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, Кн.1. А-К.1985.
7. Критика. А. С. Пушкин «Станционный смотритель» URL: <https://libaid.ru/katalog/p/pushkin-aleksandr/4137-kritika-stantsionnyj-smotritel-pushkin> (дата обращения: 6.06.2022).

ТАТАРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА Г. БИЙСКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Явнова Л. А., Стрелец О. Б., Бийск (Россия)

Аннотация. Статья посвящена татарской национальной школе в контексте советской образовательной политики. На примере татарской национальной школы им. Габдуллы Тукая выявлены перечень преподаваемых предметов и педагогический состав. Анализ опыта изучения национальной татарской школы, позволяет объективно проследить ее судьбу, оценить этапы развития сети национальных школ в г. Бийске и определить роль в процессе формирования национальной идентичности народов Алтая. Затронуты вопросы участия учеников татарской школы им. Г. Тукая в общественной и культурной жизни города и роли школы в деле сохранения и развития языка, культуры татарского населения г. Бийска. Исследование показало, что становление татарской национальной школы г. Бийска стало возможным благодаря целенаправленной государственной национальной политике в области образования и деятельности подразделов национальных меньшинств по развитию сети национальных школ в 1918–1930-е г.

Ключевые слова: татары, Габдулла Тукай, г. Бийск, национальная школа, советская образовательная политика

NATIONAL TATAR SCHOOL OF BIYSK IN THE CONTEXT OF SOVIET EDUCATIONAL POLICY

Yavnova L. A., Strelec O. B., Biysk (Russia)

Abstract. The article is devoted to the Tatar national school in the context of the Soviet educational policy. On the example of the Tatar national school named after Gabdulla Tukay identified a list of taught subjects, teaching staff. Analysis of the experience of studying the national Tatar school makes it possible to objectively trace its fate, evaluate the stages of development of the network of national schools in the city of Biysk and determine the role in the process of forming the national identity of the peoples of Altai. The issues of participation of students of the Tatar school named after G. Tukay in the social and cultural life of the city and the role of the school in the preservation and development of the language and culture of the Tatar population of Biysk. The study showed that the formation of the Tatar national school in Biysk became possible due to the purposeful state national policy in the field of education and the activities of subdivisions of national minorities to develop a network of national schools in the 1918–1930s.

Keywords: Tatars, Gabdulla Tukay, Biysk, national school, Soviet educational policy

Ценности и качество самосознания человека напрямую зависят от механизма усвоения им этнических особенностей. В рамках исследования особый интерес представляют работы, посвященные формированию советской национальной политики в области образования. В первую очередь, работы, направленные на изучение особенностей, условий, целей и задач функционирования и развития национальных школ [8, с. 24–33; 9, с. 203–221; 10; 14, с. 256–265].

Татарское население, как и подавляющее население Алтайского края, является переселенцами-мигрантами XVIII–XX веков из европейской части России [12, с. 246]. Архивные источники и семейные истории показали, что в г. Бийске появление и расселение татар, в частности в заречной части города (заречной слободы), относится к концу XIX в. Вскоре местные жители стали называть район проживания татар Татарским краем. Переселялись татары из Поволжья, Ульяновской, Пензенской губерний. Здесь проживали известные татарские семьи Агеевых, Юмакаевых, Ягудина, Мухомодаева, занимавшихся торговлей. До сих пор среди жителей этого микрорайона бытует название «татарские могилки» [1]. Довольно быстро татары освоились на новом месте. Переселяясь на новые земли, они приносили с собой свою культуру, язык.

Источниками исследования послужили архивные источники администрации г. Бийска и устные источники, собранные авторами в ходе работы над проектом «Этнокультурная карта г. Бийска» [13, с. 217–220]. В работе применялся этнокультурный подход – это подход, основанный на учете ключевых этнокультурных традиций в образовании с целью формирования этнокультурной личности в ходе социализации и культурации, способной к восприятию и ретрансляции этнокультуры, межкультурному общению. Основными методами исследования в условиях города стали: анализ исторических документов, анкетирование, беседа, интервьюирование. Материалы исследования могут быть востребованы в процессе изучения истории школьного образования и этнокультурного просвещения в целом, также найти применение в практической деятельности по разработке проектов реформирования современного российского образования.

В истории советской школы и педагогики наиболее интересен период с 1917 по 1930 г. Это было время, когда ключевая роль в России отводилась радикальным идеям: расширение и выравнивание образовательных возможностей, концепция единой школы для всех, образование на родном языке, что можно отнести к положительному и характерному советскому опыту [8, с. 27].

Реформирование народного образования на Алтае и в городе Бийске надолго было прервано гражданской войной. Начальный период преобразования просвещения на Алтае затянулся. Земские управы и отделы народного образования с осени 1918 года предприняли ряд мер, связанных с организацией работы в области просвещения. Инициативу в управлении школьным делом проявили и уездные отделы народного образования. Реформирование народного образования началось с 1920 года, вступив в новый период своего развития – советский. С этого времени в структуре Советов происходило становление органов управления народного образования, соответственно и школьное образование претерпевало большие изменения.

Возникает необходимость осмысления деятельности партийных, государственных органов в области образования и просвещения. В работе Ф.А. Лукинского «Народное образование в Сибири 1928–1941 гг.» изложены основные направления и особенности государственной образовательной политики, ее законодательное обеспечение в школах Сибири, а также работы местных органов власти и партийных организаций, закрепленных в ряде декретов, указаний, постановлений, решений ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР. Указанные документы касались подготовки материальной базы первоначального обучения, мероприятий по подготовке учительских кадров, расширения состава учащихся – создание исходного рубежа всеобщего, процесса осуществления начального всеобщего, введения обязательного семилетнего и организации десятилетнего обучения, создания и расширения сети неполных средних и средних школ [9, с. 203–221].

Постановлением Народного Комиссариата просвещения РСФСР в 1918 году «О школах национальных меньшинств» были определены принципы организации национальной школ, по которому все национальности получали право организации обучения на родном языке. В отчетах Алтайского Губернского отдела по делам национальностей 1921 г. сообщается, что татарского населения в губернии насчитывалось 2 800 человек, все они мелкие торговцы, живущие по городам, и поэтому работа с ними должна вестись чисто политическая [11, л. 48].

Согласно архивным документам, в 1920-е годы в городе значились три татарских школы: одна татарская школа находилась на правом берегу реки по ул. Троицкая, 54 (ныне ул. Л. Толстого, 130), и на март 1921 г. в ней учились 42 человека. Вторая школа располагалась в Заречье, по пер. Московскому, и в ней численность учеников составляла

41 человек. Обе школы были открыты для детей и относились к школам первой ступени. Татарская школа по ликвидации безграмотности среди рабочих была открыта в 1924 г. на Лынокомбинате, где работали много татар. Одна из школ до 1923 г. располагалась по адресу: пер. Московский. В 1923/24 учебном году школа переехала на ул. Покровская, 35(55), а в 1925 г. находилась на ул. Пушкинская. В 1927 году школу переводят двухэтажное деревянное здание на берегу реки по адресу: ул. Гражданская, 1. В 1923 г. в г. Бийске татарской школе в Заречье было присвоено имя национального поэта Габдуллы Тукаева [7, л. 5]. Приведенные архивные данные подтверждают воспоминания бывшей ученицы татарской школы в заречной слободе Г. М. Горевой: «Школа была на берегу реки в двухэтажном здании зеленого цвета. Отец перевозил нас в школу на лодке. Если случалась непогода, то мы оставались ночевать прямо в школе [1]. С 1951 года здесь открылся детский сад» [1]. Таким образом, удалось восстановить место, где находилась татарская школа им. Г. Тукая.

Открытие второй татарской школы для детей было связано с работой отдела. Отдел начал свою деятельность в июле 1920 года. В отчете подотдела национальных меньшинств г. Бийска говорится, что по состоянию на январь 1921 года в г. Бийске были четыре национальных школы: алтайская, татарская, латышская, эстонская [3, л. 3.]. Сведений об их дальнейшей судьбе установить не представилось возможным.

До середины 1940-х годов татарская школа им. Г. Тукая была семилетней. За время существования школа не раз меняла свой статус. С 1922 по 1932 гг. – это была школа первой ступени имени Г. Тукая; с 1932 по 1935 гг. – ФЗС им. Г. Тукая, 1935 – 1936 – НСШ им. Г. Тукая, 1936 – 1940-е гг. – школа № 13 им. Г. Тукая [2, л. 6]. В школе насчитывалось по одному комплекту классов каждого года обучения. Классы были небольшие. По сообщению информантов, в одном кабинете занимались одновременно по 2–3 класса. В 1924 г. детей 8-летнего возраста числились 12 человек, 9-летнего – 4 человека, 11-летнего возраста – 5 человек, 10-летнего возраста – 12 человек [1]. Архивные данные подтверждают рассказы старожилов, что позволяет сделать вывод о малокомплектной школе.

В начальной школе преподавали татарский язык, чтение, развитие речи. В средних классах добавлялись математика, татарская литература, русская литература, русский язык, биология, рисование, немецкий язык, физкультура, труд. Отличительной чертой национальных школ, в том числе и татарской, было преподавание на родном языке [10, с. 53].

Что касается сведений о педагогическом составе школы, то известны имена лишь некоторых преподавателей и директоров школы им. Г. Тукая. В 1921 г. в школе работали Хатиля Сабитова, 1904 г.р., Ярлыгаева, Шакира Алишева, 1899 г.р. С 1925 г. школу возглавлял Маннан Абдулович Насыров, 1888 г.р. М. А. Насыров имел общее педагогическое образование; 15 лет работал в школе, владел татарским и русским языками. В конце 1920 – начале 1930-х годов в школе работали не только татарские учителя, но и русские. Это было связано с нехваткой педагогических кадров. В ведомостях на выдачу зарплаты за 1927–1928 г. заведующим татарской школы первой ступени являлся Алтышев [6, л. 8]. В школе работали Маркелов, преподаватель немецкого языка, Спасская, преподаватель биологии, Кузнецов, преподаватель рисования. Из татарских учителей известны имена Р. Башиевой, учительницы начальных классов, М. А. Насырова, преподавателя татарского языка, Н. Шафигулиной, Каримова, Алтышева. Учебниками и литературой школу обеспечивал городской отдел образования. Из центральной городской библиотеки поступала художественная литература на татарском языке. Но тетрадей, письменных принадлежностей не хватало, и тогда тетрадки делали сами из старых газет [5, л. 8]. Подотдел Национальных меньшинств обязал жителей города зарегистрировать все учебники, литературу на татарском и киргизском языках [4, л. 14]. Были в школе и учителя, которые знали арабский язык, читали Коран. По свидетельствам З. Б. Курмаевой, к ним ходили заниматься на дом [1]. Как рассказывали бывшие ученики школы: Хариз Курмаев, Марьям Абдурахмановна Смирнова, Галия Мухаметовна Гореева: «В школе работали и татары, и русские. Преподавали татарский язык, татарскую литературу, латынь, географию, рисование. Для детей из малоимущих семей выдавали одежду, обувь, хлебные карточки» [1].

Расцвет школы им. Г. Тукая приходится на тридцатые годы XX века. Ученики активно участвуют в общественной жизни города. Красной нитью проходило через весь учебный год общественно-политическое воспитание. В школе были организованы пионерская дружина и комсомольская организация. В эти же годы достаточно часто проводились литературные вечера, посвященные классикам татарской литературы, ставились спектакли по произведениям классической татарской литературы. Учащиеся выступали не только в школе, но и за ее пределами: в татарском национальном клубе, в здании городского Рабочего театра.

В середине 1940-х г. школа была закрыта, а ученики и учителя перешли в городскую школу № 7. После войны татарская школа еще

действует в заречном районе, но меняет свой статус и становится начальной. После окончания начальных классов учащиеся татарской школы продолжали обучение в школе № 7, которая располагалась по адресу: ул. Андреевская, 15. Закрытие национальной школы им. Г. Тукая впоследствии отразилось на сохранении и развитии языка татарского населения. По данным устных интервью, на современном этапе на татарском языке говорит только старшее поколение (70–80 лет), люди среднего поколения знают язык только на бытовом уровне, большая часть молодого поколения не знают татарский язык.

Процесс формирования сети национальных школ в системе народного образования на Алтае проходил в рамках общероссийских тенденций. На протяжении всего времени шла работа по определению структуры общеобразовательной школы, которая на долгое время определила ее развитие как оптимальный вариант в конкретно-исторических условиях.

Литература

1. Архив Лаборатории этнокультурных исследований Алтайского края и сопредельных территорий АГГПУ им. В. М. Шукшина, Ф.1. Полевые материалы О.Б. Стрелец г. Бийск, записано от Г. М. Гореева, 1920 г.р., запись 2005 г., Зельфира Беляловна Курмаева, 1928 г.р., запись 2005 г., К.С. Динмухомедовой, 2005 г., Хариз Курмаев, запись 2005; Марьям Абдурахмановна Смирнова, 1924 г.р, запись 2004 г.
2. Архивный отдел Администрации города Бийска Ф. Р.-84, Оп.1, Д. 6, Л. 6.
3. Архивный отдел Администрации города Бийска Ф. Р.-84, Оп.1, Д.15, Л. 3.
4. Архивный отдел Администрации города Бийска Ф. Р.-84, Оп.1, Д. 20, Л. 14.
5. Архивный отдел Администрации г. Бийска Ф. Р. 84, Оп. 3, Д. 38, Л. 8.
6. Архивный отдел Администрации г. Бийска Ф. Р. 109, Оп. 1, Д. 260, Л. 8.
7. Архивный отдел Администрации г. Бийска Ф. Р. 127, Оп. 4, Д. 22, Л. 5.
8. *Белканов Н.* Оценка советского образования: взгляд из-за рубежа // Народное образование. 2003. № 7. С. 24–33.
9. *Лукинский Ф. А.* Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.) : Ист.-стат. исслед / Отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 203–221.

10. Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе. Барнаул. Изд-во БГПУ. 1997.
11. Отчет Алтайского Губернского отдела по делам национальностей 1921 г. // ГААК, Ф-Р 922, Оп. 1, Д. 2, Л. 48.
12. Щеглова Т. К. Татары Алтайского края: формирование и размещение в XVIII-XXI веках // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Материалы Международной научной конференции / под редакцией Т. К. Щегловой, Г. Ф. Габдрахмановой. Барнаул. Изд-во Алтайский государственный педагогический университет. С. 246–256.
13. Явнова Л. А., Стрелец О. Б., Соловьева С. А. Этнографические исследования города (в рамках исследовательской работы над проектом «Этнокультурная карта г. Бийска XX в.») // Труды Алтайского государственного краеведческого музея: Том III / Управление Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул, 2008. С. 217–220.
14. Явнова Л. А. Деятельность местных органов власти по развитию сети национальных школ в системе народного образования на Алтае в 1918–1920-е г. // Материалы Международной научной конференции «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)», 22–24 мая 2017 г. Горно-Алтайск. С. 256–265.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ КОМПОНЕНТА СИБИРСКОГО СОЦИУМА XVIII ВЕКА

Ярков А. П., Тюмень (Россия)

Аннотация. В научных исследованиях социальных процессов в Сибири XVIII в. превалирует позиция о встрече только двух «миров» – русского (православного) и «туземного». При этом роли носителей идей европейского Просвещения почти не уделяется внимания. Между тем, сами «птенцы гнезда Петрова» (родившиеся в традиционалистских семьях и их установках), оказавшись в крае, отражали инновационную модель восприятия окружающего пространства. В еще большей степени это относится к носителям протестантизма – иностранцам, вклад которых необходимо рассматривать в контексте уже не диалога, а полилога культур. В том процессе индивидуальность, а не только социум формировали новые подходы, а сами они играли все более самостоятельное значение.

Ключевые слова: Сибирь, социум, XVIII в., протестантское мышление, диалог и полилог культур

Yarkov A. P., Tyumen (Russia)

Abstract. *In scientific studies of social processes in Siberia in the 18th century, the position about the meeting of only two «worlds» – Russian (Orthodox) and «native» prevails. At the same time, almost no attention is paid to the role of bearers of the ideas of the European Enlightenment. Meanwhile, the «chicks of Petrov's nest» themselves (born in traditionalist families and their attitudes), once in the region, reflected an innovative model of perception of the surrounding space. To the greater extent, this applies to the bearers of Protestantism – foreigners, whose contribution should be considered in the context of not a dialogue, but a polylogue of cultures. In that process, individuality, and not just society, formed new approaches, and they themselves played an increasingly independent significance.*

Keywords: *Siberia, society, 18th century, Protestant thinking, dialogue and polylogue of cultures*

Введение. В октябре 2017 г. стоял у входа в Виттенбергский собор, где 500 лет до того – 31 октября 1517 г. М. Лютер прибил лист с 95 тезисами, «перевернувшими Европу» и внедрившими идею построения мира не только «на небесах», но и для себя – на земле. В голову пришла ироничная мысль: в России можно придумать куда как больше тезисов, но у нас-то «гвозди еще не подвезли», то «дверь уже украли» ... В России тоже был великий шанс переустройства страны и личного мира – в 1917 г. Суть не меняется – то, что произошло в Германии в XVIII в. и в России – в XX в. является событиями, если не «перевернувшими мир», то однозначно показавшими многоцветную палитру политических взглядов.

Междисциплинарный подход позволяет использовать исторические знания об объекте исследования в контексте духовных трансформаций сибирского социума.

Основное содержание. Идеи М. Лютера изменили Христианскую Церковь, общество и государства далеко за пределами немецких земель. Уже в XVI в. Реформация достигла и границ Российской империи, поначалу замкнувшись внутри Немецкой слободы в Москве.

В России XVIII в. религиозное самоопределение исполняло важную культуротворящую миссию, определяя нравственные ориентиры в поступках и образах мышления индивида. Ранее государственная (официальная) религия – православие не только «цементировала» большую часть социума. Приверженцы других конфессий испытывали

ограничения, если не оговаривалось право их исповедания. Но Петр I разрешил иностранцам создавать общины, строить храмы [5, с. 60]. Оказавшихся на российской службе направляли в разные, в т.ч. пограничные земли.

Самой большой группой протестантов оказались плененные под Полтавой и в ходе капитуляции под Переволочной в 1709 г. подданные шведской короны (каролины). Вплоть до окончания Северной войны в 1721 г. они находились на поселении в Сибири, активно осваивая различные хозяйственно-культурные сферы.

Известно, что самой важной целью М. Лютера было преобразование Христианской Церкви, подразумевающее возвращение к смыслу Священного Писания. Свобода каждого в постижении истины укрепляет, про его мнению, силу разума и ответственность за свои поступки – а значит, и знания, просвещение, любознательность и уверенность в себе. Именно поэтому оказавшиеся в плену лютеране – военнопленные каролины вслед за открытой в ноябре 1713 г. протестантской церковью [6, с. 288] устроили школу для своих детей, но которую стали посещать и дети православных тоболяков. Таким образом были заложены основы для формирования новой группы россиян, «открытых к миру», ведь эффект Реформации простирается далеко за пределы религиозной сферы.

Из Francishe Stiftung (г. Галле) ее основатель – Г. Франке организовывал помощь (в т.ч. духовную) бывшим солдатам и офицерам армии Карла XII. Ко времени Первой Камчатской экспедиции выжившие уже отправились на родину, а оставшиеся на жительство приняли православие. Некоторые из них стали занимать важные административные посты и оказали помощь Второй Камчатской экспедиции, с удовольствием общаясь на родном (или родственном) языке с уроженцами Европы. Лишенные многих из предубеждений, характерных для большинства русских того времени по отношению к аборигенам (как «иноверцам»), они открывали мир Северной Азии в совокупности природного и человеческого факторов, но данных Богом (как понимало протестантское сознание) для преодоления сопротивления обстоятельств силой разума и умений.

Не все попадавшие в страну иноземцы стремились познать ее в научном отношении. Объяснение и в том, что жизнь пленных – «странников поневоле» – была тяжела. Интерес проявляли лишь любопытные от природы и такие, как специально приехавший 1719 г. Д. Мессершмидт. Он по приглашению Петра I изучал (привлекая для полевых исследований каролинов) природу, население, историю и

географию края. Результат – труд «Sibiria perlustrata» («Описание Сибири»), датированный 1727 г.

Иностранцы в абсолютном большинстве жили или имели базовые лагеря экспедиций в сибирских городах и крепостях. Уступая по комфортности европейским, они, между тем, давали большую свободу предприимчивым и любознательным профессионалам. Иностранцы переносили туда правила внутреннего устройства своей жизни. Не занимаясь прозелитизмом (запрещено), они являли *другим* (другой этнической и конфессиональной принадлежности) примеры иного отношения к жизни, мировоззренческих представлений. Технологические новации, которые они приобрели, обучаясь в Западной Европе военным, инженерным, кораблестроительным и медицинским наукам, обеспечили цивилизационные изменения в Западной Сибири.

Численно меньше протестанты были представлены в составе научных и рекогносцировочных отрядов. Предписанная Петром I инструкция (1724 г.) дала установку: тщательно описать берега и зафиксировать в лоциях замеченное, которое должны были подробно изучить и проверить последующие экспедиции. Так формировалось ответственное отношение к порученным заданиям и отвечающее стратегической задаче – «прорубить окно» и в Азию. В Первую и Вторую камчатские (Великие северные) экспедиции были призваны под началом В. Беринга такие иностранные мореходы как С. Ваксель, П. Лассениус (Ласиниус), В. Вальтон, А. Шхельтинг, М. П. Шпанберг.

В свидетельствах западноевропейцев не стоит искать объективности при анализе *другой* культуры: в абсолютном большинстве они были христианами по воспитанию и убеждениям. Да и познания в культуре местного населения многих иностранцев поверхностны. Сам капитан-командор В. Беринг, будучи ревностным лютеранином (отец – церковный попечитель в датском Хорсенсе), ошибочно причислял во время Первой Камчатской экспедиции якутов к мусульманам.

Более отстраненно наблюдали ситуацию участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, лучше подготовленной в научном отношении. Так, исходя из задач программы, предварительно составленной Г. Ф. Миллером, они должны были зафиксировать верования и обряды каждого встреченного ими этноса или племени Сибири. Это осуществить оказалось не просто. Сам Миллер осознавал, что новокрещеным: «...на сем не всегда утверждаться надобно, потому что у некоторых из них сердце еще непрестанно лежит к прежнему языческому закону и того

ради много утаивают». Несмотря на подробные инструкции Миллера, не все иностранцы смогли различить духовные практики, причисляя многих нехристиан к «язычникам» [1, с. 19, 90]. Лишь один из участников Второй Камчатской экспедиции, впоследствии оставшийся жить в Сибири, – Я. И. Линденау, наблюдая вблизи барабинцев, зафиксировал, что они «...магометанской веры, хотя до сегодняшнего дня сохранили свои языческие образы. Их шаманы – kamlada» [3, с. 148–150].

В составе сопровождавших командора во Второй экспедиции уже имелись богословски образованные люди, что смогли оценить мировоззренческие различия и описать традиции. Такие как занимавший в должность врача Г. В. Стеллер – сын служителя из протестантской церкви в г. Бад-Виндсхайме, к тому же учившийся богословию некоторое время в г. Галле в упомянутой Francishe Stiftung.

Для отрядов этой экспедиции члены должны были отбираться «предпочтительнее из русских, а не иноземцев», но, отметим – фактически «за неимением русских ... выбраны желающие из иноземцев» [1, с. 189, 196]. Естественно, это привело к появлению новой задачи – создать условия для исповедания представителей разных конфессий, а не только православных. В экспедициях подобного рода и большой численности наличие священника или монаха – обязательное условие, принимая во внимание сложность, длительность и опасность предстоящего.

Духовное окормление иностранцев становилось в тех условиях и задачей российского государства. Командор В. Беринг еще до отправки из Петербурга обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой разрешить оплату из казны пастору Э. Милюссу: «Пореже для себя и обретающихся в моей команде служителей-иноземцев я нанял пастора». По пути на Камчатку Беринг сам привел пастора к присяге. Тому внедрялось в обязанность окормлять не только протестантов, но и католиков, поскольку «По должности христианской в дальности такой без пастора пробыть невозможно» [1, с. 245–246]. Озаботились о духовной поддержке иностранцы и о своих православных сослуживцев. Известно, что Г. Стеллер приобретал для экспедиции православную литературу [2, с. 237], явно ориентируясь в ее содержании. Он же исполнял обязанности пастора, сочетая с функциями лекаря и естествоиспытателя.

В составе второй экспедиции В. Беринга присутствовали семь православных иеромонахов, поскольку, помимо политической и географической задач предписывалось: «...приведение тамошней народ в христианскую веру» [1, с. 65, 78, 87, 159, 522–523]. Миссионерствовать

они должны были по прибытии на предписанные места, но исполнять требования *своей* религии обязаны и в экспедиционных условиях. Среди членов православной миссии оказался и иеромонах Арсений (Мациевич), впоследствии ставший митрополитом Сибирским, а затем и Ростовским. Он не только духовно окормлял православных на кораблях, но и сам участвовал в поиске Северного морского пути [4]. Очевидно, что и вынесенный Арсением (Мациевичем) экспедиционный опыт помог ему в выстраивании терпимой политики по отношению к приверженцам иных конфессий, занимая впоследствии важные церковные посты в Тобольске, Верхнеудинске и Ростове.

Во время экспедиций православные и «иноверцы» оказывались в одном микропространстве (гарнизон, корабль, зимовка), где богослужение или молитвенное общение соседствовали, не вызывая запретов или возмущения. Возникал робкий, но «диалог религий», вернее представителей разных мировоззренческих представлений.

Соседи принимали «инаковость», не вступая на путь конфронтации. При этом допускаем, что существовали богословские дискуссии, в «жарких случаях» пресекаемые начальствующими людьми, заинтересованными в стабильности. Объединяющим же началом являлась принадлежность подавляющего большинства членов экспедиции к христианству, отделяя себя от «инородцев», придерживавшихся *своих* верований. С этих позиций смотрел и Г. Стеллер на приметы эскимосской культуры, обнаруженные им во время краткой высадки на Западное побережье Северной Америки.

Протестанты оказались мощными аккумуляторами новых цивилизационных ценностей, импульсами в развитии образования и изменений в поведенческой культуре, как и в архитектурно-пространственном облике края. Это может быть по праву отнесено и к Тобольску, который в силу комплекса природных, исторических, социальных и культурных обстоятельств оказался своеобразным «результатом» соединения (а затем и диалога) традиционной культуры (основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур) и европейского образования; влиянием идей европейского Просвещения и просвещенного провинциализма. В совокупности это называется «тобольским типом культуры», который был характерен и для других городов Западной Сибири.

Поэтому, выявляя истоки этого типа в Тобольске, Барнауле, Томске, Бийске, Туринске, Омске, Ялуторовске можно определить формообразующие структуры городской общесибирской культуры. Конечно, «тобольский тип культуры» не является застывшей «схемой»:

для него характерно исчезновение одних и сохранение других (полностью или частично) элементов, трансформация и адаптация к изменяющимся условиям общественного быта, появление и включение новых и заимствованных элементов.

Рождение на Алтае первых элементов «горнозаводской цивилизации» – шахт и мануфактур – отражало внедрение технологического подхода к местным ресурсам, ранее отправляемым на переработку в европейские регионы России или за рубеж. Создание же в некоторых городах Западной Сибири частных школ, как и появление почти «санкт-петербургских ассамблей» в доме первого сибирского губернатора М. П. Гагарина, в глобальном смысле тогда не изменило парадигму развития городской культуры, но со временем повлияло на ее трансформацию.

Основные выводы. Уважение к религиозной традиции и ритуальной практике становилось нормой поведения XVIII в.: в тех условиях образ мыслей европейца мог трансформироваться, если рядом он видел равного себе человека.

Объективности ради заметим, но подобной массовой тенденции не было – «век Просвещения в азиатской части России еще не наступил». Несмотря на наличие в духовной жизни многих сибиряков не только традиционного компонента – православия, но и протестантского, местное сообщество так и не стало в Новое время обществом нового типа. Это не является ее положительной или отрицательной характеристикой: различные культуры предполагают разное отношение к трансформации. И все же, полагая, что рациональное и иррациональное, находясь в определенном единстве, наложило отпечаток на многие формы культуры и ментальность части сибирского населения.

Опыт диалога представителей разных мировоззрений, возникший в Западной Сибири в XVIII в., должен быть поучителен и в XXI в.

Литература

1. *Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды* / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001.
2. *Стеллер Г. В.* Письма и документы. 1740. М.: Наука, 1998.
3. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этнограф. мат. о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан, 1983. С. 148–150.

4. *Сулоцкий П. А.* К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мациевича: его промемория в Тобольскую губернскую канцелярию, его мнимая могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864.
5. *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири. М.: РГГУ, 2005.
6. *Leonhard Kaggs dagbok* // In: *Historiska handlingar*. Del. 24. Stockholm, 1912.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдаркул Каана – д.и.н. профессор, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Кыргызстан, Бишкек)

Алыкулова Гулбу Корошовна – к.и.н., старший преподаватель, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Кыргызстан, Бишкек)

Андреева Мария Александровна – преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Андриянова Татьяна Владимировна – к.соц.н., доцент, Курский государственный университет (Россия, Курск)

Апсаматова Эльвира Джумабековна – к.ф.н., старший преподаватель, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, Бишкек)

Аубакирова Хадиша Алькеевна – к.и.н., Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (Казахстан, Нур-Султан)

Белякова Юлия Ивановна – студент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Бобунова Мария Александровна – д.фил.наук, профессор, Курский государственный университет (Россия, Курск)

Борисова Ольга Владимировна – старший преподаватель, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Быканова Яна Павловна – специалист по организации обучения государственных и муниципальных служащих, МГУУ Правительства Москвы (Россия, Москва)

Васильева Елена Валерьевна – заместитель директора, КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин», (Россия, Барнаул)

Гончарова Наталья Сергеевна – лаборант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Горбатова Екатерина Александровна – студент, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Казахстан, Петропавловск)

Дашковский Петр Константинович – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Дворянчикова Наталья Сергеевна – старший преподаватель, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Дедюшина Елена Витальевна – старший преподаватель, Алтайский государственный институт культуры (Россия, Барнаул)

Джумагалиева Куляш Валитхановна – к.и.н., и.о. ассоциированного профессора, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (Казахстан, Нур-Султан)

Дунаев Владимир Юрьевич – д.ф.н., главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (Казахстан, Алматы)

Замятина Ольга Николаевна – к.соц.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Зиберт Наталья Петровна – старший преподаватель, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Злобина Юлия Игоревна – к.ф.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Иванова Ангелина Юрьевна – студент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Ивойлова Лариса Витальевна – старший преподаватель, Алтайский государственный институт культуры (Россия, Барнаул)

Идинов Кубанычбек Идинович – д.э.н., профессор, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына

Каланчина Ирина Николаевна – к.ф.н., доцент, Алтайский государственный аграрный университет (Россия, Барнаул)

Калиев Азамат Сайитович – к.пол.н., доцент, Научно-исследовательский медико-социальный институт (НИМСИ) (Кыргызстан, Жалал-Абад)

Каплун Оксана Юрьевна – к.соц.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Россия, Владивосток), *Хельмут Кури* – доктор психологии, профессор (Германия)

Карпова Дарья Николаевна – студент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Кащаева Мирра Васильевна – к.и.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Кода Егор Александрович – студент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Котенок Елизавета Григорьевна – магистрант, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет

Курганская Валентина Дмитриевна – д.ф.н., главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (Казахстан, Алматы)

Лазариди Милана Исааковна – д.ф.н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет (Кыргызстан, Бишкек)

Леонтьев Глеб Дмитриевич – к.ф.н., доцент, Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

Леонтьева Людмила Станиславовна – к.ф.н., доцент, Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

Максимова Светлана Геннадьевна – д.соц.н., профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики АлтГУ (Россия, Барнаул)

Монгуш Артыш Маадыр-оолович – аспирант, Тувинский государственный университет (Россия, Кызыл)

Мурашева Светлана Валерьевна – к.п.н., доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орел)

Назаров Иван Иванович – к.и.н., директор Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Ноянзина Оксана Евгеньевна – к.соц.н., начальник информационно-аналитического отдела ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации (Россия, Москва)

Ожиганов Александр Николаевич – специалист по УМР, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Омельченко Дарья Алексеевна – к.соц.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Пустовалова Елена Валерьевна – к.ф.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Ротар Елена Владимировна – студент, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Казахстан, Петропавловск)

Румянцева Елена Евгеньевна – д.э.н., профессор, эксперт, НИУ Высшая школа экономики (Россия, Москва)

Салахутдинов Артур Андреевич – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна – старший преподаватель, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Сидорова Тамара Александровна – старший лаборант Музея истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ, НИ ТГУ (Россия, Томск)

Сиротина Татьяна Викторовна – к.соц.н., доцент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Спирина Анастасия Сергеевна – аспирант, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Стрелец Ольга Борисовна – научный сотрудник, Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки (Россия, Бийск)

Сулайманова Гульнура Жолдошовна – старший преподаватель, аспирант, Ошский государственный университет (Кыргызстан, Ош)

Суртаева Ольга Валерьевна – к.с.н., доцент, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Сыдыкова Гулина Мелисбековна – к.псх.н., доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, Бишкек)

Табакова Зинаида Петровна – д.фил.н., профессор, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Казахстан, Петропавловск)

Титова Марина Владимировна – к.ф.н, доцент кафедры русского языка как иностранного, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Ульмасов Рахмон Ульмасович – д.э.н., профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет (Таджикистан, Душанбе)

Урбановская Анастасия Игоревна – магистрант, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Фролова Виктория Сергеевна – магистрант, Институт гуманитарных наук (Россия, Барнаул)

Халина Наталья Васильевна – д.ф.н., профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Харитонов Александр Михайлович – научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Чепарева Ирина Владимировна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Черепанова Мария Ивановна – д.соц.н., профессор, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Чжао Кайсинь – студент, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Чуканова Татьяна Викторовна – к.с.н., доцент кафедры социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Шао Юйпей – аспирант Дальневосточный федеральный университет (Россия, Владивосток, Шанхай, Китай)

Шахова Екатерина Владимировна – лаборант-исследователь, аспирант, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Шершнева Елена Александровна – к.и.н., доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Широкова Тамара Константиновна – к.э.н., старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (Россия, Москва)

Щеглова Дарья Константиновна – аспирант, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Эралиева Ырыс Сагынбековна – соискатель Института языка и литературы им. Ч. Айтматова АН КР, старший преподаватель, КНУ им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, Бишкек)

Явнова Лариса Александровна – к.и.н., доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (Россия, Бийск)

Ярков Александр Павлович – д.и.н., профессор, Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В
ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник материалов

***X Международная конференция «Социальная интеграция и
развитие этнокультур в евразийском пространстве»***

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 25.10.2022.

Дата выхода издания в свет: 1.11.2022.

Формат 64х84 1/16. Усл.-печ. л. 17,3

Тираж 300 экз. Заказ 389.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, ул. Димитрова, 66